

**DÜNYA ATŞYNASLYGYNYŇ KEMALA
GELMEGINDE AHALTEKE
ATLARYNYŇ ORNY**

*Eger-de dünýa boýunça ýyndamlygyň,
gözelligiň, arassalygyň nusga keşbi
döredilmeli bolsa — ahalteke
bedewiniň keşbini almaly bolar*

Beýik Saparmyrat TÜRKMENBAŞY

„RUHNAMA” – PREZIDENT MAKSATNAMASY

**GARAŞSYZ TÜRKMENISTANYŇ 10 ÝYLLYGNA
BAGYŞLANÝAR**

**DÜNÝÄ ATŞYNASLYGYNÝŇ
KEMALA GELMEGINDE
AHALTEKE ATLARYNYŇ ORNY**

Halkara ylmy konferensiýasyna niýetlenen maglumatlar

AŞGABAT-2001

**TÜRKMENISTANYŇ PREZIDENTINIŇ ÝANYNDAKY
TÜRKMENISTANYŇ, MERKEZI AZIÝANYŇ WE GÜNDOGAR
HALKLARYNYŇ MEDENI MIRASY DÖWLET INSTITUTY**

TÜRKMENISTANYŇ DAŞARY IŞLER MINISTRIGI

“TÜRKMEN ATLARY” DÖWLET BIRLEŞIGI

**Türkmenistanyň Prezidentiniň 2001-nji ýylyň 31-nji awgustynda çykaran
№ПБ-2460 karary esasynda neşir edilýär.**

**„Dünyä atşynaslygynyň kemala gelmeginde ahalteke atlarynyň orny”
atly Halkara konferensiýasyny taýýarlamak we geçirmek baradaky
GURAMAÇYLYK KOMITETI
2001-nji ýylyň 22-23 oktýabry**

G.M.Berdymuhomedow

R.S.Saparow

A.A.Aşirow

R.O.Meredow

G.G.Kärizow

W.M.Masson

M.A.Aýdogdyýew

A.Babaýew

A.Atagarryýew

Baş redaktor – W.M.Masson

M.B.Gurbanow

N.W.Aleksanýans

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПРОГРАММА РУХНАМА

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 10-ОЙ ГОДОВЩИНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ
ТУРКМЕНИСТАНА**

**РОЛЬ АХАЛТЕКИНСКОГО
КОНЯ В ФОРМИРОВАНИИ
МИРОВОГО
КОННОЗАВОДСТВА**

Материалы международной научной конференции

АШХАБАД -2001

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА, ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ И ВОСТОКА**

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ “ТУРКМЕН АТЛАРЫ”

Печатается на основании Постановления Президента туркменистана
№ ПБ-2460 от 31 августа 2001 года.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

**по подготовке и проведению международной конференции
“Роль ахалтекинского коня в формировании мирового
коннозаводства”**

22-23 октября 2001 года

Г. М. Бердымухаммедов

Р. Сапаров

А. Аширов

Р. О. Мередов

Г. Г. Кяризов

В. М. Массон

М. Айдогдыев

А. Бабаев

А. Атагарриев

В. М. Массон (главный редактор)

М. К. Курбанов

Н. В. Алексанянц

THE RUKHNAME PRESIDENTIAL PROGRAMME

**DEDICATED TO THE 10th ANNIVERSARY OF INDEPENDENT
TURKMENISTAN**

**THE ROLE OF AHALTEKE
HORSE IN THE FORMATION
OF WORLD HORSE-BREEDING**

Materials for the international scientific conference

ASHGABAT-2001

**THE STATE INSTITUTE OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF TURKMENISTAN, CENTRAL ASIA, AND THE ORIENT
UNDER THE PRESIDENT OF TURKMENISTAN**

THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF TURKMENISTAN

STATE ASSOCIATION "TURKMEN ATLARY"

Published according to the Decree of the President of Turkmenistan No. ПБ-2460, August 31, 2001.

ORGANISATIONAL COMMITTEE

**for the preparation and conduction of the International Conference
"The role of ahalteke horse in the formation of world horse-breeding"
22-23 October, 2001.**

Berdymuhammedov G.M.

Saparov R.S.

Ashirov A.A.

Meredov R.O.

Karizov G.G.

Masson V.M.

Aydogdyev M.A.

Babayev A.

Atagarryev A.

Editor-in-chief –Masson V.M.

Gurbanov M.B.

Alexanians N.V.

Türkmen ahalteke bedewi ýyndam atlaryň iň naýbaşysy hasaplanýar. Onuň 2500 ýyl çemesi ozal irki döwür çarwalarynyň arasynda dörändigi, asyrlaryň dowamynda tohumynyň kämilleşdirilip gelendigi aýdylýar. Gagym döwürlerde at adamzadyň aýrylmaz bölegi hökmünde hyzmat edipdir. Çünki ol adamyň söweşlerde edermenlik görkezmegine, jemgyýetçilik işlerinde üstünlik gazanmagyna sebäp bolupdyr. Atyň keşbi jemgyýetiň aňyýetine girip, dini ulgamlaryň galabasyna öz täsirini ýetiripdir. Dihtomiýa, ýagny “At we atly” diýen düşünje adamzadyň aňynda we durmuşynda bir bitewiligi aňladypdyr.

Häzir Garaşsyz Türkmenistanda atçylyga uly ähmiýet berilýär. Türkmenistanyň Prezidenti S.Nyýazowyň görkezmesi bilen arassa tohum atlarynyň et edilip ulanylmagy düýbünden gadagan edildi. Arassa tohum atlary köpeltmek we goramak maksady bilen “Türkmen atlary” döwlet birleşigi döredildi. Ahalteke we ýomut atlarynyň tohumyny ösdürip ýetişdirmek üçin hususy hojalyklaryň atçylyk bilen meşgul bolmagyna rugsat edildi. Türkmen bedewi türkmen halkynyň guwanjy, medeni mirasynyň aýrylmaz bölegi hasaplanýar. Bu ýagdaý atçylygyň dörän gününden başlap atyň adamzat jemgyýeti bilen bolan gatnaşygynyň esasy ugurlaryny ara alyp maslahatlaşmak üçin “At we atly” tema boýunça Türkmenistanda ýörite Halkara konferensiýanyň geçirilmegine itergi berdi. At şanly söweşlerde, agyr günlerde, işde we ş.m. adamyň ýakyn ýoldaşy bolup geldi. At bilen ynsanyň aragatnaşygynyň sosial psihologiýasy dünýä halklarynyň aglabasynda öz mynasyp ornuny tapdy we adamkärçiligiň ösmegine işjeň täsir etdi. Milli guwanjymyz bolan we owadanlykda taý tapylmaýan türkmen bedewlerimiziň häzirki döwürde-de milli medeniýetimizi ösdürmekde, milli duýguny galkyndyrmakda ähmiýeti uludyr.

Guramaçylyk topary

Туркменский аргамак является замечательным образцом породы быстроаллюрных коней, выведенных в эпоху ранних кочевников около 2500 лет тому назад и заботливо совершенствуемой в течении многих столетий. С эпохи ранних кочевников конь стал неразрывной частью жизни человеческого общества, с ним были связаны и хозяйственные успехи и воинские подвиги. Образ коня вошел в общественную идеологию, играл заметную роль во многих религиозных системах. Дихтомия “конь и всадник” нашла яркое отражение в психологии и поведении людей, менталитете целых народов. В независимом Туркменистане коневодству уделяется особое внимание. По инициативе президента С. А. Ниязова было прекращено варварское использование высокопородных лошадей как мясного фонда. Для успешной селекционно – племенной работы создано государственное объединение “Туркмен атлары”, получили развития частные коневодческие хозяйства, где выращиваются кони ахалтекинской и иомудской породы. Туркменский аргамак является неразрывной частью культурного наследия народов Туркменистана. Все это позволило организовать в Туркменистане специальную международную научную конференцию для рассмотрения основных аспектов темы “Конь и всадник” от зарождения коневодства до жизненного взаимодействия этого благородного животного с человеческим обществом. Конь был спутником человека в трудовой деятельности, в славных баталиях, занял важное место в идеологических представлениях, становясь сопричастным божеству. Социальная психология взаимодействия коня и человека сказалась на менталитете многих народов, плодотворно влияя на развитие гуманизма. Немаловажную роль играет конь в жизни современного общества, где все заметнее проявляется малопродуктивная тенденция к техницизму и культурной стандартизации.

Оргкомитет конференции

I. ИСТОКИ КОНЕВОДСТВА. КОНЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Е. Е. КУЗЬМИНА (РОССИЯ)

ДОМСТИКАЦИЯ И ЭТАПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Ни одно прирученное человеком животное не сыграло такой замечательной роли в истории, как конь. Он был источником пищи, его многоцелевое использование как главного средства транспорта способствовало развитию и земледелия, позволяя вспахивать поле и вывозить сельхозпродукты, и скотоводства, помогая пасти стада, и торговли, давая возможность перевозить грузы на дальние расстояния, что способствовало интенсификации этнокультурных связей между регионами.

Особенно же существенное значение имело применение лошади в военном деле: сначала воинами-колесничими, а затем всадниками. Эта выдающаяся роль коня нашла отражение в мифологии и фольклоре всех коневодческих народов Старого Света, в том числе и туркмен (Иванов, 1974; Кузьмина, 1977; Липец, 1984).

В зависимости от разных функций коня, было выведено множество специализированных пород лошадей, но непревзойденной не только по выносливости и резвости, но и по красоте остается ахалтекинец.

В истории одомашнивания и раннего использования коня выделяется три этапа: I этап: V-III тыс. до н.э., II этап: XVIII-XVI вв. до н.э., III этап: XII-IX вв. до н.э.

Народы степей и Средней Азии сыграли выдающуюся роль в истории, выработав навыки тренинга и запряжки лошадей и введя сначала колесничую, а затем и верховую тактику боя, что было важнейшими инновациями в истории военного дела. Эти племена вывели специализированные породы лошадей, в том числе предка ахалтекинца, послужившего основой арабского скакуна, от которого позже выведена английская порода.

E. KUZMINA (RUSSIA)

DOMESTICATION AND USE STAGES OF A HORSE IN EURO-ASIAN STEPPES AND CENTRAL ASIA IN THE BRONZE AND NEOLITH SPAN AGE

A horse has played the remarkable part in the history of mankind like no other domesticated animal. A horse has acquired special significance in the military sphere, first used by military chariot driver and then by horse-rider. Many specialized breeds by horses have been cultivated. They differed in their functions. However an Akhal-Teke horse remains the test in its endurance, fastness. One can trace three stages in the history of domestication and ancient use of a horse: Stage 1 : V-III millenniums B.C. The majority of paleozoologists have agreed that the centre of horse domestication were Southern Russian steppes, the motherland of wild ancestors of a horse, where the ecological environment was favourite for this particular horses type. The evidence of the horse use in Central Asia of that period is absent. Stage II : the end of millennium – the beginning millenniums B.C.II- according to callipered Eadio carbon data; or XVIII-XVI centuries B.C.-according to the traditional chronological system. This epoch is very important in the history of horse-breeding. Contacts with Northern steppe tribes caused the spread of a horse and chariot across Southern farming areas of Central Asia. As the result of an intensive selection work carried out in steppes in the middle of millennium II B.C. three specialized breeds of horses were cultivated :

cart horses, undersized, big-headed working horses and elite grace fats thin-legged horses. These elite horses found themselves in the territory of Turkmenistan as the result of close contacts with steppe stock breeders and possible migration of the latter to the South of Central Asia. Stage III: XII-IX millenniums B. C. Is an important landmark in horse breeding History. Shepherd steppe and Central Asia tribes made the types of bit and psalies, which made it possible to use horses for riding, bowing and tilting. Chariots and horses have spread from Central Asia to India where we can find in ages and loyous to Central Asia one.

Ýe.E. KUZMINA (ORSYÝET)

ÝEWRAZIÝA SÄHRALYKLARYNDA WE ORTA AZIÝADA ENEOLIT WE BÜRÜNÇ DÖWRÜNDE ATLARY ÖÝDEKILEŞDIRIŞ WE ULANYLYŞ BASGANÇAKLARY

Adam tarapyndan eldekileşdirilen bir haýwanam taryhda at ýaly ajaýyp rol oýnamady. Aýratynam, atlaryň harby işde, ilki arabaly, soňra bolsa atly goşunda ulanylmagy esasy ähmiýete eýe boldy. Ýerine ýetirýän hyzmatyna görä, atlaryň köpsanly tohum görmüşleri emele getirildi. Emma ahal-teke atlary diňe bir çydamlylygy we ýyndamlygy bilen däl, eýsem owadanlygy bilen hem deňsiz-taýsyzdyr.

Atlaryň öýdekileşdiriliş we irki ulanylyş döwri üçe bölünýär.

Birinji döwri: b.e.öň V- III a. paleozoologlaryň pikirine görä, atlary öýdekileşdiriş merkezi ýabany garyndaşlary bar bolan hem-de bu görmüşü üçin amatly şertleriň bar bolan ýeri günorta rus sähralyklarydyr. Orta Aziýada bu döwürde atlar bilen tanyşlyk barada maglumatlar ýok.

Ikinji döwri: b.e.öň III asyryň ahry – II münýylygyň başy. Demirgazyk sähra taýpalary bilen gatnaşyklar netijesinde at we iki tigirli ýeňil araba Orta Aziýanyň günorta ekerançylyk welaýatlaryna hem ýaýrapdyr.

Sähralarda çalt depginde seleksiýa-özgerdiş işleri alnyp barlypdyr we b.e. öň II münýylykda atlaryň ýöriteleşdirilen üç görmüşiniň tohum atlary döredildi: iri ýük çekýänler, pes boýly, uly kelleli işçi atlary we saýlama gelşikli, çalasyň, inçeäýak atlar Türkmenistana bu saýlama atlar sähra maldarlary bilen ýakynan gatnaşykda bolmagy sebäpli we soňkynyň Orta Aziýa göçüp gelmegi mümkindigi sebäpli düşüpdür.

Üçünji döwri: b.e.öň XII- IX asyrlar atçylygyň taryhynda täze we wajyp döwür. Sähralyklaryň hem-de Orta Aziýanyňm çopan taýpalary taryhda ilkinji bolup udil hem psaliýen tiplerini dörediler, bu bolsa atyň üstünde oturyp, ýaýdan atmaga we naýza bilen göreşmäge mümkinçilik berdi.

В. Я. СТЕГАНЦЕВА (РОССИЯ)

О КУЛЬТЕ КОНЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Вопрос о возникновении культа коня давно вызывает интерес у исследователей. Несмотря на сложности остеологической диагностики одомашненности лошади, считается, что присутствие определенного числа костей последней в остеологических коллекциях свидетельствует о ее прирученности. На поселениях энеолитической среднестоговской культуры кости лошади составляют 65%. На поселениях ямной культуры Михайловка костей лошади всего 29%, а на поселении у Репин - 79,8%.

Согласно исследованиям этнографов, ритуальным становится то животное, которое является основным в экономике своих хозяев.

Большая часть памятников ямной культуры представлена погребальными комплексами, расположенными в степи. Сведения о находках костей коня в погребениях ямной культуры малочислен.

Состав стада населения ямной культуры, оставившей погребальные памятники в открытой степи, отличался от поселенческого. Преобладали кости мелкого рогатого скота - 65,7%, на втором месте крупный рогатый скот - 15%. Похожая картина наблюдается для предкавказских погребений: мелкий рогатый скот - 69,7; крупный рогатый скот - 13,8% (Шилов, 1975). То же наблюдается и в других степных районах Северного Причерноморья. Общеизвестно, что скотоводческие племена ранней и средней бронзы вели подвижный образ жизни, передвигаясь за своими стадами на тяжелых повозках с массивными колесами. В настоящее время учтено 248 погребений с повозками разной степени сохранности и комплектации. 70% находок повозок происходит из комплексов ранней, а 30% относится к погребениям средней бронзы (Избицер, 1993). Присутствие таких повозок в погребениях считается одним из показателей кочевого быта культур эпохи бронзы описываемого региона (Кожин, 1997). Тягловой силой для таких повозок мог быть только мощный медлительный бык, что подтверждается наличием костей крупного рогатого скота а погребениях и находками рамчатого прямоугольного ярма, крепившегося к дышлу. А.Н.Гей отмечает, что в эпоху ранней и средней бронзы в южнорусских степях черепа быков с конечностями могут быть захоронены в погребениях или в насыпи кургана. По его сведениям «из 38 жертвенников, зафиксированных нами в катакомбных памятниках Нижнего Дона, 13 обнаружены в камерах катакомб, 4 - во входных отверстиях..., 20 - во входных шахтах и одна на краю шахты, напротив входа в камеру» (Гей, 1999). Черепа быков, лежащие в шахте, часто мордами от входа в камеру представляют символическую запряжку в повозку в качестве привычной тягловой силы (Андреева, 1996). Существует гипотеза о том, что конструкция катакомбного погребения имитирует жилую повозку, так много значившую в жизни кочевника (Гей, 1999).

Таким образом, находки костей коня минимальны в памятниках, оставленных подвижными скотоводами в степи и более значительны в поселенческих памятниках. Без сомнения, конь был известен населению. Вопрос о его использовании в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы пока открыт. В погребальных комплексах нет никаких следов предметов конской упряжи. Находки роговых псалиев на поселении Деревка (Телегин, 1973) и медных, свернутых из круглой в сечении проволоки, в погребениях северокавказского региона (Мунчаев, 1975; Биджиев, 1980) оспаривается (Трифонов, Избицер, 1997) и вызывают осторожное отношение именно в силу своей уникальности. На позднеэнеолитическом поселении Ботай (Урало-Казахстанские степи), где кости лошади составляли 99% остеологической коллекции, обнаружена серия костяных пластинок с двумя отверстиями, имеющих с одной стороны характерные затертости от кожи. Г.Ф.Коробкова считает, что эти предметы могут быть примитивными псалиями ((В.М.Массон, 2000).

Можно предположить, что в течение длительного времени с энеолита и до конца средней бронзы происходил процесс освоения приемов управления, тренинга и выучки коня, изготовления транспортных средств и предметов упряжки и конской узды, подготавливающий изменение хозяйственного назначения коня. Только в эпоху поздней бронзы появляются и широко распространяются костяные псалии, облегченные повозки на колесах со спицами, возрастает роль коня в быстрых передвижениях не только как

тяглового, но и как верхового животного и, как следствие, кости коня появляются в погребениях и в жертвенниках. При этом погребения с захоронениями коня как правило содержат предметы вооружения и легкие подвижные колесницы. Таковы Синташа, Потаповский и Утевский могильники в Среднем Поволжье. Символом номадизма становится верховой конь.

V.Ya. STYOGANTSEVA (RUSSIA)

THE HORSE CULT IN THE EARLY AND MIDDLE BRONZE PERIOD IN SOUTHERN RUSSIAN STEPPE

There has been an opinion that a horse was a domestic animal and it was used as a draught power in Southern steppe of Russia in eneolith period - the Early Bronze one.

As an argument, they explained that had excavated horse bones - as a burial ritual in funerals. But they were small in number. The population in Southern Steppe of Russia used bulls (the ones of which have been excavated in large numbers in funerals and barrows) as a draught power. Besides, the transport means of that time were so massive and hard that could not allow to use horses as draught ones, and as rectangular yokes bridle equipments. The horse cult appears later, with the massive spreading of bone snaffle bits and slightly moving chariots.

W.Ýa.STÝOGANSEWA (ORSÝÛT)

GÜNORTARUS SÄHRALARYNDAKY IRKI WE ORTA BÜRÜNÇ ZAMANLARYNDA ATA TAGZYM EDIŞLERI HAKYNDA

Soňky on ýyllykda atlar günorta rus sähralarynda eneolit, ýagny irki бүрүнç zamanlarynda eldekileşdirilipdir we yük çekmek üçin ulanylypdyr diýlen düşünje emele geldi. Bulara esasy subutnama hökmünde ilatyň oturymly ýaşan ýerlerinde we gonamçylyklarda atlaryň hem adamlar ýaly jaýlanandyklaryny, olaryň süňkleriniň tapylmagy mysal getirýärler. Dogry, bu wakalar az hem bolsa duş gelyändir. Şu aýdylan döwürde, ýagny irki we orta бүрүнç zamanynnda günorta rus sähralygyndaky ýaşayan ilatyň arasynda yük çekiji güýç hökmünde esasan öküzler peýdalanylýpdyr we olaryň süňkleri hakykatdanam gonamçylyklarda we gurbanlyk üçin mal kesilýän depelerde-tümmüklerde köp duş gelyär. Şeýle hem şol döwürdäki ulag serişdeleri at bilen çekerden has agyr oňaysyz bolupdyr. Olary çekmek üçin atlaryň boýnuna göniburçly halkalary geýdirmeli bolupdyr. Atlara tagzym etmek düzgüni, soňraky döwürlerde, ýagny süňkli psaliýeleriň köp ýaýramagy we ýeňil, çarhly-tigirli ulaglaryň peýda bolmagy bilen baglanyşykly ýüze çykyar.

И.В.БРУЯКО (УКРАИНА)

ФЕНОМЕН «ВСАДНИЧЕСТВА» ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (рубеж тыс. до Р.Х.)

На рубеже эпох поздней бронзы и раннего железа в евразийском степной поясе, практически повсеместно, сложились предпосылки для появления на исторической арене принципиально нового социо-культурного стандарта - намадов. Его воплощением можно считать воина-всадника, с появлением которого, в степях заканчивается эпоха конного пастушества (III-II тыс. до. Р.Х.) и начинается эпоха всадничества. Открывают ее

кочевники-иранцы начала раннего железного века, а завершают монголы, уже в XIII в. от Р.Х.

Освоение верхового коня - фактор безусловно революционный без которого был бы совершенно немислим тот достаточно подвижный образ жизни, который сформировался в евразийских степях в эпоху ранней бронзы, и который олицетворяли многочисленные сообщества пастухов-скотоводов. Однако, трансформация конного пастуха в конного воина, вряд ли могла произойти исключительно эволюционным путем, за счет простого накопления некой суммы необходимых для такой трансформации условий. Маловероятно и то, что феномен «всадничества» мог сложиться независимо в разных областях евразийского степного пояса. Процесс становления евразийского конного пастушества до появления воинов-всадников насчитывал уже 2 тысячелетия, и, по-видимому, носил достаточно плавный, текучий характер, если не считать кратковременного, но весьма яркого политического взлета сообществ центральной части степной Евразии в начале II тыс. до Р.Х. (древности типа Синташты и Аркаима). Тем больше оснований полагать, что появление на рубеже II-I тыс. до Р.Х. феномена «всадничества» было связано с какими-то событиями, которые практически «мгновенно» отразились на населении всего евразийского степного пояса.

Этим событием могла быть военная миграция населения из какой-то, географически достаточно ограниченной области, где и находился первичный очаг инновационной кочевнической (всаднической) атрибутики.

Археологическим воплощением идеи всадничества можно считать конскую упряжь (удила и псалии в первую очередь) и оружие (стрелковое и клинковое). Вполне возможно, что из этих 4 компонентов - 2 (псалии и стрелковый набор) могли свободно и, более или менее независимо эволюционировать на протяжении эпохи конного пастушества в различных культурных ареалах Степи. Хотя это не очевидно, поскольку к примеру, типологический ряд псалиев в культурах степной бронзы имеет довольно внушительные хронологические лакуны.

Иное дело удила и клинковое оружие (меч). Вполне достаточные для табунного выпаса мягкие (ременные удила), совершенно не обеспечивали того контроля над верховой лошастью, которого требовали конные боевые столкновения. Независимо от того, идет ли речь о встречном бое конных групп, что для древности следует считать большой редкостью, либо об атаке конной лавы на пешего противника с применением стрелкового оружия. Такой контроль могли обеспечивать только жесткие (металлические) двусоставные удила. Они-то, и появляются в степной Евразии как раз на рубеже II-I тыс. до Р.Х. (бронзовые стремявидные и однокольчатые).

Другим олицетворением конного воина являлось клинковое оружие. Причем, короткие клинки (кинжалы) довольно распространенные в эпоху степной бронзы, были для всадника вещь достаточно бесполезной. Его возвышение, в прямом и в переносном смысле, над толпой пеших противников потребовало значительного удлинения клинка. Появляется его колюще-рубящий вариант - меч. Для евразийских степей идея длинного клинкового оружия, по всей вероятности, была заимствованной. Серия таких мечей, которая появляется здесь в X-IX вв. до Р.Х. имеет явно чуждый облик. Причем, если западные (центрально-европейские) мечи, находки которых ограничиваются Северным Причерноморьем (включая лесостепную зону), остались здесь на уровне очевидных импортов, то восточная (карасукская) серия охватила практически всю Степь, и что особенно важно, конструктивные особенности карасукских мечей и кинжалов вполне узнаваемы, в частности в восточноевропейских клинках с крестовидными рукоятками IX-VIII вв. до Р.Х.

Учитывая, что древнейшие формы двусоставных металлических удиц, вероятно всего также восточного (центрально-азиатского) происхождения (Аржан), то скорее всего именно здесь (Алтай, Восточный Казахстан, Синьцзян (Восточный Туркестан)) и следует искать очаг (или очаги) становления феномена «всадничества». Вероятно, именно отсюда исходил тот самый импульс, который распространяясь в широтном направлении, послужил структурирующим фактором этого евразийского феномена. предпосылки последнего (хозяйственно-экономические, социальные), процесс накопления которых длился столетиями, могли складываться в разных регионах Степи вполне самостоятельно. Однако, для выхода на качественно иной уровень весь комплекс этих предпосылок, безусловно, нуждался в некоем мощном, внешнем толчке. Представляется, что таким толчком, который совершенно преобразил культурный мир Степи, могла быть глубокая, проникающая миграция подвижных конных групп из районов Центральной Азии на запад, вплоть до Карпато-Подунавья. Причем, появлению на западе евразийского степного пояса скифской культуры, по времени предшествовало появление здесь же передовой, быть может менее многочисленной группы всадников, с которыми следует связывать формирование черноговоровско-новочеркасского (киммерийского) горизонта древностей.

Тем самым, на рубеже II-I тыс. до Р.Х. заработал центрально-азиатский очаг культуругенеза, который впоследствии на протяжении 3 тысяч лет методично выплескивал в Степь все новые и новые орды номадов.

I.V. BRUYAKO (UKRAINE)

“HORSEMANSHIP” OF THE EURASIAN SUEPPES PHENOMENON (the end of the II - the beginning of the I millennium B.C.)

At the end of the II – the beginning of the I millennium B.C. the “Horsemanship” phenomenon was formed in the Eurasian steppes. Henceforth for the 3 thousand years numerous hordes of nomads of Iranian, Turkic, Finno-Urgic, Mongolian origin were the embodiment of this phenomenon.

The main component of warrior - horseman archaeological complex should be considered the articles of horse harness (bits, cheek pieces) and armament (quiver set and long blade arms - sword). Though the horse shepherd ship coming-to-be as economic and cultural type at the Eurasian steppe area has roots at the Early Bronze Age, however exactly the wide spread of hard (metal) two-constituent bits and long blades (swords) in the first place, just were those actors which caused appearance the qualitatively new military and cultural standard - warrior-horseman at the boundary of bronze and Iron epochs.

The centre of these innovations in horseman attributes, in all probability, were districts in Central Asia (East Kazakhstan, Altai, East Turkestan). Their spread right up to the west marches of the Eurasian steppe had to be accompanied by migration of population at the latitudinal direction (east-west). Concerning migration nature the spread of early Scythian culture there are now of less doubts. However, apparently, forming of cultural of pre-Scythian type (Chernogorovka-Novocherkassk = Cimmerians) should be considered to a considerable extent be conditioned by outside impulse - dislocation of the some forward (probably also Iranian) group of warriors-horsemen from Central Asian areas to the west in X-IX centuries B.C.

ÝEWRAZIÝA SÄHRALYKLARYNDA “ATÇYLYK” FENOMENI (R.H. ÇENLI I-II MÜŇÝYLLYGYŇ ÇÄGI)

R.H. çenli I-II müňýyllygyň çäginde Ýewraziýa sähralyklarynda “atçylyk” fenomenini emele gelipdir. Ol 3 müň ýylyň dowamynda mongol, fin-ugor, türk, eýran gelip çykyşly köpsanly göçüp-gonup ýören ordalaryň nusgasy bolupdyr.

Bu täzeligiň ojagy bolup Merkezi Aziýa hyzmat edipdir. (Gündogar Gazagystan, Altaý, Gündogar Türküstan). Olaryň ýewraziýa sähralyklarynyň günbatar çäklerine çenli ýaýramagyna ilatyň gündogar-günbatar migrasiýasy sebäp bolupdyr. Irki skif medeniýetiniň migrasiýa häsiýetli ýaýramagyna şübhe etmeklik häzir gitdigiçe azalýar. Ýöne, emele gelmeginde (çernogorow-nowoçerkasskkimmeriý) R.H. çenli X-IX asyrlarda atly-urşujylaryň öňdäki toparlarynyň Merkezi Aziýa çäklerinden gatyşmagy düýpli çärede daşky itergi beripdir diýmäge esas berýär.

A.В.ЕПИМАХОВ (РОССИЯ)

МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОЙ УПРЯЖКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Обсуждение темы использования лошади в колесничной запряжке на территории Евразийских степей неизбежно обрекает нас на рассмотрение щитковых псалиев как наиболее достоверного древнего свидетельства. Эта категория находок привлекает внимание специалистов не только как отражение развития колесничных традиций, но и как средство синхронизации культурных явлений на огромных пространствах Старого Света. Особое место в числе территорий, связанных с распространением этого феномена, занимает Южное Зауралье, где псалии обнаружены в сочетании со следами деревянных колес со спицами (могильники Синташта, Кривое Озеро, Каменный Амбар-5, Солнце II). именно из этой территории происходит не только чрезвычайно массовая (более 40 экз.), но очень информативная серия. Особенную окраску ей придает тот факт, что ныне надежно установлена связь определенных типов псалиев с конкретными археологическими культурами и периодами, что создает реальные возможности выяснения направления эволюции конской упряжки.

Зауральские псалии представляют собой роговое (реже костяное) изделие с различной формой щитка. Абсолютно все псалии синташтинской и петровской групп снабжены шипами. Последние в синташтинских памятниках часто имеют фигурную форму, для большей части находок выполнены как монолитные. Однако уже в памятниках синташтинского времени обнаружены следы применения техники вставных шипов для замены вышедших из строя деталей. В результате в нашем распоряжении есть примеры сочетания двух «традиций» - южно-уральской и строюрьевской (Пряхин А. Д., Беседин В. И., 1998). С нашей точки зрения, использование этих терминов для обозначения двух традиций изготовления псалиев не вполне точно, поскольку, в одном случае принцип выделения культурный (тип памятника), в другом - географический.

Форма щитка, видимо, не имела существенного значения для мастера (заказчика) и определялась характером исходного материала. Во всяком случае, в Зауралье встречены округлые, овальные, подквадратные и сегментовидные псалии, иногда сочетающиеся

в пределах одной могилы. Центральное отверстие щитка округлое или подпрямоугольное. Большинство щитковых псалиев имеет выделенную в рельефе планку с боковыми выступами с различным количеством отверстий. Форма планки близка трапеции или прямоугольнику.

По количеству отверстий в планке можно выделить два основных типа. Трассологический анализ подтверждает практическое использование значительной части псалиев (Усачук А.Н., 1999 и др.), наряду с которыми (иногда в пределах одного комплекса) обнаруживаются имитации либо экземпляры без следов сработанности. Типичным повреждением является полная утрата или частичный слом шипов. Чаще «страдали» шипы, расположенные на противоположной от планки стороне псалия («нижние»). Столь же распространенным является частичное разрушение планки.

В принципиальном плане управления лошастью при помощи уздечки независимо от ее конкретных особенностей заключается в давлении на нижнюю челюсть удилами (период бронзового века - кожаным ремнем, в современной запряжке металлическим трензелем).

Конструкция второго варианта отличается лишь способом соединения суголовного ремня и удил. Допускаем, что узда была дополнена капсюлем, не позволяющим лошади закусывать ременные удила и предотвращающего их выпадение из рта животного.

Таким образом, можно констатировать наличие двух вариантов конструкции, которые могут сочетаться в пределах одного погребального сооружения. Анализ показывает следующее: во-первых, практически все детали псалия обусловлены конструктивно. Во-вторых, отсутствует жесткое противопоставление в использовании технологии монолитных и вставных шипов. Не исключено, что изобретение последних связано с необходимостью частого ремонта ключевой детали сбруи. В-третьих, в могилы наряду с реальными псалиями зачастую помещались имитации разной степени реалистичности, а также экземпляры, вышедшие из употребления или, во всяком случае, бывшие в интенсивной эксплуатации достаточно долго.

A.V.YEPIMAKHOV (RUSSIA)

MATERIALS TO HORSE HARNESS RECONSTRUCTION OF BRONZE AGE IN TRANS-URAL STEPPE

One of the characteristic elements of early Andronov steppe tribe horse munition - a sintashtin type of Southern Trans-Ural is a corymbose snaffle bit. Nowadays, there are 40 corymbose snaffle bits, originated from funeral complexes. Trasological and typological investigations of this series allows to single out some main types of corymbose snaffle bits and reconstruct the principles of their usage in horse munition of steppe tribes in Trans-Ural.

A.W.ÝEPIMAHOW (ORSYÝET)

URALYŇ ÝEŇSESINDÄKI SÄHRALYKLARYNDAKY BÜRÜNÇ ASYRYNA DEGIŞLI AT ESBAPLARYNY TÄZEDEN DIKELDIŞ MESELELERI

Irki andronowsk sintaştinsk häsiýetindäki günorta Uralýana sähraýy taýpalaryň at esbaplarynyň özboluşly alamatlarynyň biri galkan, örtük görnüşli bolupdyr. Häzir mazarystanlykdan tapylan şeýle at esbaplarynyň 40-dan gowrak nusgasy belli. Şol esbaplaryň

trasologik hem tipologik derňewi ençeme esasy görmüşlerini tapawutlandyrmaga hem giçki bürünç eýýamyndaky Ural ýeňse sähraýy taýpalaryň at esbapларыny hem-de tirkeg serişdelerini täzeden dikeltmegiň, ulanmagyň usullaryny anyklamaga ýardam etdi.

P. АРАЗОВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

КОНЬ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Проблемы domestикации лошади представляют исключительный научно-практический интерес в археологической литературе. Предполагается, что приручение произошло одновременно в нескольких зонах, вследствие чего различные типы одомашненных лошадей, характерные для древности, встречены и в Азии, и в Европе. На раннеземледельческих поселениях Закавказья костных остатков домашней лошади не обнаружено. Но находки черепов, челюстей и других костей их на поселении Аликемектепеси на Муганской равнине дают наиболее раннее свидетельство о приручении лошади не только на Кавказе, но и во всей Евразии. На это указывает и большой процент костей в составе стада, так и наличие среди них двух пород лошадей. Таким образом, совершенно очевидно, что в VI-V тысячелетии на Южном Кавказе была уже domestичирована лошадь и что юго-восточное Закавказье является одним из древнейших очагов разведения этого животного. В эпоху палеометалла населению Закавказья и в частности Азербайджана уже была знакома домашняя лошадь, что документировано многочисленными находками. Отдельные кости или целые скелеты лошадей обнаружены во многих памятниках бронзы. Самые ранние свидетельства из второго и третьего слоев Кюльтепе II Нахичиване. В Гобустане среди костей домашних животных выделены также кости лошадей. Наряду с этим здесь имеется ряд наскальных изображений, где отражены сцены последовательных этапов. В последующих этапах бронзового века и начала железа кости домашних лошадей встречаются и в Ханларе, Мингечауре, Ходжалы. Появляются уже глиняные фигурки лошадей (Нахчиванский Кюльтепе), украшения - налепы в виде коня на керамической посуде (Мингечаур), изображения коней и всадников в наскальных росписях (Гобустан). По мнению исследователей, трудно решить была ли освоена лошадь сначала под верх или под колесницу. Но данные свидетельствуют, что лошади стали использовать как транспортное средство для верховой езды еще в III тысячелетии до н. э. Подтверждение этому изображение всадника в копье на коне на Беюгдаш в Гобустане. Видимо, лошадей стали использовать и в качестве упряжных. В этом отношении интересной является находка из Газахского района. Это фрагмент керамики с изображением колеса повозки.

R. АRAZOVA (AZERBAIJAN)

THE HORSE IN THE BRONZE AGE OF AZERBAIJAN

The problem of domestic horse presents an exclusively scientific and practical interest in archeological literature. It's believed that taming of the horse happened simultaneously in several zones because of which different kinds of domestic horses referring to ancient times were met in Asia and Europe. The bones of the domestic horses were not found in the early settlement of Trans Caucasian. But the excavations of skulls, jaws and other bones on the territory of Alikemekukacy settlement in Mugan plain presents an early evidence of taming the horse not only on the Caucasus but all over Asian and European territories. In paleolith epoch

the citizens of Trans Caucasian and in particular, Azerbaijan had already known domestic horse which was proved by a number of discoveries. It was difficult to decide whether it was used as riding or in hearse. But there is proof that the horse was used as the means of transport for riding in III century B. C. perhaps the horses were also used in teams.

R. ARAZOWA (AZERBEYJAN)

AZERBEYJANYŇ BÜRÜNÇ ASYRYNDA AT

Arheologiki edebiýatlarda atlaryň öýdekileşdiriş meselesine aýratyn ylmy-amaly gyzyklandyрма bildirilýär. Eldekileşdirmek bir wagtda birnäçe ýerde bolup geçendir diýlip çaklanylýar, netijesinde hem öý atlarynyň dürli görnüşleriniň Aziýadan hem, Ýewropadan hem tapylanlarynyň gadymy häsiýetlidir. Paleometal döwründe Zakawkaziýanyň halklaryna, aýratynam, Azerbeýjanyňka eýýäm öýdeki atlar oňat tanyşdy, bu köpsanly tapyndylar bilen dokumentleşdirildi. Bürünç döwrüniň köp ýadygärliklerinde atlaryň aýratyn süňklerine we tutuş suduryna gabat gelindi.

Bu zatlar entek b.e. öň III-müňýyllyklarda atlaryň ulag üçin we münmek üçin ulanylanlygyna şaýatlyk edýär. Gobustandaky Bekdaşda atlynyň naýzaly şekili hem muny tassyklaýar.

Г. Ф. КОРОБКОВА (РОССИЯ)

ДРЕВНЕЙШАЯ КОНСКАЯ УЗДА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (технология изготовления костяных псалиев)

Первые свидетельства появления одомашненной лошади в степях Украины и Северного Казахстана относятся к IV - началу III тыс. до н.э. Тогда же возникла потребность в ее управлении. Это, в свою очередь, повлекло изобретение примитивной узды, мостящей из мягких удил, связанных с поводом костяными псалиями. Ранние находки псалий были зафиксированы в среднестоговской культуре Украины на поселении Деревка - 6 экз. Они были сделаны из отростков рога оленя и имели 1 или 2 отверстия для продевания ремней оголовья и удил. Аналогичные среднестоговским роговым псалиям были обнаружены в могильниках Афанасьевской культуры Сибири. Почти синхронно, а может быть и раньше, они появились на энеолитическом поселении Ботай (Северный Казахстан). По данным остеометрического анализа фауны, полученным Л.А. Макаровой и Т.Н. Нурумовым, среди многих сотен тысяч костей лошади преобладали молодые особи. Большинство их содержали уже признаки domestikации. Результаты трассологического исследования зубов свидетельствуют о том, что около 10% от всего количества зубов имели следы потертости от удил (по данным анализа Энтони и Брауна). Третьим принципиально важным доказательством приручения лошади явились находки на Ботое двух примитивных апсалиев, сделанных из продольно расколотых трубчатых костей почти плоского или слегка желобчатого поперечного сечения, сквозными отверстиями для соединения с поводом и мягкими удилами. По результатам трассологического анализа Г.Ф. Коробковой, внутренняя поверхность изделий носит следы сильного истирания от трения о мягкий материал и жирный глубоко

проникающий блеск, характерный для орудий, используемых при обработке шкуры или кожи. Такая заполировка могла появиться в результате тесного контакта с головой лошади. Простота и примитивизм узды, закрепленной с помощью такого псалия, объясняется верховой функцией коня.

В Южнорусских степях, по мнению Е.Е. Кузьминой, лошадь стала упряжным животным и начала использоваться в качестве тягловой силы в повозке уже в эпоху энеолита-бронзы.

Обнаруженные псалии явились одним из ярких открытий и достижений энеолитической эпохи. Однако в отличие от приднепровских и приволжских изделий они не получили дальнейшего развития. В то время как в названных регионах сформировалась одна из великих степных обществ эпохи палеометалла - древнейшая культурная общность, утвердившая степной образ жизни и практиковавшая уже колесные экипажи.

Устойчивая форма псалиев появилась в степях и лесостепях Евразии в эпоху палеометалла. Наиболее ранняя щитковая зафиксирована в Синташтинской культуре Южного Приуралья. Во II тыс. до н.э. с появлением огромных исторических общностей - андроновской, срубной и, позднее - скифской, сарматской, сакской набор конской упряжи становится и разнообразнее, и богаче и эффективнее. И хотя на многих степных пространствах Евразии наблюдается определенная близость в типах псалиев, что вызвано эпохальным явлением, однако, при детальном рассмотрении технологии их изготовления и следам изнашивания от трения о голову коня, выявляются заметные расхождения культурогенетического характера. Именно технический и функциональный аспекты являются основополагающими при изучении костяных псалиев и, особенно при выявлении их различий. Между тем наибольшее внимание в археологии уделяется не менее важному типологическому аспекту.

Вместе с тем управление конем, запряженным в легкие подвижные колесницы, требовало особой формы узды, узловой деталью которой был псалий. Именно не его совершенствование была ориентирована технологическая и функциональная эволюция, направленная на продление жизненного порога псалиям и наиболее прочную устойчивую связь его с ремнями узды и головной лошади. Таким образом, движущим стимулом прогрессивного развития сбруи был технологический и функциональный аспекты. Коневодческие степные культуры эпохи бронзы стали тем исходным субстратом, на основе которого шло совершенствование и поиск новых моделей псалий, наиболее эффективных для развития всадничества и колесниц. В этом плане усовершенствованной деталью явилась замена монолитных шпиров у щитковых псалиев на более прогрессивные вставные, заменяющие как отдельные изношенные шипы, так и все в целом. С одной стороны, происходила починка сработанных псалиев; с другой - продлевалась жизнь конструктивно важных элементов сбруи.

Техническая эволюция псалиев шла и по линии совершенствования крепления нащечных и нахрапных ремней, соединенных с ремнем повода. Это отразилось на расположении и количестве малых сквозных отверстий, через которые пропускались разнофункциональные ремни.

Растет эстетическое совершенствование псалиев, связанное с появлением престижных погребений.

Для полной реконструкции конской сбруи значительную роль, помимо морфологического аспекта, играют трассологические исследования поверхности псалиев.

Стержневидные псалии из рога оленя, аналогичные Мосоловским,

проанализированы Г.Ф. Коробковой при изучении их под микроскопом. Они происходили из другого поселения срубной культуры Усово Озеро.

Значительное количество костяных псалиев изучены под микроскопом А.Н.Усачуком. Им проанализированы технология изготовления щитковых и желобчатых изделий эпохи поздней бронзы из разных регионов восточноевропейской степи и лесостепи, рассмотрены следы сработанности на них, дана реконструкция упряжи.

G. F. KOROBKOVA (RUSSIA)

AN ANCIENT BRIDLE IN PALEOMETAL PERIOD (the technology of bone snaffle bit preparation)

The questions dealing with the first origin of horse bridles, fixed within materials of eneolithic settlements are under consideration (IV-III c. B.C., Ukraine (set. Dereivka) and North Kazakhstan (set. Botay)).

These were horn (Dereivka) and bone (Botay) snaffle bits with opening for belt connecting with soft equipments. In South Russian Steppe and forests horses have been used as draught ones, in North Kazakhstan - as saddle horses in herd breeding.

The stable form of snaffle bits appeared in steppe and forest zones of Eurasia in paleometal period due to the formation of large cultural-historical communities - andronov, sрубnoi and later - skythian, sarmatian, saxonian, etc. Having formed in early eneolith period the great ancient steppe community has already used wheel transportation, but bridles had not been applied yet. The early corymbose snaffle bits were fixed in Sintashtin Culture of Southern Ural. We may observe some technological differences within morphological similarities of corymbose snaffle bits in steppe and forest zones of Eurasia. Technological and functional modifications served as progress in horse bridles. In bridle reconstruction, besides morphology, trasological investigation of snaffle bit surface plays a leading role. On the basis of trace processing we can observe the detailed technology of snaffle bit preparation. These investigations are made by Korobkova, Kileynikov, and Usachuk. In this report, a question on detailed technology of preparation of 7 snaffle bits from Utev grave (VI/K.6, pp.4,5,6; K.2, p.3/) is taken into consideration. They are presented by oval (6) and disk (I) of dashboards with detailed slat, 4 nomadic pins, 1 central and 3 small apertures in slats, situated in one row, horizontally-6. Oval snaffle bits are divided into 2 sorts due to the bounders of their dashboard's central aperture: with round aperture, made by drill from external slide - 4 and - square one - 2, broken through by metal mandrel from two sides. A disk snaffle bit differs from others not only by its form, but it has two transparent apertures, situated one above another, and it has rich and complex ornamentary with metal fretted borders. In comparison with Utev snaffle bits from Podonie, there are some differences in technological processing. This is the evidence of local technological traditionalism.

G. F. KOROBKOWA (ORSYÝET)

PALEOMETAL EÝÝAMYNYŇ GADYMY AT UÝANY (SNK ESBALARYNY ÝASAMAGYŇ TEHNOLOGIÝASY)

Bu işde biziň eramyzdan ozal IV-III mteylyklarda Ukrainanyň (Dereiwka obasy) we Demirgazyk Gazagystanyň (Botae obasy) eneolit (mis asyryna degişli) obalaryndan tapylan

tapyndylaryň arasyndaky at esbaplarynyň ilkinji alamatlaryny eze zykmagyny meselelerine ggaralýar. Şol tapyndylar buýnyz (Dereiwka) we sunk (Botae) psallar bolup, olarda ýumşajyk agyzyryga menzeş kemer birleşer ýaly deşikler bar. Orsyýetiň gunortasynaky sähralyklarda we tokaýsadhralylarda atlar tirkeg zekean guez hökmünde, Demirgazyk Gazagystanda - suri satzylykda ulanylýan münülyän atlar hökmünde peýdalanylýdyr.

Psallaryň durnukly keşbi (formasy) Ýewraziýanyň sähra we tokaýsahra zolaklarynda paleometal eýýamynda uly medeni-taryhy - andronow, kesilen, has soňrak skif, sarmat, saks we beýleki umumylyklaryň döremegi bilen ýüze çykypdyr. Eneolitde dörän beýik gadymy sähra medeni umumylygynyň tigirli (tekerli) ulaglarynyň ýüze çykan döwründe hem şindi esbaplar tapylmandy. Psallaryň has irki galkan şekilli formasy Günorta Uralýakasynyň Sintaştin imedenieýetinde hasaba alyndy.

Ýewraziýanyň sähra we tokaýsähra zolaklarynyň galkanşekilli psallaryň umumy morfologik meňzeşligi şol döwrüň möhüm hadysalary bilen baglanyşyklydyr. Olaryň tehnologiýa taýdan deň gelmeýändigini bellemek mümkin. Tehnologik we funksional özgermeler at esbaplarynyň ösüşiniň hereketlendiriji stimuly bolup hyzmat edýär.

Geçirilýän işleriň esasyny psallary ýasamagyň jikme-jik tehnologiýasy düzýär. Şeýle gözleg işleri G.F.Korobkowa, W.W.Kileýnikow, A.N.Usaçuk tarapyndan geçirilýär. Nutuklaryň maglumatlary Utewskiniň mazarçylygyndan psallaryň 7-siniň ýasalýşynyň tehnologiýasynyň meselelerine jikme-jik seredilýär. Olaryň 6-sy süýrüntik, 1-ji disk şekilli formaly öňe çykyp duran plankaly galkan görnüşlidir. Olarda 4 sany monolit şipler, plankada 1 merkezi we 3 sany kiçi deşikler, 6-sy bir hatarda gorizontal ýagdaýda ýerleşýär. Galkanjykda merkezi deşiğiň sudury we olary taýýarlamakdaky usullary boýunça süýrüntik psallar 2 dürli görnüşe bölünýär: daş tarapyndan buraw bilen deşilen tegelek deşikli - 4 we iki tarapyndan metal deşgiji bilen edilgen inedördül deşik - 2. Diskşekilli psallar birinjiden diňe bir galkanjygyň formasy boýunça däl-de, eýsem onda biri-biriniň aşagynda ýerleşen, aňyrsy görünüp duran 2 deşiginiň bolmagy bilen-de tapawutlanýar.

И.С.МАСИМОВ(ТУРКМЕНИСТАН)

КОНЬ И ВСАДНИК В ГЛИПТИКЕ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ

В 1998 г. В.И.Сарианиди была опубликована монография «Myth of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets», представляющая каталог печатей Бактрии и Маргианы. Судя по списку, абсолютное большинство печатей происходят из Бактрии, куда помимо обнаруженных самим автором раскопок экземпляров, вошли и коллекции, хранящиеся в музеях и частных коллекциях Европы и Америки. Приятно осознавать, что В.И.Сарианиди в этот список включил многочисленные образцы печатей, сфотографированные им самим на коммерческих базарах Афганистана, которые могли бы быть потеряны для науки.

Следует отметить, что из огромного количества этих изделий (1802 экз.) всего лишь 21 экземпляр связаны с нашей тематикой. Из этого числа 1 экземпляр в виде глиняной буллы происходит из Маргианы. Такое несоответствие трудно объяснить, хотя, возможно, это связано с немногочисленностью печатей собственно из Маргианы (254 против 1548). Кроме того, сюда мы относим также цилиндрическую печать, опубликованную в свое время Е.Е.Кузьминой.

На имеющемся материале изображение коня и всадника можно встретить на амулетах, конических и пирамидальных штемпельных печатях, цилиндрах.

Цилиндрические печати отличаются от предыдущих не только формой, но главным образом тем, что на них вырезались целые сюжеты. Эти печати позволяли получать повторяющиеся отпечатки.

Проблема культа коня и коневодства, его появления на юге Центральной Азии, в том числе и в Туркменистане, до сих пор окончательно не решена. Вместе с тем, многие исследователи не отрицают того факта, что древнеземледельческие общины и степные кочевнические племена Центральной Азии с древнейших времен были знакомы с коневодством и культом коня. На основании немногочисленных археологических находок В.И. Сарияниди считает, что одомашнивание лошади в Туркменистане произошло в IV-III тыс. до н.э. Его утверждение полностью поддерживает туркменский историк О. Гундогдыев, написавший серию работ по этой тематике. Е.Е. Кузьмина, исследуя проблему миграции индоиранских племен, приходит к выводу о том, что культ коня и коневодства у народов Центральной Азии тесно связан с индоиранцами и их миграциями. Н.М. Ермолова на основании остеологических материалов древней Маргианы полагает, что domestикация лошади в Туркменистане могла произойти в эпоху поздней бронзы. Мнение Н.М. Ермоловой подтверждается и материалами, ранее найденными на поселении Теккем-депе и Таип депе 1.

Относительно описанных нами печатей, то датировку амулетов и штемпельных печатей следует связывать, видимо, с рубежом II-I тыс. до н.э. Изображение на цилиндрических печатях со сценой охоты приблизительно того же времени. Так, изображения кавалерии в искусстве Ассирии довольно многочисленны в начале I тыс. до н.э., а всадников с копьем, по материалам Марлик-тепе и Хасанлу - X-IX вв. до н.э. Любопытен и такой факт. Если на ассирийских печатях объектом для охоты был фантастический зверь, то на ахеменидских - чаще всего реальные животные, в том числе, кабан, как в нашем случае. Одним из определяющих является и посадка всадника с сильно согнутыми коленями, находящая аналогии на ассирийских изображениях IX в. до н.э. и ранее. Печать, опубликованная Е.Е. Кузьминой и ее датировка рубежом II-I тыс. до н.э. не противоречит нашей датировке.

I.S.MASIMOV (TURKMENISTAN)

THE HORSE AND A RIDER IN ELYPTICS OF BACTRIA AND MARGIANA

In 1998 the monograph "Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets" by W.I.Sarianidi presenting the catalogue of the seals of Bactria and Margiana was published.

The image of a horse and a rider can be met on amulets, seals and cylinders. As a rule, all of them are depicted in the images of heaven-winged-horses galloping or going at a trot.

The cylindrical seals differ from the previous ones not only by their form but mainly from the fact that the whole plots were cut on them.

The date of amulets and seals should be connected with the boundary of II-I centuries BC. It is known that in myths of Ancient East the sacred horses were comparing to the heaven cult and, as a rule, they were depicted winged.

I.S.MASIMOV (TURKMENISTAN)

AT WE ATLY BAKTRIÝANYŇ WE MARGIANANYŇ GLIPTIKASYNDA

1998-nji ýylda W.Sarianidiniň Baktriýa we Margiana kataloglary çap edildi. Bar bolan materiallarda atyň we atlynyň şekilini dogalarda, koniki we piramidalaýyn çap ştempellerde, silindrlerde gabat gelmek bolýar. Atlaryň ýekelikdäki şekili, esasanam, dogalarda, peçat ştempellerinde düzgün bolşy ýaly, olar ganatly uçýan atlaryň obrazında öňňürdikläp çapup barýan ýa-da ýorgalap barýan şekilde çekilipdir.

Öwrenijileriň köpüsi gadymy ekerançylary obúnasy bilen Merkezi Aziýanyň sähra göçme taýpalarynyň gadymy döwürden başlap atçylyk we ata bolan aýratyn garaýyş bilen tanyşdygyny inkär etmeýärler. Dogalardaky we peçat ştempellerdäki seneleri b.e.öňki II-I müňýyllyklar bilen baglamak gerek. Belli bolşy ýaly, gadymy Gündogaryň miflerinde gurban edilýän atlary asman güýçleri bilen deňşdiripdirler we olary düzgün bolşy ýaly ganatly şekillendiripdirler.

O.V.ОБЕЛЬЧЕНКО (РОССИЯ)

ПОГРЕБЕНИЯ КОННЫХ ВОИНОВ В СОГДЕ

Преобладающим типом трупоположения в курганных погребениях Согда было вытянутое на спине по длинной оси подбоя или катакомбы. Но были и другие виды трупоположения, т.е. скорченные, при которых руки согнуты в локте, а кисти лежат на животе или тазовой кости, описанное положение костей скелетов встречается не только в курганных погребениях Средней Азии, но и прилегающих к ней регионах - Нижнем Поволжье, Южном Приуралье и Казахстане. Среди этих скорченных погребений выделяются скелеты, лежащие в весьма характерной позе - ноги скелетов были согнуты в коленях и отведены в стороны, причем пятки их не соприкасаются, а между ними имеется значительный промежуток. Левые руки у всех скелетов, лежащих в такой позе, были слегка согнуты в локте и немного отведены в сторону. Правые руки у некоторых скелетов тоже были слегка согнуты в локте, но в меньшей степени, чем левые, и тоже отведены в сторону. Такое положение скелетов в погребениях принято называть «позой всадника», в отличие от других видов скорченного трупоположения. Рассматриваемый вид скорченности встречается в древних погребениях на территории обитания скифских и сарматских племен.

Скелеты, лежащие в «позе всадника», исследованные С.И.Капошиной в некрополе Ольвии, отнесены ею к скифским погребениям III в. до н.э. Такого же типа положение скелета в погребении 3 Мало-Кызыльского могильника II около Магнитогорска К.В.Сальников считал сарматским и датировал первым веком до н.э. Скорченные костяки были обнаружены А.И.Мандельштамом в подбойных могилах Тулхарского могильника, Г.В.Григорьевым в курганах около Янги-Юля и М.Э.Воронцом в могильнике около станции Вревская. В Ширинсайском могильнике, несмотря на значительное количество скелетов, лежащих в скорченном положении, ни одного скелета, лежащего в «позе всадника» не было. По мнению В.Ф.Гайдукевича при погребении покойнику ноги сгибали в коленном суставе, а пятки подтягивали к седалищу и ставили коленями кверху и, впоследствии, они падали в одну сторону.

Идентичность положения ног скорченных скелетов в погребениях Согда и в других могильниках наводит на мысль, что был обычай класть покойников в могилу с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами. Существующие в научной литературе объяснения такого положения скелетов несостоятельны. Устройство подбоев

в курганах Согда делает невозможным укладывание в них трупов с согнутыми в коленях ногами и поднятыми вверх. Подбой имеет высоту около полуметра у входа и 30-35 см в средней части, а далее потолок понижается и смыкается с полом. Следует напомнить, что левые колени скелетов находятся на линии стыка пола и потолка, куда они были уложены при погребении. В этом отношении показательно положение двух скелетов в подбое кургана № 4 Лявандакского могильника, лежащих «валетом» в «позе всадника».

Следовательно, скорченное положение скелетов в погребениях Согда является преднамеренным и встречается только в курганах II в. до н.э. - I в. н.э. Очевидно это определенная черта погребального ритуала свойственная кочевым народам, населявшим бескрайние степи Евразии.

Этнографии и древней истории известны многие факты захоронений покойников, которые «ехали» верхом на коне во главе похоронной процессии, а также известны и древние погребения с конем или же с деталями конского снаряжения. Как отмечал Б.А.Калоев, у осетин существовало поверье, что покойнику для путешествия в страну мертвых нужен конь. Все эти представления о роли коня в погребальном ритуале древних народов с течением времени видоизменялись и приобретали различные формы.

В погребениях древнего Согда конь отсутствовал, как и детали конского снаряжения, но и представления о коне, как о спутнике загробной жизни продолжали жить. Подтверждением этого предположения может служить та характерная поза, в которой лежали скелеты. Именно такая поза соответствует положению всадника на коне, в снаряжении которого тогда стремян не было. Отголоски былых представлений об отправлении в загробный мир на коне существуют до сих пор у народов Средней Азии. Погребальные носилки - табут, на которых покойников доставляют на кладбище, у каракалпаков называются «агаш-ат» - деревянный конь. Среди узбекского населения Ташкента до недавнего времени бытовали представления об отправлении в загробный мир на деревянном коне «агач-ат» на четырех ножках. Погребальный инвентарь в курганах этого времени в древнем Согде также свидетельствует о том, что это захоронения конных воинов. Оружием этих воинов были длинные мечи, двулезвийные, с коротким перекрестием и навершием или без него. Эти мечи в отличие от мечей предыдущей эпохи были, как правило, длинными и рубящими, что соответствует тактике конного боя. О существовании в эту эпоху катафрактариев, т.е. конных воинов облаченных в защитные доспехи сообщают письменные источники и подтверждают археологические данные.

O.V. OBELCHENKO (RUSSIA)

BURIALS OF HORSEMEN IN SOGDA

The dominant type of corpse placing in the burial mounds of Sogda was that of stretching on back along axis of a catacomb. But there was another type of course-placing - the so-called "horseman's pose", which differed from other type of contorted corpse-placing.

Ethnography and ancient history can adduce a lot of proofs concerning the burials of corpses, which "were riding" on horse at the head of funeral procession. Ancient burials with horse or with the parts of harness, also existed. All these concepts of the horse role in the burial ritual at ancient people have been changing and acquiring new forms in the course of time.

Neither the horse nor the details of harness were at the burials in ancient Sogda. But

the ideas that the horse was a companion in the future life, were still existing the typical pose of the corpses can prove this suggestion. This pose, precisely, corresponds to the pose of horseman sitting on the horseback, without having stirrups.

Peoples of Central Asia still have traces of former ideas about transition in the future life on the horse. Burial stretchers - tabut, used by karakalpaks for conveying corpses to the cemetery - are called "agash-at", which means "wooden horse".

The ideas of transition in the future life on the four-legged wooden horse "agach-at" had existed till the present time among Uzbek people of Tashkent.

Burial equipment's of the burial mounds dated by that time, also the evidence of being burials of horsemen. The long double-bladed swords with short cross were the weapons of these warriors. These swords were as a rule long and hewing in contradiction to the swords of the former epoch. They also serve suitable to the tactics of horse battle. Some written sources and archaeological evidence prove the fact of the katafraktaries' existence, is the horsemen robed in protective armour.

O.W.OBELÇENKO (ORSYÝET)

SOGDIDE ATLY URŞUJYNYŇ JAÝLANYLYŞY

Sogdiniň mazarystanlyklarynyň içki jaýynda merhumyň arkan, uzyn süňnüp ýatmagy adaty ýagdaýdyr. Ýöne görde ýygrylyp ýatan beýleki görnüşlerden tapawutlylykda, "atlynyň şekili" diýilýän ýagdaýda ýatan skeletler hem boldy. Etnografiýadan we gadymy taryhdan merhumyň jaýlanylyşynyň köp görnüşleri belli bolup, jaýlanylyş pursatda atlynyň onda ýöremegi bilen ugradylmagy, şeýle hem gadymy jaýlanylyşdan belli bolşy ýaly, at bilen ýa-da at esbaplary bilen jaýlanmagydyr.

Gadymy halklaryň jaýlanylyş adatynda atyň orny baradaky bu ähli bilýän zatlarymyz wagtyň geçmegi bilen görnüşini üýtgedýär ýa-da dürli görnüşe eýe boldy.

Sogdiniň mazarlyklarynda at, şeýle hem at esbaplary ýokdy, ýöne o dünýädäki ýaşayyşda ýoldaş hökmünde at baradaky hakyda getirmeler ýaşapdyr. Munuň şeýledigini çak etmäge skeletleriň ýatyşynyň häsiýetliligi mümkinçilik berýär. Edil şu görnüşde göwräniň ýatmagy atlynyň atda durşuna gabat gelýär, şol ýola şaýlanylanda seýis bolmandyr. O dünýä atly gitmek baradaky düşüňjeler bolsa Orta Aziýada şu güne çenli bar. Garagalpaklarda merhumy öwülýä äkitmek üçin ulanylýan tabyta "agaç at" diýýärler. Daşkendiň özbek halkynyň arasynda ýaňy-ýakynlaram o dünýä dört aýakly "Agaç atda" ugramak baradaky düşüňjeler ýaşayardy. Gadymy Sogdide bu döwürde mazardan tapylan enjamlar hem atly urşujynyň jaýlanandygyna şaýatlyk edýär. Bu urşujylaryň ýaragy iki ýüzli gysga atanak şekilli saply, uçly ýa-da uçsyz gylç bolupdyr. Bu gylçlaryň geçen asyrlarda-da garaňda, düzgün bolşy ýaly, uzyn bolmagy atly söweşiň salgyna gabat gelýär. Ýazuw çeşmeler hem arheologik maglumatlar bu döwürde gorag enjamlary bolan ýaragly atly goşunyň bolandygyny habar berýär.

В.В. ОТРОЩЕНКО (УКРАИНА)

СКЛЕПЫ КОЛЕСНИЧИХ СИНТАШТЫ И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ КЛАНОВ

Феномен Синташты закономерно находится в центре внимания исследователей бронзового века, поскольку события, происходившие на Южном Урале в начале II тыс. до н. э., оказали влияние на историю Старого Света, стали поворотным моментом в

истории человечества. Не являясь преувеличенной, такая оценка лишь приближает нас к постижению масштабности событий той поры.

Заслуживает внимания факт предвосхищения открытия синташтинской культуры в трудах Л.Н.Гумилева, поместившего культуру, условно названную «андроновской», на древнейшую ось пассионарных толчков XVIII-XVI вв. до н.э. Упомянутая ось нанизывала государства, управляемые династиями колесничих (от Египта до Хеттского царства), которые оказываются, при внимательном рассмотрении, индоевропейскими по своему происхождению.

Другой факт предвосхищения Синташты содержится, на наш взгляд, в фундаментальном исследовании О.Прицака «Происхождение Руси» (Pritsak O. The origin of Rus. - Cambridge, 1981).

Размышления украинского востоковеда связывают воедино две проблемы - появление колесниц и появление харизматических кланов. О.Прицак прямо называет в качестве первых известных харизматических кланов касситских, митанийских, гиксосских и древнегреческих воинов на двухколесных колесницах. Упомянутые кланы были индоевропейскими по происхождению и пришлыми в странах реализации их властных амбиций. То же самое можно утверждать об ариях на Переднем Востоке и в Индии. Колесница являлась не только новым средством ведения войны, но и орудием утверждения харизмы. Иными словами, появление харизматических кланов стало прямым следствием изобретения колесницы. Отсюда следует, что появление колесниц и харизматических кланов суть одна проблема и происхождение их, можно полагать, общее.

Открытие протогородской цивилизации («Страны городов») на Южном Урале, представленной укрепленными поселениями и могильниками синташтинской культуры позволяет, на наш взгляд, конкретизировать ареал формирования древнейших харизматических кланов. В.С.Бочкарев предложил для этого явления термин «очаг культуругенеза», назвав его «Волго-Уральским».

Южный Урал занимал уникальную геополитическую позицию в сердце Евразии на границе континентов, где сходятся к общему водоразделу верхние течения притоков Урала и Тобола, что обеспечивало удобство перехода из Европы в Азию и наоборот. Природные богатства края, включающие источники медной руды, золота, соли, каменного угля, древесины и их разработка уже в эпоху средней бронзы, обеспечивали экономическую основу «Страны городов» (Пыслару, 2000, с. 324, карта). С domestikацией коня и превращением его в упряжное животное, а также с изобретением колеса, была решена проблема быстрых передвижений на большие расстояния. Использование легкой колесницы в военном деле предопределило полное превосходство первых воинов-колесничих на поле боя, рассеяло всякие сомнения в их харизме.

Уникальные археологические комплексы региона позволяют выдвинуть гипотезу о южно-уральском происхождении харизматических кланов. Именно в ареале «Страны городов», где очаг культуругенеза накладывается на очаг кланогенеза, на могильниках вблизи крепостных стен, отмечены наиболее ранние случаи помещения в погребальную камеру легкой колесницы с телом воина (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992; Anthony, Vinogradov, 1995, р. 36-41 и др.). Только там, вместе с воином на колеснице, погребались колесничие лошади или их парные чучела.

Только в пределах государственных образований стремление к власти могло быть реализовано в полной мере. Представители кланов, оставшиеся в степи, попали в полосу стагнации, а их харизма изрядно потускнела. Следующий взлет

харизматических кланов связан с появлением конницы, вызвавшей новый переворот в военном деле на рубеже II-I тыс. до н.э.

V.V. OTROSHENKO (UKRAINE)

HORSEMAN BURIALS OF SINTASHTY AND GENESIS PROBLEMS OF KHARIZMATIC CLANS

Phenomenon of Sintashty is in the centre of attention of scientists investigating the Bronze Age. The Ukrainian orientalist O. Prizak joins the two problems of the appearance of kharezmatic clans and horses. Clans became the immediate consequence of the invention of the hearse. The proto-town civilization in the South of the Urals was discovered. Archaeologists found reinforced settlements and burials belonging to the Sintashtic culture.

The unique archaeological complexes of the region allow to put forward the hypothesis about the Southern Uralian origin of Kharizmatic clans. The earliest cases of putting bodies of soldiers with light horses into the burials chambers were marked in the burials near fortress wall.

The next peak of development of Kharezmatic clans was connected with the appearance of cavalry, which caused a new revolution in military affairs on the verge of II-I millennium B.C.

W.W. OTROŞENKO (UKRAINA)

HARIZMATIK KLANLARYŇ DÖREÝSINIŇ MESELESI

Sintaştlaryň täsinliginiň бүрүнç асыры өwreniji аlymlaryň üns merkezinde болмагы кануналаýыкlypdyr.

Ukrainaly güdogary өwreniji O. Prizak iki problemany - iki tigirli arabalaryň we harizmatik tohumlaryň emele gelmegi bilen arabalaryň baglaşdyrýar. Harizmatik tohumlaryň emele gelmegi ini tigirli arabalaryň oýlanyp tapylmagynyň dowamydyr.

Günorta Uralda protogorodik siwilizasiýanyň açylmagy, sintaşti medeniýetiň obalarynyň we gadymy mazarçylyklaryň berkişmegi bilen görkezilendir.

Regionyň täsin arheologik, tapyndylar toplumu harizmatik tohumlarynyň günorta Uralda ýüze çykandyr diýen çaklamany öňe sürmäge sebäp bolýar. Gala diwarlarynyň golaýyndaky gadymy mazarçylyklardaky gabyrynda esgeriň jesedi bilen ýeňil iki tigirli arabalaryň ýerleşdirilendigine duşmak bolýar. Harizmatik tohumlarynyň täzedен orta göterilmegi b.e. oňki II-I, müňýyllyklarda harby işde täze öwrülişigiň emele gelmegi baglydyr.

А.Я. ЩЕТЕНКО (РОССИЯ)

И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПОЯВЛЕНИИ ЛОШАДИ НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА)

В настоящее время на территории Средней Азии кости лошади (вид не определен) известны из неолитической стоянки Дарбазакыр I (низовья Заравшана). Для эпохи энеолита применение лошади отмечено в Казахстане. Тогда же, вероятно, она появилась и у населения среднеазиатских степей. На раннем этапе эпохи поздней бронзы (ЭПБ) в Южном Туркменистане в долине Мургаба найдено по одной кости

лошади, которые предположительно отнесены к этому виду, либо к крупному кулану. В стаде этих земледельцев преобладал мелкий рогатый скот (МРС) наряду с крупным рогатым скотом (КРС), домашней свиньей и верблюдом.

Новые материалы по данной проблеме получены при раскопках многослойных поселений Намазга-депе (Намазга) и Теккем-депе (Теккем), расположенных на подгорной равнине Копетдага, в 117 и 119 км. к востоку от Ашхабада. В стратифицированных культурных слоях этих памятников кости животных найдены вместе с археологическими комплексами, датируемыми в диапазоне от эпохи энеолита - время Намазга (НМЗ) II, до ЭПБ и раннего железного века (РЖВ). Впервые в стратиграфической позиции (на полах помещений) зафиксированы «достоверно определяемые кости домашней лошади - «*Equus caballus*» (Н. М. Ермолова). Вся остеологическая коллекция в поле обработана палеозоологом Н. М. Ермоловой, а в лаборатории на компьютере - биологом Б. Н. Ермоловым.

Остеологические материалы комплексов НМЗ (605 костей, 388 - определено) и НМЗ V (127 костей, определено - 80) с «вышки» Намазга, вместе с артефактами других категорий, демонстрирует смену археологического комплекса намазгинской культуры (Алтындепе по В. М. Массону) времени НМЗ V новой теккемовской культурой (термин А. А. Марущенко) времени НМЗ VI. Среди домашнего стада комплекса НМЗ VI преобладали парнокопытные (37,6%), овца и коза (25,5%) и КРС (18%). В комплексе НМЗ V эти животные соответственно составляли: 61,2, 20, 10%. Налицо увеличение почти вдвое (также и при подсчетах по особям) поголовья КРС. Впервые встречены кости двух особей лошади - их 15 (4% от общего числа костей). Ни одной кости не найдено в слоях НМЗ V, в том числе и в раскопах наших предшественников. Из служебных животных в комплексе НМЗ VI есть кости осла (3,6%) и собаки (1%), которые не известны в слоях НМЗ V, IV, III. Кости домашней свиньи дали 1% в слоях НМЗ VI, а также в слоях НМЗ IV (6,3%).

Объектами охоты в период НМЗ VI были джейран (6,1%) и муфлон (4,1%), как и в предшествующую эпоху (соответственно 3,7 и 2,5%); а кости кулана, известные ранее (2,5%), не найдены.

Аналогичные палеозоологический комплекс демонстрируют и материалы Теккема (4 339 костей).

Датировка начальных этапов комплексов ЭПБ рубежом III-II тыс. до н.э. (на основе новых дат для Гиссара IIIС) позволяет помещать колонки «вышки» Намазга и Теккема целиком во II до н.э. Таким образом, появление лошади в Средней Азии, видимо следует связывать с концом эпохи развитой бронзы, поскольку в верхних слоях Алтындепе кости лошади пока не найдены, а есть лишь терракотовая статуэтка, трактуемая В.И.Сарианиди как изображение лошади.

Появление одомашненной лошади на Ближнем Востоке в засушливых областях Леванта (Палестина) относится к эпохе средней бронзы (1550-1550 гг. до н.э.), но и в ЭПБ (1550-1250 гг. до н.э.) их было очень мало. Связаны ли эти события с появлением лошади на юге Средней Азии пока не ясно. Очевидно, что первоначально лошадей, как домашних ослов и даже баранов, использовали в виде тягла. Это фиксируется в энеолите (вторая половина IV - начало III тыс. до н.э.) в Палестине; в Индии, в предгорьях Гималаев, даже в ситоорические времена бараны служили для перевозки грузов по горным тропам.

В III - начале II тыс. до н.э. в Малой Азии началось проникновение первых волн индоевропейцев и среди них - хеттов, с которыми связывают археологически документируемые свидетельства появления коня на Переднем Востоке. Это захоронения конских черепов в могильнике Османкаясы (XVII-XIV вв. до н.э.). Ритуальные захоронения коней отмечены в Хасанлу, Динкхатепе, Марликтепе. В материалах этих

иранских памятников находят аналогии многие категории артефактов поселений ЭПБ-РЖВ Южного Туркменистана. На Теккеме в слоях ЭПБ в специальной яме, обложенной сырцом, расчищено погребение костей конечностей и черепа верблюда. Другое похожее захоронение этого же времени раскопано в одном из отделении «конюшни» поселения Гриша-депе в 600 м к югу от Теккема. Возможно, это одно из проявлений нового культа, демонстрирующего местную специфику. Лошадь и, возможно, культ коня были знакомы носителям тазабагыябской культуры, судя по глиняной фигурке лошади с поселения Кават 3. В горных районах Средней Азии в эту эпоху складываются кочевые формы хозяйства и конь играет важную роль в религиозных представлениях, что фиксируют петроглифы, где колесницы, запряженные лошадьми, один из главных сюжетов. Вероятно, к этому времени восходит в Средней Азии сложение мифов и легенд о конях, которые получают дальнейшее развитие в последующей эпохе.

A. Ya. SHETENKO (RUSSIA)

THE ARCHAEOLOGICAL DATA ABOUT THE APPEARANCE OF A HORSE IN THE SOUTHERN PART OF MIDDLE ASIA

At present time it is known that on the territory of Middle Asia the remains of a horse were found in Darbazakar I stay (the lowland of Zarawshan) of the neolith period. It is also marked that during the Neolith Period the horses had been used on the territory of Kazakhstan. At the same time, there is a probability that this animal was used by the population of Middle Asian steppes. The horse's remains were also uncovered in Murgab valley that had been located on the territory of two settlements - Kelleli and Taip I.

The new osteological materials, touching upon this theme, were received after the excavations, which had been conducted near the mountainous plain of Kopetdag - Namazgadepe and Tekkem-Depe. According to these facts we can infer that at that period the horses were already used by the people.

The appearance of the horse in Middle Asia is referred to the end of the epoch of the developed bronze, because the remains of the animal have not been found yet in the upper layers of Altyn-Depe.

A breeding of horses in Middle East in the droughty regions of Levant (Palestine) is referred to the epoch of the middle bronze (1950-1550 B.C.).

At the beginning of the II millennium BC the first Indo-Europeans and hettes began to settle down on the territory of Middle Asia. According to the archaeological documents the appearance of horse cult in front East is connected with the settlement of these tribes.

During this epoch in the mountainous regions of Middle Asia the nomadic way of living began to form. The petrogliphes state that at that time the horses played an important role in the religious believes. Probably, in Middle the creation of myths and legends about the horses is referred to that time. They were continued to develop in the following epochs.

A. Ýa. ŞETENKO (ORSYÝET)

GÜNORTA ORTA AZIÝADA ATLARYŇ EMELE GELMEGI HAKYND A RHEOLOGIK MAGLUMATLAR (GÜNORTA TÜRKMENISTANYŇ OSTEOLOGIK MATERIALLARY BOÝUNÇA)

Häzirki döwürde Orta Aziýanyň çäklerinde at süňkleri neolit döwürlerinden Darbazakyr I (aşaky Zarawşan) duralgasyndan bellidir. Enolit döwürlerinden atlary peýdalanmaklyk

Gazagystanda belli edilipdir. Ol Orta Aziýa sähralyklarynyň ilatynda ýüze çykydyr. Günorta Türkmenistanyň ýer işläp bejerijilerinde at Murgap jülgesinde Kelleli we Taip I ýerlerindäki tapyndylaryndan bellidir.

B.e.öň II-III müňýyllygyň başynda Kiçi Aziýada hindýewropalylaryň we olaryň arasynda hettleriň ilkinji tolkunlarynyň aralaşmagy başlanypdyr, olary Alyňky Gündogarda atyň kultunyň ýüze çykyşyna şaýatlyk edýän arheologik resminamalar baglanyşdyrýar.

Orta Aziýanyň daglyk etraplarynda şol döwürlerde hojalygyň göçüp-gonmak görmüş jemlenipdir, at dini çykyşlarda wajyp ony eýeläpdir, ony netroglifler hasaba alypdyr. Şol wagtlardan Orta Aziýada geljekde ösüşe eýe boljak at hakyndaky mifler, rowaýatlar düzülip başlanypdyr.

B.HELWING (GERMANY)

EQUID BURIALS OF THE THIRD MILLENNIUM BC. IN GREATER MESOPOTAMIA, AGAIN

Human burials accompanied by one or several equids are rare, but nonetheless remarkable phenomenon encountered during the third and early second millennium B.C. throughout Greater Mesopotamia. They have attracted a great deal of scholarly attention, and have been addressed from different angles, especially from archaeozoological and philological perspectives.

Looking more closely at the topic, there is good reason to investigate the subject again: sophisticated as the debate on species and status of the equid burials from archaeozoological and philological perspectives has been, this makes quite a contrast to their rather simplistic interpretations provided by archaeologists as markers of high status, prestige and wealth without much further differentiation. That such an interpretation might be too simple is evident from texts such as the «Death of Ummamu» or a document from Adab commenting on funeral preparations for a certain Billala and his wife, in some contexts equids show up in the burials as part of a larger symbolic package, including presents to the gods of the netherworld. A clear distinction of such presents is difficult but should be attempted by doing a detailed spatial analysis of the burial.

First, evidence on third millennium B.C. equid burials in Greater Mesopotamia will be presented, including new data of rather varied significance from various excavations in Syria, and an analysis of the available material considering the structure and context of the burials as well as their spatial distribution is attempted. From this, it will become apparent that equid burials do not represent just one single group of grave monuments of high status personae, but that different burial groups and thus different motivations for the equid burials can be distinguished. Albeit one group of men in lavishly furnished tombs is indeed associated with weapons and might thus be interpreted as warriors, other high status tombs including men and women use equid parts probably for different reasons. The combination of equid, dog and human burial is yet another group that might hint at personal (emotional?) relations between the deceased and the animals accompanying. Other, complete equid carcasses occur in association with temples or temple related features and do thus open wide space for further interpretation of the role of equids in cultic contexts.

In order to distinguish the cognitive constellations behind the perception of equids in the burial contexts, pictorial evidence is then systematically grouped. On sumerian artwork, equids are shown mainly in military contexts, pulling chariots equipped for warfare or chariots returning home from a glorious victory. The war chariot in itself is a significant marker of

social class as is evident from votive plaques showing equids pulling chariots but lead by servants, while the main character is displayed in a symposium scene. It is indeed well possible that burials including pairs of draft animals and weapons do thus represent a specific military functionary.

Much less abundant is the depiction of equids pulling chariots in civil scenes. Some hunting scenes can be distinguished from ED seal impressions, but out of this small group, an even smaller group is distinguished that shows the equid-pulled chariot with its human hero engaged in animal combat scenes, thus once again gaining a mythical quality. Interestingly, equids never star on the animal side of the animal combat scenes and are never shown as mythical characters by themselves, as far as we know from the ED iconographic record.

However, people of northern Mesopotamia might have an altogether different attitude towards equids. E.g., a recently found seal from Tell Mozan displays an equid jumping towards a seated god, so far the only 3rd millennium illustration of such an animal in context with a divine being. Singular as the find is, it might be a hint at a different cognitive concept applied to equids in this part of Mesopotamia. This coincides with donkey sacrifices in nearby Tell Brak, a phenomenon not yet encountered in the south so far. Also, it might not be a coincidence either that most equid burials from the north do not simply fit the «warrior burial» scheme, and it should thus be considered that those might carry an altogether different meaning. Finally, such a different attitude towards equids in northern Mesopotamia, heartland of the later hurrian kingdom, gains even more significance.

Б. ХЕЛВИН (ГЕРМАНИЯ)

О ЗАХОРОНЕНИИ ЭКВИДОВ В МЕСОПОТАМИИ (III ТЫС. ДО Н. Э.)

Человеческие захоронения в сопровождении эквидов встречаются в Месопотамии III и II тыс. до н. э. Но они слабо исследованы с позиций археологии и филологии. Изображение эквидов запряженных в повозки в иконографии связаны с сакральными сценами. Тем не менее в Северной Месопотамии есть захоронения с эквидами даже в III тыс. до н. э.

BARBARA HELWIN (GERMANYA)

ÝENE BIR GEZEK EKWIDLERIŇ B.E.ÖŇ III MÜŇÝYLLYKDA MESOPOTAMIÝADA JAÝLANLYŞY HAKYNDÄ

Mesopotamiýada b.e.öň. III müňýyllykda adamlaryň ekwidler bilen bilelikde jaýlanylmagy arheologiýa we filologiýa tarapyndan gowşak öwrenilendir. Ikonografiýada ekwidlerde at goşulan arabanyň şekillendirilmegi, şol sanda olaryň Uraldaky guburlary muukaddes däpler bilen baglanyşyklydyr. Muňa laýyklykda Demirgazyk Mesopotamiýada ekwidler bilen jaýlamak hatda b.e.öň III müňýyllyklarda-da bolupdyr. Has ynamly maglumatlar soňky hurrit şalygynda duşýar.

КОНЬ, КОНЕВОДСТВО, КОЛЕСНИЦА И ВСАДНИК В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

В слоях энеолитических поселений Араратской долины (5-4 тыс. до Рождения Христова) обнаружены кости лошади с явными признаками одомашнивания. Кости лошади обнаружены и в ряде памятников эпохи ранней бронзы Армянского нагорья (середина 4-3 тыс. до Р.Х.). По количеству они занимают третье место среди других домашних животных, и по остеологическим данным конь использовался в верховой езде. Первыми всадниками были пастухи и табунщики, разведчики и гонцы. Широкое применение верхового коня может дать объяснение феномену столь широкого распространения шенгавитской по имени местности (под Ереваном - А.С.) культуры, занимающей территорию около 1 млн. кв. км, и исключительной идентичности стереотипов и артефактов в пределах целого тысячелетия в памятниках этой же культуры находящихся друг от друга в несколько сот, а то и тысяч км. Верховая езда обеспечивала надежную связь между центрами шенгавитской культуры с ее перифериями, и не давала перифериям ассимилироваться в местной среде к эпохе ранней бронзы относятся и первые изображения коня из терракоты и камней. О культе коня свидетельствует каменная статуэтка-оберег из Шенгавита с двумя кольцами на спине.

В эпоху средней бронзы (23-16 вв. до Р.Х.) в Армении складывается новый хозяйственный уклад, где доминирует отгонное скотоводство. Кости лошади и первые образцы дерезянных повозок с массивными деревянными колесами в эпоху средней бронзы обнаружены в погребальных комплексах в памятниках Армении эпохи поздней бронзы и раннего железа (15-9 гг. до Р.Х.) широко представлены конские металлические снаряжения: разные бляхи, пуговицы, колокольчики и удила с псалями. Изображения лошади и колесницы: встречаются на бронзовых поясах, на наскальных рисунках, барельефах на плитах кромлехов. Конские захоронения, двух- и четырехколесные деревянные повозки и колесницы, их бронзовые макеты, бронзовые статуэтки в погребениях свидетельствуют об особом статусе коня, как культового животного и как средства верховой езды.

Приведенные данные указывают на особую роль Армянского нагорья в процессе одомашнивания коня и коневодства, где были выведены наиболее ценные в древнем мире скакуны: и кони для запряжки в боевых колесницах.

A. YE. SIMONYAN (ARMENIA)

HORSES, HORSE BREEDING, CHARIOTS AND RIDERS IN ANCIENT ARMENIA

In the layers of the New Stone Age settlements in Ararat valley (V-IV millenniums B.C.) there have been found bones of horses with vivid signs of domestication. Horse bones were found in a series of monuments of Early Bronze Age in the Armenian Highland (middle of the IV-III millenniums B.C.) as well. According to the amount of the revealed bones horses were the third among other domestic animals, and according to the ontological data they were used for riding. The first riders were the shepherds and horse-herds, spies and messengers. The wide use of a riding horse can give an explanation to the phenomenon of the spreading of the Shengavit culture over a territory of about one million sq., and the exclusive identity of stereo tops and artifacts within a whole millennium in the monuments of the same culture

spread on the area of hundreds and sometimes thousands of kilometres. Riding made it possible to have a safe communication between the centre of Shengavit culture and its outlying districts and prevented them from assimilating with local environment. The first statuettes of horses made of terracotta and stone also belong to the Early Bronze Age. The stone statuette-amulet with two rings of its back from Shengavit also proves the cult of the horse.

In the Middle Bronze Age (23-16 cc. B.C.) a new tenor of life establishes in Armenia, in which distant pastures dominate. Horse bones as well as the first samples of wooden carriages with massive wooden wheels in the Middle Bronze Age are found in burial complexes.

In the monuments of Late Bronze and Early Iron Ages in Armenia (15-9 cc. B.C.) horse devices such as different badges, buttons, bells and bits are widely represented. Images of horses and chariots were made on bronze belts, on rocks, on reliefs of the cromlech stones. Horse burials, two-and-four-wheeled wooden carts and chariots, their bronze models, bronze statuettes in the graves prove the special status of the horse both as a cult animal and as a riding means.

The given data show the unique role of the Armenian Highland in the process of domestication of the horse and horse breeding, where the best horses of the ancient world were bred both for riding and for harness in military chariots.

A. Ý. SIMONÝAN (ERMENISTAN)

GADYMY ERMENISTANDA AT, ATÇYLYK, TIGIRLI PAÝTUN WE ATLY

Ararat jülgesiniň ykdysady oturymly ýerlerinde (b.e.öň 5-nji müňýyllyklarda) öýdekileşdirilen alamatlary görünüp duran atlaryň süňkleri tapylypdyr. Ilkinji at atlananlar çopanlar, süri başlyklary, jansyzlar hem çaparlardyr. At gatnaw sengawit medeniýetiniň merkezi bilen onuň çet-gyraklary arasynda ygtybarly aragatnaşykçy bolupdyr.

Palçykdan hem daşdan edilen atlaryň ilkinji şekilleri irki bürünç döwrüne degişlidir. Ermenistanyň dag depeleri atlary öýdekileşdirmek döwründe ägirt uly orna eýe boldy. Gadymy döwrüň gymmatly bedewleri şu ýerden çykypdyr.

ДРЕВНИЕ ВСАДНИКИ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В аспекте всемирной истории и культуры вклад степной зоны Евразии заключается в формировании особого степного образа жизни как устойчивого комплекса стандартов и эталонов в материальной культуре, идеологии, менталитете и социальной психологии. Это был устойчивый пласт культурного наследия, сохранивший фундаментальное значение для всех этнических группировок, несмотря на происходившие смены лингвистических ориентиров. Кардинальным рубежом в этом развитии было утверждение в первой трети первого тыс. до н. э. номадизма с широким использованием коня. По своей культурной и социальной значимости этот переход социологически сопоставим с т. н. городской революцией, зародившей в зоне оседлых оазисов основы первых цивилизаций. В коневодстве была выведена порода стройных быстроаллюрных коней, прямыми наследниками которых через парфянское посредство являются ахалтекинские лошади современного Туркменистана. Это повлияло на все стороны жизни от повседневного быта до идеологии и психологии, и дихотомия “конь – всадник” стала исходной молекулой всех обществ древних номадов с естественными пространственными, временными и этническими вариантами. Поэтическое мышление Эллады осмыслило это явление в образе кентавра. Утверждается разумное равноправие женщин, поколебать которое в обществах с сильными традициями древнего культурного наследия не смогли поведенческие догматы ислама, тяготеющего к фундаментализму. В военном деле наряду с легковооруженными всадниками – лучниками появляется тяжелая конница, где всадник и конь в равной мере имели защитное снаряжение. Военизация конников по родо – племенным традициям с развитием профессионального дружинничества все более эволюционирует к элементам регулярной армии, что ярко проявилось в державе хунну. Пассионарность и динамизм, свойственные как адаптивный фактор по отношению к природному окружению многим народам степной зоны, соединились с новой организацией общества и внутренней цементирующей силой дихотомии “конь – всадник”. Среди прочих действий общества древних кочевников на исторической арене первостепенное значение имело передвижение на юг Средней Азии с утверждением в Парфии и Бактрии политического лидерства. Соединение высоких традиций оседлых цивилизаций и полных жизненного порыва степных обществ привело к формированию на Древнем Востоке двух великих держав мирового ранга – Парфии и Кушинского государства. Эта “парфяно - кушинская модель” при всех конкретных вариантах продолжается и в дальнейшем, хотя на перепаде могли лежать и катастрофические деструктивные события подобно монгольскому завоеванию.

V.M.MASSON (RUSSIA)

ASIAN ANCIENT RIDERS WITHIN THE CONTEXT OF WORLDWIDE HISTORY

In the aspect of worldwide history and culture the contribution of Eurasia zone is concluded in forming a special way of living as a stable standard complex and a model in peoples living and cultural standards, ideology, mentality and social psychology. This was a

stable layer of cultural heritage, conserved fundamental importance of all ethnic groups, in spite of existing changes of linguistic guiding lines. Cardinal line in this development was confirmed in the 1/3 of the 1000 B.C. with the broad usage of horses. Due to its cultural and social importance let socially compare this transition with the so-called urban revolution, generation the basis of first civilization settled oases. The direct heirs through Parthian State the strong speed horses - Akhal-Teke ones - have been bred that time. This fact has influenced on all aspects of day-to-day activities, on ideology, psychology and dichotomy "horse-rider" became the starting molecule of all ancient nomadic societies with natural, spatial and ethnical variants. This phenomenon was interpreted as the image of Centaur in Hellas. The sound equality of women, which could not be shook by Islamic doctrine gravitated to fundamentalism in the societies with strong cultural traditions, was confirmed. In military business together with slightly armed riders-archers there have been appeared hard cavalry, where riders were supplied with defence equipment. Riders militarization according to genetic-tribal traditions with the development of professional fighting squads started evolving to the elements of regular army and Hunna was the bright example of it. Dynamism, peculiar to the natural surrounding of many people from steppe zone - as an adaptive factor, was joined with new society organization and inner cement power of dichotomy "horse-rider". Among other ancient nomadic actions in the history of society, the primary and important one there was the movement of nomadic tribes to the south of Middle Asia with their political leading in Parthia and Bactria.

The joining of settled civilization with nomadic one, full of free life promotes in formation of two world powers of ancient east - parthia and kushan state. This "parthiano-kushan model" was still in progress in spite of some catastrophic event like mongolian invasion.

W.M.MASSON (ORSYÝET)

BÜTINDÜNYÄ TARYH SÖZÜNDE AZIÝANYŇ GADYMY ATLARY

Bütindünýä taryhy we medeni nukdaýnazardan seredeniinde, Ýewraziýanyň sähra ýerleriniň goşandy özboluşly sähra durmuşynyň hem zat medeniýetiniň durmukly hem nusgalyk toplumynyň, aňýetiniň, mentalitetiniň we durmuş psihologiýasynyň kemala gelmeginden ybaratdyr. Bu lingwistiň ugruň çalyşmagynyň bolup geçendigine seretmezden, ähli etnik toparlar üçin esasy ähmiýetini saklap bilen medeni mirasyň durmukly gatlagydyr. Bu ösüşiň esasy çägi b.e.öň I müňýyllygyň üçden bir böleginde göçüp-gonup ýaşamakda atyň giňden ulanylandygyny tassyk edýär. Özüniň medeni hem durmuş ähmiýeti boýunça bu geçiş ilkinji siwilizasiýasynyň esasy bolan oturymly oazisinde dörän şäher rewolýusiýasy bilen deňeşdirilendir. Atçylykda gelşikli ýyndam atlaryň tohumy dördildi, bu gönüden-göni Parfiýadan soňky, häzirki zaman Türkmenistanyň ahal-teke atlarynyň arkasydyr. Bu gündelik durmuşdan başlap, durmuşyň ähli tarapyna, aňýetinden psihologiýasyna çenli täsir etdi hem "at-atly" dihotomiýa gadymy oturymlylaryň, urugynyň tebigy giňişligi, wagt hem etniki wariantyny düzýän başlangyç gözbaş boldy. Ellada poetiki aňynda bu ýagdaý kentawryň şekilinde göz önüne getirildi. Aýallaryň aňly düşünjeli deňhukuklylygy tassyk edilýär, muny güýçli döp-dessurly gadymy medeni mirasly jemgyýetlerde fundamentalizme ýykgyň edýän yslam dogmatlaryna hem yralamak başartmady. Harby işde ýeňil ýaraglanan atlylar bilen bir hatarda atlynyňam, atyňam deň gorag enjamlary bolan agyr at arabalar peýda bolýar. Atlylaryň gorag işlerine ýöriteleşdirilip taýpa daplileriniň harbylaşdyrylmagy hemişelik goşunyň aýrylmaz bölegi hökmünde kämilleşýär. Bu Hunna döwletiniň mysalynda aýdyň görünýär. Rassionarlyk hem dinamizm sähra ýerleriniň köp halklaryna daşky tebigy gurşaga uýgunlaşdyryjy faktor hökmünde mahsuslyk bolup, jemgyýeti

täzeçe guramaklyk bilen “at-atly” diýen düşüňjeleri içki jebisleşdiriji güýç bilen birleşdirdi. Taryhy arenada gadymy çarwalaryň jemgyýetiniň beýleki hereketleriniň arasynda olaryň Orta Aziýanyň günortasyna tarap süýşüp, Bakriýada we Parfiýada syýasy ýolbaşçylygy ukrar etmegi birinji derejeli ähmiýete eýe boldy. Oturymlylyk siwilizasiýasynyň beýik döpleriniň we sähra jemgyýetiniň joşgunly durmuş okgunlylygynyň birleşmegi gadymy Gündogarda dünýä derejesinde iki beýik Parfiýa hem Kuşan döwletiniň döremegine getirdi. Bu “parfiýan-kuşan modeli” ähli anyk alnan wariantlarda, dargamagynyň esasynda betbagtçylykly, ýok ediji mon-gol basybalýşlaryna çalymdaş wakalar ýatýanam bolsa, soňra hem dowam edýär.

О.А. СОЛОВЬЕВА (РОССИЯ)

КОНЬ КАК АТРИБУТ ТРАДИЦИОННОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Роль коня широко известна и изучена в хозяйственной жизни и в военном деле народов Центральной Азии. Однако недостаточно исследовано его значение в политической культуре данного региона. Как представляется, конь являлся неотъемлемым атрибутом традиционной должностной власти, знаком престижа и авторитета в системе управления. В качестве примера обратимся к Бухарскому эмирату XIX - начала XX века, верховная власть в котором принадлежала эмиру. Государство делилось на округа во главе с беками/хакимами, назначаемыми верховным правителем. Бекства делились на области (амлокдорства), главы которых назначались беком и подчинялись ему.

Существовала прямая зависимость между местом человека во властной иерархии и количеством лошадей, которое он мог иметь. Порода и убранство коня отражали величие власти в лице его владетеля. По уходу за животными, принадлежавшими высшим должностным лицам государства, было занято значительное число людей.

В число передаваемых по наследству символов и атрибутов власти входили и кони. Большой известностью пользовался, например, белый конь по кличке Джамшед эмира Музаффера (1860-1885). Его сын Абдалахад-хан (1885-1910) ездил на нем первые два года своего правления. Особый уход и питание было обеспечено животному до его смерти, что свидетельствует об отношении к коню как к другу.

Конь в качестве символического знака власти являлся зрелищным атрибутом влияния политических или неполитических факторов на процесс традиционной политической социализации населения.

Принцип вертикальности власти основывался на наличии нескольких четко выраженных уровней управления, а также на иерархичности и соподчиненности должностных лиц различных ступеней властной лестницы. При любых обстоятельствах и в любом месте Верховный правитель всегда сидел на каком-либо возвышении. Подданные же сидели на небольших возвышениях разного уровня или просто на земле, в зависимости от статуса. Всем немусульманам, живущим в ханстве, запрещалось ездить верхом в городе. Была еще и своеобразная ступенчатая пирамида, в соответствии с которой эмир имел право всегда ездить верхом, другие же чиновники, согласно занимаемому ими положению в системе управления, слезали с коней не доезжая определенного расстояния до дворца главы государства.

Огромную роль конь играл в системе подношений, которые, в свою очередь, являлись неотъемлемым звеном в цепи взаимосвязей должностных лиц между собой, а также власти и народа. Кони, как и другие предметы дара, являлись знаками благодарности правителю за полученную должность, подтверждением подчинения и службы.

Существовала определенная церемония просмотра даров эмиром, в которой особое место отводилось коням. Первоначально их показывали в полном убранстве, а после демонстрировали их экстерьер.

Подарок же коня верховным правителем кому-либо из подчиненных считался величайшей милостью эмира и знаком его благосклонности.

Таким образом, конь использовался не только в разных хозяйственных целях и как средство передвижения, но был неотъемлемым атрибутом традиционной власти, знаком должностного авторитета и престижа. Рассмотрение животного мира Центральной Азии в русле исследования политической культуры является важным научным направлением и требует дальнейшего углубленного изучения.

O.A.SOLOVYOVA (RUSSIA)

HORSE AS ATTRIBUTE OF TRADITIONAL POWER IN MIDDLE ASIA

The role of horse is widely known and studied in economic life and military art of the peoples of Middle Asia. However, its meaning in political culture of the given region is researched insufficiently. As it seems, the horse had been the inalienable attribute of traditional power, the sign of prestige and authority in management system. For example, the Bukhara Emirate of 19th - the beginning of 20th century, where executive power belonged to emir, should be considered. The state consisted of districts headed by beks/khakims appointed by high governor. The districts divided into regions (amlokdors), the heads of which were appointed by beks and submitted to him.

O.A. SOLOWYOWA (ORSYÝET)

ATLARA SERETMEK ORTA AZIÝA SEBITINIŇ MILLI DÄP-DESSURYNYŇ AÝRYLMAZ BIR BÄSLEŞIGIDIR

Hemmämize belli bolşy ýaly Orta Aziýa sebitinde harby işlerde we halk hojalygynda atyň roly ulydyr. Şonyň üçin onuň tutýan ornuny syýasy medeniýetinde hem ähmiýetiniň ulydygyny bilmelidir. XIX asyryň ahyrynda XX asyryň başlarynda Buhara emirleri tarapyndan toplanan materiallara duş gelmek bolýar. Bu materiallarda bedewleriň ajaýyp bitiren işleri, abraýy barada görä berilýär.

Atlaryň köplügi we tutýan orny onuň beýik abraýynyň şaýadydyr. Şol döwrüň abraýly adamlary ata köp üns beripdirler we seýislapdir. Ol adamlar öz abraýynyň belli bir nyşany hökmünde öz nesillerine galdyrypdyrlar.

Atlar gurply adamlaryň arasynda bir-birine sowgat etmegiň nyşany bolupdyr. Bedew sowgat edilen adamlar özleriniň bagtly saýypdyr. Şeýlelik bilen atlara seretmek, seýislemek milli döp-dessuryň aýrylmaz bir bölegi bolupdyr.

КАЗИМ АБДУЛЛАЕВ (УЗБЕКИСТАН)

КОНЬ И ВСАДНИК В АНТИЧНОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В греческой мифологии человек и конь сливаются в миксантропический образ кентавра — персонажа многих легенд и мифов. Происхождение кентавра связано с анимистическими представлениями и, по всей вероятности, расселение их в Фессалии,

знаменитой своими конями и позднее конницей, не случайно. Большое значение в возникновении этого образа, по всей вероятности, имели кочевнические корни. Античные источники и произведения искусства европейской части доносят информацию о культуре скифов, неразрывно связанной с коневодством (сцены на драгоценных изделиях из царских курганов).

В Центральной Азии погребения с конем, уходящие в древнейший пласт, наиболее ярко представлены курганами Алтая и Сибири (Аржан, Пазырык и др.) и свидетельствуют об исключительной роли коня в кочевнической общине. Он является неизменным спутником и другом в жизни, и он же сопровождает своего господина в загробный мир. По всей вероятности, изображение героя на коне из 5-го пазырыкского кургана перед божеством на троне, передает сцену представления всадника после его смерти.

Со временем обряд захоронения с конем исчезает, и объяснить это явление можно двумя причинами, а именно экономической и психологической.

Облик лошади Средней Азии эпохи античности доносят до нас произведения искусства и письменные источники (знаменитые даваньские аргамаки китайских источников). Отрывочные сведения о дрессуре и повадках лошадей можно найти у греческих авторов.

Одним из важных источников для изучения конского снаряжения Греции является трактат Ксенофонта “Искусство коневодства”. Античный автор затрагивает многие важные вопросы коневодства и конского снаряжения. Мы можем извлечь из этого трактата интересующие проблемы, которые могут пролить свет на некоторые спорные вопросы.

По манере изображения лошади из всей монетной иконографии сакского типа наиболее близка трактовка лошади на аверсе монет Абдегазеса. На последних можно видеть ту же форму крупа, не округлую, как на других монетах, а уплощен.

Степная лошадь имеет узкий лоб, профиль часто выпуклый, с горбинкой. Она обитала в степных полосах Европы и Восточной Азии. Лошади на орлатских пластинах более всего приближаются к мускульно-дыхательному типу, сочетающему в себе такие признаки, как длинная грудная клетка, небольшой живот, длинная шея, легкая, по большей части прямая голова с развитой носовой частью. Ноги тонкие, длинные, мускулатура небольшая, упругая, сухая, ярко выраженная; энергичный темперамент. Спущенный круп, обращающий на себя внимание на изображениях орлатских пластин — это также признак, характерный для степных пород лошадей. Большие выпуклые глаза этих лошадей типичны для лошадей, обладающих быстрым аллюром.

Что касается конского снаряжения, включая такое важное изобретение как седло, то оно нашло свое развитие и усовершенствование в коневодстве Центральной Азии. Древнейшие образцы седел, дошедшие до нас, демонстрируют курганы вечной мерзлоты (Алтай, Сибирь). Изображения запряженного коня включают сложную систему оголовья, скользящих поводьев и устройство седла (Пазырык, Халчаян, Орлат, Тахти Сангин, монеты Герая, Сотер Мегаса).

В письменных источниках и в искусстве Греции классической эпохи упоминание о седле и его изображение практически не встречается. До походов Александра Македонского в Азию культурные контакты с Востоком были не так регулярны, хотя постоянное соперничество и культурный контакт с Персией, включая и нередкие войны давали возможность обмена и военными достижениями.

Греки, как известно, трудно перенимали те или иные предметы обихода или же туалета. Часто элементы чужеродной культуры воспринимались греками скептически,

нередко и враждебно. Поэтому не исключено, что достижения в искусстве конского снаряжения, которые в большей мере принадлежали кочевым народам Центральной Азии, были известны грекам через Персию, скорее всего еще до Александра. Воспринято все это было, по всей вероятности, в период походов Александра в Азию и включения им представителей конского воинства в состав греко-македонской армии Ксенофонт, блестящий для своего времени знаток военного дела, и участник многих военных компаний считает вполне нормальным отсутствие стремян (V.7; VIII. 1,2), так как всадник часто держался за гриву лошади, и существовало много способов запрыгнуть на нее (VI.12; VII. 1,2). Из античных источников становится ясным, что грекам седло было неизвестно. Употреблялось нечто вроде попоны или же чепрака, так как понятие часто передается разными словами (Lis. 169, 13; Dem. 558, 16).

Как демонстрируют многие произведения изобразительного искусства, кочевники стригут гриву лошади, часто оставляя, как говорилось выше, несколько прядей. С практической точки зрения это вполне объяснимо. Длинная грива, развевающаяся при быстром беге, мешала всаднику и отвлекала его при стрельбе из лука. Не исключено, что из этих же соображений стригли, заплетали, помещали в специальный чехол хвост лошади. Кочевника, проводившего большую часть жизни в седле, свобода движений привлекала более внешнего эффекта. Стрижка гривы лошади у греков имела совершенно иной смысл. Как передает Плутарх (Александр, 72), Александр, узнав о смерти Гепестиона, немедленно отдает приказ в знак траура остричь гривы всем лошадям и мулам.

Такие памятники как Халчаян, пластины из Орлата, монеты Аза, Азилиса, Абдегазеса, Танлисмиадата, Ванона и др. рисуют образ рыцаря, закованного в броню. Бесспорно, они указывают на существование в Средней Азии особого вида вооружения — тяжеловооруженного всадника-профессионального воина. Именно среди кочевников возникает прослойка профессиональных воинов-рыцарей, основным занятием которых было наемничество. По всей вероятности, катафрактарии объединялись в отдельные подразделения и составляли части армии какого-либо сюзерена. Вопрос о зарождении такого вида вооружения как катафрактарии напрямую связан с возникновением профессионального воинства. Существование такой формы вооружения в Средней Азии полностью подтверждается письменными источниками (Фраат II, Тигран и др.). Сообщение Юстина о том, что парфянский царь пригласил наемников из числа саков явно среднеазиатского происхождения, говорит о том, что даже парфяне — выходцы из кочевого этноса, прибегали к помощи кочевников-наемников, представлявших значительную силу. Напомним, что решающую роль в войне парфянского царя Орода против римского войска Красса сыграли именно катафрактарии.

Со временем эта форма приходит и в западноевропейское вооружение, а средневековое рыцарство в Европе это не что иное, как повторение рыцарского наемничества, возникшего на территории Средней Азии.

K.ABDULLAYEV (RUSSIA)

A HORSE AND A RIDER IN ANCIENT CENTRAL ASIA

Archaeological monuments, works of art, numismatics and written sources (e.g. famous Davan argamaks, mentioned in the Chinese Chronicles) bring us the image of a horse in the cultures of Central Asia of ancient times. Their study allows to reconstruct the specific features of Central Asian horse-breeding in details, taking into account such peculiarities as the character

of horse participation in funeral rituals, the constitution of different types of horse breeds, the elements of horse outfit and decoration.

K. ABDYLLAEYEW (ÖZBEGISTAN)

GADYMY ORTA AZIÝADA AT NEM ÇAPYKSUWAR

Orta Aziýanyň gadymy döwür medeniýetindäki atyň keşbini arheologik ýadygärlikler, sungat eserleri, pul önümleri (numizmatika) hem ýazuw çeşmeleri biziň günlerimize alyp gelipdir (meselem, hytaý ýyl ýazgy - Sarynda ýatlanlyýan gömüklü dawan argamaklary). Olary öwrenmek orta aziýa atşynaslygynyň özboluşlylygyny üýme-üý dikeltmeklige atyň segretme adatyna gatnaşyk häsiýetine, dürli gömüşdäki tohum at düzgünlerini, at abzallaryny hem bezeglerine degişlidir.

Ю. М. ВАСИЛЬЕВ (РОССИЯ)

КОНЕВОДСТВО У ПЛЕМЕН ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (IX–XIII ВВ.)

Судьбы лошади и человека настолько слились в реальной жизни, что в мифологии создали образ кентавра. Своеобразное слияние человеческой личины и коня родилось когда-то и на берегах Амура, на одном из валунов Сикачи-Аляна [Окладников, 1971, таб. 138, 139, 149]. Несмотря на то, что человек ранее всего приручил собаку, образов антропоканиса (гомоканиса) — человеко-собаки нет. Однако роль коня в освоении Земли, приводившая порой к перекраиванию лица цивилизации, особенно велика у народов, обитающих на бескрайних просторах степей. И, казалось бы, в таежной зоне Приамурья и Маньчжурии использование лошади практически невозможно: дальневосточная тайга с ее густым подлеском, с многочисленными марями, мало располагала для езды на лошади. Здесь, порой, и пешком-то трудно пробраться через таежные дебри, заваленные колодником, и через заболоченные луга — мари, усеянные многочисленными кочками. Да и аборигенное население с лошадьёю познакомилось довольно поздно, только с освоением Приамурья русскими.

Однако и данные древних летописей, и данные археологии свидетельствуют об обратном.

Немаловажным вопросом было питание скота и, в частности, лошадей в зимнее время. Вряд ли можно считать, что в условиях снежных морозных зим Приамурья хозяева полностью предоставляли лошадей самим себе.

И совершенно неожиданные наблюдения были сделаны ею о питании лошадей сырым мясом.

Однако для не охотников, а земледельцев и животноводов, жизнь которых во многом зависела от животных, бросить их на произвол судьбы зимой — значило погубить скот. Можно предположить, что заготовки сена на зиму могли проводиться. Археологические факты свидетельствуют о том, что для подкормки скота рубленную солому запаривали в чугунных котлах. В жилище на поселении Щукино (р. Кур) был найден большой обломок чугунного котла, на стенках которого сохранилась прилипшая трава. На этом же памятнике в остатках мусорной ямы были найдены кости от 14 лошадей, в том числе путовая кость, украшенная соляным символом.

Две лошадиные бабки были найдены в детских погребениях Луданниковой Сопки.

THE HORSE-BREEDING IN POKROV'S CULTURE OF AMUR'S REGION

The role of horse in the human's history is immense. The intensive horse-breeding was not adopted to the natural conditions of Amur's region and Manchjuri (Taygas'zone). But ancient chronicles and archaeological data witness about horse's taming in the very old time and about developed horse-breeding. The horse was used to ride, and for mover and also horse's flesh was good for eating (excavation of children's graves in Ludannic Sopka in korsak and Tray's and other graves, and also rubbish pit on Shukino).

Hunters who led a nomad's life, had difficulties in storing up hay to the winter, and that is why they began to give berries, bushes and raw meat to their horses. But farmers and stock-breeders prepared hay for the winter; archaeological foundations witness it for us (piece of cast iron boiler with signs of grass on it from living peace of Shukino) and many instruments for cutting hay near the Amur's regions.

Necessity of future studying question about stoçk breeding in winter time.

Eu. WASILÝEW (ORSYÝET)

PRIAMURÝANYŇ POKROW MEDENI ÝAŞAÝŞYND A TŞYNASLYK (B.E. XI-XII)

Adamzat taryhynda atyň hyzmaty uludyr. Priamurýada we Mançžuriýada tebigat şertleri atçylygyň zygyderli ösdürilmegi üçin ýaramsyzdyr (taýga zonasy). Şeýle-de bolsa, gadymy ýyl ýazgylary hem arheologiýa uzak döwürlerde ata üns berlendigi hakynda, atçylygyň ösdürilendigi hakynda maglumatlar berýär. At belentliklere çykmak üçin-de, süýregde ulanmak üçin-de, eti bolsa iýmit üçin peýdalanylypdyr (Iudannikow gaýnagy, Korsakowskiý, Troiskiý we başga gonamçylyklarda, şeýle hem Şukino mesgeninde zybyl ganawynda gazuw işleriniň geçirilmegi).

Çarwaçylyk ýaşaýşyny alyp baran awçylar gýşa bede taýýarlamak synaglaryna döz gelipdirler. Şonuň üçin olar öz atlaryny miweler, işlenen we çig etler iýmitlendiripdirler. Her niçik-de bolsa, daýhanlar hem maldarlar gýş üçin bede taýýarlapdyrlar. Olar hakynda arheologik tapyndylar şaýatlyk edýär (Şukino mesgeniniň diwarlaryndaky çoýun gazanyň döwüğine ýelmeşen otuň yzlary (Kur derýasy) we Priamurýanyň ýadygärliklerindäki saman bölekleri). Orta asyrlarda mallaryň gýşa üpjünçiligi meseläniň dowamly öwrenilmegi zerurdyr.

X. ЮСУПОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

РОЛЬ КОНЯ У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА

Приручение коня было достигнуто еще в VI тысячелетии до н.э. неолитическими племенами Приуралья-Зауралья. Конь распространился затем у скотоводов евразийских степей. В Туркменистане также как и в Зауралье, знакомство с конем могло быть достигнуто в VI-V тысячелетиях до н.э.

Судя по климатическим условиям раннежелезного века (конец второй-первой половины первого тысячелетия до н.э.) и этнографическим параллелям, можно допустить

значительный процент животных этого вида на Узбое. Существование коневодства в Северо-западном Туркменистане определяется по находкам лошадиных копыт, челюстей в храме-святилище Ичянлыдепе на Узбое, подъязычных костей на Гаравулдепе на Большом Балхане и письменным свидетельствам древних авторов.

В частности, Геродот (V в. до н.э.), сообщая о сведениях, относящихся к середине VI в. до н.э., отмечал, что к Востоку от Каспия простирается необозримая равнина, большая часть которой была заселена героическими, сильными, храбрыми народами массагетов, которые сражались как на конях, так и в пешем строю. В сражениях они вооружены луками, копьями, боевыми топорами, изготовленными из меди. Боевые кони защищены медными нагрудниками. Головные уборы, пояса и перевязи воинов украшены золотом, аналогично – уздечки, удила, нащечники коней. Массагетам были известны и конские фалары, что можно рассматривать как намек на раннее появление у них тяжелой конницы. Геродот также указывал, что единственный бог, которого они (массагеты) почитали, это солнце. Солнцу они приносили в жертву коней, рассматривая это жертвоприношение как необходимость приносить самому быстрому богу в жертву наиболее быстроходное животное (1, 216).

Среди археологических артефактов заслуживают внимания обломки кувшина с ручками в виде фигурки лошади (из святилища Ичянлыдепе), конь и всадник на фляге из могильника Шахсенемгыр-3 и бронзовую конскую ворворку от конской упряжки из святилища Гаравкулдепе.

Небезынтересны сведения Полибия (208-127 гг. до н.э.), что варвары (скотоводы), знакомые с местностью у водопада на Оксе (Узбое, Северо-Западный Туркменистан) проходят в Гирканию (Юго-Западный Туркменистан) со своими конями. Древнегреческий историк (I в. н.э.) Квинт Курций Руф сообщает, что массагетское племя дербтков направило в армию последнего ахеменидского царя Дария (Дарайавауша) III воинский контингент в составе 2000 всадников и 40 000 пехотинцев. Как видно, конь у древних насельников Туркменистана играл огромную роль, как в передвижениях, так и в военном искусстве.

Конь до сего времени является верным другом и спутником у туркмен. Поэтому он воспевается в дестанах и стихах туркменских писателей и поэтов с глубокого средневековья. Какое значение придается туркменами коню видно из того, что одним из государственных символов на Гербе и Флаге независимого нейтрального Туркменистана является конь.

H. YUSUPOV (TURKMENISTAN)

THE ROLE OF HORSE IN CATTLE-BREEDING IN TURKMENISTAN

VI-V c. B.C. - probably the time of horse domestication in Turkmenistan. It is possible to assume considerable percentage of horses on Uzboi at the end of II and at the beginning of the I st c. B.C. Findings of horse hoofs, jaws in Temple-Sactuary of Ichyanly-Depe on Uzboi. Sublingual bones on Garawul-Depe of the large Balhan and ancient written sources are evidence of horse-breeding in the North-Western Part of Turkmenistan. In particular, Gerodot (Vc. B.C.), referring to data the middle of the VI c. B.C., describing armament and munitions of Massaget Cavalry. Gerodot also pointed out to the fact that massagets, living in the East to Caspiy, had worshipped to Sun and sacrificed horses for it.

The following archaeological excavations are of great interest: jug debris with hands in a form of horse figures (Sactuary of Ichyanly-Depe), horse and rider on flasks from burials of Shahsenemgyz -3 and bronze horse statue from Sactuary of Garawul-Depe.

The important role of a horse in moving as well as in military actions of ancient people in Turkmenistan is proved by Tolibiy (208-127y. B.C.) and, Kvinta Rufa (Ic. A.D.) data. From ancient Middle Age horse was poetised in Turkmen destans and verses. And nowadays horse is one of the state symbols on National Emblem and Flag of Independent and Neutral Turkmenistan.

H. ÝUSUPOW (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMENISTANYŇ GADYMY MALDARLARYNDA ATYŇ ORNY

Biziň eramyzdan öň VI-V müňýyllyk Türkmenistanda atlaryň eldekileşdirilmeginiň wagty bolmagy mümkin. Biziň eramyzdan öň I müňýyllygyň ikinji-birinji ýarymynda Uzboýda atlaryň ep-esli mukdarynyň bolandygyny çak etmek bolar. Gadymy ýazuw çeşmelerden, Uly Balkandaky Garawuldepede atlaryň dilasty süňkleriniň we Uzboýdaky keramatly İçýandepede atlaryň toýnaklarynyň äňleriniň tapylmagy Demirgazyk-Günbatar Türkmenistanda atçylygyň bolandygyna şaýatlyk edýär. Esasan hem Gerodot (b.e.öň V asyr), biziň eramyzdan öň VI asyryň maglumatlaryna salgylanyp, massaget atly goşunyň ýaraglandyrylyşy we enjamlaşdyrylyşyny beýan edipdir. Şeýle hem Gerodot Kaspiden Gündogarda ýaşayan massagetleriň Güne çokunýandyklaryny we atlary oňa gurban edendiklerini görkezipdir.

Orta asyrlardan bäri türkmenler dessanlarda we goşgularda atlary dabaralandyýarlar. Häzirki wagtda ol Garaşsyz we Bitarap Türkmenistanyň döwlet nyşany bolan gerbinde ýerleşdirilendir.

ХУДЯКОВ Ю.С. (РОССИЯ)

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЫ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЮРОК

Убранство верхового коня было важной частью материальной культуры древних и средневековых кочевников Центральной Азии. Для кочевника, всадника и воина, боевой конь являлся не только средством передвижения, но и предметом гордости, эстетического отношения. Боевым коням давали собственные имена, богато украшали, защищали доспехом, воспевали в богатырских поэмах. У многих кочевых этносов конь сопровождал умершего в могилу и в потусторонний мир.

Для того чтобы ездить верхом всаднику, помимо умения было необходимо такое убранство коня, которое позволяло удобно передвигаться и управлять им. Со времени освоения верховой езды в кочевом мире Евразийского пояса степей конское убранство постоянно видоизменялось и совершенствовалось. Изучению проблем происхождения, классификации и эволюции конской сбруи: удила и псалия, седла и стремян, уздечных и седельных ремней посвящена обширная научная литература.

Роль древних тюрок в распространении государственности, основных образцов военно-дружинной культуры, тюркского языка и письменности в период раннего средневековья среди других кочевых этносов была исключительно велика и всеобъемлюща.

Для полноценной реконструкции конского оголовья – одной из важных составных частей сбруи первостепенное значение имеют находки хорошо сохранившихся частей

ременной основы узды с металлическими украшениями. За последние десятилетия на территории Тянь-Шаня и Саяно-Алтая было сделано несколько таких интересных находок в погребениях с верховыми конями, относящимися к культуре древних тюрок в различные периоды ее существования.

Несколько иной была конструкция ременной основы узды, обнаруженной в процессе раскопок древнетюркских захоронений с лошадьми на памятнике Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине Тянь-Шаня, исследование которых проводилось автором совместно с К.Ш. Табалдиевым. В кургане № 20 сохранились частично нащечные, наносный, подчелюстной и подшейный ремни узды с декоративными подвесными ремешками, крепившимися с обеих сторон к нащечным ремням. Система соединения ремней узды была различной.

Более простая по конструкции узда обнаружена на черепе коня в кургане № 30 на памятнике Беш-Таш-Короо II. Она состояла из двух нащечных, налобного, наносного, затылочного, подшейного и подчелюстного ремней. На левом нащечном ремне было укреплено 14 сферических бляшек, на правом - восемь. Еще семь бляшек было на налобном ремне, но размещены они необычно, внутри налобного ремня сложенного вдвое, одна часть которого поверх бляшек.

Памятник Беш-Таш-Короо II датируется VII – VIII вв. Он должен относиться ко времени существования Западного Тюркского каганата на Тянь-Шане. Асимметрия в расположении бляшек на узде у западных тюрок, возможно, была связана с тем, что левая сторона, с которой осуществлялась посадка всадника в седло, считалась у лошади «парадной» и поэтому украшалась бляшками и подвесными ремешками обильнее, нежели правая.

Еще одна узда, с хорошо сохранившейся ременной основой была обнаружена автором при раскопках древнетюркского погребения с конем на памятнике Ибыргыс-кисте в Минусинской котловине. Особенность конструкции этой узды заключалась в том, что оба нащечных ремня были завязаны узлами в местах соединения с налобными, наносным, затылочным, подшейным и подчелюстным ремнями.

Судя по количеству бляшек, эта узда также была асимметричной. По комплексу находок памятник Ибыргыс-кисте относится к IX – X вв.

Разнообразие форм узды и наборов металлических украшений конского оголовья в пределах западного и восточного ареалов распространения древнетюркской культуры свидетельствует о разработке и использовании всадниками различных конструкций и способов крепления уздечных ремней и изменениях моды на металлические украшения. Для периода Первого Тюркского каганата была характерна узда с жесткой конструкцией и гладкими бляшками с фигурно оформленными краями. В периоды существования Западного Тюркского каганата на Тянь-Шане получает распространение узда, в конструкции которой используются проемы и узлы, а для украшения применяются гладкие округлые и сферические бляшки. Близкие по характеру оформления украшения встречались и в памятниках древних тюрок в Туве, относящихся ко времени Второго Восточного Тюркского каганата. Асимметрия в оформлении и различия в наборе украшений оголовья были характерны, преимущественно, для западных тюрок.

После падения Второго Восточного Тюркского каганата в середине VIII в. культура древних тюрок не прекратила своего существования, но испытала значительное влияние со стороны культур уйгуров и кыргызов. Вероятно, под этим влиянием среди тюрок в Минусинской котловине получили распространение сбруйные украшения с канонической религиозной символикой в орнаментации.

На протяжении эпохи раннего средневековья конское убранство древних тюрков пережило несколько этапов в своем развитии и было в течение ряда столетий образцом для заимствования со стороны других этносов, находившихся в орбите влияния тюркских государств.

Y.S.KHUDYAKOVA (RUSSIA)

THE BRIDLE RECONSTRUCTION OF WESTERN AND EASTERN TURKS

The different bridles forms and set of metal decorations in eastern and western regions of Turks are the evidence of different riddle constructions, their usage and development, the bridles fixing ways and modification of metal decorations.

Firm bridle construction and smooth plaque with figured borders were typical for the First Turk period. The bridle construction with embrasures and knots, the smooth, round and spherical plaques have been spread up in the ruling period of Western Turks in Tien-Shan. The same decorations were excavated within ancient Turk monuments in Tuva dated the ruling period of the Second Western Turks. Skewness in forming and difference decoration sets were typical mostly for Western Turks. After the ruling period of the Second Western Turks (the middle of 8 c.), an ancient Turk culture did not stop its existence and it has suffered a great influence of Uigur and Kyrgyz cultures. Probably, under their influence, harness decorations with canonical religious symbolism in figuration got their spreading among Turks in Minusinsk basin.

Horse decoration of ancient Turks suffered several stages in its development during the early Middle Age and it has been served as an example of borrowing from other ethnic groups, which were under Turk influence for many years.

ÝE.S.HUDÝAKOW (ORSÝÝET)

GÜNBATAR WE GÜNDOGAR TÜRKLERIŇ JYLAWY KÄMILLEŞDIRIŞI

Gadymy türk medeniýetiniň günbatar we gündogar çäklerinde ýaýrama jylawy dürli görnüşli şekilleri we at başlyklaryň tutuş metaldan edilen bezegi, atlylar tarapyndan dürli hili ýasalan jylawyň ulanmagy we jylaw çekileriniň berkidilişiniň kämilligi hem metal bezegleriň ýörgünliliginiň üýtgemegi şaýatlyk edýär. Birinji Türk kaganaty döwründe dürli şekilli ýalpyldyly jähekli gaty jylawlar häsiýetlidir. Günbatar Türk kaganatynyň Týan-Şanda emele gelen döwründe deşikli we düwünli ýasalan jylawlar giňden ýaýrapdyr, bezeg üçin bolsa tegelek hem şar görnüşli ýalpyldawuk zatlary ulanypdyrlar.

Ikinji Gündogar Türk kaganaty zamanynda degişli häsiýeti boýunça meňzeşräk ýerine ýetirilen bezegler Gündogardaky gadymy türk ýadygärliklerinde hem gabat gelýär. Bezeg taýdan birmeňzeş bolmadyk we dürli hili atbaşlyklar, köplenç, günbatar türklere häsiýetlidir.

XVIII asyrdan Ikinji Gündogar Türk kaganaty dargansoň, gadymy türk medeniýeti ýok bolup gitmedi, ýöne uýgur we gyrgyz medeniýetiniň täsirini özünde duýdy. Mümkin, şu täsirler esasynda Minusinsk çökeltliginiň türkleriniň arasynda nagşynda dini nyşanlary ulanmak dessury bolan at bezegleri giňden ýaýrapdyr.

КОНИ И ВСАДНИКИ ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Культура разведения породистых лошадей в Туркменистане уходит корнями в глубокую древность. Конь для туркмена был и остается не просто домашним животным. Это душа нации, ее внутренняя сущность, неотъемлемая черта менталитета туркменского народа. Коню давали прекрасные романтические имена, ему посвящали свои лучшие произведения поэты, народные певцы - бахши, а мастера - ювелиры создавали подлинные шедевры, изготавливая изумительные по красоте образцы конного снаряжения.

Не случайно, именно в Туркменистане единственной стране мира в Центральной части Государственного герба изображен не символический, а реальный, ныне здравствующий ахалтекинский скакун Янардаг - чемпион породы 1999 года, который стал символом нации на века.

Это не только символично, но и обусловлено исторически, что подтверждают изображения на древних монетах Туркменистана.

Как известно, символика денежных знаков во всем мире и во все времена отражает самые существенные духовные и политические ценности государства, его идейную суть. Характерно, что именно на монетах выпускавшихся в древности на территории Туркменистана часто встречаются изображения коня и всадника, как символа неразрывного единства человека и его верного, надежного друга-коня. Впервые изображения коня появились на монетах ещё во 2-ом и 3-ем веках до нашей эры в государстве Селевкидов в Греко-Бактрии.

При взгляде на них возникает ощущение полета, стремительности. Может быть, именно в то время появилось выражение «небесные кони»? В этом же государстве позднее, при царе Эвкратиде I (175-150-гг до н.э.) на монетах вновь появляются прекрасные изображения, связанные с конем. На этот раз это всадники мифические братья - близнецы Диоскуры, покровители Олимпийских игр. Этот сюжет не случаен. Олимпиады в Греции и эллинистических государствах, каковым являлась Греко-Бактрия были выдающимся событием и конные состязания представляли собой одно из самых ярких зрелищ на стадионах и ипподромах.

Туркменистан является родиной одного из самых могущественных государств античности. - Парфии. Почти 500 лет истории этого государства оставили неизгладимый след в мировой цивилизации. Яркой страницей истории Парфии является ее соперничество с великой Римской империей. Это была борьба за независимость, за право самим решать свою судьбу.

В I в. н.э. на территории Туркменистана родилось и быстро превратилось в гигантскую империю Кушанское царство. На монетах этой империи изображен царь с титулом «Спаситель» восседающий на идущем парадным шагом коне.

На хорезмской монете 3 в. н.э. также изображен царь на коне. Имя его известно - это Вазамар, в царствование которого Хорезм стал одним из могущественнейших государств эпохи античности. Идея сильной царской власти здесь также передана через впечатляющий образ коня- всадника.

В эпоху развитого Средневековья в 12-начале 13 века достигло своего наивысшего расцвета государство Туркменских Хорезм шахов. И здесь мы видим на

монетах целую серию изображений связанных с конем и всадником. Однако на этот раз всадник не божество и не венценосный правитель, а воин.

Абрис изображения очень динамичен, всадник запечатлен в движении, в бою, в момент стремительной атаки.

Туркменский народ в различные периоды своей истории переживал и взлеты и трагедии, прошел через множество невзгод и испытаний, но и спустя столетия сохранил свою культуру, свою самобытность. Все лучшее, что было достигнуто предками за тысячелетия истории, в том числе и высочайшую культуру коневодства, уникальную в своем роде, донес он до наших дней.

В начале прошлого века на самых престижных соревнованиях и выставках туркменские скакуны демонстрировали свои поразительные неподражаемые качества породы высочайшего класса, что приводило в изумление выдавших виды специалистов - коневодов из многих стран мира. Свидетельство тому - высокие награды, которые удостоивались отличные мастера своего дела, талантливые специалисты - конезаводчик Туркменистана. Нет сомнения в том, что и в золотом веке «небесные кони» - славные ахалтекинские скакуны останутся одной из главных ценностей древнейшего, талантливого и трудолюбивого туркменского народа.

V. TYUNIBEKYAN (TURKMENISTAN)

A HORSE AND A HORSEMAN (ACCORDING TO THE MATERIALS OF NUMISMATIC MONUMENTS OF TURKMENISTAN)

The symbolic signs of bank notes in the whole world and for all times reflect the most considerable spiritual and political values of the state, its ideal essence. Typically those were coins issued in the ancient times on the territory of Turkmenistan with the image of horse and horseman, as a symbol of integral unit of the man and his faithful, reliable friend – a horse. Firstly the image of the horse appeared on coins in the II-III centuries B.C. in the state of selewkids and Greek-Backtries. Turkmenistan is the motherland of one of the powerful ancient Parthian states. In spite of that the images on Parthian coins were not changed nearly during all the century-old history of the state, reflecting the official ideology of Arshakids on the coin of the tsar Orod I (57-37 y. y. B. C.) the image of the horse which was the image of the perpetuation in the memory about the great victory over the Roman people. In the 1-st century A. D. On the territory of Turkmenistan the Kushan tsarism was born and turned into a giant empire quickly, on the coins of this empire the tsar possessing the title of “Saviour”, sitting on the horse which was going to the parade. In the epoch of the developed Middle Ages in the XII and at the beginning of XIII centuries the Turkmen Khorezm state achieved its highest prosperity and here we see the whole series of images on the coins, connected with the horse and the horseman. Here the horseman is not deity and crowned governor but a warrior.

W.TÝUNIBEKÝAN (TÜRKMENISTAN)

AT WE ATLY. TÜRKMENISTANYŇ NUMIZMATIKA ÝADYGÄRLIKLERINIŇ MATERIALLARY BOÝUNÇA

Pul belgileriniň nyşanlary bütin dünýäde, hemme döwürlerde döwletiň bar bolan ruhy hem syýasy gymmatlyklaryny, onuň ideýasynyň manysyny suratlandyryar. Gadymy döwürde Türkmenistanyň territoriýasynda çykarylan şaýlarda atyň we atlynyň şekili gabat gelmegi

häsiýetlidir. Çünki bu adam bilen onuň wepaly we ynamdar dostunyň atyň aýrylmazdygynyň nyşanydyr.

Şaýlarda atyň şekili ilkinji gezek baryp b.e.öň III- II asyrlarda Grek-Baktriýada Selewkidler döwletinde peýda bolupdyr. Türkmenistan gadymy Parfiýanyň iň güýçli döwletiniň biriniň watanydyr.

Parfiýa şaýlarynda Arşakidleriň resmi ideologiyasy şekillendirilip, ol köp asyrylyk taryhynyň dowamynda üýtgemegine garamazdan, patyşa Oroda I-ň şaýlarynda (b.e.öň 57-37 ý.ý.) atyň şekili peýda boldy. Şeýlelikde, rimlilerden üstün çykylmagyny, beýik ýeňşi ebedileşdirdi.

И. В. ПЬЯНКОВ (РОССИЯ)

“ВСАДНИКИ” ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

О среднеазиатских “всадниках” нам сообщают античные авторы, повествующие о временах крушения Ахеменидской державы и походов Александра Македонского. Известно, что эти “всадники” служили в войсках сначала Дария III, затем Александра и его преемников, а впоследствии и греко-бактрийских царей, но более близко мы с ними знакомимся тогда, когда в источниках речь идет о событиях в самой Средней Азии, связанных с македонским вторжением. Именно бактрийские, согдийские и арийские “всадники” оказывают самое упорное сопротивление македонянам, делая завоевание Средней Азии таким трудным для Александра. Они сопровождают персидских сатрапов, Бесса и Сатибарзана, или своих вождей, Спитамена, Оксиарта и других, сражаются с македонянами, но жилища их – в сёлах, куда они и скрываются в случае неудач своих предводителей. Иногда эти сёла характеризуются как “укрепления, крепостцы” (егумата). Таких сёл-крепостей было много в Согдиане, в местности от Окса (Амударья) до Мараканды (Самарканда) и в долине Политимета (Зеравшана). Нельзя не вспомнить в этой связи, что еще Ктесий говорил о множестве “храбрых мужей” и “неприступных укрепленных мест” Бактрии, а молва о “бактрийских крепостях” дошла до греческого поэта Эврипида.

Иногда эти “всадники” именуется у историков Александра “гипархами” (hyparchoi). Вообще слово “гипарх” означает “помощник, младший начальник, наместник”, но в эллинистическую эпоху оно могло относиться еще и специально к владельцу “хоры”, т. е. культивируемой земли, жилища, орудий и урожая. А еще однажды они названы в источнике “клиентами” (clientes). Это слово в его контексте следует уже прямо понимать как “ленник, вассал”.

Из совокупности всех этих данных довольно явственно вырисовывается следующая картина: “всадники” бактрийцев, согдийцев и ареев – это особый слой населения, они владеют укрепленными поместьями и возделываемыми землями, но держат их на условии военной службы своим господам. Открытые археологами изображения бактрийских всадников, одетых в броню и вооруженных копьями, действительно напоминают средневековых рыцарей.

Господами “всадников”, их сюзеренами в ахеменидскую эпоху выступали, прежде всего, персидские сатрапы. Те и другие составляли в местном обществе одно правящее военное сословие.

Правящее военное сословие нашло себе место и в древнеиранских генеалогических легендах.

Именно дехканство как “поземельное дворянство” и придавало своеобразие общественному строю Средней Азии раннего средневековья – Хорасану и Согду. Об

этом много и убедительно писал акад. В. В. Бартольд. Но в мусульманское время этот социальный слой, испытывая один удар за другим, уже умирал. Расцвет его приходится на домусульманское время. Что же представляли собой дехканы Средней Азии той эпохи? Следует сказать, что мусульманские авторы называли дехканами всех представителей господствующего слоя Средней Азии. Среди них могли быть и правители крупных областей – “великие дехканы”, и собственно дехканы. Последние зависели от крупных правителей, обитали в поместьях – укрепленных усадьбах, своего рода “замках”, вокруг резиденций своих господ, должны были – они сами или их сыновья – являться ко двору господ и служить в их войске в качестве тяжеловооруженных всадников, “рыцарей”. Такие воины могли создавать и постоянные дружины, с которыми, несомненно, связан институт, получивший у исследователей название “мужского союза”. Этот институт имеет глубокие индоиранские корни, а в аршакидскую эпоху, как полагают, в качестве наследия востока иранского мира распространился и на западе Ирана. Как видим, такое положение правящего военного сословия сформировалось в Средней Азии, по всем признакам, уже к ахеменидскому времени. Оно являлось важнейшей из черт, определявших своеобразие общественного строя народов Арианы, отличавших последние как от западно-иранских, так и от восточно-иранских племен. Истоки такого положения уходят в авестийские времена. Но картина, относящаяся к тем временам, более архаична: социальная система еще не стабилизировалась, а военное сословие находится в остром антагонизме с крестьянством. Авеста, которая отражает идеологию мирного крестьянства, называет его противников злыми “не-пастухами”, (т. е. не-крестьянами) и “дурными правителями”, а иногда прямо именует их састарами, предводителями дружин. Эти свирепые разбойники разоряют селения, похищают скот и убивают людей. Правда, отзвуки такого положения фиксируют еще и историки Александра: бактрийские “всадники”, по их словам, “привыкли разбойничать даже в мирное время”.

I.V. PYANKOV (RUSSIA)

“HORSE RIDERS” OF ANCIENT CENTRAL ASIA

Classical (Greek and Roman) news about “horse riders” of Central Asia in Alexander’s the Great days is considered in this work. The contributor comes to the conclusion that these “horse riders” are a definite social layer, namely military layer and they are the direct foregoers of early medieval peasantry as “land nobility”. They define the specific features of the social system of the Arian peoples - the peoples of “Avestian” circle.

M.W. PÝANKOW (ORSYÝET)

GADYMY ORTA AZIÝANYŇ ATLYLARY

Şu işde Aleksandr Makedonskiniň döwründe Orta Aziýanyň “atlylary” barada klassyky (grek-rim) habarlaryna seredilýär. «Şu «atlylar» belli sosial gatlakdyr, hut harby gatlakdyr, ýagny «ýer dworýançylygy» ýaly irki orta asyrlaryň daýhançylygynyň göni düýbünü tutujydyr we «awestiýa» halklarynyň topary – Arian halklarynyň jemgyýetçilik guruluşynyň aýratynlygyny kesgitleýär» - diýip awtor netijä gelipdir.

ВСАДНИКИ КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЫ

В 1998 году кыргызские археологи Куват Табал-диев и Ораз Солтобаев в ходе археологических работ в Кочкорской долине (Центральный Тянь-Шань) обнаружили комплекс древнетюркских рунических надписей, тамговых знаков и петроглифов на крупных камнях-валунах. Среди петроглифов - многочисленные силуэтные изображения горных козлов, архаров, двугорбых верблюдов и пеших охотников, стреляющих в зверей из луков. Но особенно примечательны два почти идентичных изображения всадников, одно из которых помещено на том же валуне, что и руническая надпись.

Дешифровка рунических надписей (Кляшторный 2001) позволила обрести новое видение военно-политической значимости Кочкорской долины в раннем средневековье. Долина расположена на высоте 1900-2000 м в верховьях р. Чу; ее длина около 80 км, ширина до 20 км. Она замкнута в кольцо снежных хребтов Центрального Тянь-Шаня, к которым примыкают выходящие на равнину мелкие цепи невысоких гор. Долина р. Чу открывает равнину к юго-западному берегу Иссык-Куля, где в древности пролегалла одна из основных трасс Великого Шелкового пути. Кочкорская долина насыщена погребальными и поминальными памятниками древнетюркского времени (У1-Х вв.) (Табалдиев 1996).

Прочтение древнего имени долины - «наш Ярыш» - сразу вводит нас в круг событий первой половины VIII в., зафиксированных эпиграфическими и нарративными источниками. Главный из них - камнеписный памятник Тоньюкука, советника и полководца трех восточно-тюркских каганов конца VII - первых трех десятилетий VIII в.

Великий арабский историограф ат-Табари (IX в.) подробно описал ту долину «в три дня пути длиной» и те окружающие долину горы, где тюргешский каган собирал свою армию и готовил ее в поход к битвам. Это была заповедная долина, к которой нельзя было приближаться в мирное время. Тюрки называли такие заповедники куруками.

Конский убор и павлин надежно связывают обе сцены, кочкорскую и шансийскую, и вместе с памятниками согдийского искусства Пенджикента определяют тот круг представлений, образов и куль-Древности Таджикистана. 1985. Каталог выставки. Душанбе.

S.G.KLIASHTORNIY (RUSSIA)

HORSEMEN OF KOCHKOR VALLEY

In 1998, during the archaeological works a whole complex of the old Turkic runic inscriptions, tamgic signs and petroglyphs, which were cut on the large stone was found in Kochkor Valley. The most interesting object from this complex is a picture of horseman, who was sitting on horseback and holding a bird, in which we probably can recognize a peacock, in his right stretched hand.

Iconography of this picture, especially detailed of harness and appearance of the bird, finds analogies with China on the one hand and with monuments of Sogday art of Penjikent on the other had. The picture of horseman is accompanied with runic inscriptions, the deciphering of which let us get new vision of Army - political significance of Kochkor Valley in Turgesh period.

GOÇGOR JÜLGESINIŇ ATLYLARY

1998-nji ýylda Goçgor jülgesinde (Merkezi Týan-Şan) gazuw-agtaryş işleri geçirilen mahaly gadymy tür pahna ýazuwyndaky hatlaryň tamga (tagma) belgileriniň, netroglifleriň ullakan daş parsaňlarynyň ýüzüne köwlep ýazylan tutuş bir toplumy tapylypdyr. Şol toplumyň arasyndan gapdala uzadan sag elinde mawus bolaýmagy ähtimal bolan gysy tutup oturan atlynyň şekili aýratyn ünsi özüne çekýär. Şol şekillerdäki ikonografiýa, atlaryň esbaplary guşuň keşbi, bitarapdan Hytaýdaky, ikinji tarapdan, Pendikendiň sogdy sungatyna çalymdaş. Atlynyň şekiliniň ýanynda pahna usulynda ýazylan hatlaram bar. Şolhatlaryň okalmagy bolsa Goçgor jülgesiniň Türgeş hanlygy döwründäki harby-syýasy ähmiýeti barada täzeçe garaýyşlaryň emele gelmegine itergi berdi.

С.В.КРАСНИЕНКО (РОССИЯ)

ТЮРКСКИЕ ВСАДНИКИ У СЕВЕРНЫХ ОТРОГОВ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ

С территории юго-запада Красноярского края происходит уже довольно многочисленная серия случайных находок железных наконечников стрел – более 20 экземпляров. Находки сосредоточены в основном вдоль подножья северных склонов Кузнецкого Алатау, окаймляющих южную границу Назаровской котловины: по берегам реки Темра, в деревнях Ораки, Линёво, Береш, на территории города Шарьпово, а также на садоводческих участках вдоль рек Береш и Базыр. Среди находок представлены разнообразные типы этой категории находок.

Трёхпёрые наконечники стрел относятся к вещам катандинского типа и датируются VII-VIII вв. (А.А.Гаврилова 1965). Подобные находки известны, в частности, по впускным захоронениям в насыпях тагарских курганов Сабинка I и Кирбинский Лог (Д.Г.Савинов, П.Г.Павлов, Е.Д.Паульс 1988). Однако, такие же, также известные по названным памятникам наконечники с пирамидально оформленной верхней частью и прорезями в лопастях характерны для культуры енисейских кыргызов и получают широкое распространение после середины IX века (Д.Г.Савинов 1984).

Сильно уплощённые и плоские наконечники стрел с различными вариантами оформления пера появляются по мнению Д.Г.Савинова (1973) не ранее IX века, что служит важным хронологическим признаком.

Очевидно, что лук и стрелы с железными наконечниками – оружие воина. При этом многочисленные примеры, в том числе и приведённые выше, позволяют говорить, что в эту эпоху лук и стрелы – оружие всадника. Погребения тюркского времени, исследованные на соседних территориях, свидетельствуют, что наконечники стрел присутствуют в них в большом количестве. Причина очевидна: лук и стрелы – наиболее массовый вид оружия, а наконечники стрел – самый тиражируемый предмет.

Ближайшие соседние территории как на юге – Хакасско-Минусинская котловина, так и на западе – Западная Сибирь демонстрируют развитые археологические культуры этого времени. Некоторые исследованные памятники – Змеинкинский и Калмакский могильники в среднем течении р.Чулым (О.В.Беликова 1996) – позволяют исследователям выдвинуть мнение, что именно сюда из Тувы сместился центр культуры енисейских кыргызов (А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская 1998). Если этот

факт имел место, то передвижение не могло не оставить следов в Назаровской котловине. Однако, помимо указанных случайных находок фактов пока нет. Но найденные среди случайных находок предметы принадлежат к числу изделий общетюркского облика и не могут с определённой свидетельствовать о том или ином этносе.

По данным И.Л.Кызласова (1981) в памятниках аскызской культуры – археологической культуры, связанной со средневековым хакасским государством X-XIV вв. – известны пережиточные формы предметов археологической культуры предшествующей аскызской - тюхтятской (IX-X вв.). Речь в данном случае идёт о таком элементе вооружения как наконечники стрел. Можно предположить, что удачная конструкция этого вида оружия позволила использовать его на протяжении и более длительного времени вплоть до появления огнестрельного оружия. В связи с этим находки могут относиться и к другой эпохе.

К моменту начала русской колонизации рассматриваемой территории (начало XVII века) часть её занимало одно из четырёх княжеств “Киргизской земли” (Хакасии) - Алтысарское. На протяжении всего XVII века имели место военные столкновения между русскими властями и хакасскими княжествами. В частности, известны военные действия 1609 и 1615 гг., которые велись алтысарским князем Кочebaем против изменившим ему данников (“кыштымов”), и ответные действия против него со стороны русских. И если на раннем этапе хакасские воины были вооружены традиционным оружием: холодным и метательным (лук и стрелы), то постепенно и сюда, несмотря на запрет московского правительства, проникало огнестрельное оружие, что однако не исключало дальнейшего параллельного использования лука и стрел и огнестрельного оружия (История Хакасии 1993).

Заключая, можно констатировать, что предметы, принадлежащие к комплексу вооружения тюркского времени, найденные в пределах Назаровской котловины, позволяют утверждать, что вооружённые всадники-тюрки оставили следы пребывания здесь, но уточнение временного диапазона этого пребывания требует дальнейших исследований.

S.V. KRASNIENKO (RUSSIA)

TURKIC RIDERS NEAR THE NORTH SPEERS OF KUZNETSK ALATAU

A large series (more than 20 specimens) of accidental finds of iron tips for arrows, which belong to the number of Turkic wares and can be connected with different cultures including the culture of Kirghizs living at Yenisei River, descends from the south-west territory of Krasnoyarsk area (a region of Nazarov hollow). Numerous cases of their revelation in grave complexes together with the wares of horse harness at the other territories of South Syberia testify that bow and arrows with the iron tips were the parts of arms for warrior-rider.

Objects, belonging to the arms at Turkic period of time, which were found in the bounds of Nazarov hollow, let us suppose that armed riders - Turks left there the signs of their stay.

KUZNES ALATAUNYŇ DEMIRGAZYK DAG EŇNITLERINDÄKI TÜRK ATLYLARY

Krasnoýar ülkesiniň demirgazyk günbatarynda (Nazarow çökertliginden) türki sypata degişli bolan we dürli medeniýetler bilen, şol sanda ýeniseý gyrgylary bilen hem baglanyşykly bolan demir peýkamlarynyň uçluklarynyň tapyndylary duş gelyär. (20 ekz. Gowrak). Köp halatlarda günorta Sibiriň territoriýalaryndan tapylýan ýerlerde ata goşulýan enjamlar bilen bilelikde ýaý we peýkamlar hem bardyr. Bu alamatlar atly urşujylaryň ýaraglarydygyny görkezýär. Nazarow çökertliginiň çäginde tapylýan türk döwrüniň urşujylarynyň zatlarynyň toplумы olaryň bu ýerde yzlaryny galdyrandygyny görkezýär.

Е. И. КЫЧАНОВ (РОССИЯ)

“ЖЕЛЕЗНЫЕ ЯСТРЕБЫ” – КОНИ И КОННИЦА В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (982-1227 ГГ.)

Тибетско-тангутский юго-западный угол Центральной Азии всегда славился хорошими лошадьми и силой своих конных армий. В пору расцвета Тибетского государства (VI-IX вв.) Тибет мог выставить четыре элитных гвардейских кавалерийских корпуса по 10 тыс. всадников, и каждом корпусе кони были одной масти. У этнически близких тибетцам тангутов коневодство было традиционным видом хозяйственной деятельности, и в догосударственный период и в период существования тангутского государства лошади являлись основной статьей экспорта в Китай.

Конница была основной ударной силой армии Ся. Основную часть ее составляли так называемые “железные ястребы”. Как писал китайский современник, эта конница “путь в сто или тысячу ли... всегда сможет преодолеть быстро и в срок, подобно удару молнии или полету тучи”. Тангуты подчинили уйгуров Ганьсу, восточных тибетцев, в XI в. они отстаивали свою независимость от Китая, в первой четверти XIII в. долго и упорно сопротивлялись Чингиз-хану, явив значительно большую силу к сопротивлению, чем государство Хорезмшахов, кипчаки, государства Кавказа, Булгарское государство и Русь.

Коневодство было главной заботой государства, тангутские законы регулировали работу государственных конных заводов, а также содержание в частных хозяйствах лошадей, предназначенных для армии.

В тангутском фольклоре, в частности в пословицах, как и у многих народов Центральной Азии распространенным видом сравнения является человек-лошадь.

Известно более двадцати тангутских изречений, где упоминается лошадь.

В XIII в. наиболее мощной оказалась конница монгольская, это напрямую было связано и с парадами монгольских боевых коней. Эффективность конницы стала постепенно сходить на нет с появлением огнестрельного оружия. В этом плане характерен пример разгрома цинскими войсками ойратских армий с помощью пушек, отлитых по европейским технологиям. Тем не менее, конные армии сохраняли свою эффективность до первой трети XX в. “Железные ястребы” Конной Буденного не сумели прорваться до Варшавы, а во вторую мировую войну на смену коннице пришли танки, как когда-то конница пришла на смену боевым колесницам древности.

**“IRON HAWKS” - HORSES AND THE HORSE IN TANGUT STATE SI SYA
(982-1227)**

The horse-breeding in Tangut State was a traditional sort of economic activities, horses were the main point of export into China. The horse-breeding was governed by stat structures, Tangut laws adjusted the work of horse industry. The shock troops of the Tangut's horse (cavalry) were so-called “Iron Hawks” - cavalry corps delight, consisting of professional warriors, who fought on high pedigree horses. The relationships between man and horse were reflected in Tangut folk-lore.

Ýe.I.KYÇANOW (ORSYÝEt)

**“POLAT ALGYRLAR” SI-SANYŇ (982-1227)
MANGUT DÖWLETINIŇ ATLARY HEM ONUŇ ATLY GOŞUNY**

Mangutlaryň döwletinde atçylyk hojalygynyň däbe öwrülen görmüşü hasaplanyp, atlar Hytaýa eksport edilýän harytlaryň esasyalarynyň biri bolupdyr. Atçylyk döwletiň gözegçiliginde saklanyp, tangut kanunlary atçylyk hojalyklarynyň işini düzgünleşdiripdir. Tangutlaryň atly goşunlarynyň esasy güýji “polat algyrlar” diýlip, atlandyrylýan bölümde jemlenipdir. Ussat urşujylardan düzülen saýlama korpuslar tohum atlary münüp söweşipdirler. Ýnsanyň we atyň arasyndaky baglanyşyk tangut folklorunda öz mynasyp beýanyny tapypdyr.

ДЖ. Я. ИЛЬЯСОВ (КАЗАХСТАН)

КОНСКОЕ УБРАНСТВО И МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ

Раскопки Пазырыкских курганов дали разнообразные данные о коне и всаднике восточного ареала распространения ираноязычных племен. В частности, выявлена одна из особенностей конского убранства — манера заплетать конские хвосты и надевать на них кожаный чехол. Оттуда же происходят и самые ранние из известных нам изобразительных материалов, на которых представлены лошади с чехлами на хвостах. Так, на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана, где изображен всадник перед богиней, сидящей на троне, очень четко показаны как чехол, покрывающий верхнюю часть хвоста, так и хвост, заплетенный в косу. Датируется этот курган началом — первой четвертью IV в. до н. э.. Другой пример — парные золотые поясные пряжки с композицией “Всадники под деревом” из Сибирской коллекции Петра Великого. У коней на пряжках хвосты в верхней части покрыты чехлами, причем один из хвостов, тот, что на переднем плане, заплетен в косу, второй состоит из вертикальных прядей. Чехол, похоже, изображен и на пряжках со сценой охоты на кабана из той же коллекции. Пряжки датируются IV—III вв. до н. э. Данная манера конского убранства, по всей вероятности, заимствованная китайцами у своих кочевых соседей, запечатлена у коней из “глиняной армии Цинь Шихуана” (ок. 210 г. до н. э.), у терракотовых коней всадников из ханьских гробниц, упакованным в чехол показан хвост бронзовой позолоченной статуи коня, найденной вблизи от погребения ханьского императора У-ди (140—86 гг. до н.э.). Примеры изображения чехла на конском хвосте дают монеты индо-сакских

правителей Спалириса, Аза I, Азилиса, Аза II и других.

Следующая находка с изображениями чехлов происходит с территории Самаркандского Согда. Это костяные пластины из кургана 2 Орлатского могильника, опубликованные и описанные во множестве работ. Из девяти лошадей, изображенных на двух больших поясных пластинах, чехлы видны на хвостах пяти: у четырех коней, участвующих в сражении (еще у двух в этой сцене круп попросту не виден) и у коня в сцене охоты (у последнего на хвосте ниже чехла имеется округлая застежка, как у коня на одной из тахтисангинских пластин). Пластины разными авторами датируются в весьма широких пределах — со II–I вв. до н. э. по IV–V вв. н. э.; мы придерживаемся датировки I–II вв. н. э.; с этой датировкой согласен и В. Е. Маслов.

Наконец, еще один регион, в котором имеются изображения коней с чехлами на хвостах, — это Боспорское царство в Северном Причерноморье. Мы находим их в пантикапейских погребальных памятниках сарматизированной боспорской знати — росписях в “склепе Анфестерия” и на каменной стеле Афения, датируемых серединой — второй половиной I в. н. э..

Итак, приведенные выше иконографические материалы, равно как и реальные находки, сохранившиеся в уникальных условиях Горного Алтая, демонстрируют существование в древности обычая покрывать заплетенные или распущенные конские хвосты специальными чехлами, изготовленными из кожи и, возможно, материи. Территория распространения этого обычая простирается от Горного Алтая и Китая на востоке до Восточного Крыма на западе, а на юге достигает владений индо-сакской династии Аза, ядром которых были Таксила и Гандхара. Не трудно заметить, что территория эта совпадает с ареалом ираноязычных кочевых племен, охватывая также земли завоеванных ими оседлых государств (в Китае — не завоевание, но сильнейшее влияние на формирование кавалерийских войск в конце IV в. до н. э.), а сам обычай, точнее, его изобразительные воплощения, “молодеют” по мере продвижения на запад. Сам собой напрашивается вывод о появлении данной манеры конского убранства на восточной периферии скифо-сарматского мира и распространении его в западном направлении, начиная со II в. до н. э. вместе с юечжами, которые были, по предположению С. И. Руденко, носителями Пазырыкской культуры. Можно полагать, что рассматриваемая нами традиция была характерна для юечжей и саков (бляха из кургана Иссык), то есть для населения восточной части евразийского степного пояса. Судя по многочисленным изображениям коней и всадников в искусстве Европейской Скифии IV–III вв. до н. э., для кочевников этого ареала зачехление конских хвостов не было характерно. Не удалось выявить подобную манеру и в изобразительных памятниках ахеменидского и сасанидского Ирана. У коней в ахеменидском искусстве (рельефы, торевтика, геммы, шерстяной ковер из 5-го Пазырыкского кургана) хвост имеет половину нормальной длины, часто по особенному заплетен (или оплетен), а конец его завязан в узел, с которого свисают концы ленты. Это не аналогично Орлатским изображениям, как пишет В. Е. Маслов со ссылкой на изображения Амударьинского клада. Судя по сасанидской торевтике, хвосты лошадей подвязывались самыми разнообразными способами, однако изображений хвоста, помещенного в чехол, нет. На некоторых из сасанидских скальных рельефов, например, в сцене триумфа Шапура I над римским императором Валерианом или в сцене инвеституры в Накши-Рустам, хвосты коней, судя по всему, плотно оплетены лентами. По виду это несколько напоминает чехол, но не является таковым. Таким образом, юечжийско-сакская традиция попадает в южные районы Средней Азии и далее на юг вместе с саками и вскоре последовавшими за ними юечжи-тохарами, отразившись в чекане индо-сакской династии Аза в I–II вв. н. э. у кушан мы находим

интересующую нас особенность конского убора в монетном чекане Санаба-“Герая”, Вимы Такто и Канишки I, а также в художественном металле (Саксонохур), резной кости (Тахти-Сангин), настенной живописи (Дальварзинтепа). К этому же периоду относятся Орлатские пластины, которые отражают, по нашему мнению, культурную традицию кангюйцев, являвшихся, согласно Б.А. Литвинскому, потомками саков, к тому же испытавших, возможно, некоторое хуннское влияние в связи с событиями второй половины I в. до н. э. – I в. н. э.. Наличие рассматриваемой детали у парфян можно объяснить тесными парфяно-сакскими контактами (или же дахо-парнским наследием). Вместе с пришедшими из Средней Азии кочевыми племенами, принявшими в I–II вв. н.э. непосредственное участие в формировании сарматских племенных союзов, например, аланского, рассматриваемая нами манера украшать конский хвост распространяется до Боспора. Она может рассматриваться в ряду инноваций, привнесенных среднеазиатскими номадами в Европу в первых веках н. э.

Таким образом, рассмотренная нами деталь конского убранства четко показывает географические, исторические и хронологические аспекты взаимодействия и взаимовлияния кочевников евразийских степей.

D. ILYASOV (UZBEKISTAN)

HORSE MUNITION AND NOMADIC MIGRATION

In excavations of Pazyryk burial mounds there was discovered the way to put leathered covers on horse tails. Felted carpet from Pazyryk, belts from Siberian Collection of Great Peter-I, Chinese ceramic and bronze sculptures of Tsin and Hansk centuries, coins of Indo-saxes and Kushan governors, wall paintings in Dalvalzintepe, gold buckle from Saksonohur, bone plates from Tahti-Sangin and Orlat burial grounds, paintings and rulings from Dura-Evropos, paintings and epitaphs from Bospor, all these materials have reflected this tradition. This tradition of uechjij - sax etymology, assists in following the migration way of these ethnical groups, directions and zones of the closest ties and influence on other nations.

I. Ý. YLÝASOW (ÖZBEGISTAN)

AT LYBASLARY WE ÇARWALARYŇ ÝAŞAÝYŞ ŞERTLERINIŇ ÜÝTGEMEGI

Pazyryk depelerinde gazuw-agtaryş işlerini geçirilende atlaryň guýrukларыna deriden edilen ýapynjany (çehol) geýdirmek endiginiň bardygy anyklanyldy. Bu dessury suratlandyryan şekillendiriliş materialларыň çägi Pazyrykdaky keçe halyny, Beýik Pýotryň Sibirdäki kolleksiyasyndaky bil guşagyny, Sin we han döwürleriniň hytaý keramiki we bürünç heýkellerini, indo-saks we kuşan häkimleriniň teňňelerini, Dalwarzindepedäki diwar ýazgylaryny, Saksanohurdaky altyn süýmlerini, Gahti-Sanginden we Orlatdaky gabrystanlykdan süňk plastinalaryny, Dura-Ewroposdan golyazmalar we graffitlerini, Bosporadan golyazmalary we gabrystanlykdaky relýefleri (daşlary) öz içine alýar. Bu dessur ýuýeşziý-sakslara degişli bolup, etniki toparларыň ýaşaýyş şertleriniň üýtgeýşini yzarlamaga, şeýle-de beýleki halkларыň üýtgemesini we olar bilen ysnyşykly ugurlaryny yzarlamaga kömek edýär.

БЫСТРОАЛЛИОРНЫЕ БОЕВЫЕ КОНИ ДРЕВНОСТИ АХАЛТЕКИНЦЫ

В последнее время ряд исследователей древних пород лошадей в Старом Свете пришли к обоснованному мнению о возможности выделения различных конских пород для 111-11 тыс. до н.э., восходящих к различным предковым формам лесных, степных и плоскогорных лошадей (Юарт, Браунер, Бекени, Витт, Дент, Гудолл, Литтауэр, В.Алексеев, Спид, Скоровский, Эдварде и др.).

В контексте данной конференции особый интерес представляют итоги изучения быстроаллиорных «пустынных» (по Дюрсту) или же «плоскогорных» (по Юарту) лошадей Евразии типа современных ахалтекинцев, являющих собой пример непревзойденного и нераздельного единства Коня и Всадника.

Только после работ 30-х гг. В.О. Витта был развенчан миф об арабской породе, как древнейшей и было обосновано, что ахалтекинская порода «хранит в себе последние капли того источника чистой крови, который создал все верховое коннозаводство мира» (Витт).

Чтобы профессионально рассмотреть происхождение ахалтекинских лошадей, уводя их историю в глубину веков, мы должны оценить специфику того материала, которым оперируем, для характеристики современного ахалтекинца заводского происхождения или среднеазиатского аргмака недавнего прошлого мы располагаем зоотехническими характеристиками.

Углубляясь в тему происхождения древних пород, мы сопоставляем группы разнородных источников остеологические коллекции позволяют при анализе промеров костей реконструировать конституционный тип, рост, специфику экстерьера - степень тонконогости, верховости, относительную длину туловища, высоконогость и т.д. Иконографические материалы дают зрительное представление об идеальном коне («небесные кони», кони Богов и героев) и коне рядового воина - об экстерьере, использовании (под верх или в колесницу), количестве и особенности пород, росте, в редких случаях (фрески, изображения на керамике) - сведения о мастях. Письменные свидетельства углубляют наши представления, внося необходимую временную и пространственную приуроченность. Это - древние предания о происхождении коня, его описания: сведение о разведении (эламский документ о коннозаводстве III тыс. до н.э. и сопоставление его со статистическими данными по конепроизводству туркмен недавнего прошлого); о знаменитом тренинге Киккули XIV в. до н.э. и сравнение его с тренингом туркменских сеисов при подготовке коней к походам и скачкам в XIX веке, на чем я подробно остановлюсь в докладе.

Во второй половине I тыс. до н.э. слава среднеазиатских коней далеко выходила за географические границы их место обитания, доходя до греческих историков и полководцев, с одной стороны, и китайских императоров, с другой. Знаменитые нисейские кони шли в процессиях персидских, парфянских, бактрийских царей, сакские всадники побеждали в состязаниях непревзойденных персидских воинов, а среднеазиатские скакуны попадали под седло вождям племенных объединений Алтая (Пазырык) и Тувы. их изображения выбивались в священных местах на Енисее, в Туве и Фергане. «Златоконная» Бактрия производила «превосходных лошадей

отличной породы. подобных им нет ни в какой другой стране. Они пылки, очень быстры и выносливы, белой и радужной масти, а также цвета утренней зари».

Знаменитыми были «Небесные кони Ферганы». Некоторые древние походы - как, например, поход китайского императора Ву в 102 г. до н.э. на Фергану имели своей целью захват этих знаменитых аргамаков, «бесценных деваньских лошадей».

На скалах в юго-восточной части Ферганской долины археологам (М.Е. Массой, А.Н. Бернштам, Ю.А. Заднепровской) еще до войны стали известны наскальные изображения тонконогих быстроаллюрных коней, в экстерьере которых отражены все особенности ахалтекинца.

Позднее не только скифские и сармато-аланские вожди, но и римские императоры стремились именно их иметь в качестве боевых, поскольку было известно, что на протяжении 8-10 дней ежедневно они могли проходить по 150 км. На коне ахалтекинского типа изображен император Марк Аврелий.

В докладе мы подробно остановимся на описаниях древних коней в источниках - Ригведе, Авесте и т.д., рисующих нам современного ахалтекинца и приведем галерею образов, которые, по мнению специалистов - В.О. Витта, М.И. Белоногова, В.И. Цалкина - являются портретными изображениями ахалтекинцев.

V.KOVALEVSKAYA (RUSSIA)

THE FAMOUS AHALTEKE HORSES IN ANTIQUITY

The history of the Akhal-Teke on the broad plains of Eurasia, which is inextricably linked with the history of mankind, is just one section of a larger painting and we must take survey the broad canvas if we want to see the whole picture - the Akhal-Teke, the Turkmen and the Nesaeen horse, "the Blood sweating" Central Asian horse in China and the "Oriental" horses in Greece, the Alan horse in Rome and Western Europe and the Central Asian Argamak among those people who have combined effort and zoo-technical knowledge to produce and train this "Supernatural" horse.

If we are going to attempt a professional study of the origins of the Akhal-Teke horses by digging out their history from the depths of the centuries, we should make an appraisal of the specific nature of material we will be handling. The following information is available with regard to the characteristics of the present day Akhal-Teke stud horses.

On the basis of a metrical analysis of the characteristics of a constitutional type we get an idea of the use of the horse in the life of the people we are studying - either for riding, as a draught animal under the yoke or for the quality of its meat.

We analyse the extensive iconographical material. Our initial notions of the horse start to come to life once we can describe its appearance, colour, height, gait, style of movement and quality with more certainty. All these different types of sources should be the focus of a special investigation and comparison by professionals trying to discover the history of the horse, which we call the Ahalteke.

W.B.KOWALEWSKAJA (ORSYJET)

AHALTEKELER – GADYMY ÝNDA SÖWEŞ BEDEWLERIDIR

Gadymy döwre degişli gadymy tohum atlaryň soňky döwürde öwrenilmegi b.e.öň III-II müňýyllyklarda dürli tohum atlaryň aýratynlandyrylandygy barada belli netijä gelmäge

esas döredýär, ýagny olar dürli gömüшли tohum atlardan tokaý, sähra we tekizdag atlaryndan gelip çykyрдыr.

Ýyndam “çöl” atlarynyň (Dýurstu boýunça) ýa-da “Tekizdag” (Ýuarta boýunça) Ýewraziýanyň häzirkі zaman ahalteke atlaryna çalymdaş atlarynyň öwrenilmegi aýratyn gyzyklanma döredip, atyň we onuň eýesiniň aýrylmaz birliginiň mysalydyr.

Gadymy tohumynyň gelip çykyşyna çuň seretjek, bir dürli nesilden bolan toparlary deňeşdirýäris. Osteologiki toplum (kolleksiya) süňküň promoteriki derňemäge, ekstereriň özboluşly konstruksiон tipini, boýuny rekonstruksiya, etmäge mümkinçilik berýär. Ikonografiki materiallar hyýaly aty we ýönekeý esgeriň atyny öňüne getirmäge mümkinçilik berýär. Hat üsti bilen berilýän şaýatnamalar biziň göz öňüne getirmelerimizi çuňlaşdyrýar. Wagт hem giňişlik zerurlygyny aradan aýyrýar.

Diňe bir skif we sarmato-alan serdarlary däl, eýsem rim imperatorlary hem ýyndam inçeaýak atlary edinmek isläpdir, olaryň keşbi bolsa ahalteke atlarynyň söweşjeňligine çalymdaş häsiýetli bolupdyr.

V.Ю.КРЮКОВА (РОССИЯ)

КОНИ И ВСАДНИКИ В АВЕСТЕ

Путешественники, побывавшие в Туркмении в середине девятнадцатого - начале двадцатого веков отмечали необыкновенную белизну туркменских коней. Предпочтение, отдававшееся белой масти на земле, принадлежавшей в древности к числу зороастрийских, напоминает нам о белых конях Авесты и Ригведы, обладанием которыми гордились не только смертные, но и божества. Для ведических ариев конь являлся скорее отголоском прежнего уклада жизни в обширных азиатских степях (второстепенное значение коневодства в Индии засвидетельствовано Геродотом; позже лошадей завозили туда из Бактрии), то для иранцев древности и более близких нам времен это благородное животное служило верным спутником воина и залогом победы, а о даровании табунов коней молили богов - Ардвисуру Анахиту, Тиштрию и Митру. Скорее всего, выделение коня среди других домашних животных связано с формированием в иранском обществе трех основных сословий - жрецов, воинов и крестьян, что зафиксировано в так называемой Младшей Авесте (Младшая Авеста включает основной корпус священных зороастрийских текстов на авестийском языке за исключением более архаичных Гат, составленных самим Заратуштрой). Подобного разделения еще не знает Старшая Авеста. С возникновением сословия воинов конь и колесница становятся его неотъемлемыми атрибутами. В Яштах, авестийских гимнах, и в авестийском жреческом кодексе Видевдате мы встречаем следующий ряд домашних животных, упомянутых соответственно их значению: конь, верблюд, корова, осел, - в качестве крупного скота и овцы как мелкий скот. В Видевдате согласно стоимости каждого из этих животных приведены различные типы договоров, при этом конь выступает как наиболее ценный залог сделки.

Наименование лошади засвидетельствовано в авестийских и древнеперсидских именах собственных и топонимах, например, обладающий запряженным конем» (имя праведника). Один из важнейших иранских богов Митра назван в воспевающем его гимне белолошадым», «обладающим белыми лошадьми». Вместе с Митрой его колесницей правит Аши, богиня воздаяния, счастья и благой судьбы.

Небесными колесницами, запряженными прекрасными лошадьми, управляют и другие упомянутые в Авесте боги - Ардвисура Анахита, Сраоша, божество послушания, и Уша, богиня утренней зари, Апам Напат, владыка небесных вод, и

божество солнца разъезжают на быстрых конях. Тем не менее, как правило конь в Авесте не относится к числу священных существ, в отличие от быка или собаки, он не обожествляется сам по себе, а лишь является верховым животным божества, праведника или грешника, и тем самым стоит как будто бы вне зороастрийского разделения всех созданий на благие, принадлежащие Ахура Мазде и Святому духу, и злые, принадлежащие Злому духу. Вместе с тем конь в Авесте может служить воплощением божества или демона. Так Вэртагна, бог войны и победы, является Заратуштре в облике коня «прекрасного, златоухого и с золотой уздой». В такого же «белого, прекрасного, златоухого, и с золотой уздой» коня воплощается другое зороастрийское божество - Тиштрия (Сириус), когда вступает в схватку с демоном засухи Апаошей. Последний в свою очередь предстает «Конем паршивым, черным, Облезлым, корноухим, Безгривым и бесхвостым, Ужасным и претрашным».

Белая масть лошадей считалась предпочтительной, поскольку белый полагали зороастрийским» цветом, символизирующим чистоту и принадлежность к упорядоченному гармоничному миру, в противоположность черному цвету хаоса. Но и другие масти были хорошо известны древним иранцам, - буланый, гнедой, темно-гнедой, вороной конь также названы в Авесте. Древние иранцы знали и разные способы передвижения на лошадях. Так, обладание колесницами отличало оседлых иранцев от кочевников-туранцев, но и оседлым была, конечно же, хорошо известна верховая езда, - об озерах Ардвисуры Анахиты говорится, что каждое из них всадник на добром скакуне может объехать за сорок дней. Иными словами, мир коня и всадника засвидетельствован в Авесте во всём многообразии, представляя читателю просторы азиатских степей, в которых было положено начало мирового коневодства.

V.U.KRYUKOVA (RUSSIA)

HORSES AND RIDERS IN AVESTA

Travellers, who visited Turkmenistan in the middle of XIX and the beginning of XX c., have marked the unusual whiteness of Turkmen horses. Preference to white horses, which were belonged to zoroastrism ones in ancient time, remind us White horses of Avesta and Rigveda, and not only people but divinities, have been proud of them. Probably, the singling out of horses from other domestic animals is connected with the formation of three main classes in Iran society - priests, soldiers and farmers, which was fixed in Young Avesta. With the formation such class as soldiers horse and chariot have become its essential attributes. In Yashts, Avesta hymns and its priest Code Videvdata we come across the following domestic animals, mentioned according to their importance: horse, camel, cow, donkey, sheep. In Videvdata due to the coast of each animal there are different kind of agreements, and a horse is the most valuable guarantee of a bargain. The name of a horse (aspa) is fixed in Avesta and ancient Persian Proper Names and Toponymies. The following Gods mentioned in Young Avesta are ruled by heavenly chariots: Mithra, Ardivisura Anahita, Spaosha Usha, Apam Napat and the God of Sun. At the same time, the horse serves as a symbol of avatar and demon in Avesta.

The preference was given to white horses because, according to zoroastrism religion white colour symbolizes clearness and regulation o world harmony. Ancient Iranians also knew other colours of horses such as - dun, sorrel, dark sorrel and black, all of them are mentioned in Avesta. Ancient Iranians also new different kinds of movement on horses. The settled Iranians differs from nomadic ones by possessing chariots, riding was also well-known

between them, in other words, the world of horse and rider mentioned in Avesta in all its glory, presents the reader Asian steppe, where world-wide horse-riding has been started.

W.Ýu.KRÝUKOWA (ORSYÝET)

AWESTADAKY ATLAR WE ATÇAPARLAR

XIX asyryň ortalarynda we XX asyryň başlarynda Türkmenistanda bolan syýahatçylar türkmen atlarynyň adaty bolmadyk ak reňkliligi barada belläpdirlir. Gadymy wagtda zoroastrizmiň hataryna degişli bolan ýerdäki atlaryň ak reňkli tapawudy bize adamlaryň eýe bolup buýsanan atydygyny ýatladýar. Mundan başga-da atyň beýleki haýwanlarynyň arasynda saýlanmagy Kiçi Awestada suratlandyrylan Eýran jemgyýetindäki esasy 3 gatlagyň - urşyjylaryň, daýhanlaryň we ruhanylaryň döremegi bilen baglanyşyklydyr. Urşujy gatlagyň ýüze çykmagy bilen at we araba onuň aýrylmaz bölegi bolýar. Ýaştahda, Awesta gimnlerinde, Widewdatyň Awesta ruhany kodeksinde biz öý haýwanlarynyň hataryny düzýän, ýagny aty, düýäni, sygry, eşegi, goýny ýatladýan hataryna duş gelýäris. Widewdatda şol haýwanlaryň hersiniň bahasyna laýyk şertnamalaryň dürli görnüşleri görkezilendir. Şonuň üçin ata has gymmatly zat hökmünde garalýar. Atyň ady (awest. “aýara”) Awesta we gadymy pars has atlarynda hem toponimlerde görkezilýär. Kiçi Awestada asman arabalaryny köp ýatladýan hudaý sürýär. Onuň bilen birlikde at Awestada Hudaýyň ýa-da şeýtanyň nusgasy hem bolup hyzmat edip biler. Atyň beýleki reňkleri hem gadymy eýranlylara mälim bolupdyr, dor, gyr, gara atlaryň hem Awestada atlary tutulýar. Gadymy eýranlylar atlarda hereket etmegiň dürli ýollaryny hem bilipdirler. Atly ýörişi hem giňden mälim bolupdyr. Başga sözler bilen aýdanynda, Awestada at we atçapar dünýäsi ähli tarapdan alanynda dünýäde atçylygyň başlangyjy goýlan Aziýa sähralarynyň meýdanyny okyja açyp görkezmekde köp obrazlylygy bilen bellidir.

H.R.BAGHBIDI (IRAN)

THE IMPORTANCE OF THE HORSE IN ANCIENT IRANIAN PROPER NAMES

The Indo-Europeans are generally believed to have been the earliest people to domesticate the horse and to use it for drawing war chariots. All present evidence suggests that the Scythians – leading a nomadic form of life in the northern part of the Black Sea in the first half of the first millennium BC – were the earliest Iranian people whose army included very strong cavalry units.

The Scything and the other Iranian peoples who emerged to the east of them (e.g. the Sarmatians, Alans, Medes, Persians, etc.) celebrated the horse in their art, literature and religion. The honoured position of the horse and its importance in the life of the ancient Iranian peoples is underlined by the fact that many notable Iranians bore names compounded with the word “aspa” – the common Iranian word for horse, derived from Indo-European “ekwo”. Such names can be found in different sources, such as:

- a) Assyrian cuneiform tablets of the 9th and 8th centuries BC, e.g. **Kuštašpi**, from Old Iranian **Vištašpa** – “having ready horses”;
- b) Old Persian cuneiform inscriptions of the Achaemenid period, e.g. **Aspaćanah** –

“delighting in horses”;

c) Elamite tablets of the Achaemenid period, e. g. [Hw], ad-âš-ba, from Old Iranian “Hadâspa” – “equipped with horses”;

d) Greek literary sources and Greek inscriptions from the Pontic area, e.g. Aspourgos, from Old Iranian “Aspaugra” – “having strong horses”;

e) The Avesta, e. g. K `r `sâspa – “having learn horses”;

f) Middle Persian literature, e.g. Aspwarzwar – “possessing miraculous power through horses”.

Some of the Iranian names thus made were even adopted by non-Iranian speaking peoples. For example, Asparuh, which was the name of the sublime Khan of the proto-Bulgars and the founder of the medieval Bulgarian state, is derived from Old Iranian “Asparauka” – “having shining horses”.

X. P. BAGHBIDI (IRAN)

ЛОШАДЬ КАК ВАЖНОЕ СОСТАВЛЯЮЩЕЕ В ДРЕВНИХ ИРАНСКИХ ИМЕНАХ

Индоиранцы были народом, который рано domesticiровал лошадь и использовал ее скаковые качества в упряжке колесниц. Скифские народности позже имели армию с сильной кавалерией. Образ лошади нашел отражение в искусстве скифских и других иранских народов. Доклад посвящен лингвистическим сопоставлениям слов с корневой основой «конь».

H.R. BAKBHIDI (EÝRAN)

AT – GADYMY EÝRAN ATLARYNDA

Hindi eýranlylary aty has ir öýdekileşdiren we arabalary daşamakda, çapmak üçin ulanan halkdyr. Soňky wagtlarda skif halklary Gaar deňziň demirgazygynda gadymky ýaşaýan çarwalar, maldarlar b.e.öň I müňýyllygyň birinji ýarymynda gizlin hereket edýän halklar güýçli atlardan goşun edinipdirler. Gündogara gelen skifler we gizlin hereket edýän beýleki halklar (sarmatlar, alanlar, lidiýler we başg.) sungatynda, edebiýatynda we dininde aty giňden peýdalanypdyrlar. At eýran halklarynyň durmuşynda wajyp orun eýeläpdir, bu eýran dünýäsinde aty aňladýan “aspa” termininiň ulanylmagynda tassyklanýar. Ol “ekwo” sözünden, ýagny hindi-eýran termininden gelip çykyr.

V. САРИАНИДИ, Н. ДУБОВА, С. ВАСИЛЬЕВ (РОССИЯ)

ОДОМАШНИВАНИЕ ЛОШАДИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (НОВЫЕ ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Самая древняя домашняя лошадь в Центральной Азии обнаружена недавно в Туркменистане, во время раскопок некрополя Гонур-депе (Каракумский этрап Марыйского велаята), на территории древней дельты реки Мургаб. Весной 2000 г., на южной окраине некрополя, среди обычных могил, на глубине 65 см. от уровня

современной поверхности было раскопано захоронение молодой лошади (точнее жеребенка) возрастом до одного года. Скелет лежит на правом боку, в северном направлении и имеет анатомически правильное расположение костей, но без головы. Если учесть, что в прошлые годы в руинах дворца северного Гонура уже было обнаружено явно культовое захоронение ягненка, ненарушенный скелет которого также не имел головы, то станет очевидным, что такое положение не случайно, оно объясняется ритуальным характером подобных захоронений.

Кости одомашненной лошади (по данным палеозоологов) встречены были и на других маргианских поселениях - например, на Келлели и Таип, где они также датируются временем не позже рубежа III - II тыс. до н.э., а возможно и одновременны. Практически одновременно домашняя лошадь распространяется и в южном Туркменистане, свидетельством чего являются костные остатки лошади встреченные в Теккем-депе. Ярким доказательством тому служит терракотовая головка лошади, встреченная при раскопках верхнего слоя Алтын-депе у Меана, принадлежавшая статуэтке, изображавшей породистую лошадь с тонкой, сухой мордой и плавно изогнутой, аккуратно подстриженной гривой, которая напоминает похожую стрижку парадных лошадей Передней Азии. Тщательно подстриженная грива не оставляет сомнений, что статуэтка передает образ не рабочей лошади пахаря-крестьянина, а породистое животное, на котором ее владелец верхом или в колеснице выезжал на официальные парады в особых, церемониальных случаях. Такие терракотовые модели колесниц были встречены на поверхности поселения Намазга-депе у Каахка, где они изображают легкие, двухколесные повозки с четко моделированными спицами. И на Алтын-депе, и в Намазга-депе терракотовые статуэтки лошадей и модели колесниц относятся к началу II тыс. до н.э., если не к рубежу III-II тыс. до н.э., т.е. практически к тому же времени, что и захоронение лошади в Маргиане - задолго до появления в Центральной Азии андроновских скотоводческих племен.

Как видно, коневодство в Туркменистане распространилось на несколько столетий раньше, чем впервые появляются андроновские племена, что противоречит предположению о прямой связи скотоводов с населением оседлоземледельческих оазисов. Иначе говоря, коневодство в Туркменистане насчитывает период свыше 4 000 лет и не имеет никакого прямого отношения к развитию скотоводства у андроновских племен. То обстоятельство, что головка лошади с Алтын-депе передает образ породистого животного, может намекать на первые опыты по селекции этих животных, что могло быть началом сложного процесса выведения знаменитых коней ахалтекинской породы.

V.SARIANIDI, N.DUBOVA, S.VASSILIYEV (RUSSIA)

DOMESTICATION OF HORSE IN THE SOUTH TURKMENISTAN: NEW PALAEOZOOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL FACTS

The most ancient domesticated horse in Central Asia was discovered in Turkmenistan, in spring 2000 during the excavations of the necropolis Gonur on the territory of the ancient delta of the Morgan River. Bones of domesticated horses were discovered also in some other Margian settlements, e.g. in Kelleli and taip where they are dated by not later than the turn of the 3rd-2nd millennium B.C. and are possibly contemporary. Domesticated horses appear and spread in southern Turkmenistan as is evidenced by the skeleton remains of a horse registered

in Tekkem Depe. Another graphic evidence is the terracotta head of a horse excavated in the upper layer of Altyn Depe at Meana. Such terracotta models of chariots were discovered on the surface of the Namazga Depe settlement at Kaahka where they depict light two-wheel chariots with clearly modeled spokes (B.Kuftin).

Horse-breeding appears in Turkmenistan a few centuries before the very first appearance of the Andronovo culture tribes which fact stands in contradiction to the premise about the direct connected of cattle-breeders with the population of the sedentary agrarian oases. Horse-breeding in Turkmenistan is over four thousand years old and has no direct connection to the development of horse-breeding among the Andronovo tribes. The fact that the horse head figurine from Altyn Depe depicts a thoroughbred animal can be pointing to the very early selection experiments with these animals which could be the beginning of the intricate process of breeding the famous Akhal-Teke horse.

W.SARIANIDI, N.DUBOWA, S.WASILEW (ORSYÝET)

GÜNORTA TÜRKMENISTANDA ATLARYŇ EKDILEŞDIRILMEGI: TÄZE PALEOZOLOGIK WE ANTROPOLOGIK MAGLUMATLAR

Merkezi Aziýada iň gadymy eldeki at ýaňy-ýakynda Türkmenistandan tapyldy, Murgap derýasynyň gadymy deltasynyň çäginde (Mary welaýatynyň Garagum etraby) Goňur depe gonaňçylygynyň gazuw-agtaryş işleri geçirilýärkä bu ýüze çykaryldy. 2000-nji ýylyň ýazynda gonaňçylygyň günorta tarapynda, adaty mazarlaryň arasyndan, häzirkä ýer gatlagyndan 65 sm çuňlukdan bir ýaş töweregindäki ýaş atyň (taýyň) jaýlanan ýeriniň üsti açyldy. Sklet demirgazyga bakdyrylyp sag gapdalyna ýatyrylypdyr, süňkleri anatomik taýdan dogry ýerleşen, ýöne kellesi ýok. Şeýle ýagdaý tötänlikden däl, ol şeýle jaýlanyşyň adaty häsiýetdeligini görkezýär.

Türkmenistanda atçylygyň ýaşyny 4000 ýyldan gowrak hasaplap bolar, onuň dudron taýpalarynyň maldarçylygynyň ösüşi bilen hiç-hili göni baglanyşygy ýokdur. Altyn depeden tapylan atyň kellesi malyň şekilini berýär, bu atlary ilkinji seleksiýalarynyň tejribesi bolmagy mümkin. Belki-de ol belli ahal-teke tohumynyň ýetişdirilişiginiň çylyşyrmly prosesiniň başlangyjydyr.

ОЛОЛЛЕКОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

О КУЛЬТЕ КОНЯ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ (по данным археологических исследований)

С увеличением роли лошади в хозяйстве палеолитического населения конь становится одним из культовых символов. Примером культа коня является Кумьшинская пещера на реке Чусовой в Пермской области. В эпоху неолита, энеолита подобные обряды зафиксированы на Украине и на памятниках IV - III тыс. до н.э., где преобладающую роль в хозяйстве местного населения стало играть коневодство, основанное уже на одомашненных животных. Это памятники лесостепной и степной зоны, относящиеся к днепродонецкой и среднестоговской культурам.

Раннее табунное коневодство с верховой ролью лошади засвидетельствовано в Северном Казахстане на поселении IV тыс. до н.э. Табунное коневодство с верховной ролью лошади имело место у носителей афанасьевской культуры. Обнаружены череп

коня и ноги коня в могильниках Николаевской и Херсонской области, в Крыму.

В Западном и Центральном Казахстане в эпоху бронзы засвидетельствованы жертвоприношения коня (Атасу). Подобные обряды практиковались и на Южном Урале среди алакульского населения (могильник Алакуль). Возникновение культа коня относится к IV тыс. до н.э. и впервые зафиксировано в южнорусской степи. Дальнейшее его развитие прослеживается в степной и лесостепной зоне Евразии на протяжении бронзового и более позднего времени. С эпохи энеолита-бронзы лошадь становится тягловой силой, используемой в повозке.

O.LOLLEKOVA (TURKMENISTAN)

ON CULT OF A HORSE IN ANCIENT SOCIETIES

The article is devoted to the cult of horse in Eurasian archaeology from the late Paleolithic period. The author shows traditions and consistency in the cult of the horse from the time of its appearance till the IV–III millennium BC. Samples from the Dereivka monument (Ukraine), Batai (Kazakhstan) are shown in the article also. The cult of horse inheres for all steppe cultures of Eurasia in eneolith and bronze period. The brightest example is the shown burial ground Sintashta dated with the first half of II millennium BC. The influence of Syntactic culture was spread to a vast territory. That was the basis for development of srubnaya and andronovskaya cultures. These traditions appeared in Scythian epoch. Example is Ardjan burial mound VIII–VII BC in Tuva.

The horse and horseman were the basis of the society in ancient societies of Central Asia: Parphia, Bactria and Horezm. Those traditions were followed till the period of Islam.

O.LOLLEKOWA (TÜRKMENISTAN)

GADYMY JEMGYÝETLERDE ATYŇ KULTY BARADA

Çykyş giçki neolit döwründen başlap, Ýewraziýa arheologiyasynda ata sežde etmek däbiniň meselelerine bagyşlanýar. Awtor ata sežde etmegiň adata öwrülendigini we durnuklylygyny b.e.öň IV-III asyrlaryň ahyrlarynda ilytyň hojalygynda atçylygyň peýda bolan wagtyndan başlap yzarlaýar. Ýewraziýanyň neolit-bürünç döwrüniň ähli sähra jemgyýetleriniň ata sežde etmek däpleri yzarlanýar. Sintaşta, b.e.öň II müňýyllyk, agaç (srubnoý) we andronowo medeniýetiniň toplumlarynyň ösüşi mahsusdyr. Ýokary sosial derejedäki şahslar bilen bilelikde atlary jaýlamak däbi skifler döwründe Ýewraziýanyň sähra zolaklarynda saklanyp galypdyr. B.e. öň VIII-VII asyrlarda Tuwada ýerleşen Aržan depesi (gorgony) şu adatyň görmükli wekilidir. Merkezi Aziýanyň ähli gadymy - Parfiýa, Baktriýa, Horezm siwilizasiýalarynda at we atly - jemgyýetiň başlangyç düzüm bölegi bolupdyr.

S.KURT (TURKEY)

THE PLACE OF A HORSE AND HORSE-BREEDING IN ISLAM

It is considered a great event in the history to domesticate the wild horse in different corners of Asia and Europe.

The horses which are famous for their adaptation to different weather conditions, endurance, power, quickness, promoted the achievement of great success not only in every day life but in Islam religion as well. There are a lot of historical data testifying to the fact they were

of great importance for prosperity of culture, economy and religion.

Information about the importance of horses in Islamic religion can be found out in Koran. For example, the first ayats of Adiat Syure say that people swearing their fire like quick horses do not know God's kindness.

The prophet himself masked the significance of horses in spreading Islamic religion. The prophet also had his own horses. According to the legend there were nineteen of them. In some sources you can find information about mounted Muslims.

The use of horses acquired great importance in the epoch of Chariyar, especially in the epoch of Omar. Omar appointed Salman bin Sabia el Bahil a horse-breeding manager.

A great importance was given to the use of horses by new Islamic states. Arabic race-horses preferences which were the offsprings of Akhal were given.

There is the belief in Islamic religion corrected with horses. Horses were buried as people. "Braveyard of horse" where the horse of Sultan of Ottoman Osman II's horse was buried is widely famous. Some sources testify, that people bring their horses to this brave yard to cure.

Ş.KURT (TÜRKIYE)

YSLAMDA ATYŇ WE ATÇYLYGYŇ ORNY

Aziýanyň we Ýewropanyň dürli ýerlerinde ýabany görnüşde duş gelýän atlaryň eldekileşdirilip adamyň hyzmatyna berilmegi taryhda uly öňegidişlik hasaplanylýar.

Ot iýýän haýwanlaryň çekiş güýji iň ýokary, tebigy kynçylyklara çydamly, biri-birinden tapawutly, howa ýagdaýyna dözümliligi boýunça sabyrly we tizlikde önüne hiç-kimi geçmeýän at taryhda we gündelik durmuşda boluşy ýaly, din ugrundanda üstünlükleriň gazanylmagyna kömek beripdir.

Medeni taryhda, yslam äleminde atyň aýratyn eýeländigini subut edýän maglumatlar bar. Yslam dininde ata berilýän bahany Kurany Kerimdäki at bilen bagly maglumatlarda-da bilmek mümkindir. "Adiýat" süresiniň 1-6-njy, "Enfal" süresiniň 60-njy aýatlaryny bu babatda mysal getirmek bolar.

Beýleki bir tarapdan Hezreti Pygamber yslam dini üçin atyň ýerine ýetirýän hyzmatyny belläp: "Bereket atalaryň maňlaýyndadyr" (Hesai Hag 6) diýip ýokary baha berýär. Bu sözler bilen at seýislemegiň nähili wajypdygy tassyklanýar. Şonuň bilen baglylykda Hezreti Pygamberiň özi hem ençeme atyň eýesi bolupdyr, rowaýata görä, olaryň sany 19 bolanmyş.

Dört Çaryýarlar döwründe döwründe, aýratyn hem Hezreti Omar döwründe Yslamyň atly goşunyny güýçlendirmek üçin ençeme işler durmuşa geçirilipdir. Uly merkezlerdäki esgerleriň bolýan ýerleriniň her birinde 4000 at sygar ýaly at ýataklary gurlupdyr. Käbir maglumatlara görä bu at ýataklarynyň sany 15 bilen 20 arasynda bolupdyr.

Hezreti Pygamber döwründen soňky döwründe atly goşuna uly üns berlipdir, aýratyn hem Hezreti Omar tarapyndan Salman bin Zabai el Bahili diňe şu iş bilen meşgullanmak üçin işe bellenipdir. Hijazdan soň hem beýleki ýerler at seýislenilýän meýdanlar açylypdyr. Bu ýerlerde ahal-teke atlarynyň nesili bolan arap atlary seýislenipdir. Türki döwletlerinde Yslam dininden önden bar bolan at bilen bagly ynançlar we olaryň mukaddesligi ilat arasynda dowam edipdir. Bu ýagdaýlar aýratyn hem meşhur adamlaryň arasynda duş gelipdir. Olar gaty gowy görýän atyna gümmez galdyrypdyrlar. Aýratyn hem Osmanly Solatany Osman II-niň atynyň gümmezi "At öwülyäsi" ady bilen meşhurdyr. Kesellerini bejermek üçin halkyň öz atlaryny ol ýere eltdikleri käbir çeşmelerden mälimdir.

РОЛЬ КОНЯ И КОНЕВОДСТВА В ИСЛАМЕ

Считается большим событием в истории Азии и Европы одомашнивание диких лошадей.

В исламской религии у Пророка были собственные кони. Согласно легенде их было девятнадцать. Омар поручил Салману бэн Сабиво эль Бахилло заниматься вопросами коневодства. В исламской религии существуют верования, связанные с конем. Коней хоронили как людей. Известно «Кладбище коней», где похоронен конь османского султана Османа II.

А. С. КЛИМУК (РОССИЯ)

АХАЛТЕКИНСКАЯ ПОРОДА ЛОШАДЕЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДРУГИЕ ВОСТОЧНЫЕ ПОРОДЫ

Ахалтекинская лошадь - древнейшая культурная порода мира. Предки ахалтекинской лошади до одомашнивания вероятно жили на территории Туркменистан и в пограничных районах Средней Азии и Ирана. Непосредственными предками ахалтекинской породы являются лошади ираноязычных народов Средней Азии: массагетов, алан и парфян. Мнение некоторых современных западных авторов о другом происхождении туркменских лошадей не выдерживает критики. Ахалтекинская порода лошадей - чистокровный представитель туркменской лошади. Производным от туркменских лошадей являются следующие породы: турецкая, персидская, марвари, а также, вероятно, донгольская лошадь. Значительное влияние оказала туркменская лошадь на создание арабской, карабахской, карабаирской, локайской, кабардинской и других восточных пород.

Ахалтекинская лошадь может и должна остаться одной из главных улучшающих пород на Востоке и во всем мире.

A.S. KLIMUK (RUSSIA)

AKHALTEKE BREED HORSES AND ITS INFLUENCE ON OTHER EASTERN BREEDS

An Akhal-Teke horse is the most ancient cultural (cultivated) breed of the world. The ancestors of an Akhal-Teke horse possibly lived in the territory of Turkmenistan and in the bordering territories of Central Asia and Iran while they were not domesticated. Horses of massagets, alans, parthians and other inhabitants of Central Asia, who spoke the Persian language, are considered to be the direct ancestors of Akhal-Teke horses. The different opinion of some western modern authors about the origin of Akhal-Teke horses, does not stand critics. Turkmen horses are the producers of the following breeds: Turkish, Persian, Cavari and Marvari and also possibly Dongol horses. A Turkmen horse influenced much the creation of Arabic, Karabakh, Karabair, Lokay, Kabardin and other eastern breeds.

An Akhal-Teke horse can and must stay as one of the main improving breeds in the East and all over the world.

АНАЛ-ТЕКЕ ТОУМЛАРЫ WE ONUŇ GÜNDOGAR TOHUM ATLARÝNA TÄSIRI

Ahal-teke atlary dünýäde gadymy medeni tohum bolupdyr. Ahal-teke atlary eldekeleşdirilmänkä Türkmenistanyň we Orta Aziýanyň, Eýranyň territoriýasynda ýaşapdyrlar.

Eýran dilli Orta aziýa halklaryň massagetler, alan we parfiýanlardan ahal-teke atlarynyň nesilleri girýär. Ahal-teke tohumlary arassa ganly türkmen atlarydyr.

Türk, pars, hawar we mongol atlary hem-de şol tohumlara girýär.

Türkmen atlary arap, karabah, lokaý, kabardin we gündogar tohumlarynyň döremegine täsir etdi.

Ahal-teke aty dünýäde we gündogaryň iň gowy tohumy bolupdyr hem bolar.

М. АЙДОГДЫЕВ А. ЯЗЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН)

КОНЕВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА У ОГУЗОВ-ТУРКМЕН (ПО ДРЕВНИМ И СРЕДНЕВЕКОВЫМ ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Президент независимого и нейтрального Туркменистана Сапармурат Туркменбаши подчеркивая бесценный вклад огузо-туркменских коневодов, писал: «Туркмены в течение трех с половиной тысяч лет сохранили чистоту породы скакунов, которые всегда высоко ценились в мире. Разве мог кочевой народ вывести и сохранить ахалтекинцев? Нет, не смог бы. Эти стройные длинноногие красавицы могли жить только на туркменской земле».

Туркмены - один из немногих древнейших народов, внесший весомый вклад в общечеловеческую цивилизацию. Кроме прекрасных туркменских ковров, ювелирных изделий, архитектурных сооружений, культивирования растений, разработки научных знаний и т.д., с древнейших времён одомашнивали, а впоследствии выводили прекрасные породы огузо-туркменских коней II. Огузо-туркмены успешно решали проблемы связанные с совершенствованием генетики лошадей и систематически улучшали экстерьер своих коней. Вместе с тем, в результате тысячелетних трудов они формировали профессию сеиса-тренера, деятельность которого опирается на богатый научно-практический опыт. Огузо-туркменская коневодческая культура, имеющая свои в корне специфические отличия, должна стать отраслью научного исследования туркменских иппологов.

Историю культивирования лошадей в древнем Туркменистане подтверждают петроглифы, рисунки на сосудах и на других предметах имеющие до 6-тысячелетний возраст, а также статуэтки, останки их и другие археолого-этнологические памятники, дошедшие до наших дней. Их дополняют рельефы и другие изображения конных всадников и колесниц шумерской, египетской, хеттской, ассирийской и др. культуры.

Что касается письменных памятников, имеющих в той или иной мере отношении к коневодческой культуре огузов-туркмен, они появляются с III - II тыс. до н.э. Это - общие исторические, религиозные, географические, литературные и иные письменные источники.

Ценными и интересными являются информации ассирийских письменных источников.

Огузы-туркмены, благодаря своим боевым, выносливым коням, еще в древние времена осуществляли дальние (мирные и военные) походы. Они успешно участвовали и в военных действиях у ахеменидских царей, впоследствии в числе греко-македонских армейских силах, а также в китайско-индийских боевых сражениях. .

Именно кони позволили огузам-туркменам осуществить дерзкие походы, результатом которых было создание десятков государственных образований.

Ценные сведения о роли коней в осуществлении грандиозных планов огузов-туркмен имеются также в древних и средневековых письменных источниках.

Аналогичные данные о наших конях представляют средневековые авторы - путешественники Марко Поло, Руи Гонзалес де Клавихио, Афанасий Никитин, ибн Джахиз, ибн Фадлан, ибн Баттут и многие другие.

Огузо-туркменские кони - ахалтекинцы, распространившиеся с древних времён на различные континенты земного шара, стали «золотым фондом» по выведению чистокровных китайской, арабской, английской, русской и множества других пород коней различных стран и народов, что подтверждают современные учёные-иппологи.

Таким образом, проанализированные нами древние и средневековые письменные памятники ещё раз свидетельствуют о том, в каком объёме туркменский народ внёс вклад в мировую коневодческую культуру в целом.

M. AÝDOGDYÝEW, A. ÝAZYÝEW (TÜRKMENISTAN)

OGUZ TÜRKMENLERİNDE ATÇYLYGYŇ ÖSDÜRİLİŞİ: GADYMY WE ORTA ASYR ÝAZUW ÇEŞMELERİNDEN

Türkmenler, ajaýyp türkmen halylaryndan, altyn-kümüş şaýlaryndan, binagärçilik desgalaryndan başga-da, gadym wagtlardan bäri oguz türkmen atlaryny öýdekileşdirip, olaryň ajaýyp tohumlaryny ösdürip ýetişdiripdirler.

Gadymy Türkmenistanda atlaryň ösdürilip ýetişdirilişiniň taryhyna daşlaryň, gap-çaçlaryň we başga zatlaryň ýüzündäki suratlar, şeýle hem heykelçikler, olaryň galyndylary, hem-de biziň günlerimize çenli gelip ýeten beýleki arheologiya-etnologiya ýadygärlikleri şaýatlyk edýär.

Orta asyrlar awtorlary – syýahatçylar Marko Polo, Rui Gonzales de Klawihio, Afanasiý Nikitin, ibn Džahiz, ibn Fadlan, ibn Battut we başgalar biziň atlarymyz barada maglumatlar berýärler.

Ýer şarynyň dürli ýerlerine gadym zamanlardan bäri ýaýran oguz türkmen-ahalteke atlary, häzirkä zaman atşynas alymlarynyň tassyklaýşyna görä, hytaý, arap, iňlis, rus tohum atlaryny we dürli ýurtlaryň hem-de halklaryň atlarynyň tohumlaryny almak üçin „altyn hazyna” boldy.

M.AYDOGDYYEV, A.YAZLYYEV (TURKMENISTAN)

HORSE CULTURE OF OGUZ-TURKMEN

The Turkmen people since ancient times have domesticated and bred fine Oгуz-turkmen thorough bred horses besides beautiful Turkmen carpets, jewellery, and architectural buildings. The history of cultivating horses goes back to the ancient times. Turkmenistan is supported by petroglyphs, pictures on dishes and on other things, as well as statues, their

remains and other archaeological ethnological monuments which have come up till now. Data about our horses are presented by the authors of Middle Ages such travellers as Marko-Polo, Rui Gonzales de Khlavikho, Afanasy Nikitin, ibn Djakhiz, ibn Fadlan ibn Battut and many others. The Oguz-Turkmen Akhal-Tekke horses which have spread since the ancient times over different continents "The Golden Fund" in breeding through bred Chinese, Arabic, English, Russian and many other breeds from different countries and nations. This is proved by modern scientists – ippologists.

Ч.М. ТАКСАМИ (РОССИЯ)

КОНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СИБИРИ

Сибирь – огромная территория России. С древнейших времен здесь проживают многочисленные народы, в культуре которых коневодство занимает важное место – буряты, якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы и др.

Основное бурятское население в России проживает в Бурятской республике. Их язык относится к монгольской группе языков и делится на ряд диалектов.

Основным традиционным занятием бурятов было скотоводство. В жизни кочевого и полукочевого населения лошади играли и продолжают играть большую роль, как в хозяйственной деятельности, так и в духовной жизни. В быту были распространены изделия из конского волоса: веревки, вожжи, подпруги для седел, ошейники для телят, путы для лошадей, поводья для узд, дужки для ведер, сети для рыбной ловли, мухоотгонялки и др.

Роль коня у кочевых народов Сибири в экономической, хозяйственной и духовной сферах была очень велика. С древнейших эпох, уже в скифское время (VIII – III вв. до н.э.) с царскими и рядовыми воинами прогребали их любимых коней, иногда целые табуны.

Погребения коней сохраняются с древнейших времен до этнографической современности. На знаменитом Пазарыкском кургане на Атае были обнаружены останки большого числа захороненных коней.

В кургане Аржан, в Туве, вместе со знатными хозяевами погребены были 141 лошадь. Даже в XVIII – начале XX веков семьи знаменитых людей хоронили с их любимыми конями в полном снаряжении.

Современный тувинский народ был известен русским по документам XVII в. В его состав входили родоплеменные группы северных Саянских гор. Основным занятием тувинцев было скотоводство, у аратов-скотоводов главным средством передвижения была верховая и выючная лошадь. Нередко встречались кони под двумя седлами. При традиционном скотоводстве каждый арат в течение года несколько раз менял место жительства. При таком кочевом образе жизни и для перевозки войлочной юрты и домашнего скарба нужны были и выючные лошади.

У тюркских народов Южной Сибири, в том числе и у тувинцев, особое отношение к коню прививалось с самого детства – учили верховой езде, учили ухаживать за конем, привлекали к скачкам.

В Минусинской котловине (Присяянье) в Южной Сибири издавна проживают хакасы, которые в прошлом были известны как минусинские, абаканские, иногда енисейские татары. На самом деле в состав этого объединения входили пять самостоятельных тюрко-язычных групп: качинцы (хаас), сагайцы (сагай), бельтиры (пелтир), кызыльцы (кызыл) и койбалы (койбал).

Скотоводство в Присяянье зародилось в III – II тысячелетии до н.э. В XVII в. здесь широко разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот и верблюдов. В XVII в. уже было табунное коневодство. Постоянные кочевания из зимних и летних пастбищ позволяло широко использовать лошадь как транспортное средство.

Весь традиционный образ жизни хакасов был связан со скотоводством. Подчеркивали это их усадьба и жилище, одежда, пища. Хакасы нарядно снаряжали верховых коней.

Якуты – тюрко-язычный народ, который проживает в северо-восточной Азии, в самой холодной части России. Почти вся земля якутов лежит в зоне вечной мерзлоты.

Основным занятием якутов в XIX в. было разведение лошадей и крупного рогатого скота. Даже есть указание на то, что в прошлом у них преобладал конный скот над рогатым. Конина была самой излюбленной пищей якутов.

У якутов также встречались погребения с лошадьми. На могиле иногда вывешивали шкуру, голову и конечности животного.

Согласно выводу ученых “в Южную Сибирь лошадь попала к концу III тысячелетия до н.э.”. Возникновение коневодства как части скотоводства является продуктом длительного исторического развития.

Скотоводство у народов Сибири сегодня сохраняется как важная отрасль хозяйства и способствует сохранению черт древней культуры скотоводов на огромной территории Сибири.

Конь по-прежнему имеет важное место в хозяйственной деятельности, в духовной жизни скотоводческого населения. Конь способствует физическому развитию людей. В наше сложное время это обстоятельство имеет немаловажное значение.

Ch. M.TAKSAMI (RUSSIA)

A HORSE IN TRADITIONAL CULTURE OF SYBERIA'S PEOPLES

Numerous peoples have been living on the territory of Syberia since ancient times. Horse-breeding occupies the important place in their culture.

Since ancient times, in the period of Scythians (VIII-IIIc.B.C.) in the Altai tsarist and common warriors have been buried together with their favourite horses.

A special attitude for a horse has been inculcated in the Turkic peoples of Southern Syberia including the Tuva people since early childhood.

Cattle-breeding in the Pre-Sayan region came into being in III-II c.c. B.C. In XVII c. horses, sheep, cattle and camels were bred widely here.

The Yakuts' spread into the northern lands was along process on a new land. Adapting to natural and climatic conditions, the Yakuts managed to preserve their culture of horse-and-cattle-breeding.

A horse occupies a significant place in the economic activities as well as in spiritual life of stock-raising population of Syberia even today.

AT SIBIRIŇ HALKLARYNYŇ MEDENI DÄPLERINDE

Gadymy wagtlarda Sibiriň territoriýasynda köpsanly halklar ýaşap, olaryň medeniýetinde atçylyk esasy orný eýeläpdir. Gadymy döwürlerden bäri, eýýäm skifleriň döwründe (b.e.öň VIII-III a.a.) Altaýda patyşalaryň we ýönekeý esgerleriň ýanynda olaryň söýgüli atlaryny hem ýaýlapdyrlar.

Günorta Sibiriň türki halklarynyň, şol sanda tuwalylaryňam ata bolan aýratyn garaýşy çagalykdan emele gelyär. Prisaýanye maldarçylyk b.e.öň II-II a. döredi. XII asyrdan bu ýerde atlary, goýunlary, iri toýnakly mallary we düýeleri giňden köpeldipdirler. Ýakutlaryň ýeriň demirgazygynda peýda bolmagy täze ýerde uzaga çeken proses boldy. Tebigy-howa şertlerine öwrenişmek bilen, ýakutlar atçylyk we maldarçylyk sungatyny saklap galypdyrlar. At hut şu günem Sibiriň maldarçylyk bilen meşgul bolýan halklarynyň hojalyk işlerinde we ruhy durmuşynda esasy orný tutýar.

L. FIROUZ (IRAN)

ORIGINS OF THE ORIENTAL HORSE

In 1965, Louise Firouz discovers a miniature horse on the shores of the Caspian Sea in northern Iran which was named the Caspian after its provenance. This discovery prompts an intensive search into origins of the Oriental horse. With the help of a grant from Mrs. Mary Littauer in the United States and the support of Dr. David Stronach, Director of the British Institute for Persian Studies in Tehran, a study of the faunal remains from BIPS sites was initiated. Dr. Sandor Bokonyi, a noted archaeozoologist from Budapest was invited to lead the study.

Dr. Bokonyi's conclusions were that: a miniature horse was native to pre-historic Iran; that the Caspian (100 cent. tall), Turkoman (150 and above) and Scythian (140) horse had existed in the wild state in Central Asia (Touran) and that a tall (over 150 centimetres) horse had been introduced by at least 2000 BC to Iran and that selective breeding by the Medes in the Zagros mountains had produced a Arabian, Kurd, Bedouin etc.) were mixtures of the above first developed at least 4000 years ago.

Research was continued with Dr. Cothran, University of Kentucky, on the genetics of the Oriental horse and tracing the continuity of the three primary Oriental breeds (Caspian, Turkoman, Scythian) down to the present day. Genetic and archaeozoological results reach uniform and consistent conclusions; the foundation strains of the Oriental horse are the Caspian, Turkonian and Scythian and the 'Arab' is a mixture of the three. Louise Firouz lives with the Turkomans, takes treks of riders into the mountains and steppes on the ancient Turkoman horse, and with a grant from the Sofie Trust and Rare Beed Int'l continues the research into and preservation of the Turkoman horse in Iran.

CHRONOLOGY OF THE ORIENTAL HORSE

Prehistoric 3 types of wild horse existed in the area known as Touran in SW Central Asia; the Caspian (range from the Kopet Dag, through the mountains of Iran, the Alborz and Zagros ranges), the Turkoman (range from Caspian Sea through Kazakhstan), the Scythian (range from Caspian Sea to Siberia).

4000 BC FIRST DOMESTICATION OF HORSE IN ASIA, IRAN, EASTERN EUROPE.
USE OF CASPIAN BY ELAMITES.

2000 BC Eastern horses (Turkoman/Touranian) have reached the Alps. Some specimens up to 150 Indo-Europeans reach Iran with their horses.

Medes selectively bred from 2 different types of horses (Caspian and Turkoman) in the Zagros. Arab type developed.

1800 BC Buhen horse from Central Asia found in Egypt.

648 BC Olympic Games based on eastern horses started in Greece. Pure Turkoman type depicted on amphoras and carvings.

500 BC Pazyryck burials. Turkoman type and Scythian entombed in ice. Altai mountains.

336 BC Alexander the Great comes to power. Philip of Macedon had already imported large quantities of Turkomans from SW Central Asia and Bucephalus said to be Turkoman horse – Han dynasty; Turkoman horses taken to China.

700 AD Arab conquest of Persia – first Arab use of horse and horses taken in quantity to conquered Arab lands in the Middle East.

Arabs conquer Spain – Omayid Dynasty. Eastern horses spread west by way of north Africa.

11th cent. Seljuks conquer Persia, Turkey, Syria.

12th cent. Mongols.

Crusades; import of captured Turkoman horses to Europe.

a) Ottoman Empire established.

A) FIRST THOROUGHBRED STUDBOOK ESTABLISHED IN UK. EASTERN INFLUENCE OFFICIALLY RECOGNISED.

b) Lady Ann Blunt goes to Arabia to find Arab horses.

1965 Rediscovery of ancient miniature horse (Caspian) in northern Iran by Louise Firouz.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗИАТСКОЙ ЛОШАДИ

В 1965 году Л. Фейруз обнаружила низкорослую лошадь на берегу Каспийского моря в Северном Иране, которую после проведения исследований, она назвала каспийской. Эта находка способствовала интенсивному поиску корней азиатской лошади. Генетические и археологические исследования привели к заключению о том, что основанием породы азиатских лошадей является смешение трех пород: туркменской, скифской и арабской. Л. Фейруз продолжает работу в этом направлении.

L. FEÝRUZ (EÝRAN)

AZIÝADA ATLARYŇ GELIP ÇYKYŞY

1965-njy ýylda A. Feýruz Demirgazyk Eýranyň Kaspi deňiz kenarларында kiçi boýly ata duşýar, soňra geçirilen barlagларыnyň esasynda oňa Kaspiýsk adyny berýar. Bu asyş aziýa atларыnyň aslyny öwrenmäge içeri bolýar.

Genetik we arhiologik netijesinde: aziýa atларыnyň: türkmenleriň, skifleriň, araplaryň atларыnyň tohumларыnyň gatyşmagyndan gelip çykyрdyr diýmäge esas döredýär. A. Feýruz bu ugurda işini dowam etdirýär.

S. CHIADI (IRAN)

THE TURKMEN HORSE BREEDING IN JARGALAN

Jargalan is a borderline region between Iran and Turkmenistan at 150 km northern Iran (Khorasan). Over 80 years ago Turkmen tribes began moving from Turkmenistan (Ahal, Mary, Balkan...) in to the Jargalan region of north KHORASAN in Iran.

They brought their "Öy"s, their horses and their traditions, folk, art and mythological issues.

Today that still continue living in the old way. Although Öys have been traded for stone and brick houses, they raise their horses on the open race at weddings and circumcision ceremonies and keep their stallions tied out with the traditional seven felts.

The result is a fine, strong horses with plenty of bone and endurance – the result of 500 years of pure breeding.

Tribes: Teke, Goklen, Nokhorli, Gerkez.

They are now holding traditional horse racing, long distance, short distance and Aillaw till to 10 km rapidly.

A. Д. ЧИАДИ (ИРАН)

ТУРКМЕНСКАЯ ЛОШАДЬ В ДЖАРГАЛАНЕ

Джаргалан - это пограничный район между Туркменистаном и Ираном. Более 80 лет назад туркмены стали переселяться из Туркменстна в Джаргаланский регион. И сегодня они живут на этой территории, сохраняя свои обычаи и быт. С собой они привели лошадей, которых разводят в соответствии с древней туркменской традицией.

TÜRKMENATLARY JARGALANDA

Gargalan - Eýran bilen Türkmenistanyň arasyndaky serhet regionydyr (sebitidir). 80m ýyldanda gowrak mundan ön türkmen taýpalary Türkmenistandan Gargalana göçüp başlaýarlar. Häzirki günde bolsa olar şol ýerlerde öz döp-dessurlaryny saklap ýaşaýarlar. Olar şu güne çenli gadyndan gelyän döp-dessurlaryna laýyklykda atlary hem getirýärlär.

D.QINGBO (CHINA)

THE HORSE IN QIN HISTORY

The domestication of the Horse in Qin History, throughout China's long and storied past, no nationality like people of the Qin was noted for their skill with horses. The prosperity and decade of Qin nationality was closely related to the horse domestication. We are not sure what kind of contribution the domestic horse devoted to people of the Qin and how much it was involved in. But the horse has been a central figure in the creation and survival of the culture in Middle Kingdom, and then it proceeded to become the mainstream of Chinese culture.

Horse administration of Qin Empire.

Horse raising was highly developed during the Qin Dynasty. There were three organisations for horse management in court and the Central Government, border area and counties. The organizations at different levels were all very strict with the persons who were in charge of Qin Empire's horse administration. The horse trainers were slaves or indentured servants. There are two methods of horse raising. There are different examination standards and means of reward and penalties for indentured horses and military horses. There have fixed Institutions for supplying the feed and marking the horses. There is a problem for people of the Qin to castrate for male horses and to eliminate the lice on the bodles of horses then.

The unearthed Horse and Horse Harness.

A large quantity of horses and horse harnesses has been found within the area of Emperor Qin's mausoleum. It is evidenced that people were adopt in harnessing the power of the horse during the Qin era. The discovery of the spectacular bronze chariots and horse reflected the most advanced technology in the orient 2,200 years ago. Lots of pottery horses have been unearthed from the terracotta pits, which can be divided into two types: the chariot horses and the cavalry horses. All chariot horses were castrated, only some of the cavalry horses were castrated. Many remains of the real horses have been found in the stable pits of Emperor Qin's mausoleum. Investigations showed that the horses had been buried alive as sacrifices.

The Training of the Cavalrymen and Charioteers.

In Chinese history, the famous horse physiognomists and the noted work - The Book of Horses were mainly from the Qin Dynasty. The skill of horse raising was outstanding and it provided the countless well-trained cavalry horses. The cavalry was a new element of warfare during this period and became a complement to the infantry and the archers, having an entirely different capability on the field of battle. There were very strict requirements selecting the cavalrymen. The costume and weapons of the cavalrymen had been standardized. So far we have not found any stirrups for mounting the horse. Selecting and training charioteers was also very strict. Being the commander of the chariot the charioteer was equipped spectacularly.

ЛОШАДЬ В ИСТОРИИ КВИН

Лошадь имела большое значение в жизни Седнего Царства и стала одним из главных аспектов развития китайской культуры. Разведение лошадей было сильно развито в период царствования династии Квин. В государстве имелось несколько специальных учреждений, ведавших лошадьми с очень строгой организацией.

Большое количество останков лошадей и конской упряжи было найдено в области Императорского мавзолея династии Квин. Они свидетельствуют о том, что люди той эпохи были знатоками коней и конской упряжи; остались сведения о методах тренировки кавалерийских лошадей и лошадей для конниц, а также «Книга лошадей». Искусство разведения лошадей было престижным занятием.

DUAN KUINGBO (HYTAÝ)

HUNUŇ TARYHYNDA AT

Orta patyşalykda at uly ähmiýete eýe bolup, Hytaý medeniýetiniň ösmeginde esasy orunlaryň birine eýe bolupdyr. Hun dinastiýasynyň patyşalyk eden döwründe atlary ösdürip ýetişdirmek güýçli ösüpdür. Döwletde saýlama atly hem örän berk guramaly ençeme ýörite edaralar bolupdyr.

Hun dinastiýasynyň imperator mawzoleýiniň çäginde köp möçberde atyň galyndylary we at goşmak üçin esbaplar tapylyp, bular bu döwürdäki adamlaryň atlaryň we at esbaplarynyň ussatlarydygyna şaýatlyk edýär.

Hun dinastiýasynyň döwründe harby atlaryň hem paýtun üçin atlaryň seýislenilişiniň usulyýetine degişli maglumatlar, şeýle hem “Atçylyk kitaby” galyndydyr. Atlary ösdürmek, köpeltmek sungaty abraýly wezipeler bolup, gadymyýeti oňat seýislenen harby atlar bilen üpjün edipdir. Araba goşmak üçin gerekli atlary köpeltmek we seýislemek hem berk düzgüne eýe bolupdyr.

GUBAÝEW, G. N. HANMYRADOW
(TÜRKMENISTAN, TDU)

OGUZ HAN EÝÄMYNDA TÜRKMENLERIŇ ATA-BABALARYNYŇ DURMUŞYNDA ATYŇ ORNY

Gadymy taryhy maglumatlara esaslanyp alymlar dahlaryň gadymy türkmen taýpalarydygyny doly anykladylar. Sebäbi olar etniki düzümleri boýunça türkmenegedegişlidirler. Türkmenistanyň çöllük zonalarynda dahlaryň – ata-babalarynyň ýaşan ýerinde Uzboýda daş asyryň soňky döwürlerine – Mis zamanyna degişli gabyr tümmeklerinden (depejiklerinden) adam jesetleri bilen birlikde olaryň ýanyndan atlaryň esbaplary we bezeg şaýlarynyň tapylmagy türkmen halkynyň durmuşynda at diňe bir hojalykda peýdalanylman, eýsem oňa mukaddes-keramatly haýwan hökmünde görleňdigininiň şaýadydyr. Uzyn boýly, boýny uzyn, enaýy bir owadan, adama mähirli atlar Orta Aziýanyň günorta etraplarynda ösdürilip ýetişdirilipdir. Olar şu günki ahal-teke atlarynyň ata-babasydyr.

Antiki zamanlara degişli ýazuw çeşmeleri parfiýan atlarynyň uzakçylygy, owadanlygy boýunça dünýä sungatynda uly orun tapandyklaryny nygtaýarlar.

Gadymy Türkmenistanyň ýerinde ýagny b. e. ö. IV-nji müňýyllyklarda ýaşan jemgyýetde beýleki haýwanlar bilen birhatarda atyň hem eldekleşdirilenligi barada arheologiki tapyndylar anyk maglumat berýärler. Türkmenistanyň ýerinde taryhyň iň gadymy zamanlaryna degişli arheologiki ýadygärliklerden tapylan tapyndylaryň arasynda şol döwürde ýaşan atlaryň süňkleri hem tapylýar. Şol at süňkleriniň bölekleýin uzynlyklarynda (boýun süňki, aýak süňki, oňurga süňkleri) geçirilen ölçegler, şu günki Ahal-teke atlaryna çalymdaşlygyna güwä geçýär. Atlary ekdeleşdirmeklik ilki bilen Gadymy Gündogarda bolupdyr diýen pikiriniň dogrudygyny arheologiki maglumatlaryň esasynda tassyklamak bolýar. Atlary eldekleşdirmekligiň ilki bilen Türkmenistanyň çöllük raýonlarynda bolandygyna şaýatlyk edýän arheologiki tapyndylar bar.

А.ГУБАЕВ, Г.ХАНМЫРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ)

МЕСТО КОНЯ В ЖИЗНИ ПРЕДКОВ ТУРКМЕН В ЭПОХУ ОГУЗ ХАНА

На основании древних источников было доказано, что дахи - это туркменские племена. Находки украшений и принадлежностей для коней в могильниках свидетельствуют о священном характере этих животных в жизни людей. Прекрасные кони разводились в южных районах Средней Азии.

На территории Южного Туркменистана кони были одомашнены в IV тыс. до н. э. Размеры найденных костей древних лошадей сопоставимы с размерами костей современных ахалтекинцев. Скульптурные изображения лошадей, найденные в Намазгадепе, свидетельствуют об их огромной роли в жизни людей.

A.GUBAYEV, G.N. HANMYRADOV (TURKMENISTAN, TSU)

THE ROLE OF HORSE IN THE LIFE OF ANCIENT TURKMENS DURING OGUZHAN EPOCH

Due to ancient sources dahi considered to be the Turkmen tribes. Excavations of horse decorations in graves are the proof of sacred character of these horses and their role in people's life. These beautiful horses were selected in Southern Regions of Middle Asia.

Horses were tamed in the IV c. A.D. on the territories of Southern Turkmenistan. The excavated horse bones have been compared with the size of Modern Akhal-Teke's bones. Sculptured figures of horse found in Namazgadepe are the evidence of their great role in people's life.

А.ТАДЖОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

ТРАДИЦИОННЫЕ КОННЫЕ ИГРЫ ТУРКМЕН

Переломные моменты в жизни народов, переходы от экономических подъемов к депрессии, радикальные изменения в способах производства всегда порождали повышенный интерес к истории. Среди богатого и своеобразного культурного наследия туркменского народа важное место занимают различные виды народных развлечений и игр.

Приобретя независимость Туркменистана, первый Президент Сапармурат Туркменбаши, намечая важнейшие перспективы развития нашего общества, призывал

ученых к творческому подходу к многовековой культуре туркменского народа. Он выдвигает идею духовного возрождения и считает это основным условием не только государственного строительства, но условием успехов и в культуре.

История туркменских игр, как и другие сферы духовной культуры, отражали определенные социальные, экономические, идеологические и другие особенности разных исторических времен. Различные природные, исторические, экономические условия определили особенности народных игр. Они выражают специфику уклада жизни ее создателя, его поведения и ценностных ориентаций.

Многочисленные памятники материальной культуры, древние письменные источники, а также богатейшие данные народного фольклора свидетельствуют, что конные игры – один из древнейших и наиболее популярных видов народного развлечения.

Важнейшим свойством традиционных конных игр является ее синкретизм, выражающийся в целостности, нерасчлененности трех форм бытия: культуры, общества и человека.

Характерным для национальных конных игр туркмен является их вариативность. В зависимости от содержания их можно разделить на следующие типы: ритуальные, развлекательные и зрелищные.

Ритуальные конные игры исполнялись в свадебном обряде туркмен и закрепились в определенном этапе данного обряда. Такая закреплённость исполнения игр в обряде объясняет их связь с конкретными обрядовыми действиями. К ритуалам этого типа относятся обрядовые конные игры “Яглык алма”, “Санач гапды”, “Алып гачар”, “Ток бори”.

Зрелищно-игровые конные игры проводились на традиционных народных праздниках и семейно-бытовых обрядах. Они различаются по массовости, по функциям. Благодаря своему разнообразию эти игры доступны не только взрослым и юношам, но даже детям. Они являлись одной из самых важных общественных функций – воспитательная и проведения коллективного досуга. К ним относятся также игры как “Ат чапышыгы”, “Топлум”, “Чайырчы”, “Суйрегли ат чапышык”, “Овлак чапды”.

К практически-зрелищным относятся различные упражнения и борьба на коне военного характера. К ним относятся также игры как “Алтын габак”, “Чабык кесди” и другие различные состязания на испытание выносливости коней и силы, ловкости людей. В этих состязаниях тесно переплетены в прошлом военные и спортивные функции.

Историческая ситуация XX века характеризуется сложной этнокультурной обстановкой. Для Туркменистана характерна была насильственная “модернизация” традиционных культур туркменского народа. В годы советской власти была проведена политика, согласно которой подразумевается переход от традиционного к современному. “Благодаря” этой политике многие конные игры исчезли из жизни народа. Обретение политической независимости для Туркменистана дало возможность для восстановления утраченных ценностей. Тем самым, возрождаются и конные игры.

В заключение можно сказать следующее:

В народных конных играх как культуры этноса нашли отражение характерные моменты социального устройства туркменского общества в различные периоды истории. Наиболее характерными аспектами социальной функции этих игр является связь древнейших культур, а именно, как полувозрастной, брачной и другие аспекты.

TURKMEN NATIONAL HORSE RITUAL PLAYS

History of Turkmen national plays describes the economical, social, ideological and other aspects of different periods of history. Main characteristics of national turkmen horse plays have syncretism and it describes three form of life: culture, social and human life. Turkmen national turkmen horse plays have many alternatives, ritual enjoy and practical watching.

A. TÄJOW (TÜRKMENISTAN, TDU)

TÜRKMEN MILLI AT ÜSTÜNDE OÝNALÝAN OÝUNLARY

Türkmenleriň milli oýunlary ruhy medeniýetiniň beýleki gömüşleri ýaly belli bir durmuşy, ykdysady, ideologik äheňlere eýedir. At üstünde oýnalýan oýunlaryň gymmatly häsiýeti, olaryň adam, jemgyýet we medeniýet oýunlaryň gymmatly häsiýeti, olaryň adam, jemgyýet we medeniýet arabaglanyşygy şöhlendirilýär. Şeýle hem türkmenleriň at üstünde oýnalýan oýunlaryň mazmuny boýunça köp dürlüligi. Olaryň mazmuny boýunça 3 topara: ritual, tomaşa-wagt geçirme we durmuşy häsiýetli gömüşde berip bolýar. Nutukda at oýunlaryň bu hsiýetleri barada gürrüň berilýär.

ГРИГОРЯН ВАРТАН РУБЕНОВИЧ (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ)

КОНЕВОДСТВО, ЛЕЧЕБНИКИ И ПОСОБИЯ ПО КОНЕВОДСТВУ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Коневодство в Армении с древнейших времен было одним из развитых отраслей экономики. По свидетельству греческого автора Ксенофонта в Армении разводили коней для персидского царя. В 100.000-м войске царя Армении Тиграна 2-го одну треть составляла конница. А при армянских Аршакидах в войсках конники составляли десятки тысяч.

В Киликийском армянском царстве коневодство было хорошо развито. Лошади были незаменимы в сельском хозяйстве, торговле и в военном деле. Лошади в огромном количестве продавались на рынках и вывозились за рубеж.

Для правильного ухода, размножения и лечения лошадей были необходимы пособия и лечебники. В 13-ом веке на армянский язык было переведено сочинение: «О свойствах и породах лошадей и кобылиц, ослов и жеребят, советы и лечение». По мнению специалистов это сочинение взято из 16-ой главы греческой книги «Геопоника». В 1296-1298 гг., по приказу армянского царя Симбата 3-го, с арабского на армянский была переведена книга врача Фараджа «Лечебник лошадей и вообще вьючных животных». В 1788 г. с армянского перевода этот лечебник был переведен на грузинский язык.

В этой книге собран вековой опыт в области коневодства. Долгое время она находилась в г. Тебризе (Иран), сейчас ее местонахождение - г. Лос-Анджелес. Получив копию книги, ныне покойный ученый Матенадарана Б.Л. Чугасзян, осуществил ее научное издание.

По коневодству сохранился ряд армянских пособий, которые были созданы

в 1696 г. и в начале 18-го века. В них имеются подробные сведения по уходу, разведению, диагностике и лечению больных лошадей. Почти все лечебники изложены не на литературном языке того времени (грабаре), а на разговорном народном языке.

V.R.GRIGORIAN (ARMENIA)

HORSE BREEDING, MEDICAL CENTRES AND HANDBOOKS ON HORSE BREEDING IN MEDIEVAL ARMENIA

Horse breeding was one of the highly developed fields of economy in Armenia since ancient times. According to Greek author Xenephontus (5c. B.C.) horses were bred in Armenia for the Persian kings. One third of the army of the Armenian king Tigtan 2nd (95-55 B.C.) which counted 100,000 soldiers was the cavalry. During the reign of the Armenian Arshakids (1-5cc.A.D.) the number of cavalry men was more than 10,000.

Horse breeding was well developed also in the Armenian kingdom of Cilicia (11-14 cc. A.D). Horses were irreplaceable in agriculture, trade and for military purposes. Horses were sold on markets and exported to foreign countries in great quantities.

Handbooks and medical centres were needed for proper care, reproduction and treatment of horses. In the 13th century into Armenian was translated the work "On nature and breed of horses, mares, asses and foals, as well as advice and treatment..." To specialists' opinion this is taken from the 16th chapter of the Greek book "Geoponics" (10c. A.D.).

In 1296-1298 by order of the Armenian king Sumbat the 3rd into Armenian from Arabic was translated the book of physician Pharaj "A guide for treatment of horses and other animals of burden", dated to the 13th century A.D. In the 1788 the Armenian version was translated into Georgian. This book reflects the century old experience in horse breeding. This book was kept in Tavriz (Iran) for a long time but now it is in Los Angeles. We got the copy of the book in Armenia and one of the scientists of Matenadaran B.L. Chukasizyan (now deceased) published it.

Many Armenian handbooks on horse breeding reached our days which were written in 1695 and in the beginning of the 18th century. They comprise detailed information on care, breeding, diagnostic and treatment of sick horses. Almost all guides for treatment are written not in grabber (old literary Armenian) but in everyday speech.

W.P.GRIGORÝAN (ERMENISTAN)

ORTA ASYR ERMENISTANYNDA ATÇYLYK, SYPAHANALAR WE ATÇYLYK BOÝUNÇA GOLLANMALAR

Ermenistanda atçylyk gadymy döwürlerden bäri ykdysadyétiň ösen pudagy bolupdyr. Oba hojalygynda, söwdada hem harby işde atyň ýerini hiç bir zat tutup bilmändir. Atlara dogry ideg etmek, köpeltmek hem bejermek işinde gollanmalar hem sypahanalar zerur bolupdyr. Şeýle kitaplar grek hem arap dillerinden ermeni diline terjime edilipdir. 1696-njy ýylda we 18-nji asyryň başynda döredilen ermeni gollanmalaryň ençemesi saklanyp galypdyr.

УДИЛА С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Элементы конской сбруи известны в Средней Азии в большинстве случаев по погребениям кочевников. В этом контексте, железные удила и костяной псалий, найденные французско-узбекской экспедицией в северной части городища Афрасиаб (Раскоп 2), представляют особый интерес. Первые, обнаруженные в яме, современной крепостной стене эллинистического времени (III-II вв. до н.э.), относятся к распространенному в древности на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Восточной Европе "двухсоставному" типу удил, стержни которых отлиты вместе с псалиями. Несмотря на относительную редкость данного типа, круг аналогий, известный по археологическому и изобразительному материалу, достаточно широк: образцы, найденные в Персеполе и в Деве Хуюк в северной Сирии; для Средней Азии - Уйгарак (VI в. до н.э.), Тагискен (VII в. до н.э.); для раннего средневековья - Пенджикент, Варахша, Афрасиаб и др. Оформление псалиев афрасиабской находки тремя выступами с отверстиями для ремней повода и оголовья, хорошо известное для составного типа удил, в данном случае уникально.

Другой редкой находкой является роговой двухдырчатый псалий из мусорного слоя, образовавшегося у помещения постэллинистического времени за крепостной стеной. В таком контексте предмет может быть датирован как эллинистическим так и ахеменидским периодами. Учитывая плохую сохранность материала, объясняющую относительную редкость находок костянных псалий, афрасиабский экземпляр представляет особый интерес. Псалий выполнен из рога оленя, один конец оформлен в виде лошадиного копыта, - тип декоративного оформления, широко представленный, например, на персепольских рельефах. Аналогии такого типа ему можно найти, но в бронзовом варианте, в Тагискене.

Публикуемые находки свидетельствуют об общности традиций конского убранства на громадном пространстве от евразийских степей до регионов древнеземледельческих цивилизаций, между которыми как в географическом так и культурном отношении располагались древние Мараканды - Самарканд.

G. BERNAR (FRANCE), N. ALMAZOVA (UZBEKISTAN)

BITS FROM AFRASIAB CITY

The elements of horse harness are known in Central Asia from the burials of nomads. In the northern part of Afrasiab city the French-Uzbek expedition found the snaffle bits of iron and bone. The finds evidence about similarities of horse decoration traditions at a large territory from Eurasian steppes to ancient civilizations regions.

G. BERNAR (FRANSIYA), N. ALMAZOVA (ÖZBEKISTAN)

AFRASIAB GADYMY ŞÄHER HARABAÇYLYGYNDAN TAPYLAN AGYZZYRYK

At esbaplarynyň bölekleri Orta Aziýada çarwalaryň jaýlanan ýerlerinde gabat gelýär. Afrasiab gadymy şäher harabaçylygynyň demirgazyk böleginde fransuz-özbek ekspedisiýasy tarapyndan demir agyzyryk we sünk uýan tapyldy. Tapyndylar ýewraziýa sähralaryndan tä

gadymy siwilizasiýalar sebitlerine çenli bolan ägirt uly giňişlikde ata esbap edilişinde umumylygyň barlygyna şaýatlyk edýär.

Г. КЯРИЗОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

СКВОЗЬ ЭПОХИ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Ахалтекинский конь-аргамак... Лошадь, потеющая кровью... Небесная лошадь... золотой конь Парфии... Лошадь Ниссы... Каждое из этих названий существует более 2-х тысяч лет. Что это? Ошибки историков или перепутанная хронология?

Более 2 тысяч лет назад парфяне сумели довести до совершенства подарок судьбы - наследный материал конских ресурсов, позволявший безнаказанно повергать в прах непобедимые, по тем временам, войска римлян. Владевшие лучшей лошадейю мира еще со времен Огузхана, предки туркмен превратили эту расу лошадей в породу, которая способна была улучшать и создавать новые породы и которая ценилась по тем временам в два раза дороже нубидийской или арабской, и все щеголи Рима считали за честь восседать на них.

Порода или просто огромный массив лошадей? Конечно же, порода, если спустя тысячелетия сегодняшний ахалтекинец абсолютно повторяет черты внешности и экстерьера останков лошадей, найденных в могильниках и раскопках руин Алтындепе, Гонурдепе, на Алтае (Пазарык), в Келлели и Таипе, Теккем-Депе, на фресках и наскальных изображениях, картинах и скульптурах.

Сейчас мы намерены изложить взгляды на развитие мирового коневодства в свете влияния трех чистокровных пород лошадей мира на формирование мирового коннозаводства и той особенной роли, которую сыграла в создании и формировании всех культурных пород лошадей туркменская лошадь и её ярчайший представитель - чистокровный ахалтекинец.

GELDI KÄRIZOW (TÜRKMENISTAN)

EÝÝAMLARYŇ WE MÜŇÝYLLYKLARYŇ IÇINDEN GEÇIP

Argamak ahalteke aty... ganly der saçýan bedew... Behisti bedew... Parfiýanyň altyn aty... Nusaý aty, bu adalgalaryň her-biri iki müň ýyldan hem gowrak wagt bäri goja taryhyň gatynda ýaň salyp gelýär. Bu nämedenkä? Taryhçylaryň ýa-da senenamany ýazyjylaryň ýalňyşmyka?

Parfiýalylar mundan iki müň ýyldan gowrak ozal rimlileriň şol döwürdäki ýeňilmez goşunlaryny kynçylyksyz çym-pytrak etmäge mümkinçilik beren, ykbalyň özlerine eçilen genji-hazynasy bolan gylýalçylyk baýlygynyň mirasyny işläp kämillige ýetirmegi başyrypdyrlar. Baryp-ha Oguzhan atamyndan gaýdyp gelýän atlarymyz saý-sebäpler bilen dürli ýurtlara düşüpdirlir. Olaryň kömegi bilen ýerli ýabylary kämmilleşdirip, täze tohumlary kemala getiripdirler. Türkmen atlary şol döwürlerde Nubidi ýa-da Arap atlaryndan iki esse ýokary bahalandyrylypdyr. Rimiň özlerine göwni ýetýän baýlarynyň esasy münýän aty bolupdyr.

Gürün belli bir atlaryň tohumy baradamy ýa-da her ýerde döräp, ýygyndydan ýygnalan müňlerçe ýylky sürüleri baradamy?!

Elbet-de, belli bir tohum barada, ondada türkmen atlarynyň tuhumy barada. Müňlerçe ýyllaryň dowamynda öz ajaýyp gözəl keşbini üýtgetmän gelýän şu günki ahalteke bedewi

barada. Altyndepe, Goňurdepe, Altaý (pazyryk), Kelleli, Taýym we Tekgemdepe ýaly taryhy ýerleriň guburlaryndan tapylan gylýal galyndylarynyň beden gurluşy buýunça gabat gelýän, gadymy şaýlarda, suratlarda, daşlaryň ýüzünde çekilen atlaryň keşbiniň janly nusgasy hakynda.

Şu wagt biz dünýädäki arassa ganly gylýal tohumlarynyň üçüsiniň dünýä atçylygynyň kemala gelmeginde ýetiren täsirini, esasan hem ahalteke atlarynyň, dünýä atşynaslygyndaky taryhy ähmiýetini beýan etmekçi.

GELDY KYARIZOV (TURKMENISTAN)

THE TURKMEN HORSE TROUGH AGES

Ahal-Teke Horse – Argamak. The horse sweating with blood. Heavenly Horse. The golden horse of Parthia... The horse of Nissa. Each of these names has been exciting for more than two thousand years. What is this? Is it the historians' errors or the breaking of Chronology? What is the answer?

The Parthians succeeded in perfecting the Fate's gift more than two thousand years ago. The gift was the excellent horses that defeated the invisible Roman troops at that time. The Turkmen ancestors, who had owned the best world horse since the Oguz Khan times, turned this breed into the breed able to make better and create new breeds. That a best horse was valued to be twice as expensive than the Nubidy and Arabic breeds and all the wealthiest citizen in Rome honored to ride them.

Is it the breed or just a huge number of horses? It is certainly a breed, because a thousand years later, today's Ahal-Teke horses the exact replica of the horses' remind found in the burials and excavations of ruins at Altyndepe, Gonurdepe, in the Altay(Pazaryk), Kellelia and Tayim, Tekkem-Depe, on frescos, rock carving pictures and sculpture.

At present will contain views on the development of the world saddle-horses breeding, in light of the interaction the three thoroughbred breeds, the significant past played by the Turkmen horse, and its brilliant representative - Ahal-Teke horse – in developing all the cultivated horse breeds.

In itself, the ancient variety of the Eastern saddle-horse, portrayed in the ancient cultural record shows, that it had emerged from the Turkmen territory.

К.К. КУРБАНСАХАТОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОМЕСТИКАЦИИ ЛОШАДИ, РАЗВИТИЕ УПРЯЖИ И ВСАДНИЧЕСТВА

Общеизвестно, что на раннем этапе скотоводства сначала был одомашнен мелкий рогатый скот. Доместикация лошади происходит относительно позднее. Изображения лошадей в форме изобразительного искусства относятся к эпохам верхнего палеолита и мезолита. Но это не может быть основанием свидетельства доместикации лошади. Крупные стада диких копытных животных имели место распространения в широтах Центральной Азии. Видимо к их разведению перешли следующие за стадами охотники, вследствие этого происходил постепенный переход к одомашниванию копытных животных, в том числе и лошади.

Остеологические критерии доместикации лошадей до сих пор остаются

разработанными не в достаточной мере. Имеются регионы, где ранняя domestикация лошади надежно документирована ввиду находок костных остатков (Украина). Морфологические изменения, свидетельствующие о domestикации, появляются далеко не сразу, что затрудняет изучение ранней стадии, ввиду недостатка критериев. По свидетельству специалистов, морфологические изменения у мелких животных происходят за 60-90 лет, а у крупного скота за 150-180 лет. На это требуется смена нескольких поколений.

Территория северного Туркменистана частично попадает в зону Евразийских степей, где к концу III - началу II тысячелетия до нашей эры скотоводства и частично земледелие широко распространялось.

Практика использования крупного рогатого скота берет свое начало с конца IV тысячелетия, а в III тысячелетии до н.э. распространяется в различных регионах. Изображения и модели повозок с впрягаемыми в них лошадьми, быками, ослами – встречаются повсеместно.

К концу III тысячелетия до н.э. в Южном Туркменистане на Алтын депе эпохи бронзы отмечены находки моделей повозок с впряженными в них верблюдами.

Древнейшие фигурки быков в упряжи, обнаруженные в Центральной Азии, относятся к первой половине III тыс. до н.э. Таким образом, бычьи и верблюжьи упряжки распространились задолго до того, как в колесницы и телеги стали запрягать лошадей. Бык и верблюд предшествовали лошади и в качестве верхового животного.

Всадничество в полном смысле этого слова возникло лишь после domestикации лошади и верблюда.

Есть факты одомашнивания лошади в IV тысячелетии до н.э. в Северном Причерноморье. В IV-III тыс. до н.э. домашняя лошадь хорошо известна для южнорусских степей и балкано-дунайского региона. В III тыс. до н.э. ее знали в Передней, Центральной Азии, на Кавказе и в Индии.

Труднее обстоит дело с определением времени, когда лошадь оседлала. Имеются серьезные аргументы в пользу использования в степях Евразии лошади в упряжи в XVI-XIV вв. до н.э. Имеются факты, что в Центральной Азии лошадь стали запрягать в повозки со второй четверти II тысячелетия до н.э., а использовать для верховой езды в XIV в. до н.э.

Сходство древнейших псалий и системы упряжи в Передней Азии и в степях юго-восточной Европы говорит о едином их источнике и позволяет предполагать более раннее появление лошадиной упряжки.

Псалии из южной Сибири датируются началом II тыс. до н.э. на Кавказе – к концу III тыс. до н.э., на Украине – к началу III тыс. до н.э.

Верховая езда возможна без уздечки и без удила. Более того, металлическим и прочим удилам предшествовали сыромятные материалы, которые в археологических материалах не сохраняются. Некоторые исследователи сыромятные удила относят к IV тыс. до н.э. (В.Н. Даниленко, М.М. Шмаглий, 1972, с. 90-106).

Связывая коневодческий уклад ряда степных культур, некоторые исследователи связывают это с необходимостью конных пастухов (В.Б. Ковалевская, 1977, с. 20-35)

Наиболее ранние сведения, свидетельствующие о верховой езде на лошадях в Передней и Центральной Азии относятся к первой половине II тыс. до н.э. (В.А. Шнирельман, М.А. с. 80, стр. 232.)

Верховая езда в евразийских степях распространилась вряд ли ранее конца II тысячелетия до нашей эры.

SOME QUESTIONS ABOUT THE HORSE DOMESTICATION AND DEVELOPMENT OF HARNESS AND HORSE RIDDING

On the early stage of cattle-breeding firstly were domesticated small horned cattle. Horse domestication appears later. Large herds of wild hoofed animals were spread in Central Asia. Hunters began to rear them; the gradual transition on horse domestication began. The territory of Turkmenistan partly becomes a zone of Eurasian steppes where ox and camels harness were spread early than chariots and carts were used. But it is really difficult to indicate the exact time of horse saddle. But riding is possible even without a bridle and bit. Horse breeding of some steppe cultures tie together with the necessity of horse herders. The earlier information about horse riding in Central Asia dates the first half of II millennium.

K.G. GURBANSAHEDOV (TÜRKMENISTAN)

ATLARYN ELDEKILISDIRMEGI

Maldarcylygyn irki dovrunde ilki bilen ovnuk sahsy mallar eldekilidiripdirler. Atlaryn eldekilisdirmegi has uzak bolup gecyar. Merkezi Aziyanyn sahralyklary toynakly hayvanlaryn yabany surilerinin gin yayran yeridir. Avcylaryn atlary kopeldip baslamagy, yuvas-yuvasdan atlaryn eldekilestirmege getiryar. Turkmenistanyyn territoriýasynyn kabir bolegi Yevraziya duzluklerine giryar. Okuzler we duyeler ucun tirkerler, iki tigirli yenil soves arabasyndan we beyleki arabalardan has on yayrandyr. Atlaryn eyerlenen vagtyny kesgitlemek, kabit kyncylyklary doredyar.

Alynky Aziyada we gunorta gyndogar Yewropanyn sahralyklarynda atlar ucun tirkeglerinin has ir doremegi beyleki hayvanlary araba tirkemek ucun zerur bolupdyr. Atlary uyansyn we agyzyryksyz munmek bolyar. Kabir sahrany medenyatlerin atcynaslygy at copanlarynda zerurlyk doredipdir.

Alynky we Merkezi Aziyada at munmek barada in irki maglumatlar b.e.on II munylylygyn 1-nji yarymyna degislidir. Duzluklerde at munmegi b.e.on II munylylygyn ahylarynda yayrandyr diyp bilerismunmegi b.e.on II munylylygyn ahylarynda yayrandyr diyp bileris.

СЕДЛО В КОМПЛЕКСЕ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ НА
БОСПОРЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.

На рубеже н.э., в условиях расширения военно-политических и культурных контактов с кочевниками, в вооружении и снаряжении боспорской конницы происходят существенные изменения, связанные с влиянием соседних сарматских племен. В частности, возрастает значение тяжелой панцирной кавалерии — катафрактариев. Отдельные элементы вооружения таких воинов (тяжелая пика, длинный рубящий меч, лук “гуннского” типа) сформировались в поволжско-среднеазиатском регионе. Начало распространения их на Боспоре можно связать с аспургианами, поселившимися на землях между Фанагорией и Горгиппией, скорее всего, в правление Асандра.

Для тяжеловооруженного всадника, прежде всего, важно было удержаться на коне при столкновении с противником. Видимо, выходом в данной ситуации стало совершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую “глубокую” посадку. Памятники боспорского изобразительного искусства демонстрируют различные типы седел такого рода, относящихся к римскому времени. Самый ранний из них наглядно представлен в рельефе стелы Матиана, сына Заидара, поставленной от имени царицы Динамии в конце I в. до н.э. Здесь изображен всадник, облаченный в короткий панцирь с разрезом. Он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копьё с опорой на передний выступ седла с четко показанным горизонтальным отростком. Для изготовления подобных седел, можно предполагать использование деревянных деталей. Другой тип седла присутствует на нижнем рельефе пока еще не опубликованной мраморной стелы сыновей Панталеонта из Горгиппии (начало I в. н. э.), где представлены кони с седлами, имеющими вертикальные передний и задний выступы и слегка выпуклую поверхность подушки. При этом у первого коня из-под седла свешивается попона со схематично переданными складками. На верхнем рельефе той же стелы, вероятно, показано аналогичное седло, поскольку здесь перед всадником изображен почти вертикальный, слегка загнутый внутрь передний выступ с выделенным рельефным валиком краем. Ближайшие аналогии для них известны по изображениям коней в парфянской короoplastике и на рельефе рубежа н.э. из храма Баалшамина в Сиа.

Сходный тип седла с т. н. “роговидными” выступами, использовавшийся в римской кавалерии, вероятно, был заимствован у кельтов. Он давал хорошую поддержку для основания спины и бедер всадника. Предпринятая П. Коннолли реконструкция кожаного римского седла из Валькенбурга (Голландия) продемонстрировала удивительно высокую эффективность “рогов”, позволявших не испытывать неудобства в применении копья, длинного меча или лука. Все это, соответственно, повышало возможности воина в условиях конного боя. Даже при отсутствии стремян он мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, значительно дальше, чем раньше, отклонять в сторону корпус и руки, держащие оружие. Интересно отметить, что упомянутой реконструкции практически полностью соответствуют седла, изображенные на постаменте найденного около пятнадцати лет назад мраморном надгробии II в. н. э. из некрополя Горгиппии. Для придания таким седлам большей жесткости “рога”, при

наличии деревянной основы, могли быть дополнительно укреплены повторяющими их форму бронзовыми пластинами (Ньюстид, Шотландия).

Впрочем, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников, начиная со второй половины I в. н. э., демонстрируют своеобразный тип “глубокого” седла с довольно массивной передней частью, завершавшейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и защищавшими нижнюю часть туловища воина. Сзади седло снабжено вертикальными выступами или задней лукой. Наиболее детально последняя показана на фрагменте надгробия I — II вв. н. э. из собрания Темрюкского музея. Судя по всему, здесь представлено оригинальное седло с элементами деревянного каркаса, появление которого на Боспоре можно связать с восточными влияниями. В этом отношении показательны наличие седел жесткой конструкции I в. н. э. в Ноин-Улинском могильнике (Северная Монголия). В то же время на некоторых боспорских фресках (Стасовский склеп 1872 г.) и надгробных стелах засвидетельствованы и более простые седла в виде вогнутой подушки с округлыми выступами по краям, как на гравированном рисунке серебряного сосуда из Косики и графито из Старой Нисы. Для снаряжения более многочисленной легкой конницы характерны низкие мягкие седла, удобные для маневренной стрельбы из лука. Для крепления седел различных типов применялись нагрудный и подхвостный ремни, иногда декорированные фаларами, и подпруга.

Таким образом, имеющиеся данные о конструкции седел, использовавшихся на Боспоре с рубежа н.э., позволяют говорить об их известном своеобразии. Развитие этого элемента снаряжения верхового коня протекало здесь на стыке различных культурных влияний, но, прежде всего, под влиянием контактов с кочевым миром, в тесной связи с развитием форм седла в степной зоне Евразии.

V.A.GORONSHAROVSKIY (RUSSIA)

SADDLE IN ARIDER EQUIPMENT ON BOSPORA IN THE FIRST CENTURIES A.D.

At the beginning of the first centuries A.D. under the influence of neighbouring nomadic tribes there has been considerable changes in the Bospor cavalry munition. In particular, there have been appeared hard pikes, long cutting swords, bows (“Hun type”) in the armour-clad cavalry, all of them were formed in Volga and Middle Asia region. The saddle construction to provide “deeper” seating has been in progress. Different saddle types were examined: saddle with front ledge with distinct branch piece (the end of the 1st c. B.C.), saddle with vertical front and back ledge and slightly prominent pillow (the beginning of the 1c. A.D.), saddle with so-called “horn-shaped” ledge (IIc. A.D.). Starting with the second part of the 1st A.D. a “deep seating” saddle with a massive front part, with round ending and bent ledge defending the lower part of a rider. From behind the saddle was equipped with vertical ledges. At the same time, the simple saddles in the form of bent pillow with round ledge as it was drawn on silver vessel from Kosika of Old Nisa. Low soft saddles were characteristic features of light cavalry. Saddles of different types were fixed by suprasternal belts, cruppers and circingles. The construction of saddles in Bospora has been developed under the influence of different cultures, especially under the influence of nomadic tribes.

BOSPORDA B.E. ILKINJI ASYRLARDA ÇAPUW ATLARYNYŇ ESBAP TOPLUMYNYDA EÝER

Biziň eýýamymyzyň başlarynda Bospor atlylarynyň ýaraglarynda hem esbaplarynda goňşy çarwadar kowumlaryň täsiri bilen özgermeler boldy. Hususanda, ýaragly atly goşunlarda Wolga boýy ugur Orta Aziýa sebitleriniň kämilleşen agyr, uzyn gylyçlary, “gün” görmüşli peýkamlary peýda boldy. Ornaşykly oturmak üçin “oýtak” eýeriň gurluşy özgerdildi. Eerleriň dürli görmüşleri barlanyp görüldi: eýeriň öň tarapynyň kese ýaýraň görmüşü (b.e. öňki I asyryň konstruksiýasy), eýeriň öň hem yz tarapynyň dik tommaýly we oturylýan ýassygynyň çalarak aýlawly görmüşü (b.e. I a. başy), eýeriň öň hem yz tarapynyň şah pisint somalyp duran görmüşü (b.e. II as.) Biziň eýýamymyzyň I asyrynyň ikinji ýarymynda has oýtak eýeriň öň tarapynyň aýgytly, çürüzziklenen aýlawly, esgeriň budunynyň aşak bölegini gorar ýaly yz tarapy tommaýly görmüşleri has giň ýaýrapdyr, şol bir wagtda köne Nusawyň galan daşynyň we Köşügiň kümüş jamlarynyň ýüzündäki ýaly haşamly ýönekeý eýerler hem ulanylypdyr. Pes hem ýumşak eýerler ýeňil atly goşuna mahsus bolupdyr. Eerleriň hemme görmüşü atyň döş hem aşaky guýruk kemerleri bilen berkidilip daňlypdyr.

Bosporda eýerleriň gurluş ösüşi dürli medeniýetleriň täsirinden ýöne hemmesinden köpüsem çarwadar kowumlaryň täsirinde bolup geçipdir.

A. К. НЕФЁДКИН (РОССИЯ)

КОНЬ САРМАТОВ И АЛАНОВ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Основной боевой силой сарматов и аланов, как и других евразийских кочевников, была конница. Номады были наездниками с детства и при потере коня они даже не могли спешиться и продолжить бой — не было соответствующих навыков. Поэтому конь был совершенно необходимым и, соответственно, самым обычным животным на войне.

Данная работа посвящена рассмотрению античных свидетельств о боевом коне, которые разбросаны у разных античных авторов и значительная часть которых (особенно гиппнатрики) еще не была переведена на русский язык и, соответственно, не введена в активный научный оборот. Посему автор уделил значительное место в работе цитатам из первоисточников.

Отметим, что в поздней античности (вторая половина IV-V вв.) аланами стали называть все сарматские племена, поэтому целесообразно рассматривать свидетельства об этих двух этносах вместе.

В дальних грабительских набегах участвовали лишь всадники на выносливых конях. В.И. Цалкин (1966: 89) отмечает, что, судя по костным останкам в Северном Причерноморье крупные кони были редки, а по экстерьеру последние, исходя из изображений, напоминали ахалтекинцев. Не отрицая возможность использования этой породы, все же представляется более вероятным, что основным видом коня у сарматов и аланов был все же небольшой выносливый степной конь. Эта порода, близкая по конституции современным казахским и монгольским коням, широко использовалась уже скифами.

Письменные источники также говорят о наличии у сарматов невысокой породы животных. Она отличалась большой выносливостью, но уступала в скорости другим

благородным породам древних коней .

Более конкретную информацию об особой выносливости степных коней мы прочтем в биографии императора Проба.

Сарматский воин в походе, кроме верхового коня, имел еще одного или двух заводных. Это подтверждается и боспорским обычаем: конный оруженосец на рельефах ведет, вслед за своим господином, одного или даже двух заводных коней. Заводной конь привязывался с правой стороны.

Как конкретно могли использовать сарматы своего заводного коня, нам могут показать этнографические параллели. Так, башкиры (третья четверть XVIII в.) в походе имели по две лошади, на одной они ехали, а на второй везли провизию. В бою они пересаживались на эту заводную лошадь.

Судя по изображениям, сарматы клеймили лошадей своими знаками собственности, тамгами. Вероятно, кони являлись собственностью отдельных семей или даже людей, тогда как пастбища находились в общем употреблении (Руденко 1961: 13). Тамги сарматов первых веков нашей эры генетически связаны с центральноазиатскими аналогами (Скрипкин 1990: 209).

Кроме хорошо известного влияния сарматов на военное дело римлян, существовало и менее известное современным исследователям влияние в области гиппиатрии. Ведь жители империи учились у кочевников как определенным навыкам коневодства, так и ветеринарии. Вероятно, источником большей части сохранившихся сведений о сарматской гиппиатрии была информация апсирта, который непосредственно сталкивался с сарматами во время войны 332-334 гг

Итак, сарматы продолжали скифскую традицию в разведении типичных степных лошадей, хорошо приспособленных для набегов, в том числе и зимних. Такие кони сами добывали себе корм под снегом путем бетенежки. Эти животные были предназначены не столько для быстрой, сколько для дальней скачки, что было особенно необходимо в дальних набеге. Для верховой езды сарматы, как и другие кочевники, предпочитали меринов. Ведь их кони, находясь в табунах на пастбище были более ретивыми и непослушными, чем, например, животные римлян, содержащиеся в конюшнях, поэтому кочевники их кастрировали. Навыки коневодства сарматов в поздней античности оказали большое влияние на развитии собственно римской гиппологии.

A.K. NEFEDKIN (RUSSIA)

THE HORSE OF SARMATS AND ALANS AS ANTIQUE SOURCES PROVIDED

The Sarmats continued the Scythian tradition in breeding the typical steppe horses, well adapted for raids including winter raids. Such horses obtained feed for themselves under snow. These horses were destined not so much for fast as for long-distance races that were necessary in long-distance raids. The Sarmats as well as other nomads preferred geldings for horse-back riding. After all, their horses being in drove of horses in pastures were more proud and disobedient steeds, than the animals of the Romans kept in stables. That's why the nomads gelded them. The Sarmats's skills of horse-breeding in the late antiquity made great influence on the development of the Roman typology itself.

ANTIK ÇEŞMELERINIŇ MAGLUMATLARY BOÝUNÇA SARMAT HEM ALAN ATY

Sarmatlar dürli döwürde, şol sanda gýşda-da çozuşlara gowy uýgunlaşdyrylan adaty sähra atларыny ösdürip ýetişdirmekde sikf däplerini dowam etdiripdirler. Şeýle atlar ot-iými garyň aşagyndan özlери tapyp iýipdirler. Bu haýwanlar tiz çapuşyklardan-da beter çozuşlarda örän möhüm bolan uzak çapuşyklara niýetlenilipdir. Atly ýöriş üçin sarmatlar, beýleki çarwalar ýaly, agta ýabylary gowy görüpdirler. Sebäbi olaryň atлары öri meýdanларыna bolanda, mysal üçin, rimlilerin at ýataklarynda saklanýan haýwanларыna garanda ýyndam hem gyňyr bolupdyrlar, şonuň üçin çarwalar olary biçipdirler. Sarmatларыň giçki antik döwründäki atçыlygy ösdürmekdäki endikleri rim atçыlygyny ösdürmäge uly täsir edipdir.

В.И. КОЗЛОВ (РОССИЯ)

О КОНЕВОДСТВЕ И ВСАДНИЧЕСТВЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (681-1018 гг.)

Северо-восточная периферия Первого Болгарского царства представляет собой географическую целостность – это Буджакская степь, расположенная в междуречье дельты Дуная и Днестра. Именно здесь по данным археологии и сообщениями византийских хронистов Феона Исповедника и патриарха Никифора можно локализовать местность “Онглос”, где первоначально располагалась праболгарская орда хана Аспаруха перед тем как перейти Дунай и создать свое государство на Балканах. Хазарский тыл обеспечивался сооружением Нижнего (Бессарабского) земляного вала.

После того как праболгары утвердились на Лудогорском плато возле Шумена, местность “Онглос” оставалась частью Болгарской земли и в VIII в. контролировалась праболгарами, вероятно, ведшими кочевое хозяйство. Кочевание части этого нового населения, после образования им государства, объясняется общими закономерностями перехода кочевников к оседлому образу жизни (Артамонов, Плетнева 1970; Плетнева 1982). Поэтому неудивительно, что первые стационарные оседло-земледельческие поселения в регионе появляются лишь с конца VIII в.

Письменные источники сообщают о существовании больших табунов лошадей у болгарской знати, которая вооружала свою дружину или отдельные небольшие отряды воинов, входивших в состав армии. Следует подчеркнуть, что конница являлась одним из главных компонентов войска Болгарии в VIII–X вв., позволявшая быстро маневрировать в походах и во время боя (Бешевлиев 1981).

К кочевому периоду можно отнести находку близ г. Белграда бронзового амулета в виде фигурки всадника с луком (?) в правой руке и приспущенными поводьями придерживаемые, очевидно, левой (рис. I, I).

Значительный интерес представляют материалы с поселений IX–X вв. По фаунистическим определениям особи лошади стабильно присутствуют на всех изученных памятниках, составляя, между тем, довольно невысокой процент – с средним 5-15% по отношению к остальным видам домашних животных. Это разрешает сделать предположение об ограниченном их хозяйственного использования. Хорошо известно, что в Дунайской Болгарии лошадь являлась атрибутом воина, о чем свидетельствуют конские захоронения в погребениях некрополей Северо-Восточной Болгарии, находки

амулетов, а также разнообразные изображения всадников, включая, в первую очередь, наскальный рельеф в сакральном комплексе Мадары, связанные с культом вождя и верховного языческого божества тюрков – Тенгри-хана (Аладжов 1983; Станчев 1956; Ваклинов 1977).

Непосредственно относящихся ко всадничеству находок в крае немного. Отметим наиболее яркие из них – фрагмент железных удил и псалий, бронзовую ворворку с поселения Богатое I (Измаильский р-н), три железные подковы с шипами и отверстиями для гвоздей с поселения Этулия VI (Вулканештский р-н Молдовы), две из которых целые (рис. I, 2-5).

V.I.KOZLOV (RUSSIA)

INFORMATION ABOUT HORSE-BREEDING IN THE NORTH-EASTERN PERIPHERY OF THE FIRST BULGARIAN KINGDOM

At the end of VII c. Budjack steppe, located in the interflaves of Dniester and the delta of Danube, was an area of significant historical events preceding the formation of a new European state - Danube Bulgaria in the time of Asparukh khan. It is here that the place "Onglos" can be localized according to the data of archaeology and written sources. In VIII c. This territory was controlled by pro-Bulgarians who had nomadic way of life then. In IX-X c.c. the system of fixed-site settlements took shape and developed in this north-eastern province of the country (137 were discovered).

The discovery of the bronze amulet in the form of a rider's statue with a bow in his right hand on the north-eastern bank of the lake Yalpug near the city Bolgrad can be referred to the nomadic period.

The materials from settlements are of great interest too. According to a faunistic definitions a horse is present on all studied monuments making up nearly 5-15% compared with the other kinds of domestic animals. This testifies to their limited use in food ration because of its special features to be used. The most remarkable discoveries referred to horse riding are represented by the fragments of iron bits and snaffle bit, bronze vorvorka from the settlement Bogatoye I (south-eastern bank of the lake Katlabuh), by three iron horseshoes from the settlement Etulia VI (north-eastern bank of the lake Kagul).

W.I.KOZLOW (ORSYÛET)

BIRINJI BOLGAR PATYŞASYNYŇ (681-1018) DEMIRGAZYK-GÜNDOGAR ÇÄKLERINDE ATŞYNASLYK BARADAKY MAGLUMATLAR

Dnestr we Dunaý aralygyndaky Bujak çöllügi VII asyryň ahyrynda meşhur taryhy wakalaryň geçen ýerine öwrülipdir, ol wakalar täze ýewropa döwletiniň - Asparuh han döwrüniň Dunaý Bolgariýasynyň döremeginiň öň ýanynda bolup geçipdir. Arheologiýanyň we ýazuw çeşmeleriniň maglumatlary esasynda hut şu ýerde "Onglos" diýilýän ýurduň bolandygyny tassyklamak mümkin.

Bolgar şäheriniň golaýyndaky Ýalpug kölüniň demirgazyk-gündogar kenarynda tapylan bürünç tumar çarwaçylyk döwrüne degişlidir we tumarda sag eli ýaýly atly şekillendirilipdir.

Olardan tapylan materiallar täsindir. Ýadygärliklerde duşýan haýwanlaryň ortaça 5-15 bölegini atlar tutýar, munuň özi at etiniň dürli sebäplere görä çäkli möçberde iýilendigini görkezýär. Atşynaslyga degişli şekiller Bogatoye I (Katlabuh kölüniň günorta-günbatar kenary)

МБАЯ–КАДИУВЕО – КОННЫЕ ИНДЕЙЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Конные индейцы Южной Америки – это довольно обширная группа племен, хозяйство и культура которых существенно изменились, после того как лошадь стала одним из важнейших элементов в различных сферах их деятельности.

На примере хозяйства и культуры индейцев группы племен мбая можно оценить, насколько существенны и многоплановы могли быть такие трансформации.

Надо отметить, что период, в течение которого мбая были “конными индейцами”, имеет достаточно четкие границы. Исследователи относят его начало к середине XVII в. К этому времени индейцы мбая не только познакомились с лошадью, но и стали прославленными всадниками.

К XVIII в. относится одно из наиболее полных свидетельств о культуре и хозяйстве индейцев мбая. Это труд, написанных испанским монахом-иезуитом Санчесом Ламбрадором после того, как он провел семь лет (1760-1767) в миссии, располагавшейся на территории Чако. Опираясь на сведения, представленные в этой работе, можно предположить, что в то время культура “конных индейцев” области Чако переживала свой расцвет.

Основы дрессировки лошадей были заимствованы у испанцев, но, вероятно, индейцы развивали и совершенствовали их.

Сбруя для лошадей была заимствована не сразу. Первоначально ограничивались уздечкой – веревкой, завязанной вокруг нижней челюсти лошади. Постепенно индейцы начали проявлять больший интерес к лошадиной сбруе. В XVIII в. узда уже состояла из деревянных удил, а также кожаных или сделанных из женских волос ремней, охватывавших голову лошади. Уздечка украшалась металлическими пластинами, колокольчиками и бусами. Седла встречались крайне редко. Имеются сведения, что в 60-х гг. XVIII в. ими пользовались только женщины.

Обретя лошадь и став, таким образом, сильнее многих своих соседей, мбая, так же как и ряд других конных индейских племен, выделились в своеобразное “военное сословие” индейского мира. Достаточно сложно определить характер отношений, сложившихся в этот период между индейцами мбая и соседними племенами. Санчес Лабрадор однозначно считал, что мбая подчинили близлежащие племена и собирали с них “дань”, защищая их в то же время от вторжений европейцев.

В конце XIX в. лошадь в силу целого ряда причин перестала играть столь важную роль в хозяйстве и культуре индейцев кадиувео, единственного выжившего к тому времени племени, относившемуся к группе племен мбая. К концу XIX в. индейцы кадиувео переселились на территорию плато Мату Гроссу. В условиях нового климата и ландшафта, значительно отличавшихся от области Чако, лошади перестали быть столь эффективным средством передвижения.

Сделав быков верховыми животными, вероятно, индейцы кадиувео наделили их рядом других функций, прежде выполнявшихся лошадьми. Одним из оснований для такого предположения могут быть сведения о том, что кадиувео использовали быков в обрядах и ритуалах ранее требовавших участия лошадей. Однако вопрос о переходе всего комплекса функций от одного верховного животного к другому требует более глубокого исследования.

MBAYYA-KADIUEVO ARE HORSE INDIANS OF SOUTHERN AMERICA

Horse Indians of Southern America are a rather large group of tribes. Their economy and culture have been considerably changed since a horse became one of the most important parts in various spheres of their activities. One can evaluate how important and multisided such transformations might be on the example of the economy and culture of Mbayya Indians. Mbayya Indians got acquainted with a horse by the mid of XVII c. A horse became a good means to increase the mobility of the tribe and enlarged the possibilities of hunters among roaming hunters and collectors. The principles of training have been acquired from the Spaniard, but the Indians developed and improved them. Having found a horse and having become stronger than many of their neighbours, Mbayya, emerged into a special "military group" of the Indian world. At the end of XIX c. horse lost its place in the economy and culture of the Mbayya-kadiuevo Indians because of a number of reasons.

YE.A. YERŞOWA (ORSYÝET)

MBAÝÝA-KADIUWEO-GÜNORTA AMERIKANYŇ ATLY INDEÝLERIDIR

Günorta Amerikanyň atly indeýleri – tireleriň içindäki giň ýaýran toparlardyr. Durmuş hajatlarynyň dürli görnüşlerinde atlar wajyp serişde hökmünde ulanylyp başlanandan soň, ýerli ilatyň hojalyk we medeni derejesi çürt-kesik üýtgeýär. Mbaýýa tiresiniň adamlarynyň hojalyk işleriniň we medeniýetiniň mysalynda bu üýtgeşmeleriň nähili ähmiýetli we köp taraply bolup biljekdigine baha bermek mümkindir. Mbaýýa indeýleri XVI asyryň ortalarynda at bilen ýakyn tanyşýarlar. Awçylaryň we gözleýjileriň arasynda atlar tireleriň ulag serişdelerini has kämilleşdiripdir we awçylaryň mümkinçiligini has artdyrypdyr. Olar atlary eldekileşdirmegiň esasy usullaryny ispanlardan öwrenýärler, ýöne indeýler bu usullary özbaşdak kämilleşdirýärler. At-ýarag edinen mbaýýa-indeý beýlekileriň gözünüň önünde başga adama öwürlipdir. Şunlukda hem bu tireleriň arasynda özboluşly "harby gatlak" kemala gelipdir. XIX asyryň ahylarynda dürli sebäplere görä, mbaýýa-kadiuevo tiresindäki ilatyň içinde, olaryň hojalyk işlerinde we medeni durmuşynda atlaryň orny peselýär we soňabaka ýitip gidýär.

СОБОЛЕВА Е.С. (РОССИЯ)

ЛОШАДИ НА ТИМОРЕ

Известно, что для островной Юго-Восточной Азии лошадь не характерна (об исключениях надо писать отдельно). Распространение лошадей на о-ве Тимор можно, по-видимому, связать с особенностями местного климата, значительно более прохладного, нежели на соседних островах. Тимор - самый восточный из Малых Зондских островов - с древности был известен своим экспортом низкорослых лошадей в разные страны Азии. В середине XIX в. тиморские пони высоко ценились в Сингапуре и соседних районах, а также в Китае.

Земледельческое население проживало во внутренних районах острова. Особенно хорошие пастбища, на которых свободно паслись буйволы и лошади,

располагались на плоскогорьях восточного Тимора и на южном побережье. В 1927 г. только на Португальском Тиморе насчитывалось более 48 тыс. лошадей.

На Тиморе лошади использовались для верховой езды, для перевозки грузов с побережья в горы, но не как тягловый скот; конной тяги рельеф острова не предполагает, а в земледельческих работах традиционно фигурировали только буйволы.

Лошадь была важной и дорогой частью имущества. Конокрадство считалось одним из серьезных преступлений, и последствием его могло быть возникновение войны между княжествами. Лошади включались в число свадебных и погребальных даров. Некоторые народы Тимора на похоронах забивали и личного коня покойного. В то же время, лошади составляли один из обязательных свадебных даров, которые родственники жениха преподносили родственникам невесты.

Специалисты отмечали, что для тиморцев характерно принесение в жертву именно тех животных, мясо которых употреблялось в пищу (козы, буйволы и др.), лошадей в этом списке нет, так как конину тиморцы, как правило, не ели. Исключение составляют только конокрады.

Скот, в том числе лошадей, клеймили. У тиморцев была развита система знаков собственности, которыми помечали также движимое имущество.

Как отмечали многие путешественники, тиморские лошадки - пони - отличались "предательским" характером, однако быстро привыкали к ласке. Они способны передвигаться по трудным горным тропам и нести тяжёлый груз, обладают крепкими копытами, так что подковы им не требуются.

Тиморцы любили путешествовать, но на небольшие расстояния они ходили пешком, передвигаясь по холодку - вечером и ранним утром, отдыхая в жаркое время суток. Езда верхом всегда оставалась привилегией высших социальных слоёв. Для XX в. характерно, что семейная пара могла ехать на одной и той же лошади, причём женщина садилась боком за спиной мужа.

Сбруя на Тиморе отличается простотой. Обычно она состоит из узды и подпруги. Уздой служит грубая веревка из растительных волокон, охватывающая рот лошади (европейцы называли такую узду орудием пытки). Реже местные мастера делали удила из проволоки или отливали их по восковой модели в глиняных формах. Головы лошадей вождей и их сыновей украшали султанами из ярких волокон (белые и малиновых) и перьев попугая, а также бубенчиками.

Подпругой служила широкая лента, к которой крепились деревянные стремена. Стремена были двух видов: деревянная палочка на шнурах (за него держались большим пальцем босой ноги) либо небольшой деревянный диск, сквозь центр которого пропускали шнур (для двух первых пальцев ноги).

В Ламакитосе, между Алас и горами Кабалаки, всадники перед боем связывали ноги под животом лошади, чтобы раненого или убитого воина конь мог увезти в деревню и тем самым спасти от охотников за головами.

Седла тиморцы не знали, его функцию выполняли наброшенная на спину лошади попона или одеяло. Только в XIX в. появилось своеобразное плетеное седло для перевозки грузов; в XX в. им пользовались также женщины (как уже говорилось, они садились на лошадь боком, как и европейские всадницы). Такое седло состоит из двух расположенных вдоль хребта лошади кусков дерева, обмотанных пальмовыми волокнами, спереди и сзади - изогнутые луки, пространство между ними переплетено веревками (см. рис.).

Тиморская конская упряжь - редкий экспонат в этнографических музеях мира. Отдельные её части имеются в музеях Лиссабона, Берлина, а также в московском НИИ и Музее антропологии им. Д.Н.Анучина при МГУ.

Всадник управлял лошадей при помощи палочки, которой постукивал по ее голове.

Время появления лошади на Тиморе пока не установлено. Во всяком случае, в мифологии народов острова она не фигурирует. Сообщения же о вывозе лошадей из Тимора, наряду с экспортом сандаловой древесины, воска и рабов, относятся к числу достаточно ранних.

В XX в. изображения всадников, в т.ч. женщин, обнаруживаются среди рисунков на стенах домов народа фаталуку на востоке Тимора. Сцены конной охоты выгравированы на бамбуковых сосудах для извести и соли.

Лошадь находила широкое применение в военном деле, и португальцы, захватив Тимор, продолжили эту традицию, создавая туземные кавалерийские части второго эшелона ("морадорес"). В 1950е гг. скачки стали частью праздников на португальском Тиморе, и в столице - г. Дили - был построен ипподром.

Ye. SOBOLEVA (RUSSIA)

HORSES IN TIMOR

The earliest information about small horses at the island of Timor (eastern Indonesia) date back to the first centuries A.D. Horses were never used there as draught animals. In the mountains ponies served mostly as pack animals and also for riding. Local harness, even used by chiefs, was rather primitive. Horses were highly estimated, so horse stealing could provoke war between the petty kingdoms. Horsemen took part in skirmishes, and the Portuguese after colonization carried on the tradition. For centuries ponies made a significant component of Timor export.

Ye.S.SOBOLEWA (ORSYËT)

TIMOR ADASYNDAKY ATLAR

Timor adasyndaky (gündogar Indoneziýa) atlar baradaky irki maglumatlar biziň eramyzň başky döwürlerine degişlidir. At çekiş güýji hasaplanmandyr, ýöne daglyk ýerlerde ýük daşamak üçin we ulag hökmünde ulanylypdyr. Olaryň uýanlary, jylawlary hat-da ilatyň ýokary gatlalaryna degişli adamlarda hem diýseň ýönekeý bolupdyr. Atyň gadyr-gymmaty ýokarda tutulypdyr, olaryň ogurlanmagy knýazlyklaryň arasyndaky uruşlaryň başlanmagyna getiripdir. Atly esgerleriň harby çaknyşyklara gatnaşmagy adaty däbe öwürülipdir we bu däbi soňra, portugaliýaly basyp alyjylar dowam edipdir. Boýy pes timor atlary ençeme asyrlaryň dowamynda, ýurduň daşyna çykarylýan harytlarynyň içinde iň wajyplarynyň birine öwürülipdir.

G.SCHULZ (GERMANY)

THE HORSES IN EARLY MEDIAEVAL NORTH EUROPEAN CULTURE

Horses were held in high esteem in North European cultures as animals used for riding, as companions in battle and as objects of the cult. Material from various pre-mediaeval and mediaeval cultures, i.e. pre-Christian and Christian Germanic and Slavonic cultures, can be

shown: Merovingian Horseman's stone, Hornhausen, 7th c.

Viking petroglyphs, ca 1000 AD Norman mounted army at the Battle of Hastings 1066, Bayeux Tapestry Both in the oral folk tradition and in written sources (Icelandic Edda and saga literature) the horse – like the dragon – plays an important role as a symbol of divine force, strength and loyalty owed to the horseman.

When the pagan Germanic gods are replaced by Christianity which gradually advances from Southern and western Europe the horse is partly reinterpreted or adopted into a new symbolic context: Portals of Norwegian stave churches, 11th – 13th c. With the Christian religion new Saint are transferred in the North and with then horses as venerated animals: St Martin St George

The Three Magi from the Orient Horses are held in high cultic esteem by the Slavonic tribes on the south coast of the Baltic Sea. When these early feudal tribal confederations are conquered by Christian feudal lords (Henry the Lion, 12th c., Danish Kingdom, and others) they are integrated into the Christian sphere of power:

Svatevir – holy place of Arkona, Isle of Ruegen, destroyed in 1168

In Southern Europe, on the other hand, the artistic representation of the horse is based on Classical ideas and models:

Equestrian statues, e.g. statue of Marcus Aurelius, Rome

In this context the knowledge of Arab-Islamic horse breeding and the contact with the Eastern mounted peoples are particularly important:

Viking migrations to Spain, the Mediterranean, Byzantium, and Russia

Coin finds (from trade relations) at Haithabu, Ralswiek, Arkona, Birka

Battle of the Lechfeld near Munich, 955

The famous bronze horses on the gallery of S. Mark, Venice, may be shown as an example of the fusion of Oriental and Christian-European conceptions. Due to its importance since the High Middle Ages as a working animal in agriculture, forestry and mining the horse has been represented up to the present day in folk art and heraldry:

North German house gables with crossed horse heads

Swedish wooden Dalarna horse. Symbol? Used as a toy today.

Coat of arms of the German Land of Lower Saxony.

Г. ШУЛЬЦ (ГЕРМАНИЯ)

КОНЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Кони высоко чтились в культурах Северной Европы в эпоху раннего средневековья как животные, используемые для верховой езды и для битв, а также как объекты культа. Как в устной народной традиции, так и в письменных источниках (исландская “Эдда” и саги) конь — подобно дракону — играет важную роль в качестве символа божественной силы. После того, как языческие германские боги были вытеснены христианством, конь был частично заново интерпретирован или воспринят в новом символическом контексте. С приходом христианства новые святые попадают на север, а вместе с ними и кони как почитаемые животные. Кони высоко чтились и в среде славянских племен южного побережья Балтийского моря. Когда эти племенные объединения были завоеваны христианскими феодальными правителями, они интегрировались в христианскую сферу власти. В Южной Европе, с другой стороны, художественное воплощение коня базируется на классических идеях и моделях. В этом контексте особенно важны знание арабо-исламского коневодства и контакты с

восточными всадническими народами. Знаменитые бронзовые кони из галереи св. Марка в Венеции, возможно, являются образцом слияния восточных и европейских христианских концепций.

G.ŞULS (GERMANIÝA)

AT DEMIRGAZYK ÝEWROPANYŇ IRKI ORTA ASYR MEDENIÝETINDE

Atlar söweşler üçin we atly ýöriş üçin peýdalanylýan haýwanlar, şeýle hem kultuň obýektleri hökmünde irki orta asyr döwründe Demirgazyk Ýewropanyň medeniýetinde ýokary derejede hormatlanypdyr. Dilden aýdylýan halk däplerindäki ýaly, ýazuw çeşmelerinde hem (Islandiýanyň “Eddasy” we saga) at-aždarha meňzedilip, dini güýjüň simwoly hökmünde wajyp rol oýnaýar. Hristiançylygyň gadam basmagy bilen, täze keramatly adamlar Ýewropanyň demirgazygyna gidipdirler, olar atlara iň bir hormatlanýan haýwan hökmünde garapdyrlar. Atlar Baltika deňziniň günorta kenaryndaky slawýan taýpalarynda ýokary derejede hormatlanypdyr. Günorta Ýewropada atyň çeper nusgasy klassyk ideýalarda we modellerde başga tarapdan görkezilýär. Şu kontekstde arap-yslam atçylyk bilimi we Gündogar atçapar halklary bilen bolan aragatnaşyk aýratyn wajypdyr. Wenesiýadaky Marka galereýasyndan bolan belli бүрүнç atlar Gündogar we Ýewropa hristian konsepsiýasynyň birleşmesiniň nusgasy bolup durýar.

K.M. LINDUFF (USA)

WOMEN, HORSES, AND THE HERITAGE OF THE STEPPE IN TANG PERIOD CHINA THE HORSE AND THE RIDER: HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS

Imagery of horses as well as sacrificed animals were symbols of empowerment in elite burials of early Dynastic China. Horses were sacrificed at the death of leaders; they pulled war vehicles; they acted as a portent of the power of the ruler; they were offered in tribute exchanges; they pulled funerary chariots of the elite; and were used to draw vehicles of immortality for the rulers. Throughout their history, the Chinese obtained their most coveted horses from outside of their own political realm. Emperor Wu-di (c. 140-87 BC) of the Western Han Dynasty, for instance, imported the famous “blood sweating” horses from Ferghana in the hopes that they would carry him to immortality. These uses, both actual and symbolic, were a constant reminder to the Chinese of their vulnerability as well as dependency on those outside their own political sphere who supplied the animals as well as the know how to train and look after these treasured beasts. In the Tang (618-906 CE), horses were against used for such purposes, with one interesting addition, as the mount for women. Horses at this time connoted the foreign or mythical ‘other’ while still signifying power and prestige and, I propose, a process of civilizing or sinicizing was required to empower each.

ЖЕНЩИНЫ, КОНИ И НАСЛЕДИЕ СТЕПЕЙ В ТАНСКОМ КИТАЕ

Образы коней, а также приносимых в жертву животных были символами могущества в элитарных захоронениях раннединастического Китая. Коней приносились в жертву после смерти вождей; они тащили боевые повозки; они выступали в качестве признака власти правителя; они дарились при обмене данью; они везли погребальные колесницы умерших представителей элиты и использовались для транспортировки повозок бессмертия для правителей. На всем протяжении их истории китайцы получали наиболее желанных коней за пределами их собственных политических образований. Император Уди из Западной династии Хань (140–87 гг. до н. э.), например, импортировал знаменитых “потеющих кровью” коней из Ферганы в надежде на то, что они приведут его к бессмертию. Такое применение коней, как в реальных ситуациях, так и в символическом смысле, служили постоянным напоминанием китайцам об их уязвимости, а также зависимости от тех, кто, находясь вне пределов их собственной политической сферы, поставляли им коней, а также сведения о том, как тренировать и ухаживать за этими драгоценными животными. В эпоху Тан (618–906 гг.) кони опять использовались для тех же самых целей, но с таким интересным дополнением, как лошадь для женщин. Кони в это время имели дополнительное значение — чужеземный или мифический “другой”, продолжая все еще означать власть и престиж, и, как предполагает автор доклада, для каждого требовался процесс цивилизирования и китаизации.

K.M.LINDUFF (ABŞ)

TAN HYTAÝYNDAKY SÄHRALYKLARYŇ MIRASY WE ATLAR, AÝALLAR

Atlaryň şeýle hem gurban edilýän haýwanlaryň obrazy irki dinastik Hytaýyň görnükli mazarlarynda güýç-kuwwatyň simwoly hasaplanypdyr. Serdaryň ölüminden soň atlar gurban edilipdir. Olar söweş arabalaryny süýräpdirlir. Hökümdaryň döwletlilik alamaty hökmünde gatnaşypdyrlar. Atlar paç alyşmakda urşupdyrlar, olar ýogalan görnükli wekilleriň tabytly arabalaryny alyp gidipdirler we hökümdarlar üçin ebedilik arabalarynyň daşalmagynda peýdalanylýpdyr. Günbatar Han dinastiýasyndan imperator Udi (b.e.öň 140-87 ý.) meselem, Ferganadan bolan belli sagdyn atlary özüni ebedilige getirer diýen umyt bilen importirläpdir. Atlary hakyky ýagdaýyndaky ýaly, simwolik manyda hem şeýle peýdalanmaklyk hytaýlylara olar barada hemişe ýatladypdyr. Şonuň bilen birlikde atlara nähili seretmelidigi we olary nähili türgenleşdirmelidigi baradaky maglumatlar bolupdyr. Tan döwründe (618-906ý.) atlar ýene-de şol bir maksatlar üçin, emma täsin zady goşmaça bellemek bilen, olar aýallar üçin hem peýdalanylýpdyr. Atlar şol döwürde derejani we döwletlilik aňladypdyr.

N. BENECKE (GERMANY)

RIDERS AND THEIR HORSES – THE EVIDENCE FROM BURIALS IN CENTRAL EUROPE (C.600 BC TO C. 1000 AD)

The horseman and his horse are only seldom to be associated in the archaeological record. The only exception are graves where the rider and his horse have been buried together. Such burials are known in Central Europe from the Pre-Roman Iron Age, the Migration Period

and early Middle Ages. Many of them have been studied from an archaeological as well as from an archaeozoological point of view, thus having put forward a large body of data concerning different aspects of the exploitation of horses in warfare, especially in the cavalry of those times. This paper presents results of the zoological examination on riding-horses from burials in Central Europe. Data on age distribution, sex ratio, size variability and breeding patterns as well as pathologies related to their specific use will be discussed for Skythian horses from the Carpathian Basin, Migration Period horses from Central Germany and NO-Poland, Avar horses from Hungary and Slovakia, Early Medieval horses from Thuringia and other parts in Germany and finally for horses of the Magyar Conquest from Hungary.

H. БЕНЕКЕ (ГЕРМАНИЯ)

ВСАДНИКИ И ИХ КОНИ — СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (ОКОЛО 600 Г. ДО Н. Э. – ОКОЛО 1000 Г. Н. Э.)

Всадник и его конь лишь изредка связаны в археологических материалах. Единственным исключением являются могилы, где всадник и его конь похоронены вместе. Такие погребения известны в Центральной Европе с доримского железного века, эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Многие из них изучались как с археологической, так и археозоологической точек зрения, содействуя тем самым появлению значительного числа данных о различных аспектах использования коней в военном деле тех эпох, особенно в кавалерии. Данный доклад знакомит с результатами зоологического изучения верховых коней из погребений Центральной Европы. Данные о возрастном распределении, половом соотношении, изменчивости размеров и моделях разведения, а также о патологиях, связанных с их специфическим использованием, обсуждаются на примерах скифских коней из Карпатской котловины, лошадей эпохи Великого переселения народов из Центральной Германии и Польши, аварских коней из Венгрии и Словакии, раннесредневековых коней из Тюрингии и других частей Германии, а также лошадей мажарских завоевателей из Венгрии.

N.BENEKE (GERMANYA)

ATÇAPARLAR WE OLARYŇ ATLARY – MERKEZI ÝEWROPADA JAÝLANAN ÝERLERDEN BOLAN SUBUTNAMALAR (B.E.ÖŇ 600 ÝYL TÖWEREGI – B.E.ÖŇ 1000 ÝYL TÖWEREGI)

Atçapar we onuň aty arheologik çeşmeler bilen kämahal baglanyşykly bolýar. Olaryň bilen jaýlanan ýerlerindäki mazarlar ýeke-täk subutnama bolup durýar. Şeýle jaýlanan ýerler imden öňki demir asyrdan Merkezi Ýewropada, irki orta asyrlarda we halklaryň beýik göçme hereketi döwründen bellidir. Nutuk Merkezi Ýewropadaky jaýlanan ýerlerdäki münülyän atlaryň zoollogik taýdan öwrenilmeginiň netijeleri bile tanyş eder. Olaryň ýaşynyň kesgitlenilişi, jynsy gatnaşygy, göwreleriniň üýtgäp durmagy we köpeltmek modelleri baradaky maglumatlar Karpat çöketliginden skif atlarynyň, Merkezi Germaniýadan hem Polşaan halklaryň beýik göçme hereketi döwrüniň atlarynyň, Wengriýadan, Slowakiýadan bolan awar atlarynyň, Týuringiýadan we Germaniýanyň beýleki böleklerinden bolan irki orta asyr atlarynyň, şeýle hem Wengriýadan bolan wenger göreşijileriniň atlarynyň mysalynda ara alnyp maslahatlaşylýar.

THE HORSE IN WAR AND THE ECONOMY OF THE HELLENISTIC WORLD

Keeping horses was always an important marker of wealth and status in the ancient Greek world. From the horse burial at Lefkandi in Euboia to the fierce competition between aristocrats in the horse races of Olympia and elsewhere in the Archaic period, horses signified money and power. The ability to keep horses symbolized the great rift between the Greek aristocrats of the Archaic and Classical periods and the rest of the population (see, for example, Alkibiades' self-justification at Thuc. 6.16.1-3 with Leslie Kurke, *The Traffic in Praise. Pindar and the Poetics of Social Economy* [Ithaca 1991] 171-172). Popular resentment of aristocratic privilege was often targeted precisely at this distinction, as appears several times in the comedies of Aristophanes (e.g., *Lys.* 562). Perhaps nothing shows so clearly the aristocratic stature of the horse as Askelpios' cure at Epidauros of a lame man, who dreamed that the god had him removed from the incubation chamber and laid out before the temple to be trampled by horses yoked to the god's cart (IG IX 2 122.110-116), or the appearance to St. Nikolaos of Sion in Lykia of an angel on a horse to announce to him the start of the great plague of 541/2 CE (*Vita Nicolai Sionitae* 47).

But it was not always entirely as a matter of display that certain members of Greek elites kept horses. Horses served at least one practical purpose: warfare. Xenophon's manual on horses (*Peri high pikes*) presupposes that his reader's chief criterion in buying and keeping a horse was its suitability for war. Xenophon also wrote a handbook aimed specifically at the commander of the Athenian military forces, the hipparchos. The surviving texts on equine veterinary medicine were written with military needs in mind; attested horse doctors seem mainly to come from a military context (Mustafa Hamdi Sayar, *EA* 29 [1997] 107-110). In Athens, the city about which we know the most, the cavalry seems to have suffered loss of prestige after the Thirty Tyrants (whom many members of this group supported), yet the city continued to provide subsidies for cavalrymen - proof that the Athenians treated their cavalry seriously. The importance of cavalry comes out elsewhere, as in the strange anecdote about Eumenes of Kardia, who kept his horses fit for cavalry service while besieged by hanging them up from ropes and beams and whipping them till they ran up a sweat (Diod. 18.42.3-4; *Plut., Eum.* 11.4).

We know something about the cost of keeping military horses at Athens in the third century BCE thanks to a series of lead tokens found in the Kerameikos and in the Agora and analyzed most recently by I. G. Spence (*The Cavalry of Classical Greece. A Social and Military History with Particular Reference to Athens* [Oxford 1993] 272-286). Each year the Athenian hipparchos was required to assess the value of the horses of his units (a procedure attested most interestingly in a decree of 187/6 BCE for an unknown holder of the office; see Christian Habicht, *AM* 76 [1961] 127-141 no. 1 [SEG 19 435]). These assessments were probably used as a basis for calculating the *catastasis* - a loan made by the Athenian state on the security of the horse itself to allow a potential cavalryman to buy a mount. In addition, the Athenians provided a fodder subsidy from at least 410/9 (cf. IG I3 375). The data from these sources permit a general assessment of the costs of keeping a warhorse in the Hellenistic period. Spence argues that these costs were considerable, and that people who undertook cavalry service must have continued to come from the wealthier segments of Athenian society. It is at least as important to note, however, that though the absolute numbers of cavalry seem to have decreased in the Hellenistic period, the Athenians nevertheless considered the upkeep of a cavalry force crucial to their security - something expressed only too clearly in the inscription

cited above for the anonymous hipparchos, who was praised for (among other things) sacrificing for the salvation of the demos. Moreover, the willingness of the demos to subsidize the expenses associated with keeping a cavalry force is proof enough that cavalry were no mere showpiece, no mere opportunity for wealthy young men to strut - they served a serious military function.

John Ma has recently shown the continued importance of war among the Hellenistic poleis («Fighting Poleis of the Hellenistic World,» in *War and Violence in Ancient Greece*, ed. Hans van Wees [London 2000] 337-376). Our anonymous Athenian hipparchos frequently took his cavalry on maneuvers in Attike so that they would know its boundaries and the land; that such exercises were not merely for show comes out clearly in the struggles with Antigonos Gonatas during the Chremonidean War (see Christian Habicht, *Athens from Alexander to Antony* [Cambridge, Mass.] 142-149). Athenian cavalry also fought the Gauls at Delphi in 279 (IG II2 680.12 with G. Nachtergaeel, *Galates* 210-235; see also ISE 1.16). Yet though we know the most — as usual - about Athens, there is plenty of scattered evidence for the continuing role of cavalry in the Hellenistic world generally. In Ptolemaic Egypt a cavalryman whose archive survives includes lists of equipment for his horse and himself (Katelijn Vandorpe, «“When a Man Has Found a Horse to his Mind.” On Greek Horsemanship in Ptolemaic Egypt,» in *Akten des 21. Internationalen Papyrologenkongresses Berlin*, eds. B. Kramer et al. [Stuttgart-Leipzig 1997] 984-990). When Manlius Vulso was crossing the Tabai plateau in eastern Karia in 188, a contingent of cavalry from Tabai attacked him, unsuccessfully in the end (Liv. 38.13.11-13 with Ma, p. 339). Two centuries later, the citizens of Tabai honored one of their own for (among other things) «becoming hipparchos and setting up the cavalry force in difficult times,» i.e., surely during a military threat (perhaps the invasion of Labienus? Louis Robert and Jeanne Robert, *La Carie II. La plateau de Tabai et ses environs* [Paris 1954] 102-105 no. 6). The plain of Tabai, one of the largest and flattest in southwestern Asia Minor, afforded excellent space to raise horses and run a cavalry. But the hipparchos also played an important role in Hellenistic Lykia (see J. A. O. Larsen, *CP* [1945] 65), a far less forgiving landscape — and a reminder that horses were useful, and used, on other topography than the great plains. At Priene we hear of citizen hippotrophoi paid in public service in the struggle against the Gauls; the Prieneis also paid publicly at least part of the cost of feeding horses, which proves that the system attested at Athens was not unique to it and indeed was probably a widespread phenomenon in the Hellenistic world (IvPriene 17.18-19 and 174.25-26, and see G. Maier, *Mauerbauinschriften* no. 70 for Kolophon; cavalry at Iulia Gordos: TAM V 700; other examples at Ma, pp. 344-345). Provisions for pasturage of horses on sacred land are known (e.g., SIG3 636 from Delphi, 178 BCE); it is worth asking whether such provisions, on land controlled by the polis, may not also have served military needs.

It is impossible to say with any confidence how much subsidy the various poleis afforded their cavalry, but the example of Athens (which I will analyze in more detail in my paper) makes clear that the sum might be considerable. Thus for any assessment of the role of the horse in the economy of the poleis we must bear in mind the flow of funds collected from taxes or liturgies (see Priene) through the hands of cavalry and out into the pockets of horse breeders and traders, owners of pasturage, sellers of fodder, suppliers of equine equipment, and manufacturers of cavalry armaments. The value of other public subsidies, like public pasturage on land owned by polis sanctuaries, must also be taken into account. It is clear that even if we cannot say how much money was exchanged (or value traded), the amount must nevertheless have played an important role in the overall economic activity of the poleis. Moreover, the military role was not the only one that horses served. Horse racing continued to be a central feature of the pan-Hellenic games and also of the local agonies of many poleis,

though these sports were imbricated in military prowess: for example the awards at Athens for the winner «throwing a spear from a horse» (IG II2 2311.68, 957d-p II 83, 958 II 95-96); but horse racing generally was widespread (e.g., IG XII 1.58, I CE). Horses were even used occasionally for traction, as at Delphi where a man supplied twelve yokes of horses for transport (CID II 113.18). And, of course, those who could afford them also used their animals for travel. All of these factors and more need to be entered into the equation to get a sense of the role played by the horse in the Hellenistic economy. In general, it is important not to underestimate the role of the horse in the Hellenistic world. While its function in the cavalries of the great Hellenistic armies - including, after 190 BCE, the Romans' - is its most visible task, the horse continued to fulfill a central job in the defensive (and offensive) plans of the poleis of Greece and Asia Minor and in the economies of the elite. It has been argued (by Philippe Gauthier, *Les cités grecques et leurs bienfaiteurs* [Paris 1985]; there is now a considerable bibliography on this point) that the aristocracy narrowed notably in the poleis after about 200 BCE; fewer men received honors, and those honors were more elaborate, as their recipients provided more and more of the money and the administrative skills to keep the poleis running. However that may be, it is clear I think that this is not true of the cavalry: the poleis continue to subsidize the men who fought on horseback, alive to the need to protect their territory and take advantage of their neighbors when they had the opportunity, unwilling to compromise their security just because it was expensive. Whether a narrowing of the elite is reflected in other, less vital uses of the horse, remains to be seen.

Г. РЕДЖЕР (США)

КОНЬ В ВОЙНЕ И ЭКОНОМИКЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

Начиная с Геометрического периода, содержание коней в древнегреческих полисах в отчасти служило признаком аристократического статуса, но они использовались также и в военном деле. Некоторые полагают, что это изменилось в эллинистический период, поскольку война теперь должна была вестись все в большей степени большими профессиональными армиями. Однако у нас имеются ясные свидетельства о том, что полисы эллинистического мира продолжали использовать и субсидировать конницу как часть их военного потенциала, и для этой цели через полисные инфраструктуры проходили значительные денежные средства. Коней также продолжали использовать как для показа — на скачках, так и в повседневной жизни — в качестве транспорта и тягловой силы. Но свою главную роль конь в эллинистических полисах Греции и Малой Азии играл именно в военном деле.

G. REJER (ABŞ)

ELLINISTIK DÜNYÄNIŇ YKDYSADYÝETINDE WE URŞUNDA AT

Geometrik döwürň başlanmagy bilen, gadymy grek resminamalarynda at saklamak aristokratik derejäniň alamaty bolup hyzmat edipdir, ýöne olar harby işlerde hem peýdalanylýdyr. Käbirileriniň çaklamasyna görä bu ellinistik döwürde üýtgäpdir, günki indi uruş köp derejede professional goşuna bagly bolupdyr. Ýöne bizde bar bolan anyk subutnamalara görä, ellinistik dünýäniň resminamalarynda at harby güýçleriň bölegi hasaplanylýdyr, munuň üçin resminama gurluşlary uly pul serişderelerini geçiripdirler. Atlar görkezmek üçin - at çapuşyklarynda, şeýle-de ulag we dartuş güýji hökmünde gündelik durmuşda

ulanylmagyny dowam etdiripdir. Ýöne, Kiçi Aziýanyň ellinistik resminamalarynda harby işler bolupdyr.

G. BURGER (GERMANY)

THE HORSE IN THE CELTIC RELIGION, MYTHOLOGY, WARFARE AND ART

The archeological, oral and written sources testify to the Proto-Indo-European/Iranian origin of the Celts. They had not only the same linguistic basis, but also many common gods of the Pantheon. Celtic religious expression is represented in the Roman period by epigraphy and iconography. By inscriptions we learn the names of deities; imagery shows how they are perceived as physical manifestations of the supernatural. One of the most worshipped goddesses was the horse due to the fact that the Celts, like their Indo-European ancestors and similar to the early nomads of the steppes, were horsemen and warriors. The horse was not only means of transport and economical basis, but represented a privilege of the elite.

The Celtic horse-goddess was known under the names of Epona (*ekyo= horse), Macha and Rhiannon. She was the protect rice of the cavalry, chariot and transport. Later she became even the goddess of the Roman-Gaulish legionaries. She is represented either sitting on a side saddle, holding a magical small bird or fruit, symbol of fertility, in her hand, or standing between two horses.

Another evidence of her worship is a rite going back to remote times: sitting around a big kettle warriors ate the bones and drank the blood of a horse, a sort of magic to strengthen their sense of community. The veneration of the horse-goddess becomes most obvious by the sacrifices made for her by the druids.

Many mystical attributes link her with death as portrayals on steles put up near barrows of aristocratic Celts testify. Another, still more distinct evidence of the link of the horse with death, represent the horse-burials, though not very frequent, compared to the Skythian. Instead of horse's parts of harnesses or chariots were put into the tumuli. The dead warrior was, together with food, put on his light prestige-chariot to be taken to the next world.

The Celtic warfare-strategy consisted of cavalry and light, mostly two-wheeled chariot. In the third and second centuries B.C. the cavalry was replaced by the chariots drawn by two horses and mounted by guide and a warrior. After having thrown his javelin, the latter jumped down, fighting with his sword.

Their warfare-strategy enabled the Celts to conquer most of Europe and even parts of the Near East. The Celtic art does not only witness their unique creativity but are also precious documents of Celtish feasts the high spots of which were horse and chariot-racing engraved on bronze situlae (bucklets). Most of representations of horses appear on coins, though transformed to fantastic personages. The coins illustrate the Celtic history and their conception of the world. They represent on the one side engravings of a deity, on the other one animals, mostly horses; either in the fantastic La-téne-style or transformed by abstraction and reduction. The portrayals witness to the artistic creativity as well as to their mythological connection. The coins, having been used as offering in holy places, belong to the sacred sphere. Thus the horse, being represented on coins, also belong to it. It is known that the Celts were greedy for luxury and gold. But as the passage by Diodoros from Sicily (V,27) shows, to worship their gods was for the Celts a duty and more important than to mass gold. He writes: there is much gold in the country of the Celts which the natives pick up when the foam of the rivers bounces against the rocks. They make of it rings and bracelets for men and women, massive necklaces

and even harnesses. Much of the gold is offered to the deities in sacred places. Though the Celts love money, nobody would dare to touch it of fear of their gods.

G. БЮРГЕР (ГЕРМАНИЯ)

ЛОШАДЬ В КЕЛЬТСКОЙ РЕЛИГИИ, МИФОЛОГИИ, ВОЙНЕ И ИСКУССТВЕ

Археологические, устные и письменные источники свидетельствуют о протоиндоевропейском, соответственно, индоевропейско-иранском происхождении кельтов. В этом контексте можно говорить не только об общей лингвистической основе, но и об общем пантеоне богов.

Одной из наиболее почитаемых богинь была богиня, покровительствующая лошадям. Кельты, подобно их индоевропейским предкам, были всадниками и воинами. Эта богиня была также покровительницей конницы, колесничих и других средств передвижения. Она изображалась сидящей в седле и держащей в руке маленькую птицу или фрукт (как символ плодородия), или стоящей между двух лошадей.

На кельтских бронзовых кубках выгравированы сцены состязания лошадей и колесниц. Изображение лошадей встречается и на кельтских монетах.

GIZELA BÝURGER (GERMANIÝA)

AT KELT DİNİNDE, MİFOLOGİYASYNDA URŞUNDA WE MEDENİYETİNDE

Arheologik, dilden aýrylýan we ýazuw çeşmeleri keltleriň bardygyna hem şaýatlyk edýär. Şu kontekstde diňe bir umumy lingwistik esas däl, eýsem hudaýlaryň uumy panteony barada hem aýtmak bolar.

Has hormatlanýan hudaýlaryň biri atyň goragçy hudaýy bolupdyr, faktlara laýyklykda keltler atçapar we urşujy bolupdyrlar. Şol hudaý atyň, tigirçileriň we ulag serişdeleriniň hem hudaýy bopdyr. Ol eýerde oturan, elinde kiçijik jadyly guşy ýa-da miwäni saklaýan görnüşde iki atyň arasynda duran alamatynda şekillenidirilipdir.

Köp mistik atributlar ony kelt aristokratiýasynyň gorganynda goýlan stelalardaky şekillerden görmüşi ýaly ölüm bilen baglanyşdyrypdyrlar.

Kelte degişli бүрүнч кубокларында атларыň we арабаçыларыň ýaryşлары оуулып çekилipdir. Atlaryň şekilleri kelt teňnelerinde hem duş gelýär.

S. PENNER (GERMANY)

THE CHEEK-PIECES OF THE GRAVE CIRCLE OF A MYCENAE AND THEIR NORTH-EASTERN RELATIONS

According to today's research it is undoubted, that the bone discs of the fourth Shaft Grave of Mycenae, which Heinrich Schliemann still called vase lids, are cheek-pieces of horse bits. The art of horse bridling and chariot driving was certainly known during the Mycenaean Bronze Age, proofed by relieves on stelae mounted on some of the Shaft Graves of the Grave Circles A and B. the origin of the chariot and the technique of harnessing related to it was until then referred to the Near East, although it is evident for Near East archaeologists and Egyptologists that in the Ancient Orient a bridled horse was a late and strange occurrence.

Again and again since the sixties there were single publications of bone or horn discs of the Russian–ukrainian–kazakhian area (e.g. Trachtemitrov, Balanbaš, Kamenka, Sintašta und Berlik). The degree of morphological conformity was so immense that the disregard of this fact is surprising. When in 1977 V.S. Gorbunsov, K.F. Smirnov and E.E. Kuz'mina published the kurgan 2 (burial 3) of Novo-Jabalakly, for the first time research was confronted with some bronze plates whose decoration was identical with those on gold buttons of Mycenaean Shaft Graves. Once more this remained unnoticed. At least close relationship between the Russian North East and the Mycenaean South could have been deduced. The finds of Novo-Jabalakly, Trachtemirov, Balanbaš and others give rise to look eastward when analysing these correlations. The task was set to seek for parallels to the Mycenaean bone discs.

An examination of the material of the material which multiplied largely during the last five or six years allows to define at least six variants of the cheek-piece: variant 1 – including the four samples of the Grave Circle A of Mycenae – is distinguished by a central and some smaller holes aside. Furthermore, the reverse shows solid studs, most of them are stiffly connected with the disc. Variant 3 shows two central holes, forming tubular projections. Variant 4 is described by G. Bandi's 'strap dividers'. A triangular flanking ledge is the main characteristic of variant 5. Besides the body varies inform, from circle to disc segment, to anything in between. Variant 6 is a mixture of oblong and discoid cheek-pieces according to Hüttel a 'Kontaminationsform'. Variant 1 has as an outstanding feature an extension formed like a stud.

Regarding Russian–ukrainian–kazakhian cheek-pieces a considerable number of different variants is offered, whereas in Greece only one appears, which is also reduced to a short period. This delight to experiment and develop, together with the much bigger amount of finds admits the conclusion, that the Russian Northeast is the origin of the bone discs. This point of view was paved by some Russian researchers like A.M. Leskov, K.F. Smirnov and E.E. Kuz'mina. The geographic conditions of the steppes support the conclusion that riding and steering here was much more at home there than in the narrow and jagged landscape of Greece. Although research lacks a fine synchronization of the Russian and Greek cultures it is possible to date the find of the Abashevo-culture (type of Potapovo) and of the *mnogovalikovajakeramika* before Late Helladic I. New radiocarbon examinations verify dates for the Potapovka culture ranging from 1889 B.C. until 1520 B.C. for the Timber-grave culture. Did a migration to the south West to Greece (thereby crossing the area near the Black Sea and the mouth of the Danube) take place about the time? If this is right, it could have probably started in the area between upper Volga and Ural because most of the cheek-pieces (type 1,1) are to be situated there. To assume a Near East origin of these pieces is absolutely beyond question: There were no comparable finds to these of the fourth Shaft Grave of Mycenae. All pieces found there belonged to types which are derived from bone discs and are to be related to a later period.

If there is any need of further proof that morphological conformities between Russian and Mycenaean horse bits are not coincidental, a single look at the decorations of the cheek-pieces is sufficient. The Russian–Kazakhian examples show the same little triangles and spiral-pulley ornaments as those on the Shaft Grave finds. Those motifs are closely connected to bone objects used for riding and driving. Other finds showing narrow running knots (e.g. ring of Il'ičevka) complete the picture. The parallels are not limited to the so far described decoration: The 'Schnabelwirbel' which is so characteristic for Mycenae can be found on Russian objects as well as the motif of the cross with dotted eyes in the nooks (cf. Bogojavlenka and Novo-Jabakly). Guido Kazaschnitz-Weinbergs evaluation of the ornaments is to be supported: "Es ist wohl dieser symbolische und magische Charakter, der den Mtvien ihre Konstanz und ihre oft erstanliche Fähigkeit verleiht, ungeheure Strecken zu durchwandern".

The possibility of cultural contact across longer distances starting in the East European – West Siberian North East depended on horse-drawn chariot. It created the necessary conditions to mobilize populations in such a manner that they were able to leave their home-areas very fast overriding other settlements. How important the knowledge of horse bridling and the technique of steering was, can only be assumed by studying the multiple illustrations of chariot scenes. They can be found on grave stelae of Mycenae's Shaft Grave time and on innumerable examples of pottery of the Andronovo and Timber-grave cultures of the North Russian-West Siberian area and farther East.

Analysing the cheek-pieces and the motive treasure it can be deduced of which kind the influence had been and which way it had taken. Influence from Russia and the Ukraine substantially shaped the Mycenaean culture in its earliest manifestations. This is why the opinion up to now, that Mycenae is the starting-point for many cultural influences (e.g. the Carpathian Basin), must be revised. Mycenae presents itself first as a recipient of currents coming from diverse directions. In addition to the well-known contact with the Minoan culture and the English Wessex culture, which for example can be read off the amber spacers of the fourth and fifth Shaft Grave, one must also assume an enormous Eastern European influence. It should crucially change the Aegean and Eastern world by the introduction of a special bridling and chariot driving as well as a new combat technique with the lance, arrow and bow. Beyond that the figurative illustrations already mentioned also witness the appreciation of the lance and the arrow as weapons of the highly esteemed man. These pictures have their best material correspondences in the graves of Sintašta and Utevka. Situated Northeast the Volga knee they reflect by the quantity of a certain funeral gifts the repertoire of a 'horse and chariot set' or a 'chariot and warrior aristocracy': The chariot with two draught horses, control of the horses by a driver by means of bridle and 'nagaika', weapon e.g. the arrow, which indicates him as bowman, the lance, dagger, knives and finally stone clubs, which surely are to be interpreted as sceptres.

The localization of the European North East as origin of the disc-pieces coincides with the determination of the Eastern European and Asiatic steppes as the earliest centre of horse domestication: "Neueste Untersuchungen haben... gezeigt, dass eine frühe Domestikation des Pferdes in den osteuropäischen und asiatischen Steppen erfolgte. Dort fand das Pferd nicht nur optimale Lebensbedingungen vor und es existierten deshalb auch große Wildbestände, sondern es lebten hier auch Bevölkerungsgruppen, für deren Lebensweise die Domestikation des Pferdes sehr vorteilhaft war".

To localize the achievement of the chariot, drawn by two bridled horses, which also could be made by a whip (Nagaika), in the European North East, has extensive consequences for the cultural history of Europe. Mycenae loses its autochthonous Greek roots and its past outstanding position concerning its influence on other cultures, particularly those of the Carpathian Basin.

С. ПЕННЕР (ГЕРМАНИЯ)

ПСАЛИИ В ПОГРЕБЕНИЯХ МИКЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В соответствии с сегодняшними исследованиями костяные диски из могил Микен несомненно являются частями скелетов лошадей. Искусство езды на колеснице было известно еще во времена Микенской бронзовой эры. Местом происхождения костяных дисков является российский северо-восток. Морфологические соответствия между российскими и микенскими частями лошадей не случайны. Россия и Украина

существенно повлияли формирование Микенской культуры в ее начальных проявлениях. Поэтому следует пересмотреть мнение о том, что Микены являются стартовой точкой для многих культурных влияний.

S.PENNER (GERMANÝA)

MIKENA MEDENIÝETINDÄKI JAÝLAMALARYNDAKY TAPYLAN JILOWLAR

Şu günki barlaglara laýyklykda Miken mazarlaryndan bolan süňk diskleri atyň çekge bölegi bolup durýar. Arabalarda gitmek medeniýeti бүрүнç erasynda Miken döwründen mälim bolupdyr. Russiýanyň demirgazyk-gündogary süňk diskleriniň gelip çykan ýeri hasaplanýar. Russiýanyň atlaryň miken böleginiň arasyndaky morfologik laýyklyk tötänden däldir. Russiýa we Ukraina Miken medeniýetiniň ýüze çykmagyna, onuň başky alamatlaryna düýpli täsir edipdirler.

M. J. OLBRYCHT (POLAND)

THE ORIGINS OF THE ARSACID PARTHIAN CAVALRY: SOME REMARKS

1. Introductory remarks

During the reign of the Arsacids, the army of the Parthians relied on cavalry, their infantry being relatively weak. The Parthian cavalry, surrounded by a glamour possessed by no other ancient people, comprised two main fighting arms: mounted archers (hippotoxotai) and heavy cavalymen (kataphraktoi), the latter armed with long lances and protected, both man and horse, with coats of mail (Plut. Crass. 24f.; Dio 40.15). Against the enemy, the Parthians were generally successful if they took care to combine both kinds of troops and to fight on appropriate ground.

It is difficult to reconstruct the development of the Arsacid cavalry. In particular, it is impossible to follow their beginnings closely, for the information up to the battle of Carrhae (53 BC) is scanty. However, important starting points for this question may be found in the history of the Achaemenid and Hellenistic periods in the Near East and southern Turkestan. Thus, in the following paper an attempt is made to explore some aspects of the prehistory and origins of the Arsacid Parthian cavalry within the framework of the military practises of pre-Arsacid times.

2. The Iranian cavalry under the Achaemenids

The Persian Achaemenid army contained a lot of cavalry contingents, of which those from Media, Parthyaia, Bactria, Sogdiana, Persia proper and from the nomadic peoples of Turkestan were of superb quality. In many cases, however, the Achaemenids used their cavalry force under rather inappropriate circumstances (e.g. at Plataea and in some other battles against the Greeks). Moreover, Achaemenid mounted warriors rarely could rely upon other units of the army; Persian archers and infantry proved quite often inefficient, as discernible at some wars against the Hellenes. Nevertheless, in several attested military engagements (including Kunaxa), the Achaemenid horsemen exhibited their valours, and in the 4th century BC, Greek troops operating in Asia Minor were seriously afraid of Persian cavalry attacks (Xen. Hell. 3.4.15; Anab. 6.5.29).

3. The Iranian cavalry at the wars against Alexander of Macedon

Philip and Alexander of Macedon created a powerful and well-trained army, in which excellent cavalry detachments from Macedon and Thessalia often played a decisive part in victories, being skilfully combined with the phalanx and other infantry regiments. Some cavalry and infantry units were armed with the sarissa. The Macedonians perceived the effectiveness of cavalry utilizing the sarissa as an offensive force for breaking the hostile lines. Thus, the troops equipped with the sarissa proved effective on the Granicus (Arr. 1.15.5) and at Gaugamela (Arr. 3.14.3), where the Macedonians cut the faces of the Persians with those long lances. Even under such unfavourable circumstances, the Achaemenid cavalry, using shorter spears, javelins and bows, were of crucial significance. At Gaugamela, the cavalry wing of the Persian army inflicted great losses on the Macedonians. The cavalry regiments under Mazaeus, including the Medes and the Parthyaianas, disrupted the Macedonian lines and seized the enemy's base-camp. In another engagement of the same battle, the Macedonian Companions clashed with a retreating detachment of Parthyaians, Indians and Persians (Arr. 3.15.1-2):

about 60 Companions were killed. Superb was also Bessos' cavalry use on the Persian left wing, which included mainly horsemen from Turkestan: Bactrians, Sogdians, Dahae, Persians, Massagetae and Sakas (Arr. 3.1.2-4). However, the Persian defeat in the centre forced Bessos to draw his troops off, although in quite good order.

Probably the greatest cavalry commander at the wars against Alexander was Spitamenes. His small Sogdian and Bactrian cavalry army was temporarily reinforced by the mounted warriors of the nomadic Dahae and Massagetae. The Dahae were famous for their excellent horse archers, the Massagetae possessed also well-known heavy-armed cavalry. Having troops numerically inferior to the Macedonians (up to 3,000 riders), Spitamenes was able to achieve brilliant victories. His greatest exploit was the battle on the Zeravshan, variously reported in Curtius (7.7.31-39) and Arrian (4.5.2-9; 4.6.1-2). Spitamenes' troops (including Bactrian, Sogdian, and Dahae warriors) routed there a mighty Macedonian division - 2,000 foot and 300 horse of Alexander's army were killed, only few escaped. The losses were heavier than at Gaugamela. Spitamenes' horse archers (probably mainly Dahae) proved particularly effective, whilst other cavalry units repeatedly charged the disrupted formation of the Macedonians. When the latter tried to attack, Spitamenes' cavalry had no difficulty in riding off. Thus, the superb use of the combined mounted archers and charging cavalry (apparently including heavy-armed horsemen) heralded the military practises of the Arsacid Parthians. Alexander fully recognized the quality of the Turkestan cavalry troops. As a result, he used Bactrian, Sogdian, Dahae and Massagetaean detachments in India.

4. The Iranian cavalry Iran in the Successors' period

In this epoch, cavalry contingents from Iran and Turkestan often played the decisive part in the military confrontations. One of the most capable cavalry commanders of this period was Pithon, the satrap of Media. The bulk of his army was formed by mounted soldiers from Media and Parthyaia/Parthia. The overwhelming superiority of Pithon's cavalry enabled him to win a victory over the revolted Geeks of the Upper satrapies (Diod. 18.7.1-9). In the battle of Paraitacene, Pithon commanded a mighty cavalry division (Diod. 19.26.1-32.3). His attack on Eumenes' army and the following retreat were in my opinion a stratagem aiming at disrupting the hostile formation. In Gabiene, Pithon's cavalry turned the battle into a spectacular success of Antigonos; although the latter's phalanx was broken, Pithon seized Eumenes' baggage park (Diod. 19.39.6-44.3). However, Pithon, who must have been popular amongst the Medes, was finally put to death by Antigonos.

5. The cavalry from Iran and Turkestan in the Seleucid period

In my opinion, the Iranian cavalry were the real military mainstay of Seleucus up to 301 BC, a fact neglected by the scholars. After defeating Nicanor, Seleucus gained control of a large army and annexed Media, Parthyaia and the adjacent regions (Diod. 19.92.1-5; App. Syr. 55). In 311 and 310-308 BC, Seleucus was forced to evacuate Babylonia under the pressure of Demetrius and Antigonos. However, his power was not annihilated. On the contrary - apparently owing to the Iranian cavalry from Media and Parthyaia he was able to regain Babylonia. Macedonians and Greeks were up to 301 rather not numerous in his army. At Ipsus (301 BC), Seleucus had 12,000 cavalry, probably all from Iran and Turkestan. Seleucus' son, Antiochus, commanding the strongest cavalry division in the battle, was at first beaten by a charge of Demetrius, but not really broken. It seems that it was an intended manoeuvre often utilized by Iranian and Central Asian horsemen. Consequently, Demetrius' forces were cut from the rest of the army and destroyed (Plut. Dem. 28-30; Diod. 21.1-4b).

After ca. 250 BC, the formidable Parthian cavalry were not anymore obtainable to the Seleucids. Their main recruiting base for horsemen remained Media, famous for superb riders and herds (cf. Polyb. 5.44.1). Against the Arsacid Parthians, the Seleucid tactics failed.

Seleucus II was completely defeated (ca. 230 BC - Iust. 41.4.9-10), and later (209 BC) Arsaces II fought with «extraordinary valours» against Antiochus III (Iust. 41.5.7). Antiochus III must have been deeply impressed by the efficiency of Parthian cataphracts and horse-archers, for such arms, being promptly adopted by the Seleucid army, were clearly intended to be the decisive offensive force at Panion and at Magnesia. In the battle of Panion, the Seleucid cataphracts overwhelmed Ptolemaic horsemen (Polyb. 16.18-19) and alongside with the elephants largely contributed to the victory. At Magnesia, Antiochus' army included 6,000 cataphracts and 1200 horse archers of the Dahae. Moreover, the agema of the king was drawn from the formidable Median horsemen (Liv. 37.40). As a matter of fact, Antiochus' tactics in this battle contained some ill-considered manoeuvres, which proved disastrous to his army. As a consequence, the cavalry of Iranian origin and those imitating the Parthian arms were not able to develop fully their mobility and offensive power.

6. The Arsacid Parthian cavalry The early Arsacid cavalry force (in the period ca. 250-140 BC) was developed on the basis of two main kinds of troops: the mounted archers of the Dahae and the heavy-armed cavalry of the Parthyaiaans, influenced both by Central Asian and Hellenistic warfare. In the armies of the Successors, the Parthyaiaans/Parthians were fighting alongside the Medes, and made the acquaintance of Hellenistic warfare, including the use of the phalanx and of Western arms, especially the sarissa. The Median and Parthyaian/Parthian cavalry were actually the decisive force in several battles under Pithon (in Antigonos' army) and then under Seleucus. In the Hellenistic period, cavalry became on the whole one of the decisive components of the armed forces. Thus, Polybius (3.117.5) maintains that it is better to give battle with half as many infantry as the enemy and an overwhelming force of cavalry than to be in all respects the enemy's equal. Another backbone of the Hellenistic armies was the phalanx, possessing a strong resisting and offensive power. The Parthyaiaans/Parthians, well acquainted with the phalanx, managed to solve the problem how to defeat the enemy's unbroken spear-line and to destroy the Macedonian phalanx successfully. Such operations proved possible due to the employment of the cataphracts and horse archers. Arsacid mounted archers and cataphracts were complementary, each providing the others with powers not inherent in either separately. The horse-bowmen could swarm round the enemy's troops shooting them down from a safe distance for Parthian bows were extremely efficient. If the enemy tried to attack, the Parthian horse retreated and then repeatedly attacked. The broken enemy's lines were charged by the cataphracts. The acts of disruption were usually followed by the act of annihilation - the final charge of the cataphracts overwhelming the hostile troops. The long lances of the cataphracts, imitating the Macedonian sarissa, but somewhat stronger, and heavy armour made them able to disrupt even the phalanx. They employed the wedge-formation (cuneus), attested already in the battle on the Zeravshan in the army of Spitamenes (Curt. 7.7.35). Heavy cavalry were evolved amongst the peoples of Turkestan, especially by the Massagetae, in the Achaemenid period. At Gaugamela, some riders and horses of the nomadic cavalry regiments, in all like hood of the Massagetae, were well protected by defensive armour (Arr. 3.13.4). Herodotus (1.215) and Strabo (11.8.6) mention breastplates for horses and corselets for riders amongst the Massagetae. This people was closely related to the Parthians and early Arsacids, so it is conceivable that the development of the Massagetaean arms influenced the military equipment of the neighbouring Dahae and of the early Arsacids in Parthia. The horse-archers of the Arsacids were principally of Central Asian origin, being evolved especially by the Dahae; their famous mounted bowmen distinguished themselves in the wars against the Macedonians and then, in the Hellenistic period, belonged to the best mercenary troops in the East. To sum up: in developing their cavalry, the Arsacids followed local traditions of Parthyaia and those of Turkestan peoples of the Dahae and Massagetae. At the same time, they

adopted and improved some components of Hellenistic warfare. On the whole, the new tactics and arms, as employed by the Arsacids, proved astonishingly efficient, and enabled them decisive victories over the Seleucids and other powers in Asia.

M. Я. ОЛЬБРЫХТ (ПОЛЬША)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРШАКИДСКОЙ ПАРФЯНСКОЙ КОННИЦЫ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящем докладе делается попытка исследовать некоторые аспекты предыстории и происхождения парфянской кавалерии Аршакидов на фоне военной практики доаршакидского времени. Для того чтобы реконструировать происхождение грозной конницы Аршакидов, необходимо принять во внимание практику военного дела ахеменидского периода, включая достижения в этой области Спитамена, Бесса и Сатибарзана в их войнах против Александра Великого, а также развитие кавалерии в среде среднеазиатских кочевников. В эпоху эллинизма конные контингенты из Ирана и Туркестана, в числе которых были парфяне, мидийцы и дахи, часто играли решающую роль в военных столкновениях (особенно при Пифоне и Селевкидах). Ранняя аршакидская конница (около 250–140 гг. до н. э.) развивалась на основе двух главных видов конных войск — лучников из числа дахов и тяжеловооруженных всадников из парфян/парфиенов, испытавших влияние как среднеазиатского, так и эллинистического военного дела.

M. YA. OLBRAHT (POLSA)

ARŞAKID PARFIYA ATLY GOŞUNYNYŇ GELIP ÇYKYŞY : KÄBIR BELLIKLER

Nutukda arşakid döwründen öňki uruş tejribeleriniň ýagdaýynda Arşakidleriň parfiya atly goşunlarynyň ýüze çykamazynyň öň ýanyndaky we gelip çykyşynyň käbir aspektlerini barlamaga synag edilýär. Munuň üçin Arşakidleriň howply atly goşunynyň gelip çykyşyny täzeçe gurmak üçin Spitameniň, Bessanyň we Satibarzanyň çäklerinde Aleksandr Beýige garşy olaryň uruşlaryndaky üstünlüklerini, şeýle hem Orta Aziya çarwalarynyň sredasyndaky atly goşunyň ösüşini nazara alyp ahemenid döwrüniň harby işleriniň tejribesine üns bermek gerek.

Ellinizm döwründe Eýrandan we Türküstandan bolan parfiyalylardan, midlerden, dahlardan ybarat atly adamlaryň kontingenti ýygy-ýygýdan harby çaknyşyklarda (aýratyn hem Tifonda we Selewkidde) aýgytlaýjy rol oýnapdyr. Irki arşakid atly goşuny (b.e.öň 250-140 ý. golaý) Orta Aziýadaky ýaly, ellinistik harby işlerine täsir etmäge synanyşan parfiyalylardan (parfiýanlardan bolan agyr ýaraglanan atçaparlardan we dahlardan gelen ýaý atyjylardan bolan iki esasy görnüşdäki atly goşunlaryň esasynda ösýär.

J.D. LERNER (USA)

INDO-SCYTHIAN WARRIORS ON HORSEBACK: TWO MINTS FROM THE WESTERN PUNJAB (C. 55 B.C.E. TO C. 20 C.E.)

The aim of the paper is to suggest a new arrangement of certain coins minted in the western Punjab attributed to the Indo-Scythian kings Azes and Azilises. The current classification, as formulated by Jenkins (Jenkins, G.K. 1955. "Indo-Scythic mints," *Journal of the*

Numismatic Society of India: 1-26), holds that there had been two kings named Azes. Azes I issued silver coins bearing on the obverse a diademed king mounted on horseback, holding a spear. His successor, Azilises, minted the same type but also introduced onto his silver the obverse type of a diademed king mounted on horseback, holding a whip. Azilises was followed by the last Indo-Scythian king, Azes II, who minted as the obverse type on his silver the king mounted with a whip. Since many new specimens of this complex coinage have come to light, I have reevaluated some of the coins that Jenkins had attributed to the kings responsible for striking them and to his mints of Arachosia and Pushkalvat. I propose a different sequence of the issues produced at Pushkalvat and at a nearby mint, which I locate at Peshawar, as well as an alternative succession of the Indo-Scythian kings.

The methodology employed to assign each coin to its respective mint is based on six criteria: type, weight, legend, metal, monogram and fabric. As a result, the mint at Pushkalvat struck the coins of the rulers of three dynasties: Hippistratos, the last Indo-Greek king who ruled the Western Punjab; the Indo-Scythian sovereigns, Azes I, Azilises and Azes II; the Aparacas, Indravarma and Aspavarma; and the Indo-Parthian king, Gondophares. The mint at Peshawar, however, only issued coins of Azes I, Azes II, and Gondophares (see table).

A comparison of the sequential arrangement of the coins assigned to their respective groups reveals that any one of a number of factors when examined in isolation misses the subtle complexity by which each mint developed. For example, an apparent dilemma is created at the Pushkalvat mint in which the silver and copper of Azes II (group E) contain as the obverse type the king mounted not with a whip as we should expect, but with a spear. Likewise the Peshawar mint never struck coins of Azilises. Consequently, the two mints reveal that Azes II minted coins with both obverse types and was a contemporary of Azilises.

Taken together, these mints reveal a revised order of the Indo-Scythian kings. We can no longer accept the traditional chronology proposed by Jenkins that Azes I was succeeded by Azilises and Azes II respectively. On the contrary, our analysis indicates that the reigns of Azilises and Azes II overlapped and that each king ruled in different regions of the Indo-Scythian realm. Upon the death of Azilises, Azes II annexed all or a portion of the territory of his former contemporary. Moreover, the turning point of both mints was the so-called "great debasement" of Azes II's coinage, which occurred prior to the overthrow of the Indo-Scythian kingdom by the Indo-Parthians from the west (as seen in the coins of Indravarma, Aspavarma, and Gondophares), and the Kushans from the north. Placed in this historical context, the Indo-Scythian kingdom was fluid at its conception, for under Azes I the Indo-Scythian realm expanded, while under his successors it experienced a number of external pressures that led to its ultimate demise.

Дж. Д. Лернер (США)

ИНДО-СКИФСКИЕ КОННЫЕ ВОИНЫ: ДВА МОНЕТНЫХ ДВОРА ИЗ ЗАПАДНОГО ПЕНДЖАБА (ОКОЛО 55 Г. ДО Н. Э. — ОКОЛО 20 Г. Н. Э.)

Доклад предлагает новую хронологию индо-скифских царей по имени Азес и Азилис, а также другую последовательность их монет, чеканенных в Пушкалавати и Пешаваре (Западный Пенджаб). В результате этого пересмотра можно утверждать, что монетный двор в пушкалавати выпускал монеты правителей нескольких династий: Гиппострата (последнего индо-греческого правителя, правившего в Западном Пенджабе), индо-скифских царей (Азеса I, Азилиса и Азеса II), апараров (индраварма и аспаварма) и индо-парфян (Гондофара). Монетный двор в Пешаваре, однако, чеканил монеты только

Азеса I, Азеса II и Гондофара. Таким образом. Царствования Азилиса и Азеса II частично совпадали с каждым царем, правившим другими районами индо-скифского государства. После смерти Азилиса Азес II аннексировал целиком или частично его территорию, но затем был низвержен индо-парфянами, пришедшими с запада, и кушанами с севера.

J.D.LERNER (ABŞ)

HINDI-SKIF ATLY URŞUJYLARY : GÜNBATAR PENJAPDAN BOLAN IKI ZIKGEHANA (B.E.ÖŇ 55 Ý. TÖWEREGI – B.E. 20 Ý. TÖWEREGI)

Nutuk Azes we Azilis atly hindi-skif şalarynyň täze hronologiyasyny, şeýle hem olaryň Puşkalawatidäki hem Peşaweridäki (Günbatar Penjap) nagyşlanan pullarynyň başga yzlaryny mälim edýär. Şu garaýşyň netijesinde Puşkalawatidäki zikgehananyň birnäçe dinastiýalaryň Gippostrat (Günbatar Penjapda hökümdarlyk eden soňky hindi-grek hökümdary), hindi-skif şalary (Azesa I, Azilisa we Azesa II), Aparak (Indrawarma we Aspawarma) hem hindi-parfiýa (Gondofara) ýaly hökümdarlarynyň pul goýberendigini tassyklamak mümkin. Şeýlelikde, Azilisanyň we Azesa II-niň şalygy hindi-skif döwletiniň beýleki özlerine hökümdarlyk eden her şalar bilen bölekleyin gabat gelyär. Azilisa Azes II-niň ölüminden soň onuň ýeri bütewiligine ýa-da bölekleyin basylyp alyndy, soňra günbatardan gelenler hem demirgazykdan bolan kuşanlar, hindi-parfiýalylar tarapyndan agdaryldy.

M.LEVIN (GREAT BRITAIN)

IN SEARCH FOR THE HEAVENLY HORSES

In 133 B.C. the Chinese were at war with their nomadic neighbours, the Hsiungnu (Hulsewi, 1979). Wu-ti, Emperor of the Western Han Dynasty, sent his envoy, Chang Ch'in, to Central Asia in order to win allies against this enemy. In the course of his travels Chang Ch'ien heard about a state place, Ta Yan (now Ferghana), where particularly fine horses were bred. When the Emperor heard about this wonderful blood sweating, heavenly horses, he decided that he must have some of them. So he sent a delegation to Ta Yan with gifts for its king. However, even in exchange for thousand pieces of gold and a horse made of solid gold, the king refused to let the Chinese have any of these precious most valued horses. Because of the great distance of Ferghana from China, some 4000 km across the deserts of Inner Asia, he thought that Ta Yan would be safe from reprisals. The Chinese, enraged by his audacity, smashed the golden horse. The Yan then had the envoys attacked and killed. In 104 B.C. the outraged Emperor Wu-ti mounted and returned to China, where in 104 B.C. an expedition was mounted to punish the Yan and take the heavenly horses by force. This army of 6000 cavalry and "some tens of thousands of ill-disciplined young men" defeated by hunger and thirst, failed even to reach Erhshin, the capital of Ta Yan, the town where the horses were held.

In 102 B.C. a second and much larger military expedition was mounted by the Chinese. We do not know how many heavenly horses survived the 25000 mile journey to the Chinese capital at Ch'ang-an. Emperor Wu-ti's expedition was part of China's overall strategy to expand its control over trade routes and access to exotic goods, which mediated its contacts both within its neighbours. On other hands, and perhaps more to the point, the Chinese needed good quality horses in order to fight their enemy, the nomadic Hsiung-nu, who were renowned

both for their horses and their horsemanship. Wu-ti belief that the “blood-sweating” horses carry him to heaven, the desire to improve the breeding stock in the imperial stables and the need to improve the breeding of the horses used in the campaigns against the Hsiung-nu have all been defended. This story is a kind of metaphor for the certainty of the horse in the history, politics, economy, religion and art of central Eurasia. Before the development of firearms, the horse was crucial to warfare and before the invention of the steam engine, it was the fastest and most reliable form of land transport. Not for nothing was the steam locomotive also known as the ‘iron horse’, and even now we measure by their ‘horse power’. The Skythians or Saka – perhaps familiar to you from the recent BBC documentary about the ‘frozen princess’ – from around the 8th to the 1st centuries B.C., at their greatest extent, controlled central Eurasia from the foot of the Carpathians to Monolia. The horse dominated military machine reached its height during the 13th and 14th centuries A.D. under the Mongols, whose empire at its greatest extent reached from Hungary to Korea. It was the largest continuous land-based empire in history. The horse was the main instrument of destruction in warfare until well into the Gunpowder Age, that is, until around A.D. 1,500, when it was superseded by firearms.

М. ЛЕВИН (АНГЛИЯ)

В ПОИСКАХ “НЕБЕСНЫХ КОНЕЙ”

Автор доклада разбирает различные точки зрения на причины походов ханьских войск по приказу императора У-ди на Фергану в конце II в. до н. э., в результате чего в Китай попали ферганские кони, называемые в китайских анналах “небесными”. Пожалуй, главной причиной этой акции в столь отдаленных от собственно Китая землях была острая нужда китайцев в конях с высокими боевыми качествами, чтобы противостоять своим основным кочевым противникам, сюнну (хунну), которые как раз славились своими конями и искусством верховой езды. Особенно подчеркивается исключительно важная роль коня в военном деле кочевников Евразии в древнюю и средневековую эпохи вплоть до появления огнестрельного оружия.

M.LEWIN (BEYİK BRITANIYA)

“JENNET ATLARYNYŇ” GÖZLEGINDE

Çykyşyň awtory imperator –diniň buýrugy bilen han goşunlarynyň b.e.öň II asyrynyň ahyrlarynda Fergana ýörişiniň sebäplerini dürli nukdaýnazardan derňeýär. Şol ýörişň netijesinde Hytaýa fergan atlary düşýär, olar hytaý çeşmelerinde “jennet atlary” diýlip atlandyrylýar. Bu ýörişň baş sebäbiniň hytaýlylaryň esasy garşydaşlarynyň biri göçüp-gonup ýören sýunlara (hun) garşy göreşmek üçin ýokary söweşjeň häsiýetli at gerekligi bolmagy mümkin. Hunlar öz atlary bilen çapuşygyň ýokary ussatlygyny görkezipdirler.

Ýewraziýanyň nomadlar ot açyjy ýaraqlar ýüze çykyança gadymy we orta asyrlarda harby işlerde atyň möhüm orun eýeländigini aýratyn belläp geçýärler.

Х. ВЭЙ (КИТАЙ)

ЛОШАДЬ В ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦИНЬ

Жители династии Цинь заложили фундамент в коневодстве. Императорский дворец и центральное правительство учредили конюшни для наладки механизма

разведения лошадей. На территории империи были обнаружены статуэтки коней, сделанные из керамики, меди, а также погребенные кони. Во времена династии Цинь конные рыцари отбирались из числа мужчин крепкого сложения, моложе 40 лет и ростом 173 см. Рыцарь должен был уметь превосходно ездить верхом, стрелять из лука. Воины на колесницах обычно носили длинный головной убор и длинные доспехи. Вооружены были копьем или другим колющим оружием.

H. VAY (CHINA)

THE HORSE IN THE HISTORY OF TZYN'S DYNASTY

The people of the Tzyns House have laid the foundation in horse-breeding. The Emperor Place and central government have built stables in order to adjust the mechanism of breeding. The horse statues made of ceramic and cooper and buried horses were found on the territory of empire.

Mounted knights were selected out of able-bodied men, under forty and 173 sm. of height. The knight had to ride perfectly well and to shoot an arrow. The knights on chariots usually had long head-dress and armours on. They had spears and other pointed weapons.

HAN WEY (HYTAÝ)

SIN DINASTIÝASYNYŇ TARYHYNDA ATLAR

Sin dinastiýasynyň ýaşajyklary atçylygyň esasyny goýdular. Imperator koşgi we merkezi hökümet atlary ösdürip ýetişdirmek üçin at hana döretdi. Imperiýanyň çäklerinden keramikadan ýasalan atlarynyň üsti açyldy. Sin dinastiýasy döwründe atly rysarlar boýy 173 sm pes bolmadyk, 40 ýaşdan kiçi ýerli erkek adamlardan saýlanylýp düzülipdir. Rysar aty ussatlyk bilen münmegi we raý atmagy başarmaly eken. Arabaly esgerler uzyn bag gabyny geýipdirler. Olar naýza ýa-da başga bir sanjyý ýarag bilen ýaraglanypdyrlar.

В. П. НИКОНОВ
(РОССИЯ)

ПАРФЯНСКИЕ СЕДЛА

Из седел, которые использовались в парфянской коннице Аршакидов, в первую очередь следует отметить седло жесткой конструкции с четырьмя выступами-«рогами» по углам седельной подушки, которые прочно охватывали расположившегося в нем всадника, давая ему максимально надежную и удобную посадку на коне, что было необходимо при столкновении с противником в ближнем бою. Этот тип седел стал известен в результате исследований известного специалиста в области римского военного дела П. Коннолли. Используя его выводы, Дж. Херрманн сумела выявить целый ряд изображений седел «рогового» типа на произведениях искусства парфянского и сасанидского времени (I-II вв. н. э.) с территории Ирана и Ближнего Востока. Недавно опубликованное В. Н. Пилипко граффито из Старой Нисы, датируемое временем не позднее I в. н. э., демонстрирует нам новое изображение лошади с седлом «рогового» типа, на этот раз из пределов территории парфянских владений в Средней Азии. По-видимому, «роговое» седло, как и некоторые другие элементы военного дела парфян,

было изобретено в среде среднеазиатских кочевников и попало затем в Парфию вместе с апарнами-дахами- степными основателями государства Аршакидов;

впоследствии, в результате римско-парфянских военных конфликтов оно попало на Запад и стало применяться в кавалерии императорского Рима. Надо полагать, что наряду с «роговыми», парфяне использовали также другие виды седел, в частности жесткие седла с передней и задней луками, которые также были среднеазиатского происхождения, и у которых луки играли ту же самую роль, что и «рога».

V. P. NIKONOROV (RUSSIA)

PARTHIAN SADDLES

On saddles which were in use by the Parthian cavalry of the Arsacids worthy of note is above all the rigid one with four projections-»horns» on each of its comers. These firmly braced the rider providing him with a very safe and comfortable seat needful in close combat. This saddle type has been known thanks to studies of P. Connolly, a prominent expert in the field of Roman warfare. On the basis of his conclusions G. Herrmann has revealed a number of depictions of the «homed» saddle on works of art of the Parthian and Sasanian periods (1st - 4th centuries A.D.) from Iran and Near East. A graffiti with the representation of a saddled horse from Old Nisa, dating to the time no later than 1st century A.D., which has been recently published by V. N. Pilipko, presents a new «home-saddle picture, this time for the territory of Parathion Middle Asia. Like some others elements of Parthian warfare, this saddle type seems to have been invented in the midst of Central Asian nomads so that to be brought then to Parthia along with the Apamoi-Dahae - the steppe founders of the Arsacid realm. Subsequently, as a result of Partho-Roman military conflicts it came to be in the West and began to be widely employed in cavalry forces of Imperial Rome. It is to be thought that the Parthian could make use, in addition to «homed» ones, of other kinds of saddle: in particular, rigid saddles, also of Central Asian origin, with front and back arches which performed the same function as the «horns».

W. P. NIKONOROW (ORSYÛET)

PARFIÝAN EÝERI

Arşakidow parfiýan atyatygynda ulanylýan “eýeriň gaşyna berkitmek” berk gurulan eýer. Öz garşydaşy bilen çaknaşykda çapyksuwar özüne ynamly we berk oturar ýaly eýeriň dört tarapy ýüp bilen berkidilen. Şu gömüшли eýeri Rim welaýatynyň harby işgäri hünärment D.Konnolli tarapyndan mälim edildi. Şonuň çykaran netijesinden (I-II as. b.e.s.) J. Herrmann “eýeriň gaşyna berkimegiň” (dürli gömüşlerini) öz parfiýan we sasanidler eserinde dürli gömüşlerini suratlandyryar. Görşümüz ýaly “eýeriň gaşyna berkitmek” Orta Aziýadan geçip ony parfiýan harby işgärleri Arşakidow parfiýan atyatygynda ulanypdyrlar. Şondan soň netijede Rim Parfiýan harby garşydaşyklary bilen Demirgazyga ýetýär we şondan soň “eýeriň gaşyna berkitme” we beýleki gömüşleri bilen peýdalanyp başlaýarlar.

КОННИЦА В КИТАЙСКОЙ АРМИИ НАЧАЛА ТАН (VII В)

К середине VII века политическое влияние Китая, в котором установилась власть династии Тан (618-907), распространилось на огромную территорию от Кореи до Персии и от Вьетнама до Тянь-Шаня - созданное после почти четырех веков раздробленности могущественное государство территориально превзошло пределы империи Хань (206 г. до н.э. - 220). Создание продуманной военно-социальной организации стало важнейшим условием стабилизации китайского общества и усиления танской империи. Основу и главную силу раннетанской армии составляли войска, укомплектованные по принципу фубин.

Введение милиционной системы фубин в Китае связывают с именем Юйвэнь Тая (507-556), правителя некитайской династии тоба Западной Вэй (534-556), который в 522 г. создал на севере страны военные управы (грюньгу-ань).

Традиция использования конницы в китайской армии имела долгую историю. Лошади на территории Китая были одомашнены в период неолита, но начало регулярного использования кавалерии в военных кампаниях относится, по всей вероятности, к IV в. до н. э. Значение конницы в китайской армии неуклонно возрастало со временем, и в период правления Лю Бана (256-195 г. до н.э.), основателя династии Хань, конница составила уже около 20 процентов от общей численности войск.

Род Ли, основавший в Китае династию Тан, происходил из северо-западного района нынешней провинции Ганьсу, земли которой на протяжении столетий были зоной непосредственных контактов китайской и «кочевой» цивилизаций.

В воспитании сыновей Ли Юаня явно преобладало военное дело.

В китайской армии помимо ханьцев использовалась конница, состоявшая из отрядов иноплеменников, перешедших под покровительство Тан. Отряды западных тюрк-туцзюэ были активными участниками междоусобной войны в Китае в конце Суй - начале Тан.

Согласно танской военно-политической доктрине считалось возможным использовать боевое преимущество тюркской конницы.

Военные достижения раннетанских императоров, в первую очередь Тай-цзуна, были огромны. Важным фактором успехов Китая было использование боевого опыта и традиций соседей-кочевников.

I.F. POPOVA (RUSSIA)

CAVALRY IN THE CHINESE ARMY OF THE EARLY T'ANG PERIOD (VII CENTURY)

The activist foreign policy of the early T'ang China was carried out mainly due to the sophisticated military-political doctrine and the highly developed military institutions of the Chinese Empire. The cavalry occupied an important place in the T'ang army. The army was organized under the militia (*fubing*) system and included, besides the foot soldiers, the light cavalry and mounted archers. The T'ang emperors also frequently used the mercenary Turkish (*tujue*) forces and their battle tactics. The use of the military experience and strategies of the nomadic peoples became a significant factor for wide-scale foreign expansion of the early T'ang China.

ATLY HYTAÝ GOŞUNY GAN IMPERIÝASYNYŇ BAŞYNDA (VIIA.)

Hytaýyň daşarky basyp alyşlary şol döwletiň berk harby-syýasy doktrinasy we Hytaý goşunyň gurluşyňyň özenidigi sebäpli işjeň amala aşyrylýardy. Gan goşunynda esasy omny atly goşun eýeleýärdi. Tubin milisiýa ulgamyna laýyklykda guralan Gan goşuny ýörişden başga-da ýeňil atly goşuny, şeýle-de harby atly goşuny öz içine alýardy. Harby ýörişlerde köplenç hakyna tutma türkleriň güýçlerinden peýdalanýardylar. Mundan başga-da harby ýörişlerde türkleriň (tuszyúýe) atlylary Hytaýyň tan imperiýasy döwründe daşky basyp alyşlaryň esasy çeşmesi bolup durýardy.

С.Г.КОШУРНИКОВ (РОССИЯ)

КОЛЕСНИЦА В АРМИЯХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ ДОСАРГОНОВСКОГО ШУМЕРА

Города-государства Шумера (современный южный Ирак) часто враждовали друг с другом. Войны нашли отражение как в археологических, так и в письменных памятниках. Основной материал для изучения армий досаргоновского Шумера (середина III тыс. до н.э.) дает нам археология. В основном, это данные, полученные в южной Месопотамии при раскопках Л.Вулли в 1922-34 годах города Ура (современный Аль-Мукайяр) и Э. де Сарзеком при раскопках города Гирсу (современный Телль аль-Лаух), а также в северо-восточной Месопотамии Г.Фрэнкфортом при раскопках Тутуба (современный Хафадж, район Диялы).

Интересным источником по истории военного дела Шумера служат также хафаджские плакетки (25 в. до н.э.), изготовленные из алебастра и песчаника, с рядами изображений мирных и военных сцен.

В Шумере не было единой армии и единообразия в тактике боевых действий. Повозка как транспортное средство и колесница как вид боевой машины появились задолго до зарождения коневодства.

Принцип танка, то есть боевой машины, обеспечивающей психологическое и силовое превосходство над пехотой, в армиях городов-государств досаргоновского Шумера был впервые эффективно реализован в виде двух- и четырехколесной колесницы, запряженной четверкой ослов или онагров.

Основным источником знаний об урских четырехколесных колесницах служит Штандарт, а также находка в нескольких гробницах деревянных похоронных дрог, запряженных тройками волов (коренной и два пристяжных).

Аналогичный тип четырехколесной колесницы мы видим на Стеле Коршунов. Плохое состояние памятника не позволяет нам судить обо всех особенностях лагашских колесниц. Заметны отличия от урских колесниц в креплении частей кузова, дышла, а также в вооружении. Колесница Эанатума была вооружена не только дротиками, но и какими-то палками с отличными от дротиков наконечниками, а также топориком. Четырехколесными были и колесницы, использовавшиеся в армии города Киша.

Двухколесная колесница на севере появляется задолго до эпохи I династии Ура, о чем можно судить, например, по моделям колесниц из Телль Аграба, относящимся примерно к 26 в. до н. э., а также по плакеткам из Хафаджа.

Урский Штандарт и Стела Коршунов служат основой для изучения тактики

боевых действий шумерских армий, при этом Урский Штандарт более повествователен, в то время как Стела Коршунов более схематична и символична. Последовательность боевых действий на Урском Штандарте, исходя из смысла изображений, следует воспринимать слева направо и снизу вверх.

Тип одежды колесничих аналогичен одежде царя, его охраны, а также воинов, подводящих пленных к царю.

Легковооруженные воины относятся к более низкому социальному слою общества. Об этом говорят юбочки из шерсти “с вырезом”. Такой же точно “вырез” мы можем видеть у носильщиков (очевидно, земледельцев) и скотоводов на Мирной части Штандарта.

На Стеле Коршунов на Эанатуме мы видим ту же самую форму одежды с шерстяной тканью через левое плечо, как на царе и колесничих на Урском Штандарте. Вследствие схематичности, символизма и фрагментарности Стелы Коршунов, трудно определить тактическую роль колесниц в лагашской армии. Здесь мы сталкиваемся с так называемой шумерской фалангой, которой мы не видим на Урском Штандарте.

О тактике армий северо-шумерских городов трудно сказать что-либо определенное. В отличие от армий южных городов, судя по хафаджским плакеткам, все воины одеты одинаково, не имеют шлемов и обычно вооружены только копьями. Здесь применялась более легкая и, вероятно, более эффективная двухколесная колесница.

Трудно судить о мобильности и управляемости колесниц, запряженных четверкой ослов или онагров. Несомненно, однако, что с появлением во II тыс. до н.э. коневодства, северо-месопотамская двухколесная колесница стала мобильным и эффективным видом боевой машины, аналогичным по боевым задачам современным танкам.

S. KOSHURNIKOV (RUSSIA)

CHARIOT IN THE ARMIES OF CITY STATES OF PRE-SARGONIC SUMER

Chariot as the type of combat vehicle appeared long before the introduction of horse breeding. Two- and four-wheeled chariots in the armies of city states of Sumer (middle of the III millennium B.C.) is the first known example of efficient realization of the idea inherent in such modern combat vehicles as tanks. The chariots drawn by teams of four asses, much like tanks in modern armies, provided for the psychological superiority and defeat of enemies.

The most valuable data in research of the battle formation and the tactics of operations of Sumerian armies can be obtained from the archaeological finds by Sir L. Woolley (city of Ur, modern Al-Muqaiyar) and E. de Sarzec (city of Girsu, modern Tall al-Lauh) in Southern Mesopotamia, as well as by H. Frankfort (city of Tutub, modern Khafaje) in North-Eastern Mesopotamia.

It is hard to understand the level of mobility of the chariots, and whether the driver had enough control. In any case, it is obvious that, with the rise of horse breeding in the II millennium B.C., the two-wheeled chariot from the North of Mesopotamia by its urgent tasks became, much like modern tanks, a mobile and efficient type of combat vehicle.

ARGONLARDAN ÖŇKI ŞUMERIŇ ŞÄHER-DÖWLETLERINIŇ GOŞUNLARYNDA ÝEŇIL ARABALAR

Harby maşyn hökmünde ýeňil arabalar atçylyk döremezden has ozal peýda bolupdyr. Pyýada goşundan ruhy we güýç taýdan has rüstemligiň alamaty bolan harby maşyn, ýagny tank prinsipi ilkinji gezek b.e.öňki III müňýyllygyň ortalarynda Şumeriň şäher-döwletlerinde ulanylypdyr. Onda dört sany eşege ýa-da ýabany eşege iki ýa-da üç tigirli araba goşulypdyr.

L.Wulliniň (Ur şäherinde, häzirki Al-Mukayar) E-de Sarzekiň (Grisuda, häzirki Tell al-Lauh) günorta Mesopotamiýadaky hem-de G.Trenkroftyň demirgazyk-gündogar Mesopotamiýadaky (Tutub şäheri, häzirki Hafaj) arheologiki tapyndylary Şumer goşunynyň uruş hereketleriniň taktikasyny öwrenmekde esasy materiallary berýär.

Şumer arabalarynyň ykjamlyk we dolandyrylyş derejesi barada belli zat aýtmak kyn. Emma b.e.öňki II müňýyllykda atçylygyň döremegi bilen demirgazyk mesopotamlylaryň iki tigirli harby arabasynyň ykjam we netijeli harby maşyna öwürüldigine şübhe bolup bilmez. Bitirýän söweş wezipeleri boýunça olar häzirki tanklar bilen bir zatdyr.

A. В.СИЛЬНОВ (РОССИЯ)

О ПЛАНИРОВКЕ КОНЮШЕН В РИМСКОМ ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ

Размещение конюшен в пределах римского лагеря считается общепризнанным, однако, любая попытка архитектурной реконструкции сталкивает нас с множеством проблем. Во-первых, нет определённости в вопросе, все ли кавалерийские части располагались в лагере, или часть находилась за его пределами. Даже если установлено наличие в лагере *alae* или *cohortes equitatae*, нет точных данных о количестве лошадей в их составе.

Более того, очень немногие римские лагеря исследованы достаточно полно, а археологические данные и выводы исследователей во многом предположительны. Для нас важен вопрос о положительной идентификации того или иного здания в пределах лагеря как помещения для лошадей.

Определяющим моментом в реконструкции планировки конюшни является точное количество животных в каждой *turma*.

Пространственные характеристики конюшни естественным образом зависят от размеров лошади.

Планировочное решение конюшни отражает целый ряд вопросов, связанных с функционированием кавалерийской части – например, таких, как поддержание чистоты, вентиляции помещений, организации выгула и кормления лошадей. Вопрос о чистоте пола в стойлах находит упоминание в сочинении Ксенофонта об искусстве верховой езды (*Xenophon, Art of Horsemanship, 4.3*), где он рекомендует организацию наклонных полов и покрытие их маленькими камнями. Римский автор I в. н. э. Колумелла в своём сочинении о сельском хозяйстве (*De Re Rustica, 6.30*) пишет, что полы в конюшне будут сухими, если сделать деревянный настил, или чистый грунт застилать соломой. Кстати сказать, исследователь римского лагеря в Дормагене Мюллер упоминает о том, что полы в конюшнях могли покрываться досками (Muller, 1979a, p.48).

Вопрос о вентиляции конюшен является одним из основных, влияющим на высоту помещения. Свободная циркуляция воздуха в конюшнях с низким потолком

невозможна, поэтому мы определяем высоту помещения от пола до фермы перекрытия в Честере не меньше чем в 4.5 - 5 метров.

Исследование участков земли, прилегающих к римским фортам, дают свидетельства о том, что каждая воинская часть контролировала свою *territorium* для выращивания урожая. *Prata* (луга) упоминаются в надписях в Испании.

В заключение можно сказать, что в таком высокоорганизованном государстве как Римская Империя, вопросам обеспечения жизнедеятельности кавалерийских частей предавалось немалое значение. Планировка зданий конюшен в пределах военного лагеря делалась с учетом всего необходимого для поддержания боеготовности кавалерии, их тренировки и успешного функционального использования.

SILNOV (RUSSIA)

ON PLANNING OF STABLE AT ROMAN MILITARY CAMP

The article is dedicated to a problem of architectural renovation of a Roman paddock opened by English archaeologists on the territory of a military camp in Halton Chester in Northern Britain. The problem is briefly illuminated with particular requests to designing and construction of paddocks, as well as in modern and in historical perspectives. The archeological data are bounded with an identification of paddocks in Roman military camps, and with history of making the fort in Halton Chester, as parts of defensive work of Hadrian's Wall. In the conclusion the author gives the graphic reconstruction of the paddock made on the basis of the plan of a North-East part of the camp in Halton Chester.

A.W. SILNOW (ORSYÛET)

RIM HARBY GONALGASYNDA ATHANANYŇ MEÝILNAMASY HAKYNDÄ

Makala demirgazyk Britaniýada Halton Çester harby gonalganyň degresinde inlis arheologlary tarapyndan açylan rim athanasynyň arhitektura rejeleýiş meselesine bagyşlanýar.

Bu meseläniň üsti bilen athananyň ýörite talap boýunça çyzga geçirilişini we gurluşyny häzirki zamanyň şeýle hem taryhyň şekillendirmesi hökmünde şöhlelendirilýär. Rim harby gonalgasyndaky athananyň özboluşlylygy bagly arheologik maglumatlara, şeýle hem Halton Çesterdäki harby ymaratyň döreýiş taryhyna rim Britaniýasynda Andianow Walyň gorag desgasyň bölegi hökmünde garalýar. Awtor netijede Halton Çesterdäki gonalganyň demirgazyk-günorta bölegine degişli meýilnama esasynda edilen athananyň keşbini çyzgyda dikeldip gorkezýär.

О. ГУНДОГДЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН)

О БОЕВЫХ КАЧЕСТВАХ ТУРКМЕНСКИХ КОНЕЙ

О работоспособности туркменских коней, их выносливости и боевых качествах говорится уже в античных и средневековых источниках. Туркменские кони обладали невероятной способностью к пробегам на дальние дистанции. Например, римский император Марк Аврелий Проб на своем "парфянском" коне проходил каждый день по 150 км в течение 10 дней.

Однако, выносливость – это не единственное качество туркменских коней. Туркменские сейисы учили жеребят усваивать различные команды, усиленно тренируя их в быстром беге с грузом на спине. “Их (туркмен. – О.Г.) методы тренировок, - писал в XIX в. англичанин Дж. Фрээр, - больше похожи на методы, которыми у нас тренируют борцов или же любителей альпинизма, чем скаковых лошадей... Среди туркмен является обычным делом обучать своих коней драться копытами и тем самым помогать своему хозяину во время боя или же по воле хозяина бросаться вперед и хватать зубами того, кто перед ним”.

Хорошо обученный туркменский конь уже сам по себе представлял большую опасность для врага, которого он теснил грудью, сбрасывал с седла, кусал, грыз, бил копытами.

В сложную выучку боевых туркменских коней входило и следующее: при падении всадника он останавливался возле хозяина и никого к нему не подпускал, продолжал волочить всадника на себе, когда тот имитировал смерть, ложился возле раненного наездника и помогал ему сесть в седло, выносил хозяина из боя, совершал всевозможные маневры – ложное отступление, окружение противника, укрывал хозяина от стрел и копий, становясь на дыбы и т.д. Видимо, к боевым качествам следует отнести и необычайную преданность хозяину, чуткость, отзывчивость, что играло немаловажную роль во взаимоотношениях всадника и коня.

Мощное оружие туркмен – конь – обеспечивал победы во многих сражениях. Именно благодаря своему коню, кавалерия предков туркмен и они сами были известны далеко за пределами своей Родины, славя свой народ.

O.GUNDOGDYYEV (TURKMENISTAN)

FIGHTING QUALITY OF TURKMEN HORSES

About the capacity for work of turkmen horses, their endurance and fighting quality is already written in Ancient and Middle Ages sources. Trained turkmen horse represented a great danger for enemy: he pressed the enemy by its breast, threw the rider off the saddle, bit and hoof. The horse covered its master from arrows and lances, lay down near wounded master and helped him to sit down on a saddle, perform different manoeuvres, could cover about 150 km path per day, without eating and drinking.

Ö. GÜNDOGDYÝEW (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMEN BEDEWLERINIŇ HARBY UKYBY

Türkmen bedewleriniň harby ukyby we çydamlylygy hakda gadym we orta asyrlardaky çeşmelerde gürrüň edilýär. Özüniň çydamlylygy, ýyndamlygy bilen göreni aňk eden türkmen bedewler kowsa ýetip, gaçsa gutulýandygy, kyn günde özüniň eyesini howpdan gorandygy, gerek bolsa agyz urup, townak salyp, birnäçe söweş emellerini başarandygy mälim. Bir günde 150 km ýoly suwsyz, ýýmitsiz geçip bilýändygy hem mälim.

КОНЬ В РАДЖПУТСКОЙ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В индийской традиционной социальной структуре раджпуты – особая группа каст, чьим наследственным профессиональным занятием считается выполнение воинских и управленческих обязанностей (“воины и правители”). Военное дело – также и религиозная обязанность раджпутов, которые признаются наследниками древних кшатриев, чья дхарма состоит в добывании средств к жизни военным делом, защита богов, брахманов, коров и святых мест. Раджпуты – этно-кастовая общность, т.е. общность, имеющая характеристические особенности и этнической, и кастовой одновременно.

Раджпуты сохранили очень своеобразную традиционную социальную организацию, которая является по сути родоплеменной, а не кастовой, что со всей очевидностью доказывает, что раджпуты стали кастовой общностью сравнительно поздно. В наши дни раджпуты составляют в кастовой системе особый слой каст, выше которого только брахманы.

Самый многочисленный и самый мобильный вид вооруженных сил у раджпутов составляла кавалерия. Раджпуты очень ценили и любили лошадей; они до сих пор умеют с ними обращаться, практически в каждой раджпутской усадьбе содержат лошадей. Конь для раджпута – не только предмет любви и заботы как боевой друг и помощник; он объект почитания в различных обрядах, связанных с военными традициями раджпутов. Кони и лошади в Индии всегда представляли большую ценность, но “культура лошади”, да и умение с ними обращаться, по большому счету, для Индии нехарактерны. У раджпутов дело обстояло иначе. Он прекрасно разбирались в лошадях и особенно высоко ценили иракских и среднеазиатских скакунов, которых называли соответственно “ираки” и “турки”. Раджпутские военнообязанные мужчины должны были иметь полностью вооруженного и экипированного коня, чтобы по первому зову своего клана и правителя иметь возможность выступить в военный поход. Более того, раджпутский воин считал невозможным для себя воевать “пешком”, только на коне. Раджпутский всадник был вооружен луком и стрелами, копьем, щитом и мечами (тальвар, сирокси и т.д.), кинжалами. Пехоты в раджпутском традиционном войске никогда не было; лишь гораздо позднее они стали нанимать представителей местных индийских племен, вооруженных луками и стрелами, пиками – чтобы те прикрывали фланги и защищали ноги боевых слонов, которых раджпуты тоже полюбили, но использовали только воины самого высокого ранга. В раджпутских поэмах, и вообще в средневековой индийской литературе, с большим вниманием к деталям описываются породы лошадей.

Боевые кони, как и слоны, должны были быть клеймены тавром владельца, чтобы было понятно, с чьей они стороны. Конь раджпутского воина всегда был защищен особыми доспехами: металлизированными попонами, кольчужными покрытиями, щитками и т.п. Коней в битве очень берегли – и не только потому, что это была действительно огромная материальная ценность.

Вершиной личной отваги считался кавалерийский прием спешивания “утара”.

В воспитании раджпутского воина огромное внимание уделялось умению ухаживать за конем, конной выезде, особым конным упражнением.

Когда раджпутский воин погибал в бою, на погребальный костер вместе с ним клали его меч, и иногда совершалось жертвоприношение коня. Часто и жена раджпутского воина совершала обряд сати.

A HORSE IN RAJPUTS MILITARY CULTURE

The Rajputs are said to be Kshatriyas of medieval and modern India, their caste duty and religious dharma being war and administration. Their origin is unclear. Tribes of Indo-Aryan stock and nomadic hordes of Central Asian origin can be definitely listed among their ethnical ancestors. These were Khasha, Yadava, Saka, Ephtalites, Gujara, etc. Having invaded into India from Central Asia as conquerors, these tribes were gradually absorbed into the Hindu world order, and henceforth became the main protectors of Indian land and its people in the time of war. The Rajput warrior is inseparably connected with his horse in his soldierly pursuits. Along with the sword and other weapons, the horse is also the main object of worship in Rajput martial rituals.

ÝE.N.USPENSKAYA (ORSYÝET)

RAJPUT HARBY MEDENIÝETINDE AT

Hindi durmuş gurluşynda rajputlar aýratyn bölüm bolup durýar. Olar harby we dolandyryş borçlaryny ýerine ýetiripdirler. Harby işler rajputlaryň dini borçlary hem bolupdyr. Häzirki günlerde rajputlar aýratyn gatlagy emele getirip, olardan diňe brahmanlar ýokarda durýar. Rajputlar Demirgazyk Hindistanyň ýaşajýlarydyr. Rajputlaryň ata-babalary göçüp-gonup ýaşapdyrlar, atlary, ýaýlary, peýkamlary bilen sähralyklara uýgunlaşypdyrlar. Olaryň harby durmuşy beýleki gündogar-eýran taýpalaryňky ýaly tebigydyr.

Rajputlaryň ýaragly güýçleriniň iň okgunly we iň köpsanly görnüşi kawaleriýa tutupdyr. Rajputlar öz atlaryny örän söýüpdiler, olara uly baha beripdirler. Olar häzire çenli ata seretmegiň aýratynlyklaryny bilýärler. Her bir rajput öýünde diýen ýaly at bardyr. At- rajput üçin diňe bir söýgi predmeti we söweşeň ýoldaş dälidir. Ol rajputlaryň harby däpleri bilen baglanyşykly dürli edim-gylymlaryň möhüm serişdesidir. Atlar Hindistanda hemişe uly gymmatlyga eýe bolupdyrlar, ýöne olara seretmeklik, seýislemeklik Hindistan üçin häsiýetli dälidir. Rajputlar Uzak we Orta Aziýa bedewlerine ýokary baha beripdirler, olary degişlilikde “yraklylar” ýa “türkler” diýip atlandyrypdyrlar. Rajput harby borçly erkek adamlary doly ýaraglanan we esbaplary bolan at edinmeli bolupdyrlar, sebäbi olar öz hökümdarlarynyň ilkinji çagyryşynda harby ýörişe çykmalydyr.

Rajput poemalarda, umuman orta asyr hindi edebiýatynda at tohumlaryny, lakamlaryny beýan etmäge uly üns berlipdir.

Söweş atlary edil piller ýaly alyjynyň taýpasynyň nyşany bilen tagmalanyppdyr, bu onuň kime degişlidigini düşnükli edipdir. Rajput esgeriniň aty mydama aýratyn üns bilen goralypdyr. Atlary söweşde örän gorap saklapdyrlar. Şahsy edermenligiň ýokary çägi “utara” diýlip atlandyrylýar. Söweşiň iň gyzgalaňly pursaty kawaleri-ýaýçylar çakganlaşýarlar, söweş ýerde dowam edýär. Hindi söweşijileri üçin utaranyň ýokary manysy, birinjiden özüň heläk bolsaň-da, atyň heläk etmezlikde, ikinjiden, esgeriň soňky borjuna ýerine ýetirmezden söweş meýdanyndan gaçmazlykda jemlenýär.

Haçanda rajput esgeri söweşde wepat bolanda, onuň bilen bilelikde gyljyny hem ýakypdyrlar, käwagt atyny gurban edipdirler. Rajput esgeriniň aýaly ýygy-ýygydan sati dessuryny amala aşyrypdyr.

ЗООМОРФНЫЕ ОСТРОКОНЕЧНИКИ ИЗ АМУНИЦИИ КОННОГО ДРУЖИННИКА ЕВРАЗИИ I ТЫС. Н.Э.

Среди археологических находок не так уж редко встречаются предметы, чье функциональное назначение с трудом поддается объяснению, а то и вовсе остается загадочным. К ним относятся тип изделий художественного ремесла из кости и рога. Его сужающийся конец более или менее заострен, а утолщенный туп покрыт орнаментом и с разной степенью стилизации представляет собой голову некоего животного с оскаленной пастью – волка, медведя, пантеры и др. Археологи условно называют эти артефакты остроконечниками. Они изготовлялись из тех частей скелетов охотничьих животных, что заострены и изогнуты самой природы. Ареал распространения подобных находок исключительно широк. Наибольшую концентрацию подобных находок дают ареалы салтово-маяцкой культуры, экспансии викингов и “племенных княжений” восточных славян, включая Русь. Попытки истолковать предназначения данных предметов в археологической литературе крайне разноречивы и при ближайшем рассмотрении в большинстве своем мало правдоподобны. Нельзя исключать их полифункциональности или изменения их предназначения от периода к периоду, от одного региона к другому. Судя по облику и следам применения на их поверхности, по положению в трупоположениях и по находкам в жилой зоне поселений, перед нами несомненно бытовые орудия, которое использовали достаточно широкие слои населения в своей повседневной жизни. Декор остроконечников ясно говорит о том, что везде с ними одновременно связывались и некие религиозно-идеологические представления. Самые распространенные в декоре остроконечников мотив змея-дракона обусловлен самой природной формой, моделирующей изгиб пресмыкающегося. Угасание моды на ношение остроконечников совпадает с переходом от так называемой дружинной государственности к феодализирующимся обществам с четкой вертикалью власти и соответствующих ей рангов социального престижа. Символ змея-дракона, и иного зверя-патрона богатыря угасает вместе с подчинением претендентов на богатырство военной дисциплине регулярной армий.

S.P. SCHAVELEV (RUSSIA)

TIPS OF HORSE WARRIOR OF EURASIA IN I MILLENNIUM A.D.

There are a lot of articles among archaeological ones, the functions and applications of which is too difficult to explain. The tip refers to them. Their narrowing is sharpened and thick part of it is covered with ornament representing a head of animal with bared mouth of wolf, bear and fish or snake mostly. The tips were made of those parts of predator's skeletons which sharpened and curved by nature. The spreading area of such finds is wide.

B.E.ÖŇ I MÜŇÝLLYKDA ATLY GORAGÇYNYŇ ÝITI UÇLY ZATLARY

Arheologik tapyndylarda gabat gelýän zatlar, olaryň hyzmaty we nämä niýetlenenligi käwagt kynlyk bilen aňlanylýar. Muňa uçly zat hem degişlidir. Onuň inçe ujy ýitilenen bolup, ýogyn bölegi bolsa haýwanlaryň, kellesi bilen nagyşlanyp, aýratynam agzy, köplenç, balygyň ýa-da ýylanyň şekili çekilipdir. Ýiti uçly zatlary aw edilen haýwanlaryň süňklerinden edilip, olar tebigat tarapyndan ýonulypdyr we egredilipdir. Şeýle tapyndylaryň ýaýraýyş gerimi giň.

AHAL-TEKE ATY HEM TÜRKMEN MEDENIÝETI

Beýik Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşyň önde durup, ýol görkezmeği bilen gazanylan Garaşsyzlyk türkmen halkynyň maňlaýyndan ak gün bolup dogdy. Garaşsyzlyk türkmen halkyna aslyna guwanç bilen ser salmaga, ady asyrlaryň gatyna altyn harplar bilen ýazylan pederlerimiziň adyny dikeltmäge, deňi-taýy bolmadyk milli medeni mirasyny, däp-dessurlaryny täzedan dikeltmäge bahasyna ýetip bolmajak mümkinçiligi döretdi. Pederlerimiziň bize elýetmez baýlyk hökmünde miras galdyran zatlarynyň biri-de gamyşgulak ahal-teke bedewlerimizdir. Beýik Garaşsyzlyk ahal-teke bedewleriniň hem alnyndan halasgär bolup diredi. Bu bedewlere ne patyşa Russiýasy zamanasynda, ne-de diýdimzor kommunistleriň hökmürowanlygy zamanasynda mynasyp baha berildi. Meselem, XIX –asyrda dünýä belli “Granat” sözlüginde ahal-teke atlary barada gelip çykyşy arap atlaryndan bolan ýerli atlaryň tohumy dýen maglumat berilýärdi.

Emma ahal-teke atlarynyň öz kökünü has gadymky döwürlerden alyp gaýdýandygyny taryhyň gatlary subut edýändir. Taryhçylar türkmenleriň hiç kimiňkä meňzemeýän atlary barada ýazyp geçipdirler.

Emma ahalteke atlary özme mynasyp orny diňe Beýik Saparmyrat Türkmenbaşyň zamanysynda eýelemegi başardylar. Çünki, Sarpaly Serdarymyz döwletimize ýolbaşçy bolan ilkinji gymlerinden başlap beýleki taryhy-medeni gymmatlyklarymyz bilen bir hatarda ahalteke atlarynyň hem ýakynadan aladasy ny edip başlady. Şeýlelik bilen, ahalteke bedewleri doly ýitip gitme howpundan halas boldular. Atşynaslar bolsa öz köklerini gadymlardan alyp gaýdyp, ir wagtda dünýä belli bolan, soňky wagtlarda bolsa ýitere ýakynlan tohum ugurlaryny täzedan dikeltmäge mümkinçilik we goldaw aldylar.

Ahal-teke atlarynyň gelip çykyşynyň taryhynyň çuňňur gatlaklaryna siňip gidýändigini bilen birlikde, bu atlaryň türkmeniň durmuşynda, medeniýetinde galdyran yzlary hem örän çuňňurdyr. Türkmen halky öz ýigitlerini “Atym bar – ganatym bar”, “Ýigidiň bolmasa ýaragy – aty, ony belli bilniň ýokdur gaýraty”, “ At gazanan goç ýigidiň owal bedew aty gerek” diýen pähimlere eýläp terbiýeläpdir.

Gahrymançylyk häsiýetdäki eserleriň – isle ol halk döredijiligi bolsun, isle-de awtorly eser – atyň obrazy ýoguna duş gelmek örän çetindir. Köplenç eseriň baş gahrymanynyň ýoldaşy, esasy kömekçisi aty edilip görkezilýändir.

Türkmenleriň durmuşynda atyň kultunyň näderejede ýokarydygyny diňe çeper eserleriň mysalynda däl-de, eýsem elimizde bar bolan jemgyýetçilik-syýasy häsiýetdäki taryhy tekstleriň üsti bilen hem subut etmek bolýar.

Mukaddes “Ruhnamada” Sarpaly Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy at barada şeýle diýýär: “At-Göroglynyň döwleti, eýer onuň tagty”. Göroglyny bolsa Beýik Serdarymyz türkmen halkynyň bagtyna goja zeminiň özüniň dogran şahsyýeti diýip atlandyrýar. Diýmek, eger-de Görogly türkmeniň halasgäri bolsa, at bolsa onuň döwleti bolsa-onda atsyz türkmeniň taryhyny hem medeniýetini hem durmuşyny hem, döwletliligini hem göz önüne getirmek kyn bolardy. Hut şol sebäpden hem, Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşyň paýhasy bilen dörän türkmeniň döwletliliginiň nyşanlarynyň biri bolan Döwlet Gerbimiziň merkezinde atyň ýerleşdirilmesi tebigy zatdyr. Şol atyň sarpasy Belent Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşyň Ýanardag diýen atynyň bolmasy bolsa Türkmen döwletiniň

parasatly we gaýratly adamynyň elindedigini, Döwletiň , Halkyň, Watanyň, Türkmenbaşynyň bir bütewilikdiginiň ýene-de bir subutnamasydyr.

Р.В ОДЕКОВ. (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ)

АХАЛТЕКИНЕЦ И ТУРКМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Обретенная Туркменистаном в 1991 году, под руководством нашего Сердара Сапармурата Туркменбаши Великого, Независимость стала подлинным спасительным кругом и для ахалтекинских коней. Ахалтекинское коневодство получило мощный импульс для своего развития.

Но проявлять заботу об этом подлинно великолепном творении природы, как и о многих других культурно-исторических ценностях туркменского народа, наш Сердар начал еще раньше, с того дня, когда он возглавил Туркменистан.

Образ ахалтекинского коня присутствует во многих произведениях как народного творчества, так и туркменских писателей и поэтов.

Это говорит о том, как высоко ценил туркменский народ своего ближайшего друга и помощника, какое высокое место занимали ахалтекинские кони в системе его культурно исторических ценностей .

Именно поэтому, по предложению Сапармурата Туркменбаши Великого в центре одного из символов государственности Туркменистана – гербе государства помещено изображение ахалтекинского коня. А то, что это изображение любимого ахалтекинца многоуважаемого нашего Сердара Сапармурата Туркменбаши Великого – Янардага свидетельствует о единстве Туркменского Государства, Народа, Родины, Туркменбаши.

R.V.ODEKOV (TURKMENISTAN)

АХАЛТЕКЕ HORSE AND TURKMEN CULTURE

The Akhal-Teke Horses have become protected since Turkmenistan gained independence in 1991 under the leadership of our Serdar Saparmurat Turkmenbashy the Great. Akhal-Teke horse-breeding has got a strong impulse for its development.

But our Serdar began taking care of this really magnificent creature of nature as of many other cultural and historical values of Turkmen nation long before he headed the Turkmen State.

The image of the Akhal-Teke horse can be found in many works of turkmen folk art and turkmen writers and poets.

This is the evidence of the fact that the turkmen people has always highly esteemed its close friend and male and that the Akhal-Teke horses have always been of great significance in the system of cultural and historical Values of Turkmen nation.

It is for reason that Saparmurat Turkmenbashy the Great has proposed placing the picture of Akhal-Teke horse in the center of the National Emblem of Turkmenistan.

The unity of the Turkmen State, Nation, Motherland and Turkmenbashy is symbolized by the picture of the favourite Akhal-Teke horse - Yanardag by name - of our Serdar Saparmurat Turkmenbashy the Great.

ТУРКМЕНСКИЙ АРГАМАК ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Тема туркменского коня постоянно присутствует в материалах русских путешественников и исследователей Туркменистана. В путевых заметках Муравьева, Д. Логофета, И. Яворского, Н. Гродекова, А. Куропаткина и других отмечается красота, выносливость ахалтекинцев, исследуется отношение туркмен к лошади.

Отчеты о полевых поездках офицеров русской армии содержат помимо прочего интересные описания роли коня в повседневной жизни туркмен. Эти архивные материалы недавно стали доступны для историков и представляют особый интерес. К ним относятся, например, «Поездка князя М. Долгорукого в Бухарское ханство и Туркменскую степь для покупки там 6 жеребцов», а также «Заметка о преимуществах употребления под седло ахалтекинских лошадей против других пород, идущих под офицерское седло в нашей кавалерии.»

Малоисследованным аспектом остается освещение вопроса коневодства в Туркменистане российской прессой конца XIX – начала XX вв. Между тем, даже беглый обзор данной проблемы говорит о наличии 20-30 статей и сообщений на эту тему. Так, популярный в России журнал «Коннозаводство и коневодство» уделял большое внимание туркменским лошадям. Материал на эту тему содержится в публикациях: «Заметки о лошадях Туркестана», «К вопросу об улучшении лошадей Туркестанского края», «Скачки в Трухменской ставке», «Заметки о коневодстве в Туркестанском крае».

Выдающиеся качества ахалтекинца отмечаются также другими российскими изданиями: «Журнал коннозаводства», «Коннозаводство и спорт», «Конский спорт», «Конское дело», «Известия Комиссии по изучению рысистого коннозаводства».

Подробное описание состояния дел по коневодству в Закаспийском крае можно найти на страницах «Туркестанской газеты», «Туркестанской военной газеты», «Туркестанских ведомостей». Выходящие в Асхабаде в тот период газеты («Среднеазиатский курьер», «Асхабадский вестник», «Закаспийское обозрение», «Асхабадский листок», «Военная газета», «Асхабад») и журналы («Скорпион», «Вестник Среднеазиатской железной дороги»), безусловно, содержали подробный материал о коневодстве и заслуживают отдельного изучения.

Малоизвестные факты изучения туркменского аргамака в России свидетельствуют о неизменном интересе передовой российской науки к этому удивительному представителю животного мира.

A. KOLESNIKOV (RUSSIA)

THE TURKMEN AGRAMAK ON MATERIALS OF RUSSIAN TRAVELERS AND THE RUSSIAN PERIODIC (19TH – BEGINNING OF 20TH)

The subject of Turkmen horse is always present in the materials of the Russian travelers and the researchers of Turkmenistan. The beauty and resistance of akhalteke, the researched attitudes of Turkmen to the horses, are mentioned in the travel notes of Muravyeva, D. Lagofet, I. Yavorski, N. Grodyakova, A. Kuropatkina and others.

The reports of military trips of the Russian army contain interesting descriptions of roles of horses in daily lives of Turkmen. The popular magazine in Russia "The horse plant and a horse breeding" had paid a great attention to horses of Turkmen.

More of that, the outstanding features of akhalteke horses are pointed out by other Russian publications as well, as such: "The magazine of Horse Breeding", "The horse plant and the sport", "The Horse Sport" and etc.

The exact description of conditions of horse breeding related affairs in the Zakaspien Region, can be discovered on pages of "Turkmenistanian newspaper", "Turkmenistan military newspaper", "The Turkmenistan Department". Meantime the newspapers published in Shabbat ("Central Asian Courier", "The Shabbat news", "The Transpian Explore", "The Ashgabat list", "The military newspaper", "Ashgabat") and the magazines ("The Scorpion", "The news of Central Asian Railway") no doubt, that contained such information about the horse breeding and deserves an especial studying.

A.KOLESNIKOW (ORSYÝET)

RUS SYÝAHATÇYLARYNYŇ WE ORSYÝET DÖWÜRLEÝIN METBUGATYNYŇ MAGLUMATLARYNDA TÜRKMEN ARGAMAGY (XIX ASYRYŇ AHYRY – XX ASYRYŇ BAŞY)

Türkmenistanyň rus syýahatçylarynyň we barlagçylarynyň maglumatlarynda türkmen atynyň temasy hemişe bardyr. Murawýoyň, D. Lagofetiň, I. Ýaworskiniň, N. Grodýakowyň, A. Kuropatkiniň ýol ýazgylarynda ahalteke atlarynyň çydamlylygy bellenýär, türkmenleriň atlara bolan garaýşy derňelýär.

Rus goşunynyň harby ýolbaşçylarynyň ýörişleriniň hasabatlarynda hem türkmenleriň gündelik durmuşynda atyň tutýan orny hakda gyzykly beýan edilýär. Orsyýetde belli bolan „Atlary ösdürip köpeltmek we atçylyk“ žurnaly türkmen atlaryna uly üns berýärdi. „Türküstan atlary hakyndaky ýazdylar“, „Türküstan ülkesiniň atlarynyň tohumlaryny gowulandyrmak barada“ we başga makalalar bu tema degişli maglumatlary öz içine alýar.

„Atlary ösdürip köpeltmek žurnaly“, „Atlary ösdürip köpeltmek we sport“, „Atçylyk we sport“, „Gorgunly atlary ösdürip köpeltmegi öwrenmek boýunça iş toparynyň habarlary“ atly Orsyýet neşirlerinde hem ahalteke atynyň ajaýyp häsiýetleri barada bellenýär.

Zakaspi ülkesinde atçylygyň alnyp barlyşynyň ýagdaýy barada jikme-jik maglumatlary „Türküstan gazetiniň“, „Türküstan harby gazetiniň“, „Türküstan döwürleýin neşirleriniň“ sahypalarynda tapmak bolar. Şol döwürde Ashabatda çykýan („Orta Aziýa çapary“, „Aşgabat habarlary“, „Zakaspidäki ýagdaýa syn“, „Aşgabat kagyžçasy“, „Harby gazetini“, „Ashabat“) gazetleri we („Içýan“, „Orta Aziýa demir ýolunyň habarlary“) žurnallary atçylyk baradaky jikme-jik maglumatlary öz içine alýardy we olar aýratyn öwrenilmäge degişlidir.

Orsyýetde türkmen argamagyňy öwrenmegiň köplere mälim däl faktlary haýwanat dünýäsiniň şu täsin wekiline öňde baryjy Orsyýet ylmynyň hemişe ähmiýet berýänligine şaýatlyk edýär.

ВОПРОСЫ КОНЕВОДСТВА В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «АСХАБАД»)

Местная периодическая печать является одним из первоисточников для изучения истории края. Газета «Асхабад» стала выходить с января 1899 года и просуществовала до 1918 года. Она была вестником литературы, политики, торговли, промышленности и местной общественной жизни.

Материалы, затрагивающие вопросы коневодства, печатаются в разных рубриках газеты и представлены либо в виде официальных сообщений, либо в виде отзывов на подобные сообщения знатоков и любителей лошадей. Официальная хроника освещает деятельность администрации Закаспийской области в этом направлении. Русская администрация считала дело коневодства дорогим, но одним из самых важных в области. В этой связи газета информирует своих читателей о том, что планируется организация в Асхабаде конного завода и учреждение выставок лучших пород лошадей с выдачей премий.

Сведения о продаже лошадей содержит торговая рубрика. В ней находим сообщение: «Хороших лошадей на базары не выводят, цена на них высока». Есть информация о странах, в которых туркменские лошади особенно ценились, куда их вывозили для продажи.

Большой интерес представляют статьи, автор которых подписывается как «Любитель». «Любитель» поддерживает идею создания конского завода для поддержания породы ахалтекинских лошадей и считает делом первостепенной важности изучение традиций туркменского коневодства. Ценны личные наблюдения и выводы автора, которыми он делится с читателями. Так, например, «Любитель» отмечает, что «в прежние времена хорошая лошадь составляла для туркмена такую же потребность, как и хлеб насущный».

N.ALEXANIANS (TURKMENISTAN)

THE QUESTIONS OF A HORSE BREEDING IN THE TRASCASPIAN REGION (BASING ON MATERIALS OF "ASHGABAT" NEWSPAPER)

The local periodic publications is one of the first sources of learning the history of the region. The "Ashgabat" newspaper had began to get published in 1899 and existed till 1911. It used to be the daily news of literature, politics, trade, industry and of local community lives. The materials about the horse breeding were published in different headings, consequently the Russian administration considered the horse breeding issues to be one of the most essential in fields. The newspaper informs its auditory about the horse plant organized in Ashgabat, about the horse advertisements and horse races.

The great interest presented by articles of experts and entertainers in which they describe different kinds of horses and the traditions of horse breeding process.

ZAKASPY OBLASTYNYDA ATŞYNASLYGYŇ MESELELERI ("ASHABAT" GAZETINIŇ MATERIALLARY BOÝUNÇA)

Ýerli metbugat ölkäniň taryhyny öwrenmek üçin ilkinji çeşmeleriň biridir. "Ashabat" gazetini 1989-njy ýylyň ýanwaryndan çykyp başlap, 1918-nji ýyla çenli çykmasyny dowam etdirdi. Ol edebiyaty, syýasaty, söwdany, senagaty we ýerli jemgyýetçilik durmuşyny şöhlelendirýän güdelik gazet bolupdyr. Atşynaslyk baradaky materiallar aýry-aýry rubrikalarda çap edilýär. Rus administrasiýasy atşynaslyk işini oblata iň wajyp işleriň biri hasaplapdyr. Gazet öz okyjylaryna Aşgabatda atçylyk zawodynyň açylyşy barada atlaryň sergisi we at çapuşyklary barada maglumat berýär. Atşynaslaryň we söýüjileriň makalalary uly gyzyklanma bilen kabul edilipdir. Ol makalalarda atlaryň aýry-aýry tohumlaryny we atşynaslygyň ýerli döp-dessurlary barada habar berilýär.

A.ХИСМАТУЛИН (РОССИЯ)

ОБ АХАЛТЕКИНЦАХ НА ИМПЕРАТОРСКОМ КЛАДБИЩЕ ЛОШАДЕЙ В САНКТ – ПЕТЕРБУРГЕ

Редко где в мире можно найти созданные человеком кладбища крупных животных, если, конечно, не учитывать целевые могильники, возникшие в результате эпидемий, которые в последнее время поражают домашних животных и крупный рогатый скот. Обычно крупные животные, не доживая до естественной смерти, заканчивают свой век на скотобойне.

Три года назад археологической группой музея «Царское село» под руководством Екатерины Туровой были предприняты раскопки в заброшенной части Александровского сада в Царском селе под Санкт-Петербургом. Там в свое время было действующее Императорское кладбище лошадей. Как выяснилось в результате раскопок и кропотливой архивной работы, первое захоронение на кладбище датируется 1834 г. в правление Российского императора Николая I. На сегодняшний день установлено, что общее количество захоронений колеблется вокруг 120 могил.

В ходе работ исследователи столкнулись с многочисленными вопросами, ответы на которые можно получить только в архивах. В частности, на сохранившихся и восстановленных реставраторами могильных плитах выгравированы только клички лошадей, их масти и даты захоронения. Уже известно, что на кладбище попадали только скаковые лошади, то есть те, на которых российские государи ездили верхом. Лошадей, запрягавшихся в экипажи и кареты, на кладбище нет. По-видимому, особо понравившиеся императору и императрице скаковые лошади с возрастом получали пансион и доживали свой век на Императорской конюшне, откуда попадали на кладбище. Скорее всего, / принципом отбора для пансиона служили именно личные симпатии царских особ.

Однако, мы знаем, что существует категория так называемых царских подарков. Особенно это характерно для многовековой восточной культуры. Так, например, на мусульманском Востоке к категории царских подарков всегда относились халат, клинок (или любое другое оружие) и скаковая (верховая) лошадь. Если халат ценился материалом и убранством, а клинок - сталью и отделкой, то царская лошадь всегда ценилась своей породой и мастью. Самой известной породой скаковых (верховых) лошадей на Востоке, в частности в Центральной Азии, был ахалтекинец. Следовательно, если иметь в виду

царский подарок, или подарок царю из этого региона, то им мог быть только ахалтекинец.

Архивными исследованиями установлено, что Александру II были подарены, как минимум, две лошади с мусульманского Востока, одна от хивинского хана, другая от бухарского. Обе они попали на Императорское кладбище лошадей в Царском селе. Пока не выяснено, были ли эти лошади действительно ахалтекинцами, но вероятность этого допущения весьма велика. Работа с архивными материалами и с реестром Императорской конюшни возможно даст дополнительную информацию о поступлениях и породах лошадей, содержащихся в ней.

Известно, что для археологии 3 года раскопок это не срок, поэтому, можно сказать, что работа только начинается. Тем не менее, уже принято решение о восстановлении Императорского кладбища, как памятника российской истории.

A. HISMATULIN (RUSSIA)

ON AKHAL-TEKE HORSES BURIED IN THE EMPEROR CEMETERY OF HORSES IN SANKT-PETERSBURG

Barrows of ancient Sogda, dated by centuries II-I AD were the places of burial of cavalry soldiers, whose skeletons were placed in characteristics "poses of cavalry soldiers". These poses of skeletons are similar to these found in burials in tombs of Central Asia and adjacent territories, inhabited by Sarmat Tribes. The data provided by archaeological sources and ethnographic developments serve as a stable basis for suppositions made by the author about belonging of the group of burials under study to cavalry soldiers not only of Sogda but of Eurasia steppes as well.

A.HISMATULIN (ORSYÝET)

SANKT-PETERBURGYŇ ATLARYŇ IMPERATORLYK MAZARYSTANLYGYNDAKY AHAL-TEKE ATLARY DOGRUSYNDA

Üç ýyl mundan öň "Şa obasy" muzeýiniň arheologik topary bilen Sankt-Peterburgyň aşagyndaky Şa obasyndaky Aleksandr bagynyň taşlanan böleginde, ýagny öň işlän atlaryň imperatorlyk mazarystanlygynda gazyp-agtaryş işleri edildi.

Mazarystanlykdaky ilkinji jaýlanşyk 1834-nji ýyl bilen belleniýär. Häzirki gün jaýlanmalaryň umumy mukdarynyň 120 mazar töweregidigi bellemek bolar.

Imperatora (imperator aýala) aýratyn ýaraýan çapylýan atlar doly üpjünçilikde bolupdyrlar we öz asyrynda olar mazarystanlyga çenli bütin ömrüni imperator atýatagynda geçiripdirler.

Patyşa sowgatlary diýip atlandyrylýan kategoriýalar hem bar. Bu Gündogar medeniýetine aýratyn mahsus häsiýetdir.

Ahal-teke atlary gündogarda çapylýan atlaryň has belli tohumy bolup durýar. Eger şu ýaýladan patyşa sowgat göz önünde tutulsa, onda olara diňe ahal-teke atlary berlipdir.

Aleksandr II-ä gündogaryň musulmanlaryndan pesinden iki at sowgat edilipdir. Olaryň ikisi hem atlaryň imperatorlyk mazarystanlygyna düşüpdür. Bu atlar ahal-teke atlary diýip çak edilýär.

TÜRKMEN ATŞYNASLYGYNÝŇ TARYHY ARHIW RESMINAMALARYNDA

Türkmenistanyň merkezi döwlet arhiwindäki (tmda) resminamalar beýleki gymmatly we täsin maglumatlar bilen bir hatarda tüýs milli buýsanjymyz – türkmen elden-günden gorap, asyrlardan aşyryp biziň günlerimize ýetiren arassa ganly, täsin tohum atynyň – ajaýypdan-näzik owadan, duýgur, ýüwrik, batyr, mähriban, gaçsa gutulýan, kowsa ýetýän ahal teke bedewiniň taryhyny hem öz gatlarynda saklap galypdy. Bu resminamalaryň bahasyna ýetme ýokdur.

1885-nji ýylda Zakaspiý oblastynyň naçalnigi Zakaspiý oblastinda atçylygyň düzümini gowulandyrmagyň usulyny öwrenmek üçin iş toparyny belleýär. Şol iş toparynyň maglumatynda „Zakaspiý oblastiňdaky türkmen taýpalarynyň arasynda-da, onuň bilen goňşylykda – Hywada, Buharada, Owganystanda we Eýranda ýaşayan türkmenleriň arasynda-da arassa ganlylygyň ähli alamatlaryny özünde saklan atlaryň aýratyn bir görnüşiniň ..., Turanda, megerem iňňän gadyndan, arap eýýäminden hem has ozal bar bolan düýbinden aýratyn görnüşiniň ösdürilip ýetişdirlendiginiň we häzire çenli hem atlaryň şol görnüşiniň bardygynyň gürrüňsizdigi” belleniýär.

Atşynaslary ylaýta-da tohum ahalteke atynyň tüýs bedewe mynasyp bolan alamatlary haýran galdyrypdy. Ol: „satanlak... boýny uzyn, göýä jereniňki kimin, kellesi kiçijek, maňlaýy giň, gözleri uly, ýanyp dur, beden gurluşy ajaýyp..., hamynyň näzikligini söz bilen beýan eder ýaly däl, at asuda durka-da onuň her-bir damary hamynyň astyndan bildirip dur”.

Iş topary: „Atlaryň ... asyrlaryň dowamynda ösdürilip ýetişdirilip gelnen, asyrlaryň dowamynda Türkmen topragyna uýgunlaşdyrylyp gelnen... ahalteke tohumy bar... ol atlaryň beýleki arassa ganly tohumlaryndan gaýra dur diýýär...” diýen netijä gelýär.

TMDA-nyň at sergilerinde türkmen atlaryny gören atşynaslaryň bedewlerimize beren bahasy baradaky maglumatlary saklaýan resminamalary hem gyzyklydyr. Patyşa dolandyryşy tarapyndan 1899-njy ýylda Köşüde döredilen Oblast döwlet athanasy soňra atlaryň iň gowy nesil şejerelerini beren Boýnaw, Porhan, Potaguly, Mergen ýaly ajaýyp tohum atlary satyn alyp, höwre goýýar. Tohum atlaryň 1900-nji ýylyň 13-nji maýynda Aşgabatda geçirilen sergisinde sylaga mynasyp bolan 14 atyň 8-si (Boýnaw, Alaman baý, Baba baý, Apbas şyh we beýlekiler), döwlet athanasynda ösdürilip ýetişdirilen bedewlerdi.

Ahalteke atlarynyň Türkmenistanyň çäginde daşarda geçirilen sergilere gatnaşyşy baradaky resminamalar hem görnükli orun tutýar. 1909-njy ýylda Daşkentde geçirilen sergide ahalteke aty ilkinji gezek görkezilip, hemmäni haýrana goýýar we yokary sylaglary alýar. Ol 1912-nji ýylda Pýatigorskide geçirilen okrug sergisine, 1913-nji ýylda bolsa Kiýewde geçirilen sergä gatnaşýar. Sergileriň ikisinde-de „... ahalteke atlary diňe bir öz tomaşaçylarymyzyňdyr atşynaslarymyzyň däl-de, daşary ýurtlylaryň hem göz giderlik hem-de juda seýrek gabat gelýän üns bermesine mynasyp boldy. Ýörite ahalteke atlaryny görmek üçin Kiýewe başga döwletlerden geldiler” – diýip maglumat bar.

Arhiw resminamalary ahalteke atyny ýönekeýligi, çydamlylygy, eýesine wepalylygy barada jikme-jik gürrüň berýärler. 82 günde Moskwa baran türkmen bedewleriniň üýtgeşikligini ýene-de bir gezek subut eden 1935-nji ýylyň Aşgabat-Moskwa meşhur atly ýörişi şaýadydyr.

1987-nji ýylda geçirilen Aşgabat-Guşgy atly ýörişinde türkmen atlylary 1 500 km aralygy 23 günde, 1988-nji ýylda bolsa Aşgabatdan Moskwa çenli 3 850 km aralygy 62 günde

geçdiler.

Türkmenistanyň Garaşsyzlygy ýyllarynda atçylygy ösdürmäge uly üns berildi. Türkmenistanyň Prezidenti Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň aýdysy ýaly, dünýäde iň ajaýyp atlary bolan ýurt özüniň guwanjy barada bilmelidir.

„Gerbimizde orun beren atlarymyz diňe bir biziň milli buýsanjymyz däldir. Bedew aty türkmeniň taryhydyr... ol meniň halkymyň päkligidir, halallygydyr, tutanýerliligidir, beýik derejesidir” – diýip, Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy belleýär.

Apreliň soňky ýekşenbesinde milli baýramçylygy – Türkmen bedewiniň baýramyny bellemek hakynda Perman çykaryp Türkmenistanyň Prezidenti Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy diňe bir arassa ganly ahalteke atynyň ýitip gitmeginiň önüni alman, eýsem arassa ahalteke atyny ösdürip ýetişdirmäge hem-de köpeltmäge hojalyklara, guramalara, hususy adamlara giň mümkinçilik berdi.

O. ПОЛАДОВА, Г. ПИРЛЕКОВА
(ТУРКМЕНИСТАН)

ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОГО КОНЕВОДСТВА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ) - крупнейшее хранилище памятников культуры - документальных источников по истории туркменского народа.

В 1895 году начальником Закаспийской области назначается комиссия по изучению «способа улучшения конского состава Закаспийской области». В центральном государственном архиве хранится «Доклад ...» этой комиссии, датируемый от 24 июня 1896 г., в котором приводятся интересные сведения о местных, туркменских чистокровных лошадях и о «желательном их разведении в области». Комиссия сделала вывод: «существует порода лошади ахалтекинская..., веками акклиматизированная для туркменской земли..., она вне конкурса с другими чистокровными породами лошадей...»

Значительный интерес представляют документы ЦГАТ, отражающих впечатления знатоков, увидевших туркменских скакунов на конных выставках. Созданная царской администрацией в 1899 году в Кеши Областная государственная конюшня пробрела выдающихся по качествам жеребцов Бойнау, Порхан, Пота-Кули, Мерген, давшие впоследствии лучшие породные линии потомства. Государственная конюшня 13 мая 1900 году представила на Асхабадскую выставку жеребцов, 8 из 14 премиранных, состояли в областной конюшне.

Заметное место занимают материалы об участии ахалтекинских лошадей на различных выставках за пределами Туркменистана.

O.POLADOVA, G.PIRLEKOVA (TURKMENISTAN)

THE HISTORY OF TURKMEN HORSE-BREEDING IN ARCHIVAL DEPOSITORIES

The Central State Archives of Turkmenistan is the largest storehouse of cultural manuscripts - documentary sources on history of Turkmen from the 70-ies of the XIX c. up today.

In 1895 the Commander of Caspian Region appointed the Committee on “Investigation of improving methods for horses Caspian region”. There is “The Report” of this Commit-

tee in the Central State Archives dated June,24,1896, where you can find an interesting information on Turkmen thoroughbred horses and their breeding. The Committee concluded that "there is an Akhal-Teke breed, it is the established and fertile breed on the Turkmen land;... this horse is, undoubtedly, beyond comparison".

Documents, reflecting connoisseurs' impressions, seeing Turkmen horses on horse exhibition are of great interest. Created by Tsar administration in 1899 in Koshi, the Region state stable got the best stud-horses of Boynau, Porhan, Pota-Kuli and Mergen, which assisted in thoroughbred breeding of these horses. The State Stable presented stud-horses to the Ashgabat exhibition on the May 13, 1900; 8 of 14 are prized ones from such Region stables as (Boynau, Alamanbay, Baba-bay, Abbas-Shih). There are references on horses, a list of thoroughbred mares and stud-horses and their interesting documents in the Central State Archives.

The participation of Akhal-Teke horses in different international and national exhibitions is of great importance. Thus, the first Akhal-Teke horse was exhibited in 1909 on the agricultural exhibition in Tashkent, where it created a furore and got great awards and diplomas. In 1912 our Akhal-Teke horses participated in Regional Horse Exhibition in Pyatigorsk and 1913- in Kiyev.

On both exhibitions our horses attracted not only national connoisseurs' attention and foreign ones too. There are detailed documents, proving the beauty, staying power and faithfulness of Akhal-Teke horses in the State Archives. The legendary horse-race Ashgabat-Moscow in 1935 is the evidence of it, which again has demonstrated the best qualities of Turkmen horses. Our horses have reached Moscow for 82 days. In 1987 our Turkmen riders reached 1,500 km for 23 days, participating in Ashgabat-Kushka race, and in 1988-they covered the distance of 3830 km from Ashgabat to Moscow for 62 days.

During the years of Independence, Turkmenistan pays a great attention to the development of horse-breeding. Our President Saparmurat Turkmenbasy has stated that the country, possessing the best horses in the world should know a lot about its pride.

The horse on our Emblem is not only our pride. It is also our Turkmen history. It symbolizes honesty, persistency and great achievements of Turkmen nation - as our President marked.

Having created a Decree on celebrating the National Day - The Day of Turkmen Rider on the last Sunday in April, our President - Saparmurat Turkmenbasy not only prevented the disappearance of Akhal-Teke horses, but also promoted in developing Akhal-Teke thoroughbred horses.

А. А. СВИРИДОВ (РОССИЯ)

КОНЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

В Японии лошадь очень широко использовалась в военном деле. «Бадзюцу» («искусство верховой езды») было одним из обязательных видов воинских искусств для высших рангов самурайства. Как символ принадлежности к военному делу, конь даже стал изображаться на гербе одного из самурайских кланов - Хирано.

Именно эта принадлежность, по-видимому, и привела к широкому распространению коня как детской игрушки для мальчиков. В середине 80-х годов XX века в МАЭ поступила из Национального музея Осака коллекция игрушек для детских праздников. За №46 в ней числится игрушка - конь. Это очень стилизованное изображение животного, но почти в полном комплекте парадной амуниции.

Самое красивое и крупное изображение коня - игрушки поступило в МАЭ от

цесаревича Николая Александровича. Во время своего путешествия вокруг Азии цесаревич провел несколько недель в Японии. Этот экспонат представляет собой изображение коня белой масти, из дерева и папье-маше. Грива и хвост сделаны из бело-серого конского волоса.

Можно сказать, что став в древности символом мужества, воинского искусства и доблести, конь в современной Японии сохраняет эту символику и как любимая детская игрушка.

A.A.SVIRIDOV (RUSSIA)

THE HORSE FROM THE COLLECTION OF CESAREVICH (CROWN PRINCE IN TSARIST RUSSIA) NIKOLAI ALEXANDROVICH

The horse is widely used in Military affairs in Japan. "Badeitsu" (the art of horse riding) was one of the obligatory types (kinds) of war art for high ranks of samurai.

In middle ages on the plains of Kanto a special holiday was held-catching of wild horses. This war they filled their stables with battle horses, and it enabled the prince to find out the best riders. Later this tradition turned into synthoist holiday-"namaoi" (field manours of horse cavalry).

Samurai battle horse-small and hardy breed of horses-had the whole set of battle ammunition "bagu".

As a symbol of belonging to war affair the horse even became the emblem of one of the samurai clans-Hirano. Probably, this belonging brought the horse fame as a toy for boys.

The largest and the most beautiful picture of a toy horse was brought to M.A.E. from cesarevich Nikolai Alexandrovich, who during his tour around Asia in 1891 spent a free weeks in Japan. This exhibit under № 312-91 is the picture of the horse of white breed, which was made of wood and papier-mâché.

One can say that the horse was the symbol of courage, military art, and valour in the early times, and now in Japan the horse remains this symbol and children's favourite toy.

A.A.SWIRIDOW (ORSYËT)

ŞAZADA NIKOLAÝ ALEKSANDROWIÇIŇ ATLARYNDAN BIR AT

Ýaponiýada harby maksatlar üçin atlar giňden ulanylypdyr. "Badeýusu" (aty münmegiň sungaty) samuraýlaryň ýokary rangy üçin harby sungatyň hökmany görmüşleriniň biri bolupdyr.

Orta asyrlarda Kanto düzlüklerinde özboluşly baýramçylyk-ýabany atlary tutmaklyk guralypdyr. Täze söweş atlarynyň goşulmagy knýaza oňat atlary we atlyny (käwagt atlylaryň toparyny) saýlamaga mümkinçilik beripdir. Soň-soňlar bu däpler sintoistik baýramçylyklara "namou" (atlylaryň meýdan türgenleşigine) öwrülipdir.

Harby işe degişliligiň nyşany hökmünde at Niranyň - samuraýlar urugynyň biriniň gerbi hem bolupdyr.

Mümkin, hut şu degişlilik atyň oglanlaryň çaga oýunjagy hökmünde ýaýramagyna getirendir.

Atyň iň owadan we uly şekili bolan oýunjaklar MAE-ýe şazada Nikolaý Aleksandrowiçden 1981-nji ýylda özüniň Aziýanyň daşyna syýahaty döwründe birmäçe hepde Ýaponiýada bolanda gelip gowuşdy, 312-91 nomerli eksponat ak reňkli agaçdan we

nanbemameden ýasalan atyň şekilidir. Gadymy döwürde mertligiň, harby sungatyň we gaýduwsyzlygyň nyşany bolan at häzirki zaman Ýaponiýasynda hem çagalaryň söýgüli oýunjagy hökmünde we nyşany alamatlandyryar.

C. K. МАМЕДНУРОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ)

ИЗ ИСТОРИИ ТЕЧЕСТВЕННОГО КОНЕВОДСТВА В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В Центральном государственном архиве Туркменистана сохранились уникальные материалы, рассказывающие о судьбе ахалтекинских лошадей. Администрация Закаспийской области сразу обратила внимание на туркменских лошадей. Была создана специальная комиссия, которой поручили обойти аулы Мерва и Ашхабада изучить все, что связано с ахалтекинской породой лошадей. В ходе бесед с аксакалами, прекрасно знающими происхождение и родословную всех выдающихся скакунов, они узнали, что древнейшая верховая лошадь туркмен существовала задолго до появления арабской, турецкой. В своем отчете русские исследователи отмечали: «Ахалтекинская лошадь длинная, на высоких стройных ногах, ростом до 50 вершков, а, пожалуй, и выше. Шея стройная, по виду оленья... глаза большие..., нежность кожи из ряда выходящая. У одних кожа отликает золотом, у других серебрится; в лучах солнца лошадь необыкновенно нарядна». Члены комиссии доложили высокому начальству о необходимости организации Закаспийского областного конного завода для поддержания породы.

С учреждением в 1896 году Закаспийского скакового общества ежегодно проводились скачки. Лучших скакунов отмечали золотыми, серебряными и бронзовыми медалями.

Государственный архив располагает также историческими материалами, рассказывающими о конных выставках 1901, 1909, 1913 гг.

S.MAMEDNUROV (TURKMENISTAN)

ON THE HISTORY OF THE NATIONAL HORSE-BREEDING IN PRECASPIAN REGION

The unique archive materials which tell about the fate of our Akhal-Teke horses in the course of the history are kept in the Central State Archives of Turkmenistan. The earliest documents are dated to 1880. The careful study of the wealth of our Turkmen land began with the formation of Pre-Caspian region on the territory of Turkmenistan. Among many pearls of our country a new Government discovered the amazing might of the Akhal-Teke horse. For more thorough and detailed study of this question a special commission has been formed for a short period of time. The commission was to go to the remote villages of Merv and Ashkhabad to study everything related to this breed of horses.

While talking to respectful aksakals, who knew the history, origin and pedigree of all famous Akhal-Teke racers, the members of the Commission learnt that the most ancient saddle - horses of the turkmen land existed long before Arab, Turkish, and other breed appeared. they were bred to combat, and as war horses they were indispensable. This is kept and praised in most of the greatest Turkmen literary works. Russian investigators were surprised to find the harmony of both the most unique characteristics and the magnetic appearance of our horses,

given by nature itself.

Since 1896, when the Pre-Caspian racers' society was set up, the annual horse racing has been held in our country. Best racing were awarded by gold, silver and bronze medals and gratuity.

The State Archives have historical evidence which tells us about horse exhibitions of 1901, 1909, 1913, where our Turkmen horses got the highest rewards.

S.MÄMMETNUROW (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMEN BEDEWINIŇ TARYHYNDAN (ZAKASPIÝ OBLASTYNYŇ MAGLUMATLARY ESASYNDA)

Türkmenistanyň Merkezi döwlet arhiwinde türkmen halkynyň taryhyna degişli gymmatly taryhy dokumentleriň münlerçesi saklanýlar. Şolaryň arasynda türkmen bedewiniň şan-şöhretyny wasp edýän maglumatlar örän köp.

Bu maglumatlar esasan Zakaspiý oblastynyň emeldarlarynyň ýazgylarynda köp duş gelýär. Ahal-teke bedewleriniň şan-şöhredy Türkmenistana ilkinji gadam basan rus synçylary gyzyklandyrypdyr. Şonuň üçin gysga döwrüň içinde şu meseläni düýpli öwrenmek üçin ýörite komissiýa döredilipdir. Şol komissiýa Aşgabadyň, Marynyň ähli obalaryna aýlanyp, ýaşuly atşynaslar bilen duşuşyp türkmen bedewleriniň ýagdaýyny tizden-tiz öwrenmeklik tabşyrypdyr. 1896-njy ýylda Zakaspiý oblast atçapşyk jymgyýeti döredilipdir. Şondan soňra 1900, 1901-nji ýyllarda at çapşyklary geçirilipdir. Bu ýaryşlaryň köpüsünde ahal-teke bedewleri ýeňiji bolupdyrlar. Umuman, türkmen bedewleriniň taryhy barada Türkmenistanyň Merkezi döwlet arhiwinde heniz öwrenilmedik gymmatly maglumatlar köp. Şol taryhy çeşmeleri bolsa türkmen alymlary diňe Türkmenistan Garaşsyzlygyny alandan soň içgin öwrenmäge mümkinçilik tapdylar.

JEANNINE DAVIS-KIMBALL (USA)

THE HORSE AND THE RIDER-HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS

Introduction. Populations expressed and preserved special activities and belief systems by carving and painting on stone. As a positive and dynamic art form, these images reflect philosophical thought, religious beliefs, aesthetic concepts, economic development, migration, warfare, and modes of life. The predominant theme of both Bronze Age and Early Iron Age Eurasian rock art is zoomorphic, and both domestic and wild animals are portrayed. Yet each cultural period and geographical location has its own distinctive stylization. Generally, the images are small, scenes may be precisely executed, or they may be random and lack a central theme. Petroglyph sites, moreover, always have a cultic nature that is intertwined with the carvers' beliefs systems (Davis Kimball 2002). Therefore, petroglyph images and those in other media connected to the same society may be considered a semantic system, a form of writing in code (similar to hieroglyphs) that can be interpreted by those who understand the code. Thus at a given time, the form and/or attribute of an image is not arbitrary for it remains constant within its own sphere (cf. also Rozwadowski 2000:12).

In this paper we attempt to define the semantic use of horse though a preliminary study of horse images from a specific group of petroglyph sites and from selected images of

the horse found in representational two- and three-dimensional artifacts.

Background. During the Bronze Age and the Early Iron Age—the time frame that is the focus of this paper—within the genre of zoomorphs that are found among the petroglyphs and gleaned from other art forms, the horse is the most frequently represented of all domesticates; infrequently the camel, yak, and occasionally pig are displayed. The principle complexes of petroglyphs found in Central Asia are: (1) the Pamiro-Altay in Tajikistan and Uzbekistan; (2) the upper basin of the Indus River in northern Pakistan and northwestern India; (3) the Altai-Tien Shan mountains in Kyrgyzstan, Kazakhstan, western Mongolia, and western China (Xinjiang Province) and, (4) southern Siberia. Although thousands of occasional petroglyphs are also encountered throughout these regions, complex iconography is generally found at the larger sites that were the focus of major cultic and religious practices over millennia.

Belief systems, such as an indication of the wearer's status and rank, were integrated into images that Scythians, Sarmatians, and Saka displayed on belt plaques. We cannot rule out that these elaborated articles also contain other semantics. The same could also be true of decorative harnessing elements and other portable art objects that formed the core of their highly decorative Animal Style art.

Methodology

Research for this study poses the following questions: How was the horse depicted during each time period? What are the attributes that were assigned to the horse? Can we define these attributes as being non-ritual or ritual? If definition is made, does the attribute affect the status of the horse? Does the horse share attributes with non-domesticated animals? And if so, what are they? Is the horse associated with any non-equid images that have non-ritual or ritual characteristics? If so, what do these images represent? After addressing these questions by comparison of artifacts, does a modified belief system come to fore? If so, can we isolate a time period and a general locale when changes occur?

In order to address these questions, it first was necessary to gather horse images that were made during the time periods under consideration, define their attributes and, undertake a comparative analyses.

For this preliminary study, the selected sites were: Tepsej, Ust' Tuba, and Oglakhty located in southern Siberia near the Minusinsk Basin (at these three sites, .089 % of all images are horses, Francfort and Sher 1995: Fig. 4); Kalbak Tash in the Gorny Altai (Kubarev and Jacobson 1966); Aldy-Mozara and Mugar-Sargol in Tuva (Develt 1990); Sagyr and Moinak in the pre-Irtysh region; Eskiol'mes in eastern Kazakhstan (Mar'yshev, Goryachev, and Potapov 1998); Tamgaly, southern Kazakhstan (Maksimova, Ermalaeva and Mar'yashev 1985); Saimaly Tash in the Kyrgyz Tien Shan (Bernshtam 1952); and along the Karakorum Highway in the Pamirs (Zwischen... 1985). Images of related portable art objects and artifacts were assembled from Pazyryk in the Altai Mountains (Rudenko 1970); Kurgan Issyk in southern Kazakhstan (Akishev 1978); from various Sarmatian sites in the lower Don and Volga interfluvium (Entre Asie 1995); and artifacts defined as Scythian (Land of the Scythians 1974).

To determine the semantics of horses in the time period and locales under discussion, we gathered data from these sites, noting the date attributed to the petroglyph. Subsequently, each image was categorized according to the following criteria and the information placed in the appropriate table as noted. Table 1. Non-ritual horse images on petroglyphs: (1) horses (no other action); (2) horse suckling a colt; (3) horses ridden (no other action); (4) horses ridden during a hunt; (5) horses ridden during battle. Table 2. Ritual horse images on petroglyphs: (6) horses being led by a shaman-appearing personage; (7) horses drawing a chariot; (8) masked and/or homed horses (cf. Francfort et al, 1995). Table 3. Non-ritual horse images from small and portable art objects or artifacts: (10) horses ridden; (11) horse couchant, no other action;

(12) leaping horse. Table 4. Ritual horse images from small and portable art objects or artifacts: (13) Horse image in ritual context, no other action; (14) horse savaged by a griffin, fantastic animal, or wild beast(s); combat scene, horse's hindquarters turned 180 degrees, such as Pazyryk style; (15) masked and/or horned horse; (16) winged horse; (17) kneeling horse with ritual aspects. Table 5. Ritual petroglyph images possibly related to ritualized horses: (19) anthropomorphic masks; (20) images of shaman with mushroom heads; (21) images of shaman with bird heads; (22) images of shaman with multiple attributes; elaborately costumed; (23) shaman (?) on horse back; (24) «Scythian-style» horned deer; (25) olenniye kamni (deer stones); (26) horse image on olenniye kamni; (27) deer on tiptoe (Arzhan style).

Discussion. From the preliminary study, we may infer that during the Early Bronze Age, realistic images of horses were created, principally on the stone outcroppings in Tuva, southern Siberia, and eastern and southern Kazakhstan (Table 1). During the Late Bronze Age, ritualized horned and/or masked horses appear on petroglyphs, particularly in southern and eastern Kazakhstan (Table 2). This indicates that belief systems were being significantly modified and that the horse acquired a new semantic significance. Concurrently, and to emphasize the trend, non-ritualized horse images diminish significantly on petroglyphs (Table 3). These changes appear first in the Altai and Tien Shan regions, specifically the Saka world. The belief system, philosophy, or concept that is carried by the modified images spills into the Sarmatian and Scythian worlds, and ultimately is carried into the Pamirs where it is less frequently portrayed- although horses appear before stupa, possibly indicating the continuum of religious connotation. (Table 4). Table 5 provides a list of images that share attributes with ritual horses and that could have influenced the modification of horse images and associated semantics.

Conclusions. From elements found on Bronze Age petroglyphs, in this preliminary study it is possible to suggest two ancient ideologies that may have played a role in the development of the ritualized horse. The first is masking, an age-old tradition that probably carried symbologies associated with ancestry- and shamanic-rituals. During the Early Bronze Age, animals who regenerated new horns each season, such as the Siberian elk and various deer species, were considered magical. As the horse became domesticated and ridden, it was responsible for unlimited possibilities in a new economic lifestyle: producing food and hides, ritual koumiss and unlimited transportation that filled various needs. Thus, the animal evolved from the lower ranking domesticate, acquiring new and consequentially more important cultic attributes. As headdresses play a substantial role in the determination of nomadic status, the addition of horns and other accoutrements in the form of elk, deer and griffin heads to the masked and horned horse (cf. Rudenko 1970, Pis. 119-122), reveals its elevated status: it had joined the ranks of the select spirit helpers of the shaman and acquired access to the heavens, and thus to the life-regenerating sun.

This phenomenon indicates a change in belief systems that appears to have centered in southern and eastern Kazakhstan, first manifesting itself ca. 1200 BC. As the sedentary Bronze Age metamorphosed into the nomadic Early Iron Age, societies became mobile and, having less time to record their modified belief systems in stone, recorded them throughout the first millennium BC in Animal Style portable objects. With continual migrations and constant contact between tribes, the semantics spread throughout the Eurasian steppes.

Traditions hold strong in the nomadic regions isolated from substantial sedentary societies and some still today embrace ancient traditions. A recently published card illustrates the four Sahius, the shamans' animal helper spirits. These are the deer, the elk, the ibex, and the horse (Mongol Tolbo: March 2001: back cover).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЕЙ В ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В этом докладе предпринята попытка определить семантическое использование коня с помощью изучения имеющихся образов этого животного, которые происходят из петроглифических памятников Евразии (в Минусинской Котловине в Южной Сибири, Горном Алтае, Ескиольмес и Тамгалы в Восточном и Южном Казахстане, Саймалы Таш в Кыргызстане, вдоль Каракорумской дороги на Памире), а также присутствуют на двух- и трехмерных артефактах из Пазырыка, Кургана Иссык и различных сарматских памятников Нижнего Дона и в Поволжья. В рамках этого предварительного изучения можно выявить некоторые из древних идеологических представлений о коне, поскольку для него были характерны важные культовые атрибуты, не связанные с другими домашними животными Евразии.

Dž. DEWIS-KIMBALL (ABŞ)

ATLARYŇ ÝEWRAZIÝADA BÜRÜNÇ WE IRKIDEMIR EÝÝAMLARYNDA SEMANTIK TAÝDAN PEÝDALANYLYŞY

Bu dokladda atyň semantik taýdan peýdalanylyşyny bu haýwanyň Ýewraziýanyň (Günorta Sibirdäki Minusinskiý Kotlowin, Daglyk Altaý, Gündogar we Günorta Gazagystandaky Ýeskiolmes we Tamgaly, Gyrgyzystandaky Pamirdäki Garagorum ýolunyň ýakasyndaky Saýmaly Taş daşyň ýüzüne çekilen ýadygärliklerinden gelip çykýan obrazlaryny öwrenmek ýoly bilen kesgitlemäge synanyşyk edilýär. Şeýle ýadygärlikler Pazyrykdan, Kurgan Yssykdan we Aşaky Donuň we Powoljaniň dürli sarmat ýadygärliklerinden tapylan iki we üç ölçegli artefaktlarynda hem bar. Şu hili deslapky öwrenmeleriň çarçuwasynda at baradaky gadymy ideologik sypatlandyrmalaryň birnäçesini ýüze çykarjak boljak. Çünki oňa Ýewraziýanyň beýleki öý haýwanlary bilen baglanyşykly bolmadyk möhüm kult nyşanlary häsiýetlidir.

C. ANNS-BALDOCK (GREAT BRITION)

A PROPOSAL FOR PAPER ON THE VISUAL AND WRITTEN EVIDENCE OF THE TURKOMAN HORSE IN EIGHTEENTH CENTURY ENGLAND

The foundation of this evidence lies in visual and written material and in records. I will also be looking at what a 'Turk horse' is. The terms explained here are fairly loose and therefore increase confusion.

Archeological and historical material will be introduced with a view to creating a clear picture of the effects/changes in the type and shape of horse after the introduction of the Turkoman.

The visual material pre-dating know imports of Turkoman horses will be examined next to the visual material post-Turkoman horse imports.

The thesis rests too on the ability to create the Thoroughbred race horse. My hypothesis is that creating such a horse from sturdy cold blood stock would be difficult as can be seen by the Trakehner and the warm-blood

stock. It would be nearly impossible to breed such an animal as the thoroughbred in such a short space of time.

My hypothesis is that the stock came from somewhere else and was not indigenous to the British Isles. Britain was home to horse both imported and native for thousands of years. Certainly Boadicea's chariot was drawn by stout native ponies. Horses were brought here by the Romans. What type of horse it is impossible to know. We do know that the Romans valued mules. (Jawbone of a mule found from the Roman level. Billingsgate Buildings. DUA 1977 R5068 Museum of London.) There is much evidence showing that selective breeding was undertaken. Mules were essentially pack animals, horses were reserved for riding.

John Stowe wrote (EA Survey of London 15981 in which he describes the scene at Smoothfields, (Smithfield Market) London, where horse sales and races are held every Friday. He describes horse that pace or amble, (a lateral trot) He distinguishes between the trotters [^]t for esquires² (p 26 1994 reprint, Sutton publishing). He identifies that the amblers move quicker than the trotters. (In that part are the sumpter horses, powerful and spirited; here costly chargers, elegant of form, noble of stature, with ears quickly tremulous, necks lifted, haunches plump.) This would not be a description of a racehorse. I think more perhaps the horses of Flanders or Italy. These would seem not be the type of horse we call a racehorse today. They may well have looked more like Fell or Frisians. But it does show that there were different types of horse, common and fine. Stowe also explains the lateral and the diagonal trotting paces and differentiates between them.

By the time Gervase Markham begins to produce his string of informative books on a wide variety of subjects we have more information about the breeds of horses already in Britain. Markham provides us with some information about the breeds available at this time.

If he is a Spanish breed his limbs are small and strait, dry and spare, like a hart's; if Barbary, a fine little Head, and a well set Breast and Shoulder; if of Naples, he is hawk Nosed, and clear Eyes, his Eyes seeming to sparkle; if Dutch or Flemish, his legs will be generally rough, and large Hoofed; as for French and English, they are almost alike, only the English are stronger set, and more hardy for any Exercise whatsoever (p49/50 1933 reprint. The Compleat Jockey)

The Turk or Turkish horse is not mentioned at this point, so it would be reasonable to suggest that they were not imported into Britain at this point in time. If they were they were not recognised as such.

One of the most interesting books on the subject of the British breed of race horse is by T Homby Moorland 1810. Although quite late it gives us a very broad view of horse breeding for speed. Moorland identifies foreign horses and calls the Godolphin one of these. He also identifies many Turk horses

John Wootton (1683-1764) and George Stubbs (1724-1806) painted horses with their handlers. Often the handlers were men dressed in traditional Turkish costume. Weaves of that period have altered little to today and if examined could be used as a source of identification. John Wootton does persist in showing a similar groom in many of his paintings so it is difficult to know if he painted him once and the fashion caught on and he just copied the figure.

James Seymour (1702-52) in painting, racehorses exercising in a landscape, shows a golden horse and a grey both painted as if trying to show the almost metallic shine on the coats.

Outside of the paintings themselves we should consider genetics. Coat colour and markings are genetic and therefore indicate relationships. It is interesting to see the similarity between the Akhal Teke horse and The Tetrareh. Maksat has very similar Also a modern Akhal Teke and a horse in a painting by Gericault (1791-1824) '3A Horse Frightened by Lightning'.

My thesis will explore the material available citing the references below. I will be looking at pictures of the Helmesly Turk.

ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТЮРКСКИХ ЛОШАДЯХ В АНГЛИИ

Лошади были завезены в Англию римлянами. Селекцией лошадей тогда не занимались. Мулы использовались в качестве выючных животных, лошади сохранялись для верховой езды.

Д. Стоув подробно описал в 1598 году лошадей, которых покупали и отбирали для скачек в Лондоне. Вероятно, что это были лошади, привезенные из Фландрии или Италии.

Ж. Макхэм в 1599 году в своих книгах дает информацию о разведении лошадей в Британии и описывает характерные особенности разных пород.

В 1810 году Т. Морланд идентифицирует многих тюркских лошадей. Д. Вуттон и Д. Стабс изображают лошадь с конюхом, одетым в традиционный тюркский костюм.

Многие лошади в английской живописи поразительно напоминают ахалтекинцев.

K.ENNS-BELDOK (BEÝIK BRITANIÝA)

XVIII ASYRDA ANGLIÝADA TÜRKMEN ATLARY BARADAKY ÝAZUW WE AÝDYŇ MALUMATLAR DOGRUSYNDAKY MAKALA BOLAN GARAÝYŞLAR

Britaniýa eýýäm müň ýyl bäri importirlenen atlaryň, şeýle hem atlaryň ýerli tohumlarynyň watany bolup durýar. Atlar bu ýere gatyrlaryň gadyryny bilýän rimliler tarapyndan getirilipdir. Şol wagt atlaryň seleksiýasy bilen meşgullanmandyrlar. Gatyrlar ýük ýüklenilýän haýwanlar hökmünde peýdalanylýpdyr, atlar atly ýörişler üçin saklanylýpdyr.

J.Makhem 1599-njy ýylda öz kitaplarynda Britaniýada atlary köpeltmek barada maglumat berýär hem şol döwre mälim bolan dürli tohumlaryň häsiýet aýratynlyklaryny beýan edipdir. Ol türkmen ýa-da türki aty ýatlamaýar.

Diňe 1810-njy ýylda T.H.Morland köp türki atlary meňzeş hasaplaýar.

J.Wutton (1683-1764) we J.Stabbs (1724-1806) aty adaty türki geým geýnen seýis bilen şekillendiripdirler.

J.Seýmur (1702-1752) tohum atlary tebigatda, olaryň reňk baýlygyny görkezip suratlandyýar.

Köp atlar iňlis suratlarynda ahal-teke atlaryny geň galdyryjylyk bilen ýatladýar.

S.DURDYÝEW (TÜRKMENISTAN, TDU)

AHAL-TEKE TOHUM ATLARY GEÇMIŞ TARYHDA WE HÄZIRKI DÖWÜRDE

Türkmeniň asyrlaryň dowamynda zehin elegeinde eläp, yhlasa, azaba eýläp ýetisdiren ahal-teke bedewi türkmeniň ýaşayş durmuşynda sününleriň biri bolup gelipdi. Türkmen bedew atyň sagrysyna atlanyp menziller söküpdü, ýurduny duşmandan gorapdy, duşmana gaýtawul beripdi. Ahal-teke bedewine atlanan türkmen ykbaly dünýäniň baş parasyna ýol salypdy.

Türkmenler öz geň-enaýy häsiýetleri, durmuş ýörelgeleri bilen hemişe başga halklary haýran galdyryp gelipdirler. Taryhyň gatlarynda halkymyzyň şan-şöhraty hakda gaty köp

ýazgylar galypdyr. Şol ýazgylaryň hemmesinde türkmeniň uçar ganaty, ýigitleriň myrady, ata-babalarymyzyň egsilmez buýsanjy bolan bedewlerimiz hakda hökman agzalýar. Türkmeni atdan aýry göz önüne getirmek mümkin däl.

Aslynda türkmenler öz bedewleri bilen tenleri bir bolmasa-da, ruhlary bir. Türkmen ýaly atyny şeýle eý görýän, ony apalap, arşa göterýän başga bir millet ýok bolsa gerek.

Atyň taryhy örän gadymy döwürden, ata-babalarymyz bolan skifleriň, arileriň şöhratly zamanýndan gözbaş alyp gaýdýar. Meşhur taryhçy W.I.Sarianidiniň tassyklamagyna görä, ýabany atlaryň ilkinji eldekileşdirilen ýeri hem biziň topragymyz bolupdyr.

Biz öz milli gymmatlyklarmyzyň gadyr-gymmatyna Beýik Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşy Garaşsyzlygymyz alyp bereninden soň düşüniپ başladyk. Mähriban Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşynyň halkymyzyň aňynda milli gymmatlyklarymyza bolan söýgüni oýarmak maksady bilen döreden milli baýramlarymyzyň biri hem Türkmen bedewiniň baýramy.

С. К. ДУРДЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ)

АХАЛТЕКИНСКИЕ ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

История создания знаменитой ахалтекинской породы лошадей – это неотъемлемая часть истории туркменского народа. Это как замечательное произведение искусства, подаренное туркменским народом миру. На протяжении веков предки туркмен берегли своего коня, улучшая его породные качества.

Туркменские кони были известны на территории Туркменистана с незапамятных времен.

Конь – гордость туркменского народа. Он стал центральной частью герба суверенного Независимого Туркменистана.

S.K.DURDIYEV (TURKMENISTAN)

THE AKHAL-TEKE BREED OF HORSES: THE PAST AND THE PRESENT

The history of famous Akhal-Teke horses is the part of the history of Turkmen nation. This is as the art given by Turkmen nation to the world. Through centuries Turkmen generations kept horses improving its breed and quality.

Since ancient times Turkmen horses were famous in the territory of Turkmenistan. The Turkmen horses are the descendants of “nisay” horses. Turkmen people are proud of their horses. It is in the central part of the national emblem of Independent Turkmenistan. This is how our people appreciate their faithful friend.

A. PARPOLA (FINLAND)

HORSE AND CHARIOT IN INDO-IRANIAN AND-GREEK RELIGION: COMMON HERITAGE FROM THE PONTIC-CASPIAN STEPPES

The Srednij Stog culture (c. 4500-3600 BC) can be assumed to reflect speakers of Proto-Indo-European, the Pit Grave culture (c. 3600-2500/2200 BC) Proto-Greco-Aryan, the Catacomb Grave culture (c. 2500/2200-1900 BC) of the Pontic steppes the Proto-Greco-Armenian, and the Poltavka and Abashevo cultures (c. 2500/2200-1900 BC) of the Volga steppes the early phase of Proto-Aryan, the Sintashta-Arkaim culture (c. 2000-1800 BC) the late phase of Proto-Aryan, and the Andronovo and Early Timber Grave cultures (c. 1800-1500 BC) the early phase of Proto-Indo-Aryan and Proto-Iranian respectively.

Initially, only ox-driven waggons and carts were used by the Indo-Europeans, but a horse-driven chariot was developed in the Pontic-Caspian steppes in the last centuries of the third millennium. It was first a rough one-man chariot with plank-wheels, then a lighter and broader two-man chariot for a car-fighter and a charioteer, provided with spoked wheels. All these vehicles were buried with their owners together with the draught-animals, and in the case of the two-man chariot, also with the charioteer.

I would like to argue that the invention of a horse-drawn chariot and its association with nobility as a prestige symbol has played a most significant role in the formation of ideas and symbols related to kingship in the last period of Greco-Aryan cultural unity or neighbourhood. At first, there was just a "rough chariot" driven by a single man; correspondingly there was only one sovereign king, who with his rules and orders governed the society like the charioteer managed the horse with his bridles: this is Greek Poseidon corresponding to Indo-Aryan Varuna. In the Vedic ritual, such clumsy single chariot is preserved as the vipatha-chariot (cf. Sparreboom 1983: 151f.) of the Eka-vratya (AV 15). When this one-man chariot was developed into the spoke-wheeled two-man chariot, the absolute ruler of former times became a father figure, who was succeeded by two youthful twin princes, the Dioskouroi or Asvins. The kingship was split into the dual kingship of Sparta. This seems to have a counterpart in India in Mitra-and-Varuna.

The concept of twins is naturally associated with the Asvins, the divine chariot-team of two men. But the idea of cosmic twins as the parental pair of creation is also associated with the earlier concept of a single ruler. Yama, the first king, had an incestuous relationship with his twin sister Yam. Or the primeval couple are Dyava-Prthiv, Sky and Earth. Sky is more particularly the night sky, the Chaos, or "Demonic" Death, who has incestuous relationship with his beautiful Daughter, the Goddess of Dawn. The union of night and the dawn also leads to the birth of the twins day and night, represented by the sun and the moon, or by the morning and evening star, the two brothers or sons of the dawn. This involves the paradox that Dawn/Light (Viraj, Aditi) is born of Night, and Night is born of Dawn/Light. In twin mythologies, however, often one of the twins is of divine origin (son of the incestuous Sky), the other of human origin (son of the mortal bridegroom, the sun or moon, to whom Father Sky marries off his daughter).

There is fair unanimity about the common origin of the Indian "twin sons / descendants of the Sky" {divo napdtd, Rv I,117,12b; 3,38,5c; 4,44,2b} and the Greek Alocr/copot /

Atb[^]/copot / Atb[^]/toupot, in each case divine horsemen who are associated with the “daughter of the Sky” (divo duhita, RV 1,92,5 et alibi, and /[^]Lo[^]KoprJ / Kovpr)). These divinities have a counterpart even in Baltic mythology. (Cf. Whitney 1852: 322; Mannhardt 1875: 309ff.; Oldenberg 1917: 207-215; Macdonell 1897: 49-54; Eitrem 1902: 1; Burkert 1985: 212f.; Zeiler 1990: 7f., 15-18.)

The chariot team consisted of two men with different functions and different social positions. This is reflected in the mythology. A distinction is made between the two Asvins: the elder (socially higher) brother is a “victorious” (jisnu-), “heroic” warrior, a mortal king (rdjan-), son of a human father (Vivasvat), while the younger brother is more peaceful and of divine origin, an “intelligent, wise, skilful” (dasra-) and “trickful” {mdydvin-} charioteer. (Cf. Zeiler 1990: 36f.) The two Asvins are called Nasatya and Dasra Harivamsa 8,39; Mahabharata 12,201,17; and Brhad-Devata 7,6 (cf. Tokunaga 1997: 267).

Once such an opposition between the two is established, other contrasting and complementary ideas can be associated. In RV 3,55,11 the day and night are spoken of as twin sisters (yamyā), who have assumed different colours: one of these two (colours) shines bright (tdyor anydd rocate), the other is black (krsndm anydt). The Asvins, too, are twins (cf. Zeiler 1990: 24f.), and as the companions of the dawn (Usas == suryasya duhita = divo duhita) they too have been associated with day and night: (cf. MS 3,4,4 ahordtre vd asvind, and Zeiler 1990: 7f.), or, as expressly stated in Latvian songs, the morning and evening star which woo the daughter of the sun (cf. Zeiler 1990: 8, 96-98). I would like to point out that the Mesopotamian goddess of war and love, the victorious and creative Inanna-Ishtar associated with the first light of the morning sky, has as her special symbol the planet Venus, which as the morning star has a martial connotation and as the evening star an erotic connotation.

The epic tradition of India seems to have preserved these certainly ancient ideas associated with the chariot warrior and his charioteer very distinctly in its two main figures, the greatest hero Arjuna, whose name means “white”, and his divine charioteer Krsna “black”, who is a great trickster and a clever and wise negotiator and advisor. I have argued that although the epic tradition in its present shape is post-Vedic, it goes back to the oldest Aryan traditions in South Asia. The cult of black Krsna and his elder brother, the white and strong Bala-Rama, who are also accompanied by their wife/sister, is particularly current among the Yadavas (from the early RV Yadu tribe) in the region of Mathura, probably originally Mathura (thus already Patanjali) according to the “demon” Madhu, who originally lived in the city. In all likelihood, this Madhu is no other than Bala-Rama, the great wine-drinker: Madhu “wine” is the drink associated with the Asvins.

The Greek Dioskouroi are overwhelmingly conceived as horse-riding heroes, sometimes even as horses, although they also have whirring wings, with which they fly through the air (Homeric hymns 33,13). Helen of Sparta, daughter of Zeus, is their sister. They twins have individual distinctions; thus one of them is depicted with a beard, the other not, indicating a difference in age. Poludeukes is the son of Zeus and immortal; he is a good fighter, a pugilist; he is originally called TloXvXevK’qc; (whence Latin Pollux) “much shining”. The mortal Castor is the son of a human father, Tundareos, Castor’s name is derived from the Proto-Indo-European root k’ent- “to prick, goad, spur on”, and he is a good “tamer of horses”.

In actuality the Dioskouroi are to a large extent a reflection of the body of young men capable of bearing arms. They invent the war dances, and as mounted warriors they ride out in search of adventure, rustling cattle and stealing brides, but they also rescue their sister. The dual kingship of Sparta bears a special relationship to the Dioskouroi. The Tyndaridai are invoked when the army marches into battle, and if one of the kings remains behind, the so does one of the Tyndaridai. (Burkert 1985: 212)

It seems quite significant that their cult is specifically associated with Sparta, where the Dioskouroi have been more or less “national deities”, called “the great gods” (cf. Nilsson 1955: I, 407f.). They may therefore be connected with the coming of the Dorians, the latest wave of Greeks whose dialect has remained in many respects remarkably archaic - suggesting that they have stayed some time in isolation from the other Greeks, while coming as a “remainder” from their original home in the Pontic steppes. By the time they arrive in Greece, around 1300 BC, riding had already displaced chariotry, but the two-man team of the chariot remains associated with horses even in the riding era. However, in Iliad (11,750-2; 23,638-642) the twin sons of Aktor (“driver”) alias Poseidon, from Elis, are masters of chariotry (cf. Schachermeyr 1950: 34 n. 65).

The dual kingship appears an interesting survival of bygone days, which Bernfried Schlerath in his study of kingship in the Rg- and Atharvaveda missed in Vedic India:

Nach dem Vorbild von Mitra und Varuna sollte man auch ein irdisches Doppelkonigtum gelegentlich erwarten (Schlerath 1960: 108).

With regard to “dual kingship”, one can however think of the integrate connection between ksatra- and brahman- in ancient Indian kingship (cf. Gonda 1966: 62ff.; Rau 1957: 117ff.; Scharfe 1989: 112ff.). The word brahman- denotes in the Rigveda “sacred utterance, powerful cultic poem, prayer, mantra”-(cf. Oldenberg 1916; Schmidt 1968: 16-22). In the Brahmana period and later, this brahman- is in the care of the Brahmanas, members of the priestly class. According to Hanns-Peter Schmidt (1968: 239), Brahmanas-pati = Brhas-pati “Lord of the sacred word” was originally an epithet of Indra, whose kingship thus incorporated also the priestly function, but in the Rigvedic time Brhaspati became an independent deity and the chief priest (purohita) of the divine king Indra. In the Brahmana texts and later epic and Puranic literature, Brhaspati is the purohita of the gods. It seems to me that this development is due to the pre-existing model of double kingship reflected by the dual divinity Mitra-Varunau and the Asvin twins: Brhaspati is separated from Indra to stand for the priestly side of a double kingship. “King and purohita are, for the sake of the well-being of the kingdom, an inseparable pair; they are each other’s complement” (Gonda 1966: 66). SB 4,1,4,1-2 actually compares the relationship between the king and his Purohita to that between Mitra and Varuna (cf. Scharfe 1989: 114).

А. ПАРПОЛА
(ФИНЛЯНДИЯ)

КОНЬ И КОЛЕСНИЦА В ИНДОИРАНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИЯХ

Древние индоевропейцы использовали повозки, запряженные быками, но в последних столетиях III тыс. до н. э. распространились колесницы с двумя ездоками. Большое значение имело использование колесниц для передвижения знати. Эта престижная символика сложилась еще в пору греко-арийского культурного единства.

ASKO PARPOLA (FINLÄNDIÄ)

HINDI-EÝRAN WE GREK DINLERINDE AT NEM-DE AT ARABASY

Gadymy hindi-ýewropalylar araba goşulan öküzlere peýdalanylýanlar, ýöne b.e.öň III müňýyllygynyň soňky ýüzýyllygynda iki çapyksuwarly arabalar giňden ýaýrapdyr. Mertebeli

adamlar üçin arabalaryň ulanylmagy aňyýetde uly mana eýe bolupdyr. Bu mertebe nyşany grek-ariý medeni bütewiliginden döräpdir. Iki çapyksuwarly söweşjeň arabalaryň saklanylandygy hakynda gadymy hindi däpleri şaýatlyk edýär. Mukaddes Dioçkurlar ekizleriniň kulty uly ähmiýete eýedir. Şa häkimiýetindäki ikilik we ekizleriň medeni-nyşany ähmiýeti gadymy hindi däplerinde uly mana eýe bolupdyr.

Н.Г.КРАСНОДЕМБСКАЯ
(РОССИЯ)

ЛОШАДЬ НА ОСТРОВЕ СОКРОВИЩ (О СИМВОЛИЗАЦИИ ОБРАЗА КОНЯ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ШРИ ЛАНКИ)

Лошадь была и, в основном, так и остается до сих пор заморской диковиной для Шри-Ланки (прежнее название Цейлон; называют остров и Ратнадви́па, что буквально значит “Остров Сокровищ”). Здесь она стала известна через Индию и в быту называется обычно древним индийским словом *ашва*, оформляемым, как положено при заимствованиях, особым аффиксом; в литературе встречается и другое, более редкое санскритское слово *тура́нга* (тоже с дополнительным аффиксом “йа” или “а”). Известен в Шри Ланке и термин “синдхская лошадь” (по-сингальски *сайндхавая*), который имеет более идиоматическое (“качественная, чистокровная лошадка”), чем конкретное значение.

В различные исторические эпохи лошади появлялись на Ланке как сугубо привозные животные. Так, их доставляли из западных стран европейские завоеватели острова. Документально подтверждено, что их имели здесь и португальцы, и голландцы, и англичане. В середине XVII века (по свидетельству плененного на острове английского капитана Роберта Нокса) тогдашний сингальский царь Раджасинха любил устраивать смотры у себя при дворце (в горах Цейлона) собственной армии и приглашал также голландского и португальского командиров из ближайших фортов “с их флагами и солдатами, барабанщиками, трубачами, волынщиками, запевалами, а также со всем прочим, то есть слонами, лошадьми, сокольными с их соколами, и многим другим, выстроиться у ворот, чтобы доставить ему развлечение” (Р. Нокс “Историческая повесть о Цейлоне”, часть 2 глава 1). У самого Раджасинхи был богатый слоновник, хотя он держал и лошадей, но они оставались для него чем-то чужим. Р. Нокс констатировал: “очень часто он велит своим грумам садиться верхом и ездить в его присутствии, и иногда за хорошую службу дает наезднику пять или десять шиллингов, а то и кусок материи. Всегда, когда он совершает прогулку, ему приводят оседланных лошадей, но сам он садится верхом очень редко. Всех их он получил от голландцев, либо в качестве подарков, либо захватил в бою. Всего их у него двенадцать или четырнадцать, есть среди них и персидские лошадки” (Там же, часть 2, глава 2).

В последней трети XIX века (при правителях – англичанах), когда Шри Ланку посещал известный русский индолог И.П. Минаев, обычным видом транспорта там были экипажи, влекомые лошадьми (в тех местах, где это позволяли дороги). Ту же картину застали и наши этнографы А.М. и Л.А. Мерварты в период своей экспедиции в эту страну в 1914–1918 гг., хотя к тому времени там появились и первые автомобили.

В известной ланкийской буддийской хронике “Махаванса”, которая, как считается, была создана еще до нашей эры, а записана в V в. н. э., лошади в ранних главах, относящихся к древнейшей истории острова, упоминаются лишь однажды: это глава 7-ая, строка 56, и говорится здесь о лошадях, входивших в состав приданого

индийской невесты царевича Виджан, легендарного первопредка современных сингалов (в наше время составляющих большинство населения Шри Ланки). В главе 21, строка 10, где речь идет о двух тамильских завоевателях сингальского трона (события происходят в 187 году до н.э.), упоминается их отец, фрахтовщик торгового судна, доставлявший на остров лошадей (хотя текст несколько темен по смыслу). Упоминание о лошади встречается также в главе 23, где речь идет о времени правления тамильского завоевателя острова Эллары (годы правления 145 – 101 до н. э.) – в ней рассказывается о десяти героях той поры, среди которых и могучий воин Велусумана, отличившийся именно тем, что сумел сесть верхом на никому не покорявшегося коня чистых кровей (та самая “синдхская лошадь”), принадлежавшего правителю одной из восточных провинций Шри Ланки.

В хронике “Чулаванса” (главы 70, 72, 74, 76, 85, 88, 92, 99), где излагаются события истории острова с 362 г. н.э. до начала XIX века, снова возникают упоминания о конях как части военной добычи сингалов, воюющих с новыми тамильскими завоевателями, и царского богатства вообще (в основном это эпоха Паракрамабаху I-го, XII век н. э., и его ближайших последователей). О царе Виравикраме, правившем в середине XVI века, рассказывается, что он пожертвовал на поддержание буддийской монашеской общины 62 единицы слонов и лошадей и 450 голов крупного рогатого скота, не считая земель, денег и прочего. Подобные заслуги приписываются и царю Киртишрираджасинхе (1747–1782).

Очевидно, что образ коня как символа царского могущества, богатства и воинской доблести не чужд местной ланкийской культуре, по крайней мере, может быть воспринят в таком ключе (вспомним, что в буддийском обществе помимо всего жива память о любимом коне царевича Сиддхартхи, будущего Будды, с которым он не без грусти расстался, покидая дворец отца ради духовных поисков; и индуистская символизация коня в сочетании с образами некоторых божественных персонажей, например, царя богов Индры, известна в местной среде), хотя исконно в ланкийской культуре, особенно в собственно сингальской, таким символом скорее выступает слон. Слонов и теперь в Шри Ланке немало, и они широко используются как рабочие животные, а многих коней держат кое-где лишь для забавы.

При всем при том, что общее знакомство с лошадьёю ланкийцы имели уже с древних времен, можно сделать наблюдение, что образ коня все же может выступить и в обозначении порога чужеродности. Так, в число атрибутов одного из сильнейших и опасных демонов в сингальском демоническом культе (а буддисты – сингалы имеют глубокую веру в существование демонических сил и магическими средствами ведут с ними борьбу в специальных обрядах) Хунияна–яки, он же Суньян–яка, входит белый конь. В некотором роде этот демон является царем магии (заметим, что это последнее понятие также выражается на сингальском языке однокорневым словом *хунияма*), и он один из немногих, для кого устраиваются отдельные храмики или алтари на территории храмов богов–покровителей, поклонение которым также бытует у сингалов. Между прочим, он и сам изображается белокожим. Как у всех демонов, у него торчат клыки изо рта, весь он обвит змеями. Про него говорят, что он имеет восемь имен и десять обличей, и его всегда сопровождают двенадцать жен. Вооружен он саблей, двумя трезубцами и огненным ковшом. Он поражает людей внутренними болезнями, карает женщин бесплодием и вредит беременным. Раздумье над общим набором черт этого сингальского персонажа наводит на мысль о его ближневосточном “происхождении”.

A HORSE ON THE TREASURY ISLAND

A horse is Sri-Lanka (the former-Ceylon) is a rare and imported animal, well-known from India. Horses are mentioned in the local chronicles, while describing the island history, we can find some information about them also in military battles, dynastical ties of major population - singals - with dravids - people the Southern India. Mostly, horses were imported in the period of European colonizator's governing. Nowadays, some horses are kept somewhere for entertainment. In spite of the fact, that elephant symbolizes the tsar power, wealth and military value in Lankian culture, the horse also serves as such a symbol.

In local Buddhism surroundings (Buddhism) here is a state religion on and the main creed of singals), there have been existed a memory about favourite horse of the tsar-Siddhartchi, the future Buddha, with whom the latter, according to the legend, parted with sadness, while leaving his Palace the spiritual searches. But in some folklore cults we can see a horse as a symbol of foreign threshold. As an example of it, it is a symbol of demon-Huniyan-Yaki from Singal cult, and the general characteristic features of which let us see its eastern "origin". This "King of magic" ("magic" in translated as "huniyama" in the singal language), in particular, has the obligatory attribute - a white horse.

R.G.KRASNODEMBSKA YA (ORSY YET)

BEDEW HAZYNALAR ADASYNDA

Şri-Lankada (ozalky Seýlon) bedew – taryhdan belli bolşy ýaly Hindistandan getirilen seýrek duşýan jandardyr. Ýerli sene ýazgylarynda bedew hakynda taryhy teswirlemelerinde köplenç harby söweşlerde we adanyň esasy ilatynyň - singallaryň - Günorta Hindistanyň drawid halklary bilen baglanyşykda ýatlanylýar. Ýurda atlaryň köpüsi ýewropaly basybalyjylaryň höküm süren wagtynda getirilipdir. Häzirki wagta atlaryň az mukdaryny güýmenje hökmünde käbir ýerlerde saklaýarlar. Lankiý medeniýetinde bedewiň şekili, keşbi şanyň gaýduwsyzlygynyň, baýlygynyň nyşany hökmünde bellidir. Şeýle-de bolsa pil bu nyşandan öňe geçýär. Ýerli buddizm şertlerinde (buddizm – bu ýerde döwlet dini hem singallaryň esasy dini ynamy) şazada siddharthiniň söýgüli aty hakyndaky ýatlama hem ýaşayar. Geljekki Budda, rowaýatda aýdylyşyna görä, ruhy gözlegler üçin atasynyň köşgüni taşlanda-da gynanandygyny aýdýarlar. Şeýle-de bolsa, käbir halklarda bedewi del zatlaryň nyşany hökmünde-de kabul edýärler. Muňa mysal edip singallaryň şeytanlar kultunda Huniýana-ýaki şeytanyň (arwahyň) keşbi, umumy görmüş häsiýeti onuň ýakyn gündogardandygyna pikiri döredýär. “Jadygöylügiň şasy” bolan bu şeytanda (singalça jadygöylük huniýama diýip atlandyrylýar hem) esasy alamaty hökmünde ak aty bolup durýar.

ВЕНЕРА ДОНГАК (РОССИЯ)

РОЛЬ ОБРАЗА КОНЯ В ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ

Кочевничество (пастушеский нomaдизм) - одно из наиболее ярких и своеобразных явлений в истории мировой культуры - возникло свыше трех тысячи лет назад. Развившееся в начале у скотоводов степей и полупустынь, спустя тысячелетие

начало осваиваться жителями тайги и тундры Северной Евразии и к 20 веку распространилось на огромной территории от Саванн до берегов Северного Ледовитого океана. Несмотря на то, что во всем мире идет непрерывно убыстряющийся процесс оседания номадов, их и сейчас насчитывается свыше 50 млн. человек.

К важнейшим объектам изучения истории культуры кочевничества, несомненно, относится Тува.

Конь для тувинцев имел, как и для других пастушеских номадов, первостепенное значение в повседневной жизни. Одно из наиболее выносливых домашних животных, он был способен в суровом климате степных и горно-степных регионов в течение круглого года находиться в естественных пастбищах. Наличие лошадей позволяло кочевнику вести подвижное хозяйство, гарантировало надежность жизненных коммуникаций, служило важнейшим фактором военного могущества и мерилom богатства, давало человеку питательную высококалорийную пищу - мясо и кумыс, обеспечивало кожей для изготовления утвари и обуви, волосом - для арканов-веревok, сухожилиями - для нитей и другими продуктами, столь необходимыми в быту. Вот почему повсеместно в Туве коневодство занимало ведущее положение в кочевом скотоводстве. Тувинская лошадь, относимая к так называемой монгольской породе, отличалась многими положительными качествами. Некоторые знатоки тувинской лошади, благодаря ее выносливости, нетребовательности к уходу и корму, способности проходить горные ущелья, ставили ее в ряд с лучшими породами лошадей Востока.

В нашем докладе речь пойдет о роли коня в этническом самосознании тувинцев. Оно выражается, главным образом, в объективированных формах общественного сознания - в языке, обычаях, ритуалах и национальном фольклоре. В героических эпосах и народных сказках тувинцев самым близким и неразлучным другом главного героя, с которым обычно он советуется перед испытаниями и который помогает ему преодолевать трудности, является его конь. Даже имя герою дают после того, как он объезжает и приручает коня. Примечательно то, что большинство тувинских эпосов и сказок имеют двойные названия: имя героя и прозвище коня.

В тувинских пословицах содержатся факты реальной жизни, хозяйственной деятельности кочевого скотоводства, наблюдения над окружающим миром, неотъемлемой частью которого является конь.

Отдельное место в национальном фольклоре занимают песни-благословения скакуна, победившего на скачках.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод:

реальная жизнь кочевников-скотоводов находит яркое воплощение в их духовной культуре. Духовное наследие, а именно национальный фольклор с доминирующим образом коня, является наиболее устойчивым ядром этнического самосознания, основой групповой идентичности и солидарности тувинского народа.

V.S.DONGAK (RUSSIA)

THE ROLE OF THE HORSE IMAGE IN TUVA PEOPLE'S ETHNIC SELF-AWARENESS

Nomadism is one of the most vivid and original phenomenon in the history of world culture. Republic of Tuva is one of the most important objects to study the history of culture of nomadism. The horse is of paramount importance in every-day life of Tuva population as for

the other nomadic peoples too. That's why the image of the horse finds vivid personification in their spiritual culture. The most stable core of the Tuva people's ethnic self-awareness is the spiritual heritage, namely national folklore (heroic epos and fairy-tales, folk songs and proverbs) with the dominating image of horse.

W.S.DONGAK (ORSYÝET)

TUWALYLARYŇ MILLI AŇ-DÜŞÜNJESINDE ATYŇ TUTÝAN ORNY

Çarwadarlyk – dünýä medeniýetiniň taryhynda ýatda galyjy we özboluşly hadysalaryň biridir. Çarwadarlyk medeniýetiniň taryhyny öwrenmekde Tuwa Respublikasy möhüm ähmiýete eýedir. Beýleki çarwa halklar ýaly, tuwalylaryň gündelik durmuşynda hem atlara birinji derejedäki orun degişlidir. Şonuň üçin hem atyň keşbi olaryň ruhy medeniýetinde görmüklü ýerde durýar. Atyň gatnaşmagyndaky dörän ruhy miras, hususanda halk döredijiliginiň eserleri (gahrymançylykly dessanlar we ertekiler, halk aýdymlary we nakyllar) tuwalylaryň milli özboluşlygynyň, aň-düşünjesiniň düýp özenidir.

В.Н. МАЗУРИНА (РОССИЯ)

КОНИ-БОГИ В НЕПАЛЕ

В Непале, самой северной стране южно-азиатского региона, лошадь реального хозяйственного значения не имеет. Однако конь в качестве ездового животного, в основном для торжественных процессий, известен. Так, до недавнего времени именно на коне выезжал непальский король во всех праздничных шествиях (теперь он обычно выезжает на автомобиле).

В сфере религиозно-символической конь отчасти присутствует в буддийском пантеоне (у тех непальских народов, которые исповедуют данное вероучение; обычно это буддизм северного толка, близкий к тибетскому). Например, там имеется персонаж с именем Хаягрива, который выступает в виде гневного антропоморфного божества (он один из так называемых “восьми ужасных”, в число которых, к примеру, входит божество смерти или подземного царства Яма со своей супругой Лхамо), и у него в волосах изображены лошадиные головы. Функции его в Непале среди этих “ужасных” божеств специфически не выделены, хотя у других буддийских этносов близкого к Непалу региона мира (бурят, монголов) Хаягрива конкретно выступает в качестве покровителя лошадей, помимо своей общей устрашающей роли.

У основной массы индуистов Непала (это – непали, главный этнос страны, частично невары, магары и т.д.) в религиозном мировоззрении образ коня имеет ограниченное значение. Отчасти он связан с понятиями о сакральной роли царя (по крайней мере, присутствие коня прибавляет правителю царственного величия и магической значимости (см. выше)). Однако существует особый праздник *гхора-дэжатра* (буквально и значит *праздник лошадей*) календарного значения (подготовка к севу), отмечаемый в начале апреля. Он проводится в самой столице страны – Катманду. В это время устраиваются скачки, смысл которых – загнать поглубже в землю, затоптать вредного демона Тунди.

О развернутом своеобразном “культе коня” можно, вероятно, говорить лишь в отношении одного из крупных этносов полиэтничного Непала – народа тхару. Тхару

проживают в южной части Непала, в низменных его областях (тераях), они имеют приметные монголоидные черты в своем физическом облике, однако говорят на языках индийского корня (непали, бходжпури, авадхи и др.) и считаются индуистами. Однако их местные верования отличаются нередко большой своеобычностью. В частности, именно у некоторых групп тхару (главным образом западных, живущих в долине Данг) обнаруживается особый комплекс воззрений, связанных с образом коня.

У названных тхару в пантеоне имеется широкий набор различных божеств: это и Джаганнатх (Господин мира), и божество земли, и формы гневных божеств – бхайравы (местное название – *бхерава*) и др. Развит у тхару и культ предков. Некоторые из этих божеств выступают у тхару покровителями родственной группы, а другие – покровителями конкретного рода, семьи. И все эти боги выступают в образах коней. Лошадь называется здесь термином, известным и в индийских языках (*гхора*), но немного в ином фонетическом варианте – *гхорва*.

В алтаре тхару можно увидеть несколько фигурок коней – большего и меньшего размера. Более крупным изображается бог – покровитель родственной группы (для разных групп это разные по имени божества), а среди меньших изображений может оказаться предок рода, а также “конь домашнего жреца”. Важность персонажей обозначается не только размером, но и количеством приданных образу колокольчиков на шее (они обычно вылепляются из глины вместе с самой фигуркой коня). Имеются среди тхару особые мастера, которые занимаются изготовлением таких фигурок (наследственные гончары).

В целом происхождение данного “конного” культа у тхару пока не вполне ясно. Очевидно лишь, что корни его глубоки и, видимо, древни, поскольку образ коня всплывает и в некоторых обрядах, близких по типу к шаманским или, по крайней мере, их напоминающих. Такое происходит при обряде инициации юношей тхару, после прохождения которого каждый из них потенциально может стать жрецом (хотя в дальнейшем это случается, естественно, не со всеми).

Обряд проходит в доме жреца. Юношу усаживают со сложенными перед грудью руками и накрывают шалью. Сначала он сидит молча. Жрец же начинает с того, что касается попеременно обеими руками ступней, колен, плеч и, наконец, лица юноши (при этом в пальцах одной из рук – а именно в правой – зажата горстка риса), затем приступает к произнесению молитв и заклинаний, обратясь лицом к алтарю. Он вызывает божеств, в том числе богиню дома Майю, многократно повторяет их имена. Вскоре становится заметно, что юноша впадает в особое состояние (транс). Тогда жрец задает ему вопросы: “кто конь, кто всадник?”, на что юноша отвечает: “конь я”, что означает для собравшихся, что божества овладели им, “оседлали” его, что он находится в состоянии “одержимости”. Жрец, проводя рукой перед лицом юноши, приводит последнего в чувство и после этого совершает в алтаре жертвоприношение алкогольного напитка. Этим обряд заканчивается.

Ничего похожего из обрядов у других народов Непала пока не выявлено, и остается еще выяснять, является ли это здесь уникальным явлением или в той или иной форме может существовать и у других непальских этнических групп. Любопытно было бы провести сопоставление и с ближайшими к тхару народами Индии, не говоря о более отдаленных регионах.

HEAVEN HORSES IN NEPAL

In Nepal, where a horse does not have a real economic significance, a horse is well-known as a riding animal, mainly for solemn processions. The character of Hayagriva in whose hair horse heads are depicted (one of dreadful gods) is represented in the pantheon of North Buddhism adopted by some Nepal's peoples. The horse image is of limited significance for local Induists (this is a state religion). Nevertheless, there is a special *Holiday of horses*, the point of which is the struggle with an evil angel before the sowing season. But one of Nepal's peoples (tharu) has a peculiar cult in which gods appear as horses.

W.N. MAZURINA (ORSYÝET)

NEPALDAKY AT-TAŇRYLAR

Nepalda atlar hojalyk işleri üçin o diýen ulanylmansoň, olar esasan münmek üçin, ulag hökmünde meşhur bolup, has beteri-de baýramçylyk günlerinde we dabaralarda ata çykmak onuň eýesiniň abraýny artdyrypdyr. Saçlarda atyň kellesi şekillendirilen Haýagriwa at taňrýsy (Gazaply taňrylaryň biri) demirgazyk buddizmiň panteonlarynda duş gelyär we Nepal halklarynyň birnäçesi bu dini kabul edipdir. Ýerli hindilerde atyň keşbi döwlet dini hökmünde kabul edilip, çäklendirilen ähmiýete eýedir. Bulara garamazdan, atlaryň ýörite baýramçylygy bellenişlidir we onuň manysy ekiş döwri başlamazdan öň arwahlar bilen göreşmegi aňladypdyr. Ýöne, Nepalyň halklarynyň biri bolan tharlaryň arasynda özboluşly dessur dowam edip gelyär we hudaýlar atlaryň keşbinde kabul edilendir.

G. ARGENT (USA), T. LOBANOYA (RUSSIA)

SACRED SPOTTED HORSES: THE SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF THE LEOPARD COAT COLOR IN EASTERN CENTRAL ASIA FROM THE 1ST MILLENNIUM BC

Archaeological research over the past 100 years has shed much light on the use of the horse by early nomadic peoples of Eurasia. Much remains to be ascertained, however, regarding the place of the horse in the spiritual life of these peoples, and the types of horses they possessed. With regard to the former, at least as far back as the 2nd century BC, one particular type of horse from the Altai-Tien Shan mountain regions of Eastern Central Asia has been associated with rich symbolic significance. These horses were leopard-spotted (dappled; white with small dark spots all over) and very consistent in conformational (morphological) traits. In relation to this «type,» today a breed of horse still exists in the remote Ulagan region of the Russian Altai, the «aboriginal» Altaiskaya Chubaraya (Dmitriev and Ernst 1989: 307; Hendricks 1995: 13; S. Lebedev 2001; Turkina 1939). This horse matches both descriptions and depictions of the sacred spotted horses of antiquity.

This paper: (1) presents the early depictions and descriptions of the leopard-spotted horses in their mythological context, and (2) compares the «type» of conformation associated with these early spotted horses with that of the spotted Altai horses of today.

The Tien Shan «Dragon-Horses»

One of the oldest and intriguing mythologic associations concerning the horse deals

with the Tien Shan «Dragon-stallion» legends. In these legends, wild Dragon-stallions were said to have been sired by dragons that had come «from the water.» The Dragon-stallions were reputed to share the extraordinary characteristics of the dragons themselves. Like their dragon sires they possessed «heavenly» powers; they were said to be able to fly, and to carry their owners to the heavens. In relation to this, they are represented as having wings. When mated with domestic mares, the Dragon-stallions were said to produce exceptional offspring. The coats of the Dragon-stallions, or their offspring, are alternately described directly as being spotted or metaphorically as «sweating blood,» or as having «sequins» or «scales.» The legends appear, through time, in Iranian, Chinese and Turkic sources (see Gladitz, Esin, Beal, Banks). The earliest Dragon-horse legends are identified with the city-states of Kucha and Kara Shahr on the northern Tarim Basin, and with the northern Tien Shan regions of the Hi and Ferghana valleys. (Beal 1884: vol. 1, 20; Esin 1965: 170, 210; Gladitz 1997: 32-44). One rendition of the Kucha legend comes to us through Buddhist pilgrim Shih Fa-Hain who traveled the area in 400 AD. Other stories he recounts allow dating of the Dragon-horse legend prior in time to the Chinese driving the Hsiung-nu out of the region (Beal 1884: vol. 1, 20).

Two particular artifacts found in the northern Tien Shan can assist us both in exploring the symbolism, and in dating this legend to earlier in time. The first find, from Issyk Kul, is a delicate and intricate gold-foil representation of winged horses with horns and has been dated to around the 5th century BC. The second artifact from the Kargaly Valley, dated from the 2nd to 1st centuries BC, shows a winged horse with a dragon next to it (Davis-Kimball 1997/1998: Plates 12, 36). In both cases, the wings depict the horse's «heavenly» stature and powers, as the Dragon-horse legends describe. Winged horses are also noted in the epic literature of Kazakh, Buriat and Korezm peoples (Belenytky 1978).

Among other places, the aquatic Dragon-stallion legend spread east to the Kokonor region, where on the «island of the dragon colts» (lung-chb tao) wild stallions sired spotted foals on domestic mares. There, from around the 6th century AD, we have reference to «famous» spotted horses being bred by the To'pa tribe (Gladitz 1997: 112). Among the clan lineages of the T'o-pa were the Ho-lan, (from the Turkic ala, alaca-»spotted») known to the Chinese as the Po-ma, «dappled horses» (Bloodberg 1939: 305). The legend spread west, where it was associated with the leopard-spotted Khuttalan breed in the 9th and 10th centuries AD. (Gladitz 1997: 110). Also, south of the Taklamakan desert in east Kansu, wild water-source Dragon-stallions produced horses as good as the «heavenly horses of the Tien lake (Issyk Kul?),» post-dating, by comparison, the original Tien Shan legend (Bloodberg 1939: 287, parenthetical note in original). Later tribes known to specialize in breeding the spotted horses include the Alayondlu, Alakcin, Basmil, Bulaq, Tukhsi, Chaganian Oguz, Cumul, Cigil, Kirgiz, Kurikan, and Karluck (Esin 1965: 168; Gladitz 1997; Nemeth 1938).

The Earlier Shamanistic Connection

Two earlier depictions the leopard-spotted horse are shown in a petroglyph from the Minusinsk Basin (6th-8th centuries BC) and a feiyi (burial cloth) from the tomb of Lady Xin Jui (c. 180 BC) in the Hunan region. The petroglyph depicts what is probably a shaman with two spotted horses, which appear as if suspended in the air (Bokovenko 1995: fig. 23b; see also Kubarev 1999: fig.2:18 for Altai spotted horse petroglyph). On the feiyi, two masked shamans ride spotted horses around a pole, upwards to the heavens (Watson 1974: pl.II; Lee 1982: fig. 59). In addition to conveying a wealth of Chinese symbolic elements (sun crow, moon toad, etc.) possibly the petroglyph and certainly the feiyi also apparently depict an aspect of northern, Altaic, shamanistic ritual-the horse sacrifice. In this ecstatic ritual, a horse was killed, and the shaman rode the soul of the horse to the heavens while ascending a notched pole through the heavenly planes of the other world. It is known in this context that «light

colored» horses were reserved for this particular ritual, which was conducted for a variety of purposes, from mere divination to escorting the deceased's soul to the next world (Banks 1989: 202; Kubarev 1997: 2-6; Esin 1965: 177; also Eliade 1964; Vitebsky 1995). In both the petroglyph and feiyi we see that these horses were not only light colored, but leopard spotted.

As evidenced by the petroglyph and feiyi, the spotted horses were present, and their «heavenly» connections existed, in both the northern Saca and Chinese cultures prior our first references to the Dragon-horse legends. The water-source connection, too, is much older. Chinese legend has it that it was an auspicious Dragon-horse, possibly spotted, who brought on his back to Fuxi, from out of a river's water, the charts from which the I-Ching hexagrams were drawn (Banks 1989: 175).

The spotted horse retains cultic, celestial connections in present Altaic shamanistic beliefs as well. According to Esin, «Solbon (3olpan, 3oban in Ottoman Turkish), the evening star, is a horse shepherd, on a dappled horse, whose herd grazed in the heavenly prairies. 3olpan-Solbon is represented on the kams' drums as a rider holding a star» (p. 195). Today in Tuva, the leopard-spotted horses are termed syldys shokar, «star-spotted» (Donahoe 2001).

The «Heavenly Horses» of Han China

Following Chinese emissary Chang Ch'ien's fateful excursions west in 139 and 117 BC, Emperor Han Wu-ti's quest for the «Heavenly Horses» (called by the Chinese, Tien «heavenly» or Shen «supernatural» Ma «horse»)-which were described as «blood-sweating»-takes us to precisely the regions of the earlier northern Dragon-horse legends: the Hi and Ferghana valleys. The relationship between the «heavenly» powers of the horses coveted by Wu-ti and the Dragon-horses is clear. Following this time, much Han-period artwork depicts horses with wings (see e.g., Fernald, Cooke). The Han hymn, «Heavenly Horses,» calls them «shaman of the dragon» and states of them «the Dragon will follow in their wake.» In other words, the horses, related as they are to dragons, will with them «one day bring along a Dragon, a being even more magical than a Heavenly Horse» (Birrell 1993: 41; Waley 1955: 97). The aquatic origin of the horses is also clear. In the same hymn, they are said to have «issued from the waters of a pool» (Waley 1955: 96). The hymn also notes the horses to have «tiger backs,» a term which is descriptive of a particular type of marking of leopard-spotted horses, as is the term «blood-sweating,» i.e., dark or red spots on a white background.

About the Dragon-horses' coat color, Bloodberg states that the Chinese word lung (dragon) «as an epithet applied to a horse may mean nothing more mysterious than "dapple."» (1939 : 288n). It seems that this indeed might be the case. As evidenced by a Han stone rubbing, at least some of the horses metaphorically described in the Han literature as «blood-sweating» or as having «tiger backs» are indeed depicted as leopard spotted (Yetts 1934: fig.4). Here, the upper row of Chinese officials all proudly parade on such prancing spotted steeds.

Conformational Characteristics of the Early Spotted Horses In addition to seeking the horse's symbolic significance to early peoples, researchers over the years have attempted to discern and categorize the morphology of the early horses of the Central Asian nomadic peoples on the basis of bone measurements of horses found in kurgans (see e.g., Bukunyi 1974). But these provide only very gross assessments (height, bone mass, head size), and do not allow us to infer the conformational elements which depict breed characteristics, such as angle of hip, shoulder and neck. (Juliette Clutton-Brock, personal correspondence, 4 January 2001). For this we must look in two places: (1) descriptions and depictions in the historical record, and (2) possible remnants of such type present in isolated equine populations present in the areas today.

Both descriptions and depictions of horses of the Tien Shan and Altai mountains convey the image of a particular type of horse. Termed «Shen» horses in the later Turkic and Chinese sources, they exist in time and place, and are consistently associated with, the Dragon-horses. Indeed, it is possible that in the term «Shen» we have a more original term for the Dragon-horses, as the term is first noted in the Chinese literature in relation to the «Heavenly Horses» of Wu-ti's time (Hulsewe 1979: 133n). Of the Shen horse, Esin notes:

This creature presents a rather incongruous appearance which however corresponds to a real breed, represented many times and existing to our day, combining a heavy Prezvalskii type of trunk and limbs. . . with the paradoxically diminutive head and the gracefully arched neck of a thorough bred. . . [and] seemingly furry fetlocks (Esin, pp. 209-210).

It is precisely this group of traits-down to the furry fetlocks-that are portrayed on the horses depicted on the fine Pazyryk knotted carpet (Rudenko 1970: fig. 145; Gryaznov 1969: fig. 135). Likewise artwork associated with both the Dragon-horses and Heavenly Horses, discussed herein, depict exactly such traits of type (excepting the heavy heads of the Minusinsk petroglyph horses).

The Altaiskaya Chubaraya Horses of Expedition 2000 In August of 2000, an expedition to the Ulagan region of the Russian Altai was conducted to photograph conformation and draw blood from spotted Altai horses for DNA analysis (the results of which should be available by the time of this conference). Although some «aboriginal» horses were removed from the region in the 20th century for crossbreeding, the Ulagan band remains virtually pure. Conformationally, the Altai horses can be described as consistently matching descriptions and depictions of the Shen, Dragon and Heavenly horses: the legs are of medium length (length of leg relative to body depth) and with sturdy «bone»; the heads are refined; the neck ties into the chest high with no dip in front of the withers, and is arched and graceful; and the croup is relatively flat. They often have «feathers,» the furry fetlocks described by Esin. A large percentage of them are leopard spotted.

In contrast, the Shen, Dragon and Heavenly horses of antiquity and the Altai horses of today appear conformationally very unlike the two most recognized breeds in surrounding areas: the Mongolian pony with its short legs, somewhat large head, and neck that ties into the chest at a veritable horizontal level; and the desert-breds such as the Akhal-Teke with its long, fine-boned legs, refined head, typical «upside-down» neck (called by some Akhal-Teke breeders a neck with a «large adam's apple») with a dip in front of the withers, and sloped croup (Oliver and Langrish 1991: 13). The gene which causes leopard spotting is extremely rare in Mongolian horses and entirely absent in the Akhal-Teke breed.

Conclusions

As the Chinese feiyi depicts, and accounts of shamanistic rituals describe, probably throughout the area the «light colored,» leopard-spotted horses were not mere riding horses, but were sacred horses reserved for the cultic functions of the horse sacrifice ritual. Over time, the symbolic «heavenly» powers of the water-bom Altai-Tien Shan Dragon-horses-and the horses themselves-spread from the Near East to the Far East. The Altaiskaya Chubaraya of Ulagan today appears to match, in both conformation and coat color, descriptions and depictions of sacred horses from the Altai-Tien Shan region more than two millennia ago. Due more to the Ulagan region's remoteness than to any concerted breeding efforts, in these horses we may well have one living example of the pre-Han horses of Eastern Central Asia's nomadic peoples.

СВЯЩЕННЫЕ ПЯТНИСТЫЕ КОНИ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА ЛЕОПАРДОВОЙ ШКУРЫ НА ВОСТОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, НАЧИНАЯ С I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Уже в 800 — 600 гг. до н. э. археологические и письменные свидетельства помещают коней леопардо-пятнистой масти в Алтайско-Тянь-Шанский регион. Сегодня в Улаганском районе Российского Алтая “коренная” алтайская Чубарая лошадь сохраняет схожие морфологические и фенотипические признаки. Этот доклад: 1). представляет ранние изображения и описания леопардо-пятнистых коней в их мифологическом контексте; 2). сравнивает этих древних пятнистых коней с современными алтайскими пятнистыми конями с точки зрения их морфологических и фенотипических признаков; 3). представляет результаты анализа DNA алтайской Чубарой лошади.

G. ARDŽENT (ABŞ) T. LOBANOWA (ORSYÛET)

MUKADDES MENEKLI ATLAR : MERKEZI AZIÝANYŇ GÜNDOGARYNDA BIZIŇ ERAMYZYŇ I MÜŇÝYLLYGYNDAN BAŞLAP, BARS DERISINIŇ REŇKINIŇ SIMWOLIKI ÄHMIÝETI

Eýýäm biziň eramyzdan öňki 800-nji-600-njy ýyllarda degişli arheologiki we ýazuw subutnamalary Altaý-Týan-Şan sebitndäki bars reňk-menekli derili atlary baradaky maglumatlary özlerinde jemleýärler. Şu günki gün Orsyýet Altaýyndaky Ulagan etrabyndaky “hakyky” Altaý Çubar aty birmeňzeş morfologiki we fenotipiki alamatlary özünde saklaýar. Bu doklad :

1. barsreňk-menekli atlaryň mifologiki kontekstdäki gadymy şekillendirilişini we suratlandyrylyşyny beýan edýär ; 2. bu gadymy menekli atlary häzirki zaman Altaý menekli atlary bilen olaryň morfologiki we fenotipiki alamatlary nukdaýnazaryndan deňeşdirýär ; 3. Altaý Çubar atynyň DNA analiziniň netijelerini hödürleýär.

D. METZLER (GERMANY)

SADDLED HORSE WITHOUT HORSEMAN - A RELIGIOUS SYMBOL OF PARTHIAN TIME (ABBREVIATED VERSION)

Through several centuries in antiquity images of horses with empty saddles were to be found from the roman northwest provinces over ancient Iran up to the Far East. A prominent example of them are the gold and silver coins of the roman general Quintus Labienus minted in 40 BC (Fig. 1-3). On their revers-side they show without any explanatory or specifying inscription a horse of heavy Iranian breed with parthian harness (phalerae at its cross-ings), a saddle and a quiver for bow and arrows (rather than stirrups). A rider is invisible. What does that mean? The avers-inscription around the generals portrait runs as Q. LABIENVS PARTHICVS IMP, having Parthicus as a surname and naturally not as a triumphal title, since all historiographical sources say Labienus fought with the help of parthian troops against the newly established roman autocratic triumvirate. M. H. Crawford therefore rightfully calls these coins «the last republican issue». «Parthicus» must have had a positive connotation as part of the name of the imperator in those areas, were he and his parthians allies operated - from

Syrian Aramea up to Stratonicaea in western Asia Minor - to defend the lost position of Brutus' and Cassius' lost republicans and certainly also to push forward the geopolitical aspirations of their parthian supporters, the king Orodes and his son Pacorus. This alliance made sense insofar as parts of the populations in the roman east preferred the parthian rule to the seemingly harsher exploitation by the roman tax-farmers, as for instance Cicero complained in 51/50 BC that people in Cilicia «eagerly await the arrival of the Parthians», an expectation which later also underlies the messianic hopes of Rabbi Simon ben Jochai, who admonishes «to listen to the pace of the messiah, when one sees a parthian horse bound at a tombstone in Palestine»

The Parthians in Labienus army were cavalry, but in the propaganda-context of our coin, which just shows the horse and not a rider, the message must be more - in my opinion at least - than a military one. Since in the Near East the horse without rider can have a religious meaning, it should be asked whether through such an ideological connotation of the saddled horse people positively could be attracted to the politics and strategies of Labienus. Indeed there is a rich iconographic material to support this interpretation. Comparable for instance achaemenid seals with a sun-symbol over the empty saddle (Fig. 4) or a coin from the city of Mopsos showing a saddled horse with a quiver and palm-branch in it (Fig. 5), calling into memory Tacitus' story of the invisible divine hunter on parthian Mount Sanbulos, whose trace is marked by a plethora of shot game after a night's race of a saddled horse. Tacitus here speaks of Herakles - perhaps Verethragna? Mithras also comes into mind, who not only is named Parthicus in an inscription from Potaissa, but who is also depicted as a riding hunter in Dieburg and Dura Europos, riding also on a coin from Trapezunt, standing (!) on a horse in a relief in Verona (Fig. 9), which because of the mountain in its upper background and the upraised neighing horse head really reminds the Sanbulos-story by combining two levels of reality in one picture: a realistic horse with an unrealistic rendering of Mithras standing in frontal position on it.

Hypothetically one could propose Mithras also as the invisible god on Labienus' coins, but characteristically enough the coin leaves open the concrete denomination of the supposed deity. It obviously offers possibilities of other identifications, since riding gods became numerous in the first centuries of our era - the famous Thracian Rider being only one of them, Zeus Asbamaios possibly on a coin from Tarsos (Fig. 6) venerated especially in Cappadocia whose name can be derived from persian asp- = horse. Further Men, Kakasbos Sozon and others in Lycia, Helios, Horus and even King Salomon are shown as riders. Eschatological expectations are in some cases connected with saviours on horseback - Christ in the Apocalypse of John, or flames and other symbols for the Buddha (Fig. 8). The latter especially is in early times an example for an iconographic representation of the supernatural - empty throne, foot-prints etc. - a rendering of overwhelming power which occurs already in the ancient orient, where empty chariots, empty thrones as well as empty horse-saddles give place to the invisible. Very important in this context are bronze fittings of a more than life-size saddle from late antique Corea in the Hamburg Museum because they are inscribed with "sublime deity».

Similar interpretation is possible for the sepulchral use of a saddled horse - as a living tradition still remembered in 20th century eastern Westphalia (Engem) where the big farm-owners called «Sattel-Meier» had the privilege to be accompanied at their sepulchral ceremony in the church by a saddled horse, thus obviously preserving pagan ritual in Christian surroundings as seems to be the case also with the presence of a saddled horse in the funeral cortege of Churchill, or more allegorically on medals commemorating 1650 the death of King William II, an iconographic topos which in the north goes back to roman tombstones, but can

also be found at the other end of the Eurasian steppe-belt in China, where the famous «heavenly horses» from Central Asia following one interpretation are also looked after in search for immortality, comparable to the richly decorated saddled horse in Tang tomb inventories.

In the Islamic world we have the saddled horse in an individualized sepulchral/eschatological context on an 13th century Iranian terracotta-bowl in the Freer Gallery standing before a squatting male figure and more ostensibly and pompously represented in the ottoman funeral procession of the sultan, where altogether 14 saddled horses paraded - 13 for the imperial predecessors and one for Selim II.

Combining all these iconographic arguments one feels obliged to see more than just an ordinary depiction of Parthian cavalry on Labienus' coins: a religious symbol of eschatological expectations which could be deserved by different deities and be used by both parthian, roman-republican and various local political interests.

Д. МЕТЦЛЕР (ГЕРМАНИЯ)

ОСЕДЛАННЫЙ КОНЬ БЕЗ ВСАДНИКА — РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ ПАРФЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

В эпоху древности образы коней с пустыми седлами известны на огромной территории от римских северо-восточных провинций через Иранское плато до Дальнего Востока. Выдающимся образцом таких изображений являются золотые и серебряные монеты римского полководца Квинта Лабиена, выпущенные в 40 г. до н. э., когда он сражался против Рима на стороне парфян. По мнению автора доклада, который включает в свой анализ подобные сюжеты на памятниках самого широкого хронологического и территориального диапазона, оседланный конь без всадника на монетах Лабиена — это не просто изображение, подразумевающее парфянскую конницу, а религиозный символ эсхатологических ожиданий, который мог иметь отношение к различным божествам и использоваться как в парфянских, так и римско-республиканских или различных местных политических интересах.

D.METSLER (GERMANYA)

ÜSTI BOŞ EÝERLENGI AT PARFIÝA ZAMANYNYŇ DINI NYŞANYDYR

Gadymy eýýamlarda üsti boş eýerlengi at obrazlary Demirgazyk-gündogar Rim welaýatlaryndan, Eýran ýerleriniň üsti bilen, tä Uzak Gündogara çenli meşhur bolupdyr. Şeýle şekilleriň görmüklü nusgalary rimli serkerde Kwinta Labiýeniň biziň eramyzdan öňki 40-njy ýylda çykarylan gyzył we kümüş manatlyklarydyr. Ol şol ýyllarda parfiýalylaryň tarapynda durup, Rimiň garşysyna göreşipdir. Iň bir giňişleýin hronologik we territorial derejedäki ýadygärliklerdäki şoňa meňzeş sýužetleri öz analizine goşan dokladyň awtorynyň pikirçe, Labiýeniň manatlyklaryndaky üsti boş eýerlengi atlar ýöne bir parfiýan atlaryny suratlandyryan şekiller däl-de, eýsem eshatologik garaşmalaryň dini nyşanydyr. Onuň dürli hudaýlara degişli bolmagy we parfiýalylaryň bähbidi üçin hem, Rim-respublikan ýa-da dürli ýerli syýasy bähbitler üçin hem peýdalanylan bolmagy mümkin.

TÜRKMENLERDE ATYŇ KULTY

Türkmenistanyň gadymy ilatynda at irki döwürlerden bäri günün kultuny aňladyp, gün hudaýy hasaplanypdyr. Ony Günorta Türkmenistanyň encolit we bürünç asyrlaryna degişli ýadygärliklerden tapylan atyň heýkeljikleri, soňraky, ýagny ahemeniler döwründe bolsa aty gün hudaýy üçin sadaka berendikleri tassyklaýar. „Taryhyň atasy” Gerodot massagetleriň „... hormatlaýan ýeke-täk hudaýy – Gün. Iň çalt ýöreyän hudaýa dünýäde iň çalt ýöreyän jandary gurban etmegi bu hudaýolynyň düýp manysy hasap etmek bilen, olar atlary sadaka edýärler...” diýip ýazydyr.

Ata hormat goýmak däbi orta asyrlar eýýamynda hem türkmenleriň arasynda dowam edipdir. Türkmenistanyň iri arheologik ýadygärliklerinde gazuw agtaryş işleri geçirilende atyň heýkelleri we dürli küýze önümleriniň ýüzüne çekilen atyň şekilleri köp tapylýar.

Türkmenleriň arasynda orta asyrlar döwründen başlap häli häzire çenli ganatly Düldül atyň kulty uly meşhurlykdan peýdalanýar. Sebäbi rowaýata görä Düldül halyf Alynyň aty bolup, atlaryň piri hasaplanýlar. Düldül atyň kulty Günorta Türkmenistanyň (Nusaýda, Änewde, Merwde we başga ýerinde), Köýtendagyň eteginde ýerleşýän käbir obalaryň ilatynyň arasynda has-da giň ýaýrapdyr. Il arasyndaky gürrünlere görä, ýokarda ady agzalan ýerlerde „Düldül atyň toýnagynyň zyy” hamala daşyň ýüzünde saklanyp galypdyr.

XX asyryň 40-njy ýyllarynda Bagyr obasynyň Daşgala diýen ýerinde biriniň howlusynda bar bolan „Düldüliň toýnagynyň zyy” ýerli ilatyň arasynda mukaddes ýer hökmünde görnüpdir. Halk arasyndaky gürrünlere görä „Düldüliň toýnagynyň yzynyň” daşyndan ýedi gezek ýarawsyz taýy aýlasaň, onda ol gutulýarmyşyn. Kähalatlarda „Düldüliň toýnagynyň zyy” saklanýan daşa ýarawsyz adamlar-da zyýarat edip, oňa sygynypdyrlar. Bu ýerde biz gadymy ýerli at kultunyň galyndylaryny görýäris.

Türkmenleriň arasynda „Kimiň aty bolsa, onuň ganaty bardyr”, „Irden turup ataňa seret, ataňdan soň – atyňa” – ýaly nakyllaryň bolmaklygy, halkymyzyň şu günler hem ata uly sarpa, hormat goýýanlygyndan habar berýär.

Г. Н. ХАНМУРАДОВ, М. БЕКНАЗАРОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

КУЛЬТ КОНЯ У ТУРКМЕН

У древнего населения Туркменистана конь олицетворял бога Солнца, культ Солнца. Это доказывают статуэтки лошадей, найденные на памятниках энеолита и бронзового века в Южном Туркменистане, приношением коней в жертву богу Солнца в Ахеменидское время. золотые украшения коней, которые использовали массагеты и парфяне, говорят об огромной роли этих животных в жизни наших предков.

Почитание коней продолжается и в средние века. До сих пор большой популярностью среди народа пользуется культ крылатого коня Дульдудля. Дульдудль - конь халифа Али, считался покровителем лошадей. По существующим поверьям след копыта Дульдудля является священным.

TURKMENS CULT OF HORSE

The horse personifies the God of Sun, the cult of Sun. It is proved by statues of horses that are found in monuments of eneolith and Bronze Age in Southern Turkmenistan, and it is proved by sacrificing horses for the God of Sun during Akhemenids time. The golden jewellery of horses that are used by massagets and parthian people shows great role of these animals in lives of our ancestors.

Worshipping of horse was continued in the Middle Ages as well. The cult of flying horse Duldul is still very famous among people. Duldul horse of khalif Ali was considered a protect of horses. The cult of Duldul horse is widely met in Southern Turkmenistan, near Koytendag region. The trace of Dulduls hoofs is sacred and is worshipped by people.

ОЛЬГА ЦЕПОВА
(РОССИЯ)

ОБРАЗ КОНЯ И ВСАДНИКА В ТЕРРАКОТЕ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

В материальной культуре древней Бактрии образ коня и всадника встречается очень часто: в настенных росписях, в декоративном архитектурном рельефе, на монетах, в штампованном орнаменте на керамике и, наконец, в терракотовых статуэтках. В коропластике он появляется во II - I вв. до н. э. и становится одним из самых распространенных образов, воспроизводимых в терракоте. Подобные статуэтки коней встречаются в Бактрии, Маргиане, Согде и Хорезме. Их находят при раскопках разных типов сооружений, но чаще всего в жилых зданиях и помещениях. Они имеют небольшие размеры, которые варьируют примерно от 5 до 15 см. Статуэтки коней часто сопровождаются сидящим на нем верхом всадником. Всадник иногда вылеплен вместе с конем и неотделим от него, однако часто встречаются отдельные фигурки коней и всадников с округленными ногами для посадки на спину коня. Эти статуэтки вылеплены вручную довольно грубо. Сначала они лепились из плотной красноватой глины, затем из светло-желтой неплотной. Фигура всадника выполнена очень схематично. Его глаза иногда представлены простыми налепными лепешечками, иногда отсутствуют, нос передан небольшим защипом, выступающим в виде ребра. Единственным предметом костюма, который может быть изображен на статуэтке, является небольшой остроконечный головной убор, аналогичный воспроизведенному на голове царя Гермея на монетах его чекана. Причем на обратной стороне монет выбит всадник.

Что касается функционального назначения терракотовых статуэток коней и всадников, то чаще всего им предается культовое назначение, однако высказывалось предположение, что они использовались как игрушки. Тот факт, что они часто были найдены в жилых помещениях, говорит об их индивидуальном или семейном применении (домашние культы). Интересную аналогию представляет статуэтка, найденная на Дильберджине в Северном Афганистане. Здесь на спине быка сидит странное существо, интерпретируемое как сова. Является ли эта фигурка, как и всадник на коне, одним из образов народных верований или просто игрушкой? Возможно и то и другое.

Появление терракотовых статуэток объясняется влиянием западного эллинистического мира, который характеризуется широким распространением терракот. В Средней Азии, однако, иконографический набор сильно отличается: вместо изящных женских и детских статуэток, присущих западному эллинизму, здесь фигурируют божества, скорее всего местного пантеона, или персонажи, сопровождающие исполнение культа (музыканты, танцовщицы и др.). Из этого вытекает и их функциональная интерпретация: скорее всего они служили предметами поклонения.

Терракотовые кони и всадники, появившиеся во II - I вв. до н. э., связываются с приходом в Среднюю Азию с севера кочевых и полукочевых племен сакского происхождения, за которыми последовали кочевые племена Юэджей, одно из которых под названием Кушаны создало великую империю. Конь и всадник играли большую роль в жизни кочевников, пришедших из северных степей, и их изображения связывались с культом предков.

Широкое распространение в Бактрии образа коня не противоречило канонам самой распространенной в Бактрии религии - зороастризму, т.к. конь в священной книге зороастризма Авесте занимает особое положение. Он является одним из аватаров бога победы. Роль лошади в династийном культе предков, особенно распространенном на рубеже н. э., подтверждается изображениями на монетах.

Из китайских источников известно, что в Бактрии были выведены прекрасные породы лошадей, например, в районе Хутталя, расположенном между Пянджем и Вахшем, а также в Чаганиане. Возможно, именно они были предками известных локайских пород лошадей

Традиция бактрийской коропластики продолжалась и в последующий период, но в гораздо меньшей степени. После прихода ислама антропоморфные изображения практически исчезли.

O. TSEPOVA (RUSSIA)

THE IMAGE OF HORSE AND OF AN EQUESTRIAN IN THE TERRACOTTA OF ANCIENT BACTRIA

In the material culture of ancient Bactria the image of a horse and of an equestrian was widely used: in wall paintings, in decorative architectural relief, on coins, in the stamped decoration on ceramics and in terracotta figurines. In coroplastics it appeared in the II – I c. B.C. and became one of the most popular images met in terracotta. These statuettes can be found in the constructions of different types but more often in houses. They were made by hand, not very carefully. Very often they had a cult interpretation but someone supposed that they were used as toys. The origin of terracotta figurines in antic times in the Central Asia was related often to the influence of the western hellenistique world which was characterized by the wide spread of them. The horse and the rider played a great role in the life of the nomads who came from the northern steppes and a presentation of them was related to the cult of ancestor. As we know from the Chinese sources a wonderful breed was bred in Bactria. The Bactrian coroplastics tradition continued in the following period but in much less degree.

O. SEPOWA (ORSYÝET)

GADYMY BAKTRIÝA TERRAKOTYND A TYŇ WE ATLYNYŇ KEŞBI

Gadymy Baktriýanyň maddy medeniýetinde atyň we atlynyň keşbi köplenç diwar ýazgylarynda, arhitektura bezeg işlerinde, teňnelerde, keramikanyň basylan nagyşlarynda, şeýlede terrakot heýkeljiklerinde gabat gelýär. Koroplastikada ol biziň e. öň II-I asyrlarda iň bir belli bir ýaşyran görnüşde terrakotda şekillendirilmesinde döredilýär. Atyň we atlynyň heýkeljikleri dürli ýerleriň gazuw agtaryş işleri ýerine ýetirilende tapyldy, ýöne köplenç, ýaşayyş we edara jaýlarynyň gazuw işlerinde tapyldy. Bu heýkeljikler gödek elde edilipdir. Atyň we atlynyň heýkeljikleriniň terrakot funksional degişiligi kult hökmünde garalýar. Ýöne kä halatlarda olar oýnawaç hökmünde hem garalandygy belenilýär. Terrakot heýkeljikleriň döremeginde günbatar ellinistiki dünýäniň täsiri bolup, terrakotlaryň ýaşramagy bilen häsiýetlendirilýär. Çarwalaryň durmuşynda at we atly aýratyn orunda durýar. Demirgazyk düzlüklerinden gelen çarwalaryň ata-babalarynyň durmuşy bilen ony baglanyşdyrýarlar. Hytaý çeşmelerinden belli bolşy ýaly, Baktriýa atlaryň iň ajaýyp tohumlary getirilipdir. Az möçberde hem bolsa soňky döwürlerde Baktriýa koroplastika däpleri dowam etdirilýärdi.

ЛЮБИМЫЙ КОНЬ НАПОЛЕОНА И КАРТИНА К. ВЕРНЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Во время Египетского похода после сражения с турками при Абукире в 1799 г. Наполеону достался серый жеребец арабской породы, который в 1800 г. в честь победы Бонапарта над австрийцами под Маренго получил имя «Маренго». Жеребец был невелик ростом, но гармонично сложен, вынослив и обладал редкими качествами, сделавшими его идеальным боевым конем, которого император любил больше всех своих лошадей. Судьба этого коня примечательна: он участвовал во многих кампаниях и исторических битвах. Именно он был под седлом Наполеона в Бородинском сражении. Маренго делил с великим полководцем тяготы военных походов, перенося жару африканских песков и стужу российских метелей, он прошел с Бонапартом через триумф побед и горечь поражений. Маренго был взят в плен при Ватерлоо. Отныне пути коня и его прославленного хозяина разошлись. Маренго был приобретен офицером британской армии и известным конезаводчиком. Этому боевому коню была суждена не только яркая судьба, но и долгая жизнь. Маренго пережил Наполеона. Он пал в 1832 году. Его скелет был передан в Национальный музей армии в Лондоне, где он демонстрируется по сей день. Из двух копыт знаменитого коня были сделаны памятные табакерки, два других - маленькие изящные копыта гордого арабского скакуна, прошедшие дорогами войны всю Европу и оставившие свои следы на двух континентах экспонируются в музее.

Память о Маренго хранится не только в Национальном музее британской армии. Есть все основания полагать, что его образ запечатлен на одной из картин коллекции французской живописи в Эрмитаже. Полотно «Охота Наполеона в Компьенском лесу» кисти Карла Верне, принадлежавшее Евгению Богарне, пасынку Бонапарта и его адъютанту в Итальянской кампании 1796 - 1797 гг., попало в Эрмитаж в 1919 г. через Государственный музейный фонд из собрания правнука Е. Богарне герцога Н. Н. Лейхтенбергского.

Картина написана в 1811 году по заказу самого Бонапарта, который, судя по всему, придавал ей особое значение. Все в этом заказе имеет в известной степени символический характер и было задумано, очевидно, самим Наполеоном. Картина отличается скрупулезной повествовательностью. Многофигурная дробная композиция полотна К. Верне построена по принципу, ничем не отличающемуся от схемы панорамной баталии. Среди множества участников охоты и разнонаправленного движения не сразу опознаются главные действующие лица, которые композиционно никак не выделены. Избран кульминационный момент охоты: олень затравлен и выгнан собаками и егерями под выстрел императора, фигура которого отыскивается взглядом лишь при подробном рассматривании всей картины, как и сидящая в открытой коляске императрица. Интересно, что лошади на переднем плане представляют гораздо более индивидуализированные образы, чем люди, и егеря, конные и пешие, похожи на одинаковых игрушечных солдатиков.

Рядом с группой спешившихся людей, окружающих стреляющего Наполеона, егеря держит под уздцы двух коней, один из которых, серый, арабской породы, покрыт красным богатым чепраком и выделяется нарядной уздечкой. Нет сомнения, что это конь императора. Учитывая дату создания картины, личный заказ Наполеона, присутствие в сцене охоты образа императрицы Марии-Луизы, а также ценимые Бонапартом в Верне талант и мастерство художника-анималиста и отмеченное особое приращение Наполеона

к своему боевому коню, породе и масть коня, вряд ли можно сомневаться, что на полотне К. Верне запечатлен знаменитый Маренго.

E. F. KOROLKOVA (RUSSIA)

THE FAVOURITE HORSE OF NAPOLEON AND THE PICTURE OF K. VERNE FROM THE COLLECTION OF HERMITAGE

The stallion of Arabic breed named Marengo was delivered to Napoleon during Egyptian march after the battle with Turkish of Abukir in 1799.

Its rare qualities made it the ideal fighting horse. The emperor loved this horse more than the others ones. The fate of this horse was remarkable. This horse participated in many campaigns and historic battles. There are reasons for supposing the image of this horse is engraved in one of the pictures of the collection of French painting in Hermitage. This canvas "Napoleon's Hunting in Kompyen forest" belongs to the brush of Karl Verne.

Possessing armory of means and methods (devices) of animal painter Karl Verne was crazy about portrayal of horses, showing preference to thoroughbred, thin-legged fast horses.

The picture " The Hunting in Kompyen Forest " made to order by Napoleon, was attached the historical importance of chronicle and glorification of the empire.

Ýe.F.KOROLKOWA (ORSYÝET)

AT ESBABY DÄP-DESSUR SIMWOLIKASYNYŇ WE EÝRAN EÝERLIGINIŇ ELEMENTI HÖKMÜNDE

At esbabynyň gadymyýetde gönüden-göni öz unifar mazmuny bar, ol aty netijeli we ykjam dolandyrmagy üpjün etmegi kesgitleýär, onsoňam many-mazmun tertipdäki başga-da birnäçe wezipäni ýerine ýetirýär. Atyň söweşeň, kaşaň ýa-da ... eşikleri daşky gömüşiniň täsirliligi artdyrmagy alamatlandyryýar, bezeg, belki-de gorkunç görünmek hyzmatyny ýerine ýetirýär. Bu elementler şol bir wagtda ata eýeçilik derejesine laýyk gelýär we onuň sosial hukugyny häsiýetlendirýär.

Gadymy at esbabynyň möhüm bir bölegi eýerlikdir. Olaryň gömüşi, ölçegi, reňki çakdan aşa dürli-dürlidir. Bu ýagdaý etniki, sosial we gurluş aýratynlygy, şeýle hem sene alamatlary aňladýar. Eýran eýerlikleriniň häsiýetli toparýndan biri onuň elementleriniň taryhy ahemeniler häkimliginiň medeniýeti bilen baglylykda dürli territoriýalarda emele gelen şekillendiriş ýadygärliklerinde bardygydyr.

Ahmeniler eýýamynyň eýerlikleri şol medeniýetiň kaşaň at esbaby amaly hem bezeg detaly bolman, eýsem-de bolsa, at eýesiniň kesgitli sosial hukugyny, mümkingadar, apotopen, düşnükli aýdylsa, döp-dessur häsiýetini hem aňladýar.

С.Н. КИБИРОВА (РОССИЯ)

ТАНЦУЮЩИЕ ЛОШАДИ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Мощным рычагом в процессе взаимообмена-синтеза материальных и духовных ценностей народов Евразии в эпоху древности и средневековья служил Шелковый путь. Наряду с тканями, в первую очередь шелком, по нему активно транспортировались

различные драгоценности, золото и серебро, лазурит и нефрит, бронзовые зеркала, стеклянные бусы и фарфор, меха и шкуры, ковры и гобелены, а также быки, верблюды, лошади в яблоках и степные скакуны, и мн. др. Драгоценным товаром Шелкового пути была и музыка, куда входили музыкальные идеи, вкусы, музыканты с различными музыкальными инструментами, певцы и танцоры, актеры и прочая артистическая публика, а кроме того поющие птицы и танцующие лошади. Музыка Восточного Туркестана эпохи древности и средневековья представлена в объемном и разнообразном фонде письменных и вещественных памятников. Самый ранний вещественный памятник с музыкальным сюжетом, в котором участвует лошадь, мы находим в терракоте древнего Хотана. Здесь, среди множества миниатюрных статуэток, есть изображение обезьяны, которая музицирует на продольной флейте сидя верхом на лошади /Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 102, табл. 34, №1475/.

На протяжении веков в Восточном Туркестане во время религиозно-обрядовых, календарных и других народных праздников были чрезвычайно популярны массовые танцы и представления, в которых активное участие принимали и животные. Так, во время празднования «Дня новой весны» устраивались бои быков, конные и верблюжьи состязания - зрелищные мероприятия длившиеся по семь дней /Хо Сюйчу, 1985, с.332/ . «Сражающиеся верблюды были особенностью больших празднеств в Куче Китайцы знали также, что жители Кучи проводят обрядовые бои между боевыми быками (равно как и конями и верблюдами) во время своих празднований Нового года» /Шефер, 1981, с. 103, 107/. Эти грандиозные многодневные массовые гуляния с участием всех жителей и их животных, сопровождалась музыкой и музыкальными представлениями, где свое танцевальное мастерство демонстрировали даже лошади.

О танцевальной культуре древних уйгуров, ее высоком уровне, было известно еще задолго до их обоснования в Восточном Туркестане. Так, в «Вэйшу» записано, что уйгуры из танцев развили целый тип ритуала /Хо Сюйчу, 1985, с.353/. Особый интерес вызывает информация о танцующих лошадях у уйгуров. Известно, что «самыми крупными и самыми заносчивыми поставщиками конского поголовья в Китай были тюрки-уйгуры». Главенствуя на конном рынке с середины VIII в., «в 733 г уйгуры прислали специального представителя с десятью тысячами лошадей для продажи».

У китайских императоров, отобранные «из наиболее одаренных лошадей, присланных в качестве дани из-за рубежей Китая» для представлений при императорском дворе, богато украшенные и разделенные на две группы, «они проделывали свои сложные телодвижения, сопровождая их кивками головы и взмахами хвоста». Эти удивительные лошади «могли танцевать на скамьях, соединенных по три, и стояли как вкопанные, когда силачи поднимали эти скамьи» /Шефер, 1981, с. 94, 98/

Среди многообразия танцев-представлений Восточного Туркестана отдельную группу составляли мосьу, так называемые подражательные танцы, когда артисты надевали костюмы, маски животных и зверей, или копировали их. Сюда относятся «Львиный танец», «Птичий танец», «Обезьяний танец», «Лошадиный танец» и другие. Причем, в источнике танского времени «Тан инь» сообщается, что при династии Тан существовал танец, в котором совмещались два танца: «Лошадиный» и «Крутящихся пиал». Совмещение в одном музыкально-танцевальном представлении двух и более танцев использование для сопровождения танца мелодии другого танца, смешение костюмов-масок и другие «вольности» - явление частое и обычное. О том, что у древних уйгуров еще до переселения в Восточный Туркестан были подобные танцевальные представления, а именно - «Верблюжье», «Лошадиное», «Львиное» и др., есть косвенное указание в «Синь Таншу*» - раздел о хакасах. В настоящее время в Синьцзяне очень

распространены подражательные танцы Так, например, в районе Хами популярен «Петушиный танец», в котором очень много движений, копирующих петуха, а разновидности «Лошадиного» танца особенно популярны в районах реки Или и Атуше; и др./Чжоу Цзинбао, 1985, с.310-311/.

О танце-представлении «Сумочжэ» Хуй Линь в книге «Ицэ цзин иньи» («Произношение и значение иероглифов во всех классических сочинениях») пишет «Танцоры иногда надевали маски зверей, а иногда изображали духов и чертей». Возможно, танец использовался и как магический акт. Кроме перечисленного выше, на исполнителей иногда накидывались лошадиные уздечки, и это было уже отдельное представление /Чжоу Цзинбао, 1985, с.308-309/. Уздечки употребляются у современных уйгурских бакшей - в танцах изгнания злых духов. Иногда вместо уздечек накидывают веревку или используют дагоу (бердыш - старинное оружие с крючкообразным лезвием и поводьями) /Чжоу Цзинбао, 1985, с. 309/.

S.N.KIBIROVA (RUSSIA)

DANCING HORSES FROM EASTERN TURKESTAN

In the interaction of physical and moral values of Eurasian people the role of Silk Road through Eastern Turkestan is of great importance. Among transported valuable things there were music and musicians with different instruments; singers, dancers, actors and also singing birds and dancing horses. The earliest ancient monument with musical image was a terracotta donkey, which played on the flute sitting on the horse from Ancient Hotan. During religious, ritual and other national holidays in Eastern Turkestan the mass dances and shows in which animals have participated were very popular (bullfights, horse or camel competitions). These mass presentations, which have been lasted for a long period of time, were accompanied with music and musical shows where horses also demonstrated their dancing talents. Dancing horses, have been selected for shows in the Imperial Palace, "made difficult motions with head hoddings and tail flaps... they can dance benches, joining by there and stand motionlessly while strong men began to lift them up." Among these dances there are "Lion", "Bird", "Monkey", "Horse" and others. Ancient Uigurs before their movement to the Eastern Turkestan gave the following dancing shows as "Camel", "Horse", "Lion", etc. Nowadays the imitating dances are very popular in Xinjan and in Ilior Atushe regions - different types of "Horse" dancers. Modern uigur bakshies use bridles to conjure ghost away in their dances.

S.N.KIBIROWA (ORSYËT)

GÜNDOGAR TÜRKÜSTANYŇ TANS EDÝÄN ATLARY

Ýewroaziýanyň halklarynyň maddy we ruhy medeniýetiniň özara baýlaşmagynda Gündogar Türküstanyň ýerlerinden geçen Ýüpek ýolunyň gymmatlyklaryň arasynda saz we dürli saz gurallaryna erk eden sazandalar, aýdymçylar, tansçylar, aktýorlar, şeýle-de saýrak guşlar hem-de tans edýän atlar bolupdyr. Iň irki saz sýužetli ýadygärlik – munuň özi Hotandan tapylan maýmynjykdyr, terrakotadan ýasalan ol maýmynjyk atyň üstünde oturyp tüýdük çalyan görmüşde şekillendirilipdir. (Dýakonowa, Sorokin, 1960, 102 s.)

Dini, kalendar we beýleki köpçülikleýin baýramçylyklarda Gündogar Türküstanda märekeli tanslar we sahnaly oýunlar meşhur bolupdyr, olara haýwanlar hem gatnaşdyrylypdyr :

öküz söweşleri, at we düýe çapysyklary guralypdyr. (Ho Süýçi, 1985, 332 s.) Birnäçe güne çekýän bu köpçülikleýin toýlar saz we sazly oýunlar bilen bezelipdir, oňa bolsa tans edýän atlaram gatnaşypdyr. Imperator köşgünde oýun etdirmek üçin saýlanyp alnan atlar "... başlaryny atyşyp we guýruklaryny bulap, çylyşyrmly hereketleri edipdirler, üç bir - üç bir edilen oturgyçlaryň üstünde oýnap bilipdirler, läheň haýwanlary şol oturgyçlary göterenlerinde-de, doňan ýaly gymyldaman durupdyrlar" (Şefer, 81, 94 s.)

At oýunlarynyň arasynda "Ýolbars oýny", "Guş oýny", "Maýmyn oýny", "At oýny" ýaly tanslar bar eken. Entek Gündogar Türküstana göçmänkäler, gadymy uýgurlarda "Düýe oýny", "At oýny", Ýolbars oýny" ýaly tanslar bar eken. Häzirki wagtda Sinsizýanda öýkünme tanslary, Ili we Atüşe, töwereklerinde bolsa "At oýny" giňden ýaýrandyr. Häzirki uýgur porhanlary öz oýunlarynda at uýanyny ulanýarlar.

K. S. RUBINSON (USA)

THE HORSE AND THE RIDER: HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS

The arts of the early nomads of the first millennium B.C. Eurasian steppe are characterized by representations of many animals, although the horse is generally absent. It is only in the 4th century B.C. that representations of horses with riders occur. Beyond the «Greco-Scyth» objects found in the Black Sea region, such as the distinctive comb from Solokha, the Chertomlyk vase, and other vessels, jewelry and ornaments, the horse and rider also appears at approximately the same time in regions to the east. From Pazyryk kurgan V are a felt hanging and the pile carpet with horses and riders, from Filippovka the cup ornament with a hunting scene from kurgan 1 and the bone sculpture of horse and rider from kurgan 3. In this paper I will explore the implications of this iconographic innovation and attempt to explain the cultural significance or significances of this new artistic choice.

К. С. РУБИНСОН (США)

ОТ "ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ" К КОНЯМ СО ВСАДНИКАМИ: КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НОВШЕСТВА

Искусство ранних кочевников евразийских степей в I тыс. до н. э. характеризуется изображениями многих животных, хотя конь при этом в основном отсутствует. Только в IV в. до н. э. появляются изображения коней со всадниками. Кроме "греко-скифских" предметов искусства, найденных в Северном Причерноморье, таких как гребень из Солохи, ваза из Чертомлыка и другие сосуды, драгоценности и украшения, конь и наездник приблизительно в то же самое время также появляются в более восточных областях. Из Пазырыкского кургана V происходят войлочная драпировка и ковер с конями и всадниками, из Филипповки — орнамент на чаше с охотничьей сценой (курган 1) и костяная скульптура коня и всадника (курган 3). В этом докладе автор исследует подтекст этого иконографического новшества и предпринимает попытку объяснения культурного значения (или значений) этого новой художественной альтернативы.

ATÇAPARLARYŇ KÖMEGI ARKALY ATLARY ÝABANY GÖRNÜŞDEN ELDEKI GÖRNÜŞE GEÇIRMEK TÄRI: ÇEPER TÄZELIKLERIŇ MEDENI ÄHMIÝETI

B.e.öň I müňýyllykda Ýewraziýa sâhralarynyň irki çarwalarynyň sungaty atyň ýokdugyna garamazdan köp haýwanlaryň şekilleri bilen häsiýetlenidirilipdir. Diňe b.e.öň IV asyrdan atçaparly bedewleriň şekilleri peýda bolup başlaýar. Demirgazyk Priçernomoriýedäki tapylan sungata degişli “grek-skif” zatlaryndan başga-da, Solohiden edilen darak, Çertamlykdan edilen güldan, beýleki gaplar, gymmatbahaly zatlar hem şaý-sepler ýaly atlar we atçaparlar takmynan şol wagtlarda Gündogaryň köp ýerlerinde peýda bolýarlar. Pazyryk V gorgandan bolan atçaparly we atly halydyr keçeden edilen perdeler, Filipowkadan bolan aw meýdanly käselerdäki (gorgan 1) nagyşlar hem süňkden ýasalan atçaparyň, atyň heýkelleri (gorgan 2) gelip ýetipdir. Şu nutukda awtor şol ikonografik täzeligiň syrny inçelik bilen öwrenýär we şu täze çeper alternatiwanyň medeni ähmiýetini (ýa-da manysyny) düşündirmäge synanyşyk edýär.

Г. Г. АГАЕВА (ТУРКМЕНИСТАН)

ЭКРАННАЯ ЖИЗНЬ АХАЛТЕКИНСКИХ СКАКУНОВ

Красивые и выносливые, верные и бесстрашные ахалтекинские скакуны были не только участниками многих престижных международных аукционов и соревнований, но еще и героями и актерами экрана. Уже на заре становления и развития туркменского кино проявился интерес мастеров к этим великолепным животным, наделенным яркой, зрелищной фактурой. Ахалтекинские скакуны снимались в документальном и игровом кино и давали наглядное представление об одной из самых ярких национальных ценностей народов.

Сегодня созданы все условия для работы по восстановлению чистоты и численности уникальной породы скакунов. Постоянно проводятся научные конференции, аукционы, выставки – вывоки, широко отмечается учрежденный главой государства новый национальный праздник – День скакуна. Праздничные события освещаются телевидением, и через обращение к широкой аудитории мероприятия в честь скакуна становятся общенародными.

G. AGAÝEWA (TÜRKMENISTAN)

АХАЛТЕКЕ АТЛАРЫŇ КИНО SUNGATYŇDAKY DURMUŞY

Ahalteke atlaryň kino sungatyndaky durmuşy 30-njy ýyllardan başlanýar we biziň günlerimizde-de dowam edýär. Olar çeper we dokumental kinolarynyň gahrymanlary, aktýorlary bolup we köpçülik sahnalarynda surata düşdüler. Çeper filmler köplenç halk arasyndaky at bilen baglanyşykly däpleriň ruhy-durmuş taraplaryny görkezýär; dokumental filmler - hünär başarnygyny görkezýär, tohum aýratynlyklaryny, baş öwretmegiň usullaryny wagyz edýär.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ И ВСАДНИКА В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ

Литература сасанидского периода на среднеперсидском языке “пехлеви” очень богата. Она представлена сочинениями, разнообразными по характеру и тематике. В них нередко изображаются животные. Из которых конь – одно из наиболее часто встречающихся. Что объясняется его особой ролью в переселении и в хозяйстве древних иранских народов. Сведения о конях содержатся в текстах различных жанровых категорий.

Мифический сюжет с образом коня имеется в Бундахишне, являющемся переводом одной из не дошедших до нас авестийских книг.

Много внимания уделяется изображению коня и всадника в пехлевийских эпических сочинениях: в “Предании о сыне Зарера”, в “Книге деяний Ардашира сына Папака”.

Конь упоминается не только в текстах, условно относимых к художественным, но и в так называемых функциональных, имеющих практическое значение. К функциональным текстам относится, например, месяцеслов, моделирующий бытовое поведение, ориентированное на архитипическое, в котором, в частности, указывается день месяца, благоприятный для обучения юношей верховой езде и стрельбе из лука.

О широком использовании образа коня в пехлевийских сочинениях свидетельствует и их поэтика: в текстах встречаются метафоры, связанные с его образом.

O.M.CHUNAKOVA (RUSSIA)

THE HORSE IMAGE IN THE MIDDLE PERSIAN (PAHLAVI) LITERATURE

There are many writings in the Middle Persian Literature of the Sasanian epoch concerning the horse image because of horse significance in the old Iranians' life.

The horse is named in the mythical texts - e.g., the story of the battle of Tishtar incarnated the horse with the demon aposh, in the epic texts - e.g., the description of single combats and battles, the data of warriors as a social class, and in some classification lists. This classification is quasi-scientific, representing everyday idea of horses differing in colours and farming utility or simply known in Iran. Some texts enumerate weapons and armour. The “Explanation of Chess” describes chess as a game fully acted parallel to a battle. The horse was mentioned in the non-remained “The Code of Warriors”, is named in the text containing a specimen speech and in some other works purely practical in content. There is some metaphorical using of the horse image in the Pahlavi texts, too.

The Pahlavi writings embody different descriptions of the horse image. This fact indicates that they have been based on the Iranian beliefs and concepts traced back both to the nomadic period and the late Sasanian one.

SASANY EÝRANYNDA ATYŇ WE ATÇAPARYŇ ŞEKILLENDIRILIŞINIŇ EDEBI DÄBI

Orta pars dilinde (pehlewî) sasany döwrüniň edebîýaty örän baýdyr. Ol häsiýeti, gömüşi, tematikasy boýunça dürli öwüşginli eserler bilen mälimdir. Olarda at gadymy Eýran halklarynyň hojalygynda we dary göçürmekde aýratyn rol oýnandygy düşündirilýär, has ýygýdan duş gelýän haýwanlaryň biri hökmünde şekillendirilipdir. Atlar baradaky maglumat dürli şahsly kategoriýalaryň tekstlerinde saklanýar.

At obrazly mifiki sýužet hökmünde Bundahişnada Awesta kitabyna bize çenli ýetmedik nusga bolup durýar. “Zareriň ogy barada rowaýat”, “Ardaşiriň işi Papakanyň ogy barada kitap” ýaly pehlewî epik eserlerinde atyň hem-de atçaparyň şekillendirilişine köp üns berilýär. At diňe bir çeper tekstlere degişlilikde däl, eýsem, tejribe ähmiýeti bolan funksional diýip atlandyrylýan tekstlerde hem ýatlanylýp geçilýär. Funksional tekstlere ýetginjekleriň ok-ýaýdan atmagy we atly ýörişi öwrenmegi üçin oňaýly aýyň günleri bölekleyin görkezilýän arhitipiklige görnükdirilen modelirlenen durmuşy häsiýet ýaly mysallar degişlidir.

Pehlewî eserlerinde atyň obrazynyň giňden ulanylýşy barada olaryň poletikasy hem şaýatlyk edýär: tekstlerde onuň obrazy bilen baglanyşykly meňzetmeler hem duş gelýär.

A. И. КОЛЕСНИКОВ
(РОССИЯ)

СЮЖЕТЫ “ВСАДНИК И КОНЬ” В САСАНИДСКОЙ ГЛИПТИКЕ И НУМИЗМАТИКЕ

Почитание коня в древнем и аннесредневековом (домусульманском) иране было обусловлено образом жизни народа, в течение многих столетий отстаивавшего и расширявшего пространства, завоеванные предками – древними ариями. Главными героями национального эпоса и мифологии зороостризма стали конные витязи, копьем и мечом истребляющие силы зла и изгоняющие воинственных чужеземцев. Авестийские гимны изобилуют восхвалениями коня, как одного из наиболее почитаемых творений Ахурамазды. Четверки быстрых белых коней впряжены в колесницы божеств Митры и Сраоши. Божества Вэрэтрагна, Хварна и Тиштрия в одном из перевоплощений принимают облик коня. Значение конного войска уже на этапе фиксируемой истории подчеркивалось выделением сословия всадников. В авесте и пехлевийских комментариях к ней предусматриваются строгие правила выбора боевого коня, его обучения (объездки), кормления, ухода за конем, защиты от болезней и увечий, о чем свидетельствует содержание “кодекса воинов”, пересказанное в 26 главе 8 книги “денкарда”.

Сюжеты “Всадник и конь” в монументальном искусстве древнего и средневекового Ирана являются, пожалуй, самым традиционным.

На половине скальных рельефов, изображающих инвеституру сасанидских правителей III - IV вв., бог Ахурамазда вручает венец царской власти Ардаширу I (226-241), Шапуру I (241-272), Варахрану I (273-276). И бог и будущий царь предстают здесь верхом на конях, выступающих навстречу друг другу. Фигуры всадников вдвое выше коней и почти касаются ногами земли. На рельефах с батальными сценами и сценами триумфа Ардашира I, Шапура I и Хормузда II (303-309) шаханшах также изображен

верхом на коне. На изделиях сасанидской торевики (серебряных блюдах) преобладают сцены царской верховой охоты, искусно передающие динамику преследования.

Массовый материал сасанидских печатей и булл III – VII вв. предоставляет нам большее разнообразие сюжетов с участием коня. Анализ собраний глиптики Государственного Эрмитажа, Британского музея, музеев Ашмолеан (в Оксфорде), Иран Бастан (в Тегеране), Королевского музея искусств и истории в Брюсселе, Парижской Национальной библиотеки Лувра, ряда частных коллекций и публикаций археологических находок позволяет выделить три устойчивые сюжетные линии: всадник и конь – главные действующие лица композиции, конь без всадника часто в паре с другим животным, крылатый конь.

В позднесасанидском и арабо-сасанидском чекане мелких монет VII в. отчетливо прослеживаются те же три сюжетные линии, что и в сасанидской глиптике, но масштабы использования тематики значительно скромнее.

A.KOLESNIKOV (RUSSIA)

IMAGES OF RIDER AND HORSE IN SASANIAN GLYPTICS AND NUMISMATICS

It has been made an attempt in the paper to classify and to evaluate the rich material of the so called “horse subjects”, engraved on many sasanian seals and bullae (seal impressions on clay) in the 3rd-7th centuries A.D. As a result of analyses of museum and private to diminish the great variety of “horse and rider” images to three main groups, i.e.: 1) Rider and horse; 2) Horse without rider; 3) Winged horse (“Pegasus”). The first group excels two others in diversity of compositions, representing the horsemen now as hunter, now as dragon-killer, or a participant of the peace treaty (truce), etc. The tradition of engraving a rider on horse in Sasanian numismatics appears only in the copper coinage of the 1st half of the 7th century, at the same time of downfall of the Iranian state under Arabian conquests.

A.I.KOLESNIKOW (ORSYÛET)

SASANY GLIPTIKASYNDA WE NUMIZMATIKASYNDA “ATLY WE AT” SÛÛÛETI

Bu dokladda III-IV asyrlaryň sasany möhümlerinde we bullalarynda (möhüriň toýunda galan yzlarynda) şekillendirilen atly sÛÛÛetleriniň baý materialyny klassifikasiýalaşdyrmaga we baha bermäge synanyşyk edildi. Sasany gliptikasyň muzeýlerde hem-de ellerde saklanýan toplumlarynyň derňewi şekilleriň ähli köpdürliligini üç sany sÛÛÛet ulgamyna ýa-da toparyna syrykdymaga mümkinçilik berdi. 1) “At we atly”, 2) “Ûsti boş at”, 3) “Ganatly at” (Pegas), Birinji topar beýleki ikisinden has baýdyr, onda atyň üstündäki adam kä awçy, kä ýulany öldüriji, käte ýaraşyk baglaýjy şeklinde suratlandyrylýar. Sasanid numizmatikasynda atly adamy suratlandyrmak däbi diňe VII asyryň I ýarymynyň бүрүнç zikgelerinde peýda bolup ugraýar. Şol döwürde arap basybalýjyklary netijesinde Eýran döwleti synyp ugrapdy.

ЭРКАЛИНСКИЙ ВСАДНИК-МУЗЫКАНТ И АРХЕОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ (К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОКОВ ИКОНОГРАФИИ)

Исследование одного из ключевых по своей значимости памятников, совмещающего разные культурологические аспекты, перерастает в попытку решения таких теоретических тем истории номадизма, каковыми являются проблемы конвергенции и дивергенции, миграции и традиционной преемственности в процессе взаимодействия многовекового формирования цивилизаций.

Рассматриваемая терракотовая лепная статуэтка всадника-музыканта из Старого Мерва (цитадель Эрк-кала, городища Гяур-кала) стратиграфически датируется V—VI вв. н. э. [Усманова, 1966, Пилипко, 1969], однако подобные примитивные фигурки относятся и к более раннему времени, так как обнаружены с монетами Аршакидов III—IV вв. н. э. [Ремпель, 1951]. Эркалинская статуэтка воспроизводит странствующего певца — бахши, аккомпанирующего себе на двухструнке-лютне [борбаде] в момент сольного исполнения. Персонаж не является менестрелем парфянской придворной знати [Воусе], а представляет музицирующего всадника, воспетого в народных эпических сказаниях [Пугаченкова, 1961, 78, Мешкерис, 1997, Абубакирова, 1999]. Статуэтка нагрубо вылеплена от руки: из одного куска глины выявлены — голова (с намеченными защитными чертами лица), согнутые руки, цилиндрическое туловище, заканчивающееся седлообразной выемкой, приспособленной для крепления фигурки на спинку терракотового конька. Выделяются глаза — путвичные налепы и прилепленная к груди лютня-двухструнка. Статуэтка принадлежит к категории многочисленных лепных фигурок-идольчиков — уродцев, обнаруженных в раннесредневековых слоях городищ Маргианы, Бактрии — Тохаристана, Согда, связанных с вторжением кочевников — хионитов, эфталитов и тюрков, под натиском которых пали Парфянская и Кушанская империи. Вместе с тем следует отметить, что появление всадников-примитивов относится и сако-юеджийской эпохе [Пугаченкова, 1965]. Массовые терракотовые фигурки наездников в кочевнических островерхих клобуках передают образ обожествленного сако-юеджийского покровителя всадников степной среды, восходящего к образу Боговсадника зороастрийской мифологии [Ростовцев, 1927]. Серия статуэток всадников Саксан-Ахура [Мухитдинов, 1980] — яркое свидетельство этно-политической истории, юеджийско-сако-бактрийского синтеза раннекушанской Бактрии, основанного на культурной общности [Заднепровский, 1997]. Статуэтки всадников имели культовое назначение в качестве домашних идольчиков-амулетов и фетишей [Ремпель, 1951]. Они близки к аналогичным магическим фигуркам курильниц Халчаяна [Пугаченкова, 1966]. Тема конного всадника отражена в раннекушанском чекане Герая и Кадфиза I (с конца II по I в. до н. э.). К этому периоду относятся и редкие аналогичные эркалинскому музыканту-всаднику бактрийские терракотовые фигурки музыкантов: флейтиста из Кампыр-тепе [Савчук, Шалькеева, 1959], бубнистки-обезьянки из Барат-тепе [Пугаченкова, 1972], а также пряжка с изображением всадника из Кампыр-тепе [Абдуллаев, 1998]. В исследовании истоков сакской музыкальной культуры Средней Азии особый интерес представляет статуэтка сака-певца III в. до н. э. [Бабаев, 1990]. Запечатленный в грубоформованной фигурке участник сакеев мог исполнять и священные гимны Авесты и шаманские заклинания, и эпосные героические сказания.

Тема номадизма и всадничества открывает проблему закономерности соответствий конвергентных исторических ситуаций, порождающих сходные явления в массовом искусстве коропластики Востока. Среднеазиатский вариант кочевнического пласта в культуре как бы является повтором стадийного явления, пережитого ранее в Передней Азии, где кочевнический индо-иранский генезис материализовался в коропластике архаической эпохи Ассиро-Вавилонского и Критского мира. Грубо вылепленные всадники обнаружены в Вавилоне, Ниппуре, Урук-Варке, Селевкии на Тигре в среднеавилонских ассирийских и ахеменидских слоях середины II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н. э.

Органологический аспект изучения хордофона эркалинской статуэтки позволяет прийти к заключению о его генезисе, связанном с струнным инструментарием кочевников, с двухструнками Кангюйского Хорезма [Садоков, 1970] и двухструнной лютней эфталитского происхождения на рельефе V в. н. э. из Канки [Mittelasiien, Abb. 52].

Проблема сопоставления памятников разностадийных культур географически и хронологически дистанционно разделенных, но имеющих генетически общие корни в этномузыкологии заставляет их рассматривать в одной плоскости осознания представителей кочевнического менталитета семантики художественной символики, в которой важную роль играли струнные инструменты. Выявление генетически сходных “этнокультурных слоев” позволяет сравнивать изображения атрибута в виде лука на монетных кружках парфянских правителей с дуговой арфой на каменном изваянии XII в. в Джамбульской области Казахстана [Brentjes, 2000]. Эркалинский всадник с хордофоном может быть также иконографически сопоставлен с балбалами Волго-Уральского региона [Абдулнасырова, 1999]. В данном случае такая отдаленная параллель вполне оправдана, ибо предки кипчаков, представляя западную ветвь алтайских племен, являются носителями традиции струнного инструментария (арфы Пызырыкских курганов — V—IV вв. до н. э.). Теоретически тема конвергентной причинности в историческом инструментоведении может быть углублена на основе разработки разнопрофильных исследований.

V.A.MESHKERIS (RUSSIA)

ERKALA RIDER-MUSICIAN AND ARCHAEOLOGICAL PARALLELS

The statue of a rider - musician from Erkala - the Old Merv Citadel (Gyaur - Kala site) is viewed in two aspects: the investigation of nomadism phenomenon and historical introduction to instrumentation. Historic-cultural aspect allows to state the regular ties of mass terracotta figures of riders on the analogy with nomad in vasions (Indo-Iranians in the countries of Front East and Mediterranean in the II c. B.C. - Assiro-Babylon and Cretan World; Sakouedji in Bactria in the II-I c. B.C.; chionits, eftalits and Turkis an the Middle and Central Asia in the early Middle Ages (V-VIII c. A.D.). nomadism and Riding Science reveal the problem of regular correspondences of convergent phenomenon in the Eastern plastic arts. Organological musical aspects allows us to conclude about nomadis genesis of a horse character, playing music on a double lute, which is the typical cattle-breeder instrument. There was formed a stable tradition of stringed instruments in nomadic tribes. There were genetically distinguished ethnocultural layers, which allow us to state organological and iconographic parallels between early Parthians and late middle aged Kipchak monuments of Kazakh and Volga-Ural region. Erkala rider - musician is a multi aspect monument, a Keyone in working

out broad historic-cultural and decorative problems of nomadic history, which are of great importance in highlighting the formation process of the East.

W.A.MEŞKERIS (ORSYÝET)

ERKALIN ATLY –SAZANDA HEM ARHEOLOGIKI MEŇZEŞLIKLER

Gadymy Merwiň (Kapyr-gala şäherjigi) Erkgaladaky atly – sazandanyň heýkeljigine iki nukdaýnazardan seredilýär : çarwalaryň (nomadizmiň) hadysasyny öwrenmek hem saz gurallarynyň taryhyny bilmek jähtden; Taryhy-medeni nukdaýnazardan seredeniňde, atlylaryň gyzlymytyl-goňur şekilleriniň döremeginiň çarwalaryň (nomadlaryň) çozuşlary bilen kanuny baglanyşygynyň bardygyny meňzeşlik esasynda kesgitlemek mümkin.

(Öňdäki gündogar hem Ortaýer deňzindäki ýurtlardaky hindi-eýranlylaryň biziň eýýamynda çenli II müň ýyllykda – Assir – wawilon hem Krit dünýäsinde; Biziň eýýamymyza çenli II-I asyrlarda Baktriyadaky sakoýuýedžileriň, biziň eýýamymyzyň V-VIII asyrlarynda irki orta asyrdä Orta hem Merkezi Aziýanyň ýurtlaryndaky hionitleriň, eftalitleriň, türkleriň mysalynda).

Çarwaçylyk we atçylyk temasy Gündogaryň koroplastikasynynda meňzeş hadysalaryň kanuny laýyk gelmek problemasyyny açýar.

Organologik saz öwreniş nukdaýnazardan seredeniňde, maldarlaryň saz guraly bolan iki kirişli saz çalyan atly personaž çarwaçylykdan gelip çykypdyr diýen netijä gelmek mümkin. Çarwalaryň jemgyýetinde krişli saz gurallarynyň däpleriniň örän durnuklydygy kesgitleňýär. Gazagystanyň hem Wolga-Ural regionynyň irki Parfiýa hem giçki Orta asyr gypjak ýadygärlikleriniň arasyndaky meňzeşliklerini anyklamaga mümkinçilik döredýän genetiki meňzeş etnokultur gatlaklary anyklandy.

Erkalin atly – sazandar köp taraply ýadygärlik, çarwaçylygyň giň taryhy-medeni hem çeper problemalaryny işlemekde, Gündogar siwilizasiýasynyň formirlenmek prosesini aýdyňlaşdyrmakda möhüm ähmiýetli çeşme bolup durýar.

В. А. СВОБОДОВ (РОССИЯ)

“КОНЬ И ВСАДНИК” (К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРУННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ)

Музыкальный инструмент представляет собой акустический прибор для нахождения звуков музыкальной системы, в которой он функционирует. Как акустический прибор музыкальный инструмент, согласно классификационной системы Э. Хорнбостеля и К. Закса, включает в себя две основные характеристики: источник звука и способ звукоизвлечения. Если источник звука — струна, то это струнный инструмент (дудар или гиджак). Если колебательное движение струны, вызывающее поток звуковых волн, осуществляется щипком пальца, это — струнный щипковый инструмент (дудар), если смычком — струнный смычковый (гиджак). Системно-этнофонический метод И. В. Мациевского предполагает комплексный подход к изучению музыкального инструментария с учетом многочисленных факторов, влияющих на его становление и эволюцию. Музыкальная среда, природные условия, уровень экономического развития общества и проч. находят отражение в конструкции музыкального инструмента.

Изучение особенностей музыкальной культуры стран Востока в рамках темы “Конь и всадник” поднимает к исследованию две проблемы исторической

инструментоведческой науки, связанные с возникновением источника звука и способов звукоизвлечения. Древнейшее боевое оружие *лук* в условиях функционирования в музыкальной культуре первобытного общества мог выполнять функцию однострунного хордофона, ибо защепление струны пальцем есть ни что иное как копирование пальцевых движений *лучника* при натягивании тетивы. *Метаморфозу перерождения боевого оружия в музыкальное орудие* (инструментоведческий термин) К. Закс относит к эпохе неолита, хотя имеются и иные хронологические версии. Независимо от даты подобной метаморфозы важно обратить внимание на следующее: зависимость амплитуды колебания тетивы лука, то есть высоты звука, сопровождающей посыл стрелы, от ее натяжения. Так как стрелы выпускались на разные расстояния, то под ухом у всадника тетива лука издавала звуки различной высоты. Следовательно, в среде кочевых племен, занимавшихся скотоводством и, в частности, коневодством, создавались предпосылки для использования лука не только в качестве военной атрибутики, но и в мирных целях для забав и увеселений, связанных с эстетикой слухового восприятия. По мере освоения лука как музыкального инструмента вырабатывались различные способы удлинения и укорочения амплитуды колебания струны, которая как и тетива воинского лука всадника могла изготавливаться из конского волоса или жил и сухожилий коня. Потребности в усилении звучности, вызванная появлением аудитории слушателей, способствовала усовершенствованию конструкции музыкального лука, связанному с изобретением *резонатора*. Материалом для изготовления резонатора у восточных народов служили и до сих пор служат кожа убитых животных (верблюда, того же коня и т. д.), натянутая на деревянный каркас, у европейских — различные породы древесины. И сегодня туркменский *гиджак* имеет резонаторный корпус с мембраной из кожи осла (или теленка) и кишечные струны, заменяемые иногда (дань времени) металлическими.

Можно высказать предположение, что возникновение смычкового способа звукоизвлечения, как и резонатора, связано с освоением акустики струнного инструмента и звукового пространства, в котором он функционировал. Струна, приведенная в колебание стручком, дает большую протяженность звука, наилучшим образом выявляя, по сравнению с щипковым способом звукоизвлечения, обертоновую природу его структуры. Пробразом современных смычков любых конструкций могло быть боевое оружие всадника — лук. Трением тетивы из конского волоса о струну музыкального лука познавался микромир однострунного хордофона, создавая предпосылки смычкового способа звукоизвлечения. Нельзя забывать, что еще в начале XVIII в. великий итальянский скрипач А. Корелли играл *лукообразным* смычком.

Таким образом, становится понятным значение, которые сыграли *конь и всадник* в становлении струнного щипкового-смычкового музыкального инструмента.

V.A.SVOBODOV (RUSSIA)

THE ORIGIN OF STRINGED MUSICAL INSTRUMENTS

The peculiarity study of the musical culture of the peoples of East within the framework "A horse and a rider" raises two problems in the historical study of instruments. The problems are closely connected with the origin of the sound source and the sound producing methods. An ancient service weapon of a horse rider- a bow - functioned as one-stringed hordofon in musical culture. And it resulted in the regeneration of this weapon into a musical instrument. Horsehair and tendon were used to make bowstring as well as the strings of the

instruments appeared on its basis. But with the appearance of the resonator the skin of animals (including horse) has been used. So, a horse and a rider occupied a significant place in the origin of stringed musical instruments.

W.A. SWOBODOW (ORSYÛET)

KIRIŞLI (TARLY) SAZ GURALLARYNYŇ DÖREÝŞI

Gündogar halklarynyň saz medeniýetini “At we atly” mowzygynyň çäginde öwrenmekligiň aýratynlygy owazyň döreýişiniň gözbaşy we owazy ýaratmagyň usuly bilen baglanyşyky taryhy gurallary öwreniş ylmynyň iki meseleseni barlamaklygy ýokary götereýär. Atlynyň gadymy söweş ýaragy - ýaý - hereketlendirişniň şertlerinde saz medeniýetinde bir kirişli hordofonyň hereketini ýerine ýetirýär, netijede şu söweň ýaragynyň saz guralyna öwürilmegine getiripdir. Ýaýyň kirişini we saz gurallarynyň kirişini taýarlamak üçin atyň gyly we damary ulanylypdyr, rezonatoryň (sesi ýaňlandyrmak üçin gural) ýüze çykmagy bilen haýwanlaryň derileri, şol sanda atyň derisi ulanylypdyr. Şeýlelikde at we atly kirişli saz gurallarynyň emele gelmeginde ägirt rol oýnady.

В.А. СЕМЕНОВ (РОССИЯ)

КРЫЛАТЫЕ КОНИ В ИСКУССТВЕ И МИФОЛОГИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мифологическое сравнение коня с птицей кажется настолько банальным, что не воспринимается на бытовом уровне, как что-то неестественное или, напротив, сверхъестественное. Блоковская строка: “Летит, летит степная кобылица” (и таких примеров можно привести немало) уже не вызывает никаких мифологических ассоциаций. Но при рассмотрении совокупности семасиологических универсалий поэтический троп оказывается основой устойчивой мифологемы, в которой англ. horse уравнивается с литовским skrist - “летать”, хеттское paḡas - конь с русским парить (в воздухе), перо; древне-инд pat- “летать” с диал.англ. pad - “лошадь”, древне-англ. wieg - “конь/лошадь” с англ. wing - “крыло” (Маковский 1996, с.169-172). Этот ряд можно было бы продолжить, но он и без того достаточно убедительно свидетельствует об архетипе образа крылатого коня в индоевропейских языках. В Центральной Азии подобные представления восходят к индо-иранской подоснове и зафиксированы у таджиков, среди которых сохранилось поверье, что лошади имеют крылья и распускают их по ночам, когда никто не видит (Литвинский 1972, с.148), Четыре гимна Ригведы посвящены коню царя Трасадасью – Дадхикре (Риг. IV–38-40, VII - 44), который воспевается и как боевой, и как обожествленный конь. Эпитет Дадхикры – “Обгоняющий колесницы, мчащийся словно ветер” [IV – 38.3]; “Как измученный коршун, падающий вниз (Дадхикра кидается) к славе и стаду скота” [IV- 38.5]; “Истинный бегун, бегущий быстро, подобный птице” [IV – 39.2] и др. (Елизаренкова 1989).

Другой ведический конь – Эташа влечет колесницу Солнца [Риг. VII –63.2]. В некоторых случаях в колесницу Сури запряжена семерка рыжих кобылиц [I –50.9], и само Солнце изображается в виде жеребца [VII –77.3], птицы [I – 191.9], грифа или быка [V – 47.3]. В той мере, в какой Солнце обнаруживает черты конской природы и связанные с ней атрибуты, в нем проявляются также и хтонические погребальные элементы (Элиаде 1999, с.274).

Мифологический крылатый конь, сведения о котором содержатся в нарративных и лингвистических источниках, находит свое иконическое отражение в искусстве скифосакских племен Центральной и Средней Азии, а также в культуре ирано-мидийцев и хеттов, на кикладской керамике ориентализирующейго стиля. В последнем случае речь идет о коне Беллерофонта Пегасе, который в хеттской мифологии известен как Пихассассис, откуда, вероятно, и был заимствован древними греками. Есть упоминания о том, что в хеттской иконографии крылатый конь известен на цилиндрических печатях (Ботвинник 1991, с.167), по которым и можно судить о времени появления наиболее ранних изображений этого персонажа. Среди луристанских бронз VIII-VII вв. до н.э. встречаются удила с псалиями-пластинами в виде крылатых коней (Ванден-Берге 1992, с.88). Таким образом изобразительный знак, являясь деталью конского снаряжения включается в погребальный ритуал, и вместе с тем в единый мифологический текст, связанный с обрядами перехода души в царство мертвых. У коней изогнутые лебединые шеи и лытки, колени, скаковой сустав на ногах выделены в виде своеобразных кривых “шпор”.

При раскопках могильника Кош-Пей 1 в Туве в 1989 г. было обнаружено изображение лежащего с подогнутыми ногами крылатого коня (Семенов 1994, с.184-191). Кош-Пейские курганы могут быть отнесены к рубежу 6-5 вв. до н.э., хотя даты 14С дают более значительное удревнение (2570 ± 35), а калибровочная кривая показывает хронологический интервал в промежутке между 804 и 600 гг. В.С. (Semenov 2000, p.75-79). Кош-Пейский конь выполнен в скифском зверином стиле из золота. Его размеры 7,0 на 4,0 см. Скифские торевты не декорировали поверхности изображения (как это можно видеть на костяном изделии из могильника Саглы-Бажи) и сохранили широкие гладкие плоскости, характерные для золотых изделий подобного рода. Но подчеркнуты грива, ухо, глаз. Из плеча вырастает небольшое крыло, отчетливо выступающее над спиной. Лытка задней ноги увеличена и походит на “шпору”, характерную и для луристанских коней и для сянбийских коней-единорогов (Худяков и др. 1999, с.163-168), датируемых 2-3 вв. н.э. Подобная бляха с крылатым конем-единорогом была найдена в некрополе сюнну в группе Аймырлыг-31 в Туве (Стамбульник 1983, с.34-40).

Кроме памятников кочевнической торевтики в Туве фантастические крылатые животные с рогами представлены среди петроглифов в местонахождении Овиор 3 (Грач 1980, рис.114:5, 10). Некоторые аналогии позволяют считать их также конями. Основанием для такого заключения служат протомы крылатых и рогатых коней из кургана Иссык (Акишев 1983, с.68), которые являлись деталями декора головного убора – кулаха. И на Овиюрских петроглифах, и на кулахе конские головы украшены рогами горного козла. Подобный синкретизм, характерный для скифского искусства в целом, позволяет обратиться к конским погребальным маскам из ледяных курганов Алтая (Грязнов 1950, Руденко 1953, 1960). Здесь нарочито подчеркнута мифологизированная природа жертвенного коня – психопомпа, маски которого имеют олени или козлиные рога с выступами и отростками, снабженными изображениями кошачьих хищников или головками грифонов или хищных птиц (Руденко 1960, табл.38, 69, 70, 72). В эллинистическое время в Среднюю Азию проникает образ средиземноморского Пегаса, представленный на Каргалинской диадеме (Артамонов 1973, с.48), датируемой 2 в. до н.э.- 1 в. н.э. (Кузьмина, Сарияниди 1982, с.22).

WINGED HORSE IN ART AND MYTHOLOGY OF THE EARLY NOMADS OF CENTRAL ASIA

Image of winged horse – wide-spread character in Indo-European mythology. Rigveda's 4 hymns are dedicated to the winged horse of king Trasadasyu-Dadhikre, which act in a role as battle (dashing), and sacred horse. Greek winged horse Pegasus (Pikhasissis of Khetts) has much more likely Minor Asian parentage. Among Luristian bronzes of VIII-VII centuries B.C. meet fished with snaffle bits in shape of winged.

W.A.SEMENOW (ORSYÛET)

MERKEZI AZIÝANYŇ IRKI ÇARWALARYNYŇ SUNGATYNDAKY WE MIFOLOGIÝASYNDAKY GANATLY ATLAR

Ganatly atlaryň obrazy – hindi-ýewropa mifologiýasynyň giňden ýaýbaňlaşan personažydyr. Ridwedanyň 4 gimni söweş. Şeýle hem adatdan daşary güýji at rolunda bolan Trasadasyt-Dadhikre şasynyň ganatly atyna bagyşlandy. Greziýanyň ganatly Pegas aty (hett Pihasisak) ähli mümkinçilikleri boýunça Kiçi Aziýadan gelip çykandyr. Tuwadaky ýadygärliklerden başga-da hyýaly ganatly atlar petroglifleriň arasynda görkezilendir. Gaýanyň ýüzündäki şeýle şekiller daşky alamatlary boýunça Yssyk gorganyndan bolan ganatly atlar hem razyryk gorganlary bilen degşirilendir.

ГУДРАТИСМАИЛЗАДЕ (АЗЕРБАЙДЖАН)

КОНЬ И ВСАДНИК В ПЕТРОГЛИФАХ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ни одно существо из богатого животного мира не сыграло такую большую роль в истории цивилизации, как конь. С ним прямо или косвенно связаны наиболее ранние творческие возможности человека, восходящие к четвертичной эпохе. Из глубины тысячелетий дошли до нас древнейшие и довольно многочисленные художественные картины с изображениями коня, поразившие нас своей высокой эстетической силой и выразительностью. И не случайны результаты статистического анализа основных пунктов древних наскальных рисунков, позволяющих увидеть наибольшее предпочтение древних художников к изображению лошади. По подсчетам известного французского исследования А. Леруа Гурана, из 1800 палеолитических изображений в пещерах Франции и Испании 39% от общего числа падают непосредственно на два вида млекопитающих - лошади (24%) и бизона (15%), тогда как на любой другой вид остается от 1 до 6%. Это удивительно красивое и сильное животное, являясь одним из главных источников жизни первобытного человека, и в последующих этапах истории оставалось в поле зрения его, приобретая качественно иную ценность. Доместикацией, одомашнением и приручением лошади человеком, а затем освоением его в качестве тягловой силы и для верховой езды, были значительно расширены горизонты культурно-исторического развития древних обществ. С помощью прирученного коня человек осваивал мир - огромные пространства от моря до моря. Конь, ставший властелином времени и пространства, в свою очередь был обожествлен человеком и ему были посвящены самые прекрасные легенды, мифы и сказания. Для многих народов мира

крылатый конь стал олицетворением солнца и огня, молнии и искры. Конь, на протяжении огромного отрезка времени, доказавший верность человеку и в радости и в беде, превратился в неразделенное целое с ним. Дружба коня и человека и взаимная преданность их нашла свое яркое отражение в многочисленных исторических и литературных памятниках.

Изображение коня - лошади в отдельности, и с человеком вместе - широко распространенный сюжет в петроглифах мира, и Азербайджана в частности. На территории Азербайджана наскальные изображения скоплены в нескольких пунктах - в Гобустане, Апшероне, на высокогорьях Кельбаджара и Гемигая. Но изображения коня и всадника отмечены главным образом в Гобустане, в пределах гор Бсждаша, Кичикдаша, Джингирдаша и холма Язылыгая. В хронологическом отношении наскальные изображения Гобустана, в том числе хозяйственно-бытовые и ритуальные сцены с лошадью и человеком, охватывают огромный промежуток времени от мезолита до позднего средневековья, что дает возможность проследить не только историю рода и эволюцию лошади, но и определить последовательные этапы развития коневодства, тесно связанное с историей культуры. В древнейших наскальных петроглифах Гобустана, наряду с изображениями разнообразных животных, запечатлены также дикие лошади. Изображены они в большинстве случаев целыми табунами - по десяти - пятнадцати особей. Один из них, в частности включает восемь лошадей с пятью жеребятами. Изображение взрослых лошадей выполнено на реалистичной основе - стоя в профиль, корпусами вправо. Телосложение их пропорциональное, фигуры монолитные. Шеи приподняты. Головы сравнительно большие; небольшие уши заострены вперед. Крупы округлые, хвосты короткие. Одна лошадь изображена пасущейся. Жеребята показаны в движении, причем, выполнено это очень живо и пластично. Наряду с этим для каждого из них подчеркнута характерная особенность, выражающаяся в строении тела, движении, объеме фигуры и т.д. Установлено, что обитанию и широкому распространению в Гобустане в древнейшие времена множества млекопитающих животных, в том числе диких лошадей, способствовал саванноподобный его ландшафт при умеренном теплом климате. В свете отмеченного значительным представляется и факт выявления костей диких лошадей из ряда палеолитических стоянок Азербайджана, прямо указывающий на обитание здесь этих животных с древнейших времен.

В наскальных изображениях Гобустана более богатые композиции и сцены с лошадью и человеком связаны с эпохой бронзы. Основная часть их - контурные изображения всадников, вооруженных луком и стрелой, копьем, трезубцем и другим охотничьим оружием, что в первую очередь свидетельствует о довольно устоявшейся форме в эпоху бронзы верховой охоты и большой роли коня в этом древнейшем и довольно важном промысле. В соответствии этому во многих мастерски созданных рисунках изображению коня уделено особое внимание и именно он является главным элементом в каждой композиции. И, как правило, почти во всех таких произведениях наскального искусства конь выступает как индивидуализированный образ, совмещавший в себе материальные и духовные ценности времени. Каждая композиция, имея глубокий смысл, поражает высоким совершенством, пластичностью и динамичностью и, по праву может быть приобщена к лучшим образам первобытного искусства. Ярким примером вышеуказанному может послужить монументальное изображение верховой охоты на большого оленя, высеченное на гладкой поверхности огромного камня на холме Язылыгая. Такими же особенностями наделены и другие изображения Язылыгая. В частности, на ровной поверхности скальной глыбы воссоздана сцена охоты двух всадников. Первый всадник изображен на скачущей лошади без седла. Обе ноги всадника

свисают с одного бока лошади. Руки подняты вверх и расставлены в стороны. В одной руке, поднятой над головой лошади, он держит какой-то предмет с утолщенным концом. Более детально изображена лошадь - в профиль, корпусом влево. Туловище ее пропорциональное, тяжеловесное с мощной выдающейся вперед грудью. Шея толстая, приподнята, согнута дугой вперед и заканчивается небольшой головой с суженной мордой, направленной вниз. Уши короткие, заострены вперед. Круп округлый. Хвост толстый и короткий; почти горизонтальное положение его подчеркивает стремительный бег животного. Лошадь второго всадника показана в легком беге. Туловище ее худое и вытянутое, шея тонкая и довольно длинная, голова небольшая с заостренными вперед ушами. От конца морды к руке всадника, сидящего без седла, тянется ремень уздечки. Поднятой вверх, отмечена и другая рука всадника, держащая подготовленное к метанию копьё. Не менее интересными представлены изображения верховых охотников и на других камнях. В каждом изображении их, конь выдвинут на первый план и как основной элемент в задуманной композиции, описан в нее с большим мастерством и любовью.

В целом, богатые и глубоко содержательные композиции с изображением коня и всадника широко распространенный сюжет в петроглифах Гобустана, и в каждом из них стремление отразить гармоничное единение человека и его верного друга коня в суровой действительности на нескончаемом жизненном пути.

G.ISMAILZADE (AZERBAIJAN)

THE ROLE OF A HORSE AND RIDER IN AZERBAIJAN

In this report there was presented the interpretation of ancient rock paintings in Gobustan (Azerbaijan), where a horse and a rider were favourite motives. Embracing the huge period of time - from mesolite up to early Ages, they served as the valuable historical source, which allowed broadening our imagination about ancient horse breeding and its role in the history of ancient civilization.

G.YSMAILZADA (AZERBEYJAN)

AT WE ÇAPYKSUWAR AZERBAÝJANYŇ PETROGLIFLERINDE (DAŞYŇ ÝÜZÜNE ÇEKILEN ÝADYGÄRLIKLERINDE)

Dokladda Azerbaýjandaky Gobustanyň gadymy gaýa şekilleriniň toparyna syn berilýär. Olaryň ählisine mahsus söýgüli äheň at we çapyksuwar obrazydyr. Olar mezolit eýýamyndan tä giçki orta asyrlara çenli bolan ägirt wagt böleginiň dowamynda dörän şekiller bolmak bilen, biziň gadymy gylýalçylyk we onuň gadymy medeniýetlerde eýelän orny baradaky düşüňämizi ep-esli giňeltmäge mümkinçilik berýän gymmatly taryhy çeşmelerdir.

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

ОБРАЗ КОНЯ В ЭПОСЕ ТЮРКСКОГО МИРА

Присутствие персонифицированного образа коня в тюркском эпосе - явление не случайное. Из всех животных тюрки отдавали предпочтение коню и одухотворяли его. Культ коня - одно из проявлений тюркских эпических традиций, свидетельствующий

о генетическом родстве всех образцов и памятников тюркского эпоса, связанных с тюркскими мифическими понятиями, древними убеждениями и верованиями. В дастане «Китаби-Деде Горгуд», например, этом совершенном образце отражения тюркских эпических традиций, где повествуется о жизни и судьбе огузских тюрков на Кавказе, прослеживаются элементы, способствующие выявлению духовной и материальной культуры огузского племени в III - IV вв., т.е. задолго до исламизации тюркских племен и народов. Кочевой образ жизни, т.е. «движение» предопределяет их особый интерес и привязанность к лошади, скакунам и верховой езде. Кони являются незаменимым и ценным достоянием тюркских богатырей. Некоторые из них принадлежат и служат одному определенному эпическому герою; Боз ат - Бамсы Бейреку, Ал-айгыр - Бекилю, Гонур ат - Газан хану и пр. Среди них встречаются и такие скакуны, как Агбоз, Гарагоч, Гара газлыг, Шахбаз и др., которые предназначены для общего пользования. Оседлать коня было заветной мечтой каждого тюрка независимо от пола. Мать Барчин из эпоса «Алпамыш» отобрала для дочери гнедого иноходца, оседлала его золотым седлом со стремями золотыми, золотую сбрую надела на него и т.п., т.е. нарядила коня под стать его богатой наезднице. Боевой конь вместе со своим всадником участвует в решительных и напряженных сражениях и походах, помогает ему одолеть врага. В одной из многочисленных версий эпоса «Алпамыш», в основе которой лежит богатырская скачка, крылатый конь чудесным образом спасает своего хозяина из зиндана.

Конь - верный спутник жизни и боевой друг не только в сражениях с врагом, но и в продолжительных походах. Конь Алпамыша Байчибар, например, «может скакать шесть месяцев подряд».

Кони в тюркском эпосе несут на себе определенные мифологические функции и в зависимости от породы и масти используются в соответствующих обстоятельствах и ситуациях. Преэпическая традиция способствует наличию идентичных образно-художественных воспроизведений образа коня в соответствии с их природными особенностями и отличительными признаками, способностями. Бело-серый и вообще конь светлой масти символизирует удачу и успех, он близок к масти коня Бамсы Бейрека - Боз айгыра и коня Короглу - Гырата. У них одинаковые природные способности и качества. Агбоз (бело-серый) - эта масть коня находит частое и широкое отражение не только в дастане «Китаби-Деде Горгуд». С этой мастью коня связаны многие эпизоды в эпосе «Манас», скажем, когда появляется мифический герой Хызыр - покровитель коня верхом на Агбозе, чтобы дать имя сыну Манаса и нарекает его именем Семитай. Акцент на белом коне в тюркском эпосе также не случаен: по мифологическим понятиям белый цвет символизировал чистоту-непорочность и святость. Отец Манаса в честь рождения своего сына приносит в жертву коня белого цвета (Агбоз). Кроме того белый цвет был также символом удачи. Все беки и ханы в сказаниях (песнях) дастана «Китаби-Деде Горгуд» отправляются в сражения на светлых конях. Гонцы, спешившие сообщить огузам о победе Басага над циклопом Тепегезом, садятся на белых коней, что должно было служить признаком радостной вести об успешной борьбе. В эпосе «Короглу», широко распространенном в тюркском мире и являющемся его общим достоянием, «восточный поэт-наездник», как называет Короглу в английском переводе Пени, указывая, кстати, на его туркменское происхождение, имел четырех любимых скакунов разной породы: это Гырат (этимол. - светло-серый, гнедой), Дурат (этимол. - темно-кашгановый), в зарождении которых в азербайджанском фольклоре и мифологии усматривается связь с морем и водой, Агджагузу (туркм. порода), арабский конь. Однако предпочтение он отдавал Гырату, всегда сопутствующему его удачам.

Белый и бурый (гнедой) конь - символ победы. Скакун Манаса - Аюсула (бело-

саврасый), что также выражает связь с обрядом почитания белого цвета. У тюрков-монголов великому хану в знак уважения и почитания было принято дарить более ста тысяч славных и дорогих белых коней.

Тюркский полководец Кюль-Тегин, идя в атаку, все чаще садился на белого коня, реже - на серого, бурого, гнедого.

В руническом цикле - этом истоке тюркского эпоса, посвященном боевым походам Кюль-Тегина, наблюдается трансформация первоначального культового понятия белого цвета в художественный приём, т.е. повторение цветового эпитета, как явный признак эпического повествования.

A.FEÝZULLA ÝEWA (AZERBEÝJAN)

TÜRKI DÜNYÄDÄKI EPOSLARDA AT OBRAZY

Dokladda türki dilli halklaryň eposlarynda, hususan-da, “Kitaby Dädem Gorkutda”, “Göroglyda”, “Alpamyşda”, “Manasda”, şeýle hem türk serkerdesi Kulteginiň söweşli ýörişlerine bagyşlanan runiki tapgyrlarda suratlandyrylan at obrazy yzarlanylýar. Bu eserlerde atyň kulty türki kyssaçylyk däpleriniň bir görnüşi hökmünde ýüze çykýar. Bu kyssaçylyk däpleri bolsa türkleriň mifologiki dünýägaraýyşlar bilen baglanyşykly bolan material we ruhy medeniýetiniň bu ýadygärlikleriniň genetiki taýdan garyndaşdygyna şaýatlyk edýär. Çarwa türkleriň durmuşynda ata, onuň ýerine wezipesine belli bir orun degişlidir.

НИГЯРИСМАИЛЗАДЕ (АЗЕРБАЙДЖАН)

КОНЬ И ВСАДНИК В ПОЭЗИИ НАЗЫМ ХИКМЕТА

Конь, сыгравший значительную роль в судьбе степных народов Евразии, в их социально-экономическом и культурном развитии, на протяжении многих столетий остается излюбленным мотивом в эпических и художественно-литературных произведениях тюркского мира. Высокоразвитая конно-кочевая цивилизация с ее богатыми материальными и духовными ценностями, «в том числе с ярко выраженным литературным наследием, в большей степени была связана с конем и сросшимся с ним в единое целое человеком-всадником; всадником - труженником, всадником - создателем и всадником -воином. Тюрки выходили на историческую сцену вместе с конем и конь всегда был их верным другом и покровителем, с помощью которого они преодолевали все трудности как в повседневной хозяйственно-бытовой жизни, так и на поле брани. Бескрайние и многокрасочные просторы осваивались ими на седле своих коней. У великого Омара Хайяма упоминается слова тюркского повелителя Афрасиаба: «Какую роль имеет луна на небе, такую же роль имеет конь для человека». Место коня в жизни человека более образно выражено словами Махмуда Кашгари: «Конь - крылья тюрка». Образ коня и всадника, взаимная верность их к друг другу, не обошел стороной и современную турецкую литературу, в частности, творчество великого поэта-новатора XX века Назыма Хикмета. Большая привязанность, уважение и почтение тюрка к своему коню, нераздельная слитность с ним во имя подвига и победы, являющиеся характерной чертой человека на седле, нашли свое неповторимое художественное отражение в ряде произведений глашатая нового искусства в поэзии. Назым Хикмет был турком, жизнь предков которого на протяжении веков была неотделима от коня. Стрепетным чувством

относились они к коню, отдавая долги и уважение ему, воспевали его, зачастую и умирали с ним. Все это было очень близко и поэту. В 1929 году в стамбульском издательстве был напечатан первый сборник стихов молодого поэта. В этот небольшой сборник вошло и стихотворение «Плакучая ива», в котором талантливый поэт традиционной поэзии противопоставлял новую форму - свободный ритмичный стих, новые поэтические средства. Слово под глухой стук копыт были рождены строки, оплакивающие гибель друзей, единомышленников - борцов за свободу и равенства.

Эти стихи, написанные с большим поэтическим талантом, были навеяны известной русской песней, в которой говорилось о смерти бойца из красной конницы.

Боевая конница, восходящая своим рождением к далеким временам и с древних времен представляющая у тюрков элиту воина и решающую силу в военных действиях, не была обойдена вниманием Назыма Хикмета. Конь и умирающий всадник из красной конницы новой эры незаурядным талантом поэта были превращены в героические и в то же время в трагические образы времени.

N.ISMAILZADE (AZERBAIJAN)

HORSE AND HORSEMAN IN THE POETRY OF NIZAM HIKMET

The image of horse and horseman, mutual faithfulness to each other also touched the modern Turkish literature, in particular, the creative activity of a great poet-innovator of 20th century - Nazym Hikmet. Great attachment, respect and honour of turk to his horse, inseparable merging with him in the name of feat and victory, which is the characteristic feature of a man on a saddle, found their unique literary reflection in number of works of claimor of new art and poetry. In this respect a verse "Weeping willow" is of great significance as well as his other works. Dramatism and dynamism in the verses of Nazym Hikmet - is clear evidence of deep knowledge of great poet about epic and literary traditions, connected with the history of horse and horseman.

N.YSMAILZADA (AZERBEYJAN)

NAZYM HIKMETIŇ ŞYGYRLARYNDA AT WE ÇAPYKSUWAR OBRAZY

At we çapyksuwarýň obrazy, olaryň biri-birine wepalylygy häzirkî zaman türki edebiyatyň, XX asyryň beýik şahyry-täzelikçisi Nazym Hikmetiň döredijiliginden hem sowlup geçmändir. Türküň öz atyna örän hamraklygy, hormaty we sarpasy, at üstüniň adamyna mahsus häsiýet bolan, hüjümlerde we yeňişlerde hemişe onuň bilen birliги şygryýetdäki mylaýym täze sungatyň birgiden eserlerinde özüniň gaýtalanmajak çeper beýanyny tapypdyr. Şu esasa alanynda, şahyryň "Leýlisaçyň agysy" goşgusy we beýleki eserleri aýratyn ähmiýete eýedir. Nazym Hikmediň goşgularyndaky dramatism we dinanizm beýik şahyryň atyň we çapuksuwarýň taryhy bilen baglanyşykly kyssaýy we edebi däplerden çuňňur habarlydygyna güwä geçýär.

T. ДОСТИЕВ (АЗЕРБАЙДЖАН)

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ КОНЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

На позднесредневековых мусульманских кладбищах Гянджи, Шамхора, Тауза,

Кедабека, Лачина и других районов Азербайджана встречаются каменные изваяния коня, изготовленные по единому канону и художественному стилю. Они больше всего зафиксированы в с. Малыбейли Лачинского района.

Тщательное изучение этих памятников позволяет констатировать, что средневековые ваятели стремились к реальной передаче образа коня. Им удалось соблюдать пропорциональность частей фигуры, удачно вырезаны детали комплекта конского снаряжения с их украшениями.

В комплект входили вырезанные на камне уздечные наборы, надгрудные ремни, подпруги, стремена и седла, а под седлом попона. Объемные вырезные узоры, имитирующие накладные металлические пластины, прикрепляемые к ремням, во многом напоминают украшения, встречаемые на конском снаряжении различных тюркских народов. На некоторых скульптурных фигурах прослеживается подвеска с бахромой, свисающая от надгрудных ремней к передним ногам. Помимо комплекса конского снаряжения на поверхности этих скульптур вырезались также некоторые виды оружия и доспехи, в частности, лук со стрелами, колчан, сабля.

Изваяния коня к качеству надгробного мемориального памятника были связаны с погребальными обрядами местного тюркского населения. Следует напомнить, что начиная со второй половины II тысячелетия до н.э. конь сыграл важную роль в погребальном обряде племен Азербайджана. Раскопки курганов Борсунлу, Беимсаров, Сарычабон дали неопровержимые факты о распространении культа коня еще во II тысячелетия до н.э. Обряд конского захоронения, зафиксированный в этих клрганах, был связан с идеей о том, что конь должен доставлять своего хозяина в загробный мир. В последующие века эти древние традиции развивались и обогащались. В средние века этот древний обряд в трансформированном виде сохранялся среди огузских племен. Неслучайно, что местные жители могилу с каменными надгробными фигурами коня называют «огуз загась», т.е. огузские могилы. Возведение каменных надгробных фигур коня, по всей вероятности, было связано с древними верованиями. Эти памятники, как и раньше, связаны с идеей о том, что конь должен доставлять покойника в рай.

T.DOSTIYEV (AZERBAIJAN)

THE STONE HORSE SCULPTURES IN AZERBAIJAN

There were excavated the stone horse sculptures, made according to the same canon and style, on Muslim cemeteries in the early Middle Ages in Azerbaijan.

All figures with some details of home equipment are thoroughly made. The horse sculptures as grave memorial monuments were connected with some local Turk ceremonies and they had the idea to think a horse "delivered" a dead to paradise.

T.DOSTIYEW (AZERBEYJAN)

AZERBEYJANDAKY ATYŇ DAŞDAN ŞEKILLERI (KAMENNYË IZWAŇANIYA)

Azerbeýjanyň giçki orta asyrlardaky musulman gonamçylyklarynda atyň birmeňzeş galyp (kanon) we çeperçilik stili boýunça taýýarlanan daşa salnan keşbi hasaba alnypdyr. Bu şekilleriň ählisi atyň şaý-sepleri bilen bilelikde jikme-jik ýerine ýetirilipdir. Atyň şaý-sepleri bilen birlikde, bu heykelleriň üstki ýüzlerinde ýaraglaryň we söweş enjamlarynyň bimäçe görmüşi

şekillendirilipdir.

Атың губурүсти меморила ўадыгәрлик һөкмүндәки һеүкели ўерли түрки илатың мерһумы жаўlamak дәплери билен бағланышыкы болупдыр. Ол ат мерһумы јеннете “елтүәр” дийен пикири үндеўән идеўа мазмуна еўедир.

Э.ГАСАНОВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

НАЗВАНИЯ КОНЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (на материале азербайджанского языка)

Определенный пласт общетюркской лексики составляют названия животных. Конь занимает особое место в повседневной жизни тюрков, в их экономических отношениях, на поле битвы и т.д. В тюркском мышлении конь - это символ доблести, дружбы, верности, героизма, возвышенности. И неслучайно в дастанах, сказках, в пословицах и поговорках встречается множество различных выражений, связанных с конем. Словно тюрка невозможно представить не иначе, как «верхом на коне», «гарцующим или скачущим на коне». «Конь - украшение героя», (ат изидин йарашыгыдыр), «конь погибнет - останется поле, герой погибнет - останется его славное имя», (ат юляр, мейдан галар, изид юляр, ад-сан галар); «конь - брат героя» (ат изидин гардашыдыр); «не понявший коня, останется на полпути» (атын чямини тапмайан йары йолда галар), «конь - это мечта» (ат мураддыр).

Зафиксированные в Орхонских памятниках названия коней (ат, атлыг, йылкы, айьыр) встречаются в большинстве тюркских языков с определенными фонетическими изменениями. Слово ат в алтайском, гагаузском, кумыкском, ногайском, татарском, туркменском, уйгурском, азербайджанском языках; ат, если не учитывать лабиальность а, то в узбекском, чувашском, татарском и башкирском языках это слово звучит почти одинаково. Слово «ат» весьма продуктивно и в словообразовании: атлы - всадник, атланмаг - сесть на коня, атдан душмяк - спешиться и т.д. Названия коней в азербайджанском языке могут быть разделены на две группы: нарицательные и собственные:

1. Названия, данные по возрасту, полу, манере скакать: гулун, айьыр, чатыр, кяи(яр, йорья (ат), например: Айьыр - в «Толковом словаре азербайджанского языка это слово относимо к понятию «породистый самец», (дюллик еркак ат). Это слово употребляется как в сочетании с именем собственным, так и для нарицательного обозначения коня: «Этой айьыр», «айьыр ат», что связано с понятием «конь» в его семантике. Этот термин широко распространен в тюркских языках и употребляется в формах «шайгыр», «азыр», «аскыр», «атыр», «арьь».

2. Часть названий коней представлена именами собственными. Основной функцией названий коней (зоонимов), как и других собственных имен, является индивидуализация. Давая имя коню, его как бы особо выделяют. Это относится лишь к определенной части домашних животных (стадным животным имена не дают). Нет необходимости давать имя животному, родившемуся в хозяйстве. Это делалось и по истечение некоторого срока. Зоонимы, с некоторыми исключениями, как и другие имена собственные, образуются на основе имен нарицательных. Хозяин животного принимает во внимание его окраску, быстроту, верность и другие качества. Языковые факты показывают, что и исторически, и на современном этапе при наименовании коня предпочтение отдается цвету. В теоретической литературе существует множество вариантов этимологии имен коней «Гырат» и «Дурат», носящих мифический характер.

Происхождение слова «Гырат» объясняется в связи с такими словами, как земля, огонь, искра. М.Кашгари разъясняет слово «Гырат», как конь цвета «гыр». Н.Март слово «Гырат» разъясняет как конь серого цвета, а Дурат - молодой конь темного цвета.

В народном творчестве белый, черный, серый, зеленый цвета могут быть выделены как мифические. Каждый из них является определенным символом. Названия коней отличаются богатством и разнообразием. В отличие от топонимов и антропонимов, зоонимы не зафиксированы в отдельных источниках, так как они формируются лишь путем индивидуальных личных наблюдений. Следует отметить, что ни в одном языке нет специального словаря зоонимов. Как и все народы, азербайджанский народ отличается любовью, гуманным отношением к природе, любовью к домашним животным, что наглядно проявляется и в названиях коней.

A.GASANOVA (AZERBAIJAN)

THE HORSE NAME IN TURK LANGUAGES

The definite layer of Turk vocabulary makes up horse names. In Turk thinking - a horse symbolizes valour, friendship, devotion, heroism.

The word "at" sounds almost the same in all Turk languages. It is marked that all horse names in Azeri can be divided into two groups:

Common and proper ones: 1) names given due to all, sex, manner of riding-common ones; 2) a part of horse names is given as proper ones, the main function of which is individualism. Horse names in Turk languages are notable for their richness and variety.

E.GASANOVA (AZERBEYJAN)

TÜRKI DILLERDE AT ATLARY

At atlary umumytürki leksikanyň belli bir bölegini düzýär. Türki halklaryň aňynda at diýmek edermenligiň, dostlugyň, wepalylygyň, gahrymançylygyň nyşanydyr.

At sözi türki dilleriň ählisinde diýen ýaly birmeňzeş ýaňlanýar.

Dokladda azerbaýjan dilinde at atlaryny iki topara : jynsy-tohum we hususy atlara bölmeğiň mümkindigi bellenilip geçilýär :

1. ýaşy, jynsy, çapuş häsiýeti boýunça dakylýan atlar ;

2. atlaryň bu hili ady hususy at hökmünde dakylýar we onuň esasy maksady hususlaşdyrmakdyr.

Türki dillerdäki at atlary köplügi we dürli görnüşliligi bilen tapawutlanýar.

M.ГАСЫМЛЫ (АЗЕРБАЙДЖАН)

ОБРАЗ КОНЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЭПОСЕ

Одним из направлений, занимающих ведущую позицию в историко-генетической и мифолого-семантической картине азербайджанской этнической культуры, которая входит в общетюркский культурный контекст, несомненно, является связь с оседлым образом жизни. В силу исключительности роли коня в жизни и мировоззрении

древнего тюрка, фразы, типа «имеешь коня - имеешь крылья», «конь - брат молодца» превратились в этнопоэтическую память и в течение столетий ходили по устам в форме атрибута жизни и существования. На самом же деле столь необычное отношение древнего тюрка к коню рождено из исторической функции, которую конь выполнял в его жизни:

а) конь реализовывал желания тюрка, требующие движения - динамику (походы, бои, кочевье и т.д.);

б) конь регулировал хозяйственно-бытовую жизнь тюрка.

Все это приводило в движение, наряду с реальной жизнью, и сообразительные возможности тюрка, влекло за собой его мифолого-обрядовые аспекты, художественно-поэтические направления. Конь собирал вокруг себя основные мотивы и сюжеты тюркского фольклора. На сегодняшний день фольклорная культура, принадлежащая носителям древнетюркского фольклорного ареала - современным тюркским народам, которые проживают в Сибири, на Алтае, в Туркестане, на Кавказе, в Анатолии и на Балканах, во всех моментах, начиная с самых архаических жанров, обрядовых текстов и кончая активно-живыми фольклорными источниками (в том числе и эпосами), напрямую связана с культурой коня. В этом смысле историко-семантическое отражение образа коня в азербайджанском фольклоре по существу составляет естественную аналогию с отображением его в алтайском, казахском, туркменском, киргизском, узбекском, уйгурском, гагаузском фольклорах. Просто рожденный общей тюркской фольклорной культурой образ коня, после этапа национальной дифференциации приобрел в фольклорах родственных народов ряд региональных особенностей и оттенков. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить, что и общий фольклорный материал, и нашедший отражение в текстах эпюсов-дастанов образ коня, его мифолого-семантическая характеристика; представления и отношения, рожденные функцией, которую выполнял конь в историко-этнографической жизни, являются составной частью единого общетюркского культурного комплекса. Поэтому в эпосах «Деде Коргут», «Манас», «Короглу», «Алпамыш», «Едигей», «Гыргызы» и других динамическое развитие сюжета связано исключительно с героем и его конем. Конь связывает героя (Бейрека, Короглу, Манаса, Алпамыша и др.) с землей и небом: медиативная функция коня во многих случаях спасает героя в трудные моменты, приносит ему вести из мира духов, в мгновение ока доставляет его в самые недоступные места. В эпосе «Короглу» кони Гырат и Дюрат имеют мифологическое происхождение: они родились от морской лошади, и у них росли крылья. Эти признаки исходят из мифологических представлений древних тюрков о связи коня с божественным миром, миром духов. В эпосе «Ашыг Кериб» конь Гизиря доставляет героя на Родину в мгновение ока, а глаза его матери излечиваются от слепоты пылью из-под ноги коня - эти представления также вытекают из мифосемантической системы о связи с оожественным миром и миром духов.

M.GASYMLY (AZERBAIJAN)

THE IMAGE OF A HORSE IN AZERI LITERATURE

An ancient turkish attitude towards the horse springs from the historical function that a horse fulfilled in his life.

A) a horse put turk's wishes into practice that connected with movement (fights, the nomadic way of life etc.)

B) a horse regulated his economical life.

All these aspects developed Turk's mental abilities, mythological artistic aspects of his creativity. The main themes and subjects of Turk's folklore were concentrated around a horse. At present the folklore culture of Turk's native speakers is directly connected with the cultivation of horse. In this sense the historical-semantic reflection of the horse in the azeri folklore is analogous with the Altai, Kazakh, Turkmen, Kirghiz, Uzbek, Uigur folklore. The image of a horse created by the common turks culture often the stage of national differentiation acquired some regional peculiarities and tinges in the folklore of related nations. However close examination shows that common folk-lore material, image of a horse that has found reflection in texts, literature; his mythological-semantic characteristics; ideas and relations created by the function that horse fulfilled in historical-ethnographical life are compound parts of the whole Turks' cultural complex. That's why in such ballads as "Dede Korkut", "Manas", "Gor-Ogly", "Yedigen", "Gyrk-Gyz", etc. The dynamic development of the theme is directly connected with the hero and his horse.

GASYMLY (AZERBEÝJAN)

AZERBEÝJAN EPOSLARYNDA AT OBRAZY

Gadymy türkleriň atlara bolan gatnaşygy atyň olaryň durmuşynda ýerine ýetiren şu hili taryhy wezipeleri esasynda dörändir :

A) at türkleriň hereketi-dinamikany (ýörişler, söweşler, çarwaçylyk we ş.m.) talap edýän isleglerini amal edipdir;

B) at türkleriň gündelik hojalyk işlerini ugrukdyrypdyr.

Bu zatlar türkleriň janly durmuşy bilen bir hatarda, olaryň öň ukybyny hem herekete getiripdir, olaryň mifologiki döp-dessur aspektlerini, şahyрана döredijilik ugurlaryny janlandyrypdyr. At türki folkloryň esasy äheňlerini we sýužetlerini öz töweregine jemläpdir. Şu günki gün gadymy türki folklor däplerine eýerýän folklor medeniýeti gönüden-göni atçylyk medeniýeti bilen baglanyşyklydyr. Şu esasynda Azerbeýjan folkloryndaky at obrazynyň taryhy-semantik taýdan şöhlelenişi hakykatda onuň altaý, gazak, türkmen, gyrgyz, özbek, uýgur, gagauz folkloryndaky şöhlendirilişi bilen tebigy kybapdaşlygy emele getirýär. Diňe, umumytürki folklor medeniýeti esasynda dörän at obrazy milli aýrybaşgalaşyş döwründen soň, kowumdaş halklaryň folklorlarynda birgiden regional aýratynlyklara we öwüşginlere eýe bolupdyr. Ýöne ünsli nazar aýlasaň, umumy folklor materialynyň we eposlardyr dessanlaryň tekstinde şöhlendirilen at obrazynyň, onuň mifologiki-semantiki häsiýetnamasynyň, taryhy-etnografiki durmuşda ýerine ýetiren wezipesi esasynda dörän keşbiniň we oňa bolan gatnaşyklaryň bir umumytürki medeni kompleksiniň düzüm bölegi bolup durýandygyny duýmak bolýar. Şol sebäpli, "Däde Gorkut", "Manas", "Görogly" "Alpamyş", "Edigeý", "Kyrk gyz" ýaly eposlarda we beýleki eserlerde sýužetiň dinamiki ösüşi gürrüňsiz gahryman we onuň aty bilen baglanyşyklydyr.

М.Б.ДУРДЫЕВ(ТУРКМЕНИСТАН)

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ В МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ТУРКМЕНИСТАНА И ОПЫТ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К глубочайшей древности восходит народная традиция наносить на стены

мемориально-культурных сооружений (святилищ, мавзолеев, мечетей, надгробных памятников) изображения животных, деревьев, сакральных символов. Нами обследовано большое число изображений такого рода в подгорных и горных районах Копетдага, в Западном и Северо-Западном Туркменистане. Они выполнялись как при возведении сооружений, установке надгробных памятников, так и позднее во время паломничеств к ним.

Изображения на мемориально-культурных сооружениях наносились красками, высекались в виде рельефов на камне, процарапывались на ганчевой штукатурке, каменной и кирпичной кладке.

Особый интерес представляют граффити на стенах интерьера святилища Гыз-биби в живописном ущелье горного массива Хозлы (Гозлы) в нескольких километрах от селения Ымарат Бахарденского этрапа Ахальского велаята. Вход в ущелье некогда защищался крепостью Гарригала, крепостные стены и башни которой сохранились относительно хорошо.

Само святилище Гыз-биби - один из замечательных памятников народного зодчества. Оно возведено у священного источника у подножия горного кряжа.

Граффити на стенах Гыз-биби в основном дают стилизованные изображения аргамаков, нередко оседланных и взнузданных, иногда изображения всадников. Сакральный характер изображений обусловлен той ролью, которой конь играл в жизни предков туркмен. Культ коня в Средней Азии появляется, видимо, с конца III тыс. до н.э., археологически он четко фиксируется со второй половины II тыс. до н.э.

Культ коня у индоевропейских народов переплетен с культом богини-матери, с культом плодородия.

Гыз-биби в современной туркменской мифологии выступает как патронесса женщин. Граффити с изображениями коня как бы заменяет реальное жертвоприношение древней богине плодородия.

Изображения коня частый сюжет на погребальных памятниках средневекового Туркменистана. Связь культов плодородия и погребального культа общеизвестна. Обряды заклания коней при похоронах фиксируются у парфян, огузов. Символично, что такие изображения отмечены на погребальных памятниках в виде высоких каменных столбов, что отражает, возможно, представления о фаллическом культе. Такого рода памятники встречены на средневековых некрополях Чандыра и Сумбара, например, в Бедени-ата.

С культом коня как сакральной плодоносящей силы связаны также ритуальные заклания коней на свадебных пирах у огузов, описанные в эпосе «Гокут-ата». Археологические и этнографические данные свидетельствуют о бытовании в далеком и недавнем прошлом обряда захоронения черепа коня.

В подгорном и горном Копетдаге есть еще одна категория памятников - камни со «следами» копыт легендарного коня Дуль-Дуля халифа Али. В свое время В.М. Массон связал культ Дуль-Дуля с культом Митры у парфян, у которых Митра, помимо прочего, считался богом растительности и покровителем пастухов, ему посвящали лошадей.

M.B.DURDIYEV (TURKMENISTAN)

HORSE PORTRAYALS IN MEMORIAL-CULT BUILDING OF TURKMENISTAN AND THE EXPERIENCE OF THEIR INTERPRETATION

The investigations of the amount of memorial-cult monuments which have been done

recently have shown the existence of steady tradition of horse portrayals mark on their walls. The splendid models of such portrayals were opened in the Giz-Bibi sanctuary near the Imarat village in the Baharden etrap.

Giz-Bibi sanctuary is the reminiscence of the ancient goddess cult, the goddess of waters and fertility Irdvisura Anaghita. The tradition of horse offering to her was established archaeologically. Sacramental pictures in memorial-cult monuments are interpreted as ritual replacement of great offerings.

The stones with the traces of hoof of the legendary horse Dul-Dul of Ali imam have the great interest.

Dul cult is connected with the Mitra cult who was the god of vegetation and the patron of herdsmen, besides everything. The horses were devoted to him.

M.B. DURDYÝEW (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMENISTANYŇ KULT-MEMORIAL BINALARYNDA ATYŇ ŞEKILLERI WE OLARYŇ MANYSYNY DÜŞÜNDIRME TEJRIBESI

Soňky ýyllarda köp sanly kult-memorial ýadygärlikleri derňemek boýunça barlag işleri geçirildi. Şol derňewler agzalan taryhy binalaryň diwarlarynda atlary şekillendirmek dâp-dessurynyň durnyklylygyny görkezdi. Şeýle şekilleriň ajaýyp nusgalary Bäherden etrabynyň Ymarat obasyndaky Gyz-Bibi ybadathanasynda tapyldy. Bu ybadathana suw we hasyllylygyň gadymky hudaýy hasaplanýan Ardwisura Anahidanyň üýtgeşmä (şol sanda atlandyrylyşyna hem) sezewar bolan netijesi. Bu ýerde geçirilen arheologiki barlaglar Ardwisura Anahida aty gurban etme dessurynyň bolandygyny subut edýär. Diwardaky şekillere bolsa, hakyky gurban etmeginiň çalşyrmasy hökmünde garalýar.

Imam Alynyş Dül-düle atynyň daban yzly daşlary hem şu babatda uly gyzyklanma döredýär. Bu atyň kulty bilen baglanyşdyrylýar.

Mitra bolsa, öz gezeginde, ösümlükleriň hudaýy we çopanlaryň arka tutujysy hasap edilýär. Oňa atlary hem bags edýär ekenler.

M.P. ATAÝEW, A. MUHAMMEDOW (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMEN EDEBIÝATYNYNDA AHAL-TEKE ATYNYŇ OBRAZY

Sarpaly Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň türkmen halkyna alyp beren Garaşsyzlygynyň esasy miwelerinden biri hem onuň aslyna we nesline, pederleriniň guwanan zatlaryna guwanmaga gazanan hukugydyr.

Ata -babalarymyzyň başyna deňäp saklan milli guwançlarynyň biri hem asly haýwan, akly ynsan ahal-teke bedewleridir. Türkmeni : türkmen haly-syz, garakölli goýunsyz, Garagumsyz, türkmen goýun itsiz göz önüne ge-tirip bolmaýşy ýaly ahal-teke bedewsiz hem göz önüne getirip bolmaýar. Çünki ahal-teke bedewi türkmen medenýetiniň hem, türkmen durmuşunyň hem aýrylmaz bölegidir.

Bilşimiz ýaly, çeper edebiyat-durmuşyň çeper suratlandyrmasydyr. Şol sebäpden hem durmuşy hakyky ýa-da hakyka ýakyn suratlandyran çeper edebiyat eserlerinde atlaryň hem öz ornuny tapmasy tebigy zatdyr. Çünki, ýokarda hem belläp geçişimiz ýaly, türkmen halkynyň durmuşuny suratlandyran islendik ýazyjy at barada hem гыр гып, etmek zerurlygynyň ыстыңден

barýar.

Eserleriň içinde halk döredijiliginiň eserleriniň halka has ýakyn durýandygy bellidir. Hut şol sebäpli hem, folklýor eserleri atyň obrazynyň iň köp ta-raplaýyn işlenen eserleridir. Muňa mysal edip ‘Atym bar, ganatym bar’, ‘Ertir turda ataňy gör, ataňdan soň atyňy’ diýen ýaly onlarça nakyllary getirmek bolar.

Biziň **ГЫР ГЫМ**ni edýän temamyzyň nukdaý nazaryndan ‘Görogly’ şadessany aýratyn orný eýeleýär. Bu eserde iki baş gahrymanyň-Göroglynyň hem onuň Gyratynyň obrazy işlenýär diýmäge doly esas bar. **БЫТ** in şadessanynyň dowamynda bu iki gahryman deň derejede hereket edýär. Hatda atsyz galan az sanly epizodlarynda Görogly ejizlemäge çenli baryp ýetýär. Bu ýagdaýyň sebäbini Beýik Saparmyrat **Тыркмен**başy **ÖЗЫМ**iň mukaddes ‘Ruhnamasynda’ şeýle **ДЫШЫМ**di rýär: ‘Gyrat Göroglynyň döwleti, eýer onuň tagtý’.

‘Döwletýar beg’ dessanynda hem baş gahrymanynyň obrazy at bilen berk baglanşyklydyr. Mysallary näçe köpeltseň köpeldip oturmaly.

Bedewiň obrazy, onuň gahrymançylyk bilen berk baglanşygy nusgalyk edebiýatda hem inçelik bilen işlenip geçilýär. Muňa mysal edip Magtym-gulynyň:

‘Ýigidiň bolmasa ýaragy, aty
Ony belli bilin ýokdur gaýraty’

setirlerini ýatlamak hem ýeterliklidir. Mundan başga-da är ýigidiň ýakyn ýoldaşy bolan at baradaky pikirler Seýdiniň, Zeliliniň, Mätäjiniň we baş-gada birnäçe şahyryň döredijiliginde ýygy-ýygydan duş gelyär.

Тыркмен bedewleri XX-nji asyrdan ýaşap geçen **тыркмен** ýazyjy-şahyrlarynyň eserlerinde hem öz waspyny tapdy. Munuň iň bir görnükli mysaly A. Gowşudowyň ‘Dördepel’ diýen eseridir. Eserde daşy gabalan obanyň adamlarynyň ‘Dördepel’ diýen atyň kömegi bilen goňşy obalara habar ýetirendikleri barada **ГЫР ГЫМ** berilýär.

Şu temada **ГЫР ГЫМ** edilende A. Gowşudowyň ýene-de bir eserini ‘Perman’ romanyny ýatlamak bolmaz. Eserde gönyden-göni atlar barada **ГЫР ГЫМ** edilmesede, Gökdepe galasyny gorajylaryň uçar ganaty, söweşdeş ýoldaşy hökmünde bedewler hereket edýärler.

Atyň inçelik bilen işlenen obrazyna B. Kerbabaýewiň, H. Derýaýewiň,

B. Seytākowň we XX-nji asyrdan ýaşap geçen tanymal **тыркмен** ýazyjylarynyň käbirleriniň eserlerinde hem duşmak bolýar.

Bu hatarda M. Seýidowyň ‘Kepderi’ diýen poemasy-da aýratyn orunda durýar. Poema A. Gowşudowyň ‘Dördepel’ diýen eserinden soň bedewe bagyşlap ýazylan iri görnükli eserdir. Eser **тыркмен** bedewiniň şahyrana waspy bolup ýaňlanýar.

ГЫР ГЫМi edilen temadan **Тыркмен** istanda ýaşap, öz eserlerini rus dilinde döreden ýazyjylar hem çetde durmadylar. W. Rybiniň ‘Aziýalyklar’, ‘ÖWТЫ-1işik’, A. Şalaşow bilen R. Esenowyň ýazan ‘Turanyň gözýaşlary’ we rus dilinde ýazylan beýleki birnäçe eserleriň sahypalarynda atlara, olaryň adamlar bilen gatnaşyklaryna bagyşlanan ýyzlerçe epizodlara duş gelmek bolýar.

Eserlerdäki at baradaky pikirleri bir ýere jemleseň, aşakdaky netijä gelip bileris:

1. At-ýigidiň ýoldaşy (nakyllar we atalar sözleri, nusgalyk şahyrlarymyzyň eserleri)
2. At-gahrymanyň söweşdeş dosty (‘Görogly’, ‘Turanyň gözýaşlary’, ‘ÖWТЫ-1işik’)
3. At-Döwlet (‘Görogly’, ‘Döwletýar’)
4. At-halkyň halasgäri (‘Dördepel’)
5. At-ýigidiň, halkyň uçar ganaty (‘Görogly’, ‘Kepderi’, we beýlekiler.)

Emma biz ýene-de bir zady bellemelidirs. Şu derejeler bilen mahabatlandyryp, **гöЗЫМ**i z iň göreji ýaly saklan atlarymyzyň bagtyna tas gar ýagypdy.

Çynki, atlary täze durmuşda gerekmejek bir zat hasaplap, olary et ýeňin öldürtmäge çenli baryp ýetildi.

Emma, milli medenýetimize degişli köp ýagdaýda bolşy ýaly, Sarpaly Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy ahal-teke atlarynynyň, hem doly ýitip gitmeginiň öýni aldy. Bedewlerimiz ýene-de biziň milli guwanjymyza öwrüldi.

М.П. АТАЕВ, А. МУХАММЕДОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

ОБРАЗ АХАЛТЕКИНЦА В ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ахалтекинский конь занимает прочное место в системе культурных ценностей туркменского народа. В связи с этим в произведениях, посвященных жизни туркмен, особенно если это произведение имеет исторический характер, присутствие в нем ахалтекинца естественно.

Наиболее богатыми в этом отношении являются фольклорные произведения. Образ коня присутствует как в сказках и легендах, так и в пословицах, поговорках и т.д.

Воспевали ахалтекинца и поэты-классики Магтымгулы, Сеиди, Зелили, Мятаджи и другие.

Достойное место образ коня занимает и в произведениях писателей XX столетия. В их творчестве есть как произведения, посвященные коню (Например, «Дордепел» А.Каушудова, «Кепдери» М.Сеидова), как и такие, в которых конь действует как крылья джигита, боевой товарищ, помощник.

Однако, животное, которое туркмены любят как ближайшего друга, чуть не стало жертвой бесчеловечности. И только мудрость нашего Любимого Сердара Сапармурата Туркменбаши Великого спасла это великолепное животное от полного уничтожения.

М.Р. АТАЙЕВ (TURKMENISTAN), А. MUKHAMMEDOV (TURKMENISTAN)

THE IMAGE OF AKHAL-TEKE HORSE IN TURKMEN LITERATURE

The Akhal-Teke horse takes an important place in the system of cultural values of the Turkmen people. That's why the Akhal-Teke horse is certainly presented in the works devoted to the life of Turkmens, especially if they are connected with history.

The most important works of this kind are folklore. The image of a horse is also vividly pictures in tales, legends, sayings, proverbs and so on.

Classical poets as Magtymguly, Seidi, Zelili, Mataji and others praised an Akhal-Teke horse in their songs. The image of the Akhal-Teke horse plays a deserving part in the works of the 20th century writers. These are works devoted to the horse for example, A.Kaushudov's "Dordepel", M.Seidov's "Kepder" and those where the horse acts as s jigit's wings, a friend, in fight helper in their work.

However, an animal, which Turkmens love as their friend, almost became a victim of inhumanity. only the wise policy of our beloved Serdar Saparmurat Turkmenbashi the Great saved this wonderful animal of the whole extermination.

„GÖROGLY” ŞADESSANYNDA BEDEW WASPY

Garaşsyz Türkmenistanyň baky Prezidenti Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň türkmen bedewlerine aýratyn howandarlyk gözi bilen garamagy, ýörite „Bedew baýramynyň” bellenmegi halkymyzyň asyrlar boýy arzuwlap gelen dabarasydur.

„Görogly” şadessanynda Jygalybeg üç aýlap Arabystanda mynasyp at gözläp aýlanýar, ýöne ol toprakda şeýle ata duş gelmeýär. Ol ahyry „Derýaýy Şoryň” ýagny, şor deňiziň – Kaspi deňziniň kenarynda suw atyna duş gelyär.

Eneň bir abydyr, ataň ak guşdan,

Çandybile besledigim, Gyrat gel.

Şadessanda halk wekili Göroglynyň ykbaly bilen Gyratyň ykbaly türkmen halkynyň erkinligini goramakda eriş-argaç bolup geçýär.

A. САРЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ)

ОБРАЗ КОНЯ В ЭПОСЕ «ГЕРОГЛЫ»

Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши уделяет особое внимание ахалтекинским коням. По указу президента ежегодно отмечается праздник «День туркменского скакуна».

В эпосе «Гёроглы» отец Гёроглы Жыгалы-бег три месяца скитался по разным странам с надеждой найти достойного коня, но это ему не удалось. Он возвратился к берегам «Деря шор» (Соленая река) и встречается с «Морским конем»:

«Мать твоя морская, отец - белый беркут,

В Чандибиле тебя воспитал, приходи, Gyрат мой...

В эпосе показано как переплетаются судьбы Гёроглы и его коня Gyрата.

A. SARYYEV (TURKMENISTAN)

THE IMAGE OF THE HORSE IN “GOROGLY” EPOS

The President of Independent Turkmenistan Saparmyrat Turkmenbashi the Great spares a particular attention to the Akhal-Teke horses. Annually, according to the President's Decree the second Sunday of April is celebrated as a Holiday - “The Day of the Turkmen Horse”. It is the realization of the centuries - old dream of the Turkmen people.

In “Gorogly” epos Gorogly's father Jygaly-beg had been wandering about different countries for three months in the hope of finding the worthy horse, but he failed to do it. He returned to the bank of the “Salty River”, it was probably the coast of the Caspian Sea, and met “the sea horse”.

“Your mother is marine, your father is white

I brought you up in Chandybil, come to me Gyрат”

In “Gorogly” epos from the beginning till the end the thought about the defence of the Motherland its Independence stands out. In the epos the interlace of the Gorogly's fate and his best friend, his horse Gyрат is shown.

TÜRKMEN KLASSYK EDEBIÝATYNYDA BEDEW OBRAZY

Türkmen Bedewi Milli Guwanjymyz Hem Milli Baýlygymyzdyr. Bedew Türkmen Halkynyň Asyrlarboýy Ösdürip Hem Kämilleşdirip Gelen Ajaýyp Sungatlarynyň Biridir.

Bedew Adamyň Syrdaşy, Ýakyn Ýoldaş Bolupdy. „Türkmen Bedewi Gadym Wagtlardan Bäri Halkymyzyň Uçar Ganaty, Syrdaşy, Kyn Gününde Goldan Wepaly Ýoldaş Bolup Geldi. Halkymyzyň Bedewe Bolan Söýgüsi Juda Belentdir, Mukaddesdir” Diýip, Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Bedewe Ýokary Baha Berýär.

Türkmen Halky Özünüň Bedewe Bolan Söýgüsini Ilki Bilen Folklorla Siňdiripdir, Soňra Bedew Ýazuwly Edebiýatda – Türkmen Klassyk Edebiýatynda Giňden Şöhlelendirildi.

XVIII Asyr Türkmen Klassyk Şahyry Magtymguly Pyragy Bedewiň Ähmiýetini Aýratyn Nygtady. Adamyň Uçar Ganaty Bolan Bedewi Şygyr Setirlerinde Taryplady. Magtymguly Pyragy:

Bedew Diýgeç, Hemme Bedew Deň Bolmaz,

Çyn Bedewler Meýdanynda Bellidir.

(„At Ýanynda Bellidir”)

Diýip, Bedewiň Oýnaýan Roluna, Iş Bitirişine Ýokary Baha Berýär.

XIX Asyr Şahyry Seýitnazar Seýdi Bedewi Taryplan Şahyrlaryň Biridir. Watan Ugrunda Alnyp Barylan Söweşlerde Bedewiň Oýnaýan Rolunyň Uludygyny Belleýär. Bedewe Ýokary Baha Berýär:

Bedewlere Nagyl Kakyň,

Naýzaga Al Ýalaw Dakyň,

Her At Arryk Bolsa Bakyň,

Tapylynça Serdar Indi.

Türkmen Klassyk Şahyrlary Bedewiň Diňe Bir Söweş Günündäki Ýa-Da Toý-Tomaşalardaky Hyzmatyny Däl, Eýsem Olaryň Owadanlygyny, Gylyk-Häsiýetini-De Taryplaýar. Mätäji „Bedew” Goşgusynda:

Pelläge Barsaň, Meger, Gyzdan Gylykly Duruşyň,

Ýörhä-Ýör Bolsa, Ýene Towşan Kimindir Turuşyň.

(„Bedewsuwar Indi”)

Diýip Ýazýar. Klassyk Edebiýatynda Beýleki Şahyrlaram Bedewi Taryplap Şygyr Döretdiler.

Şeýlelikde, Bedew Türkmen Klassyk Edebiýatynda Özünüň Mynasyp Ornuny Tapdy.

Х.ГОЧМУРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Конь наше национальное богатство, национальная гордость. Туркменский народ выращивал, совершенствовал коня веками. В туркменском фольклоре, затем в письменной литературе у поэтов Махтумкули, Матаджи, Сеиди образ коня занимает значительное место.

THE HORSE IMAGE IN THE TURKMEN CLASSICAL LITERATURE

The horse is our national wealth, and national pride. The Turkmen people have grown and made them perfect for centuries. Many famous poets, such as Magtymguly, Mataji, Seydi reflected the horse image in their works.

Е.НЕРШОВА., А. МУХАММЕДОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ С ДОМИНАНТОЙ “АТ” — “КОНЬ” В ТУРКМЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Образ коня играет важную роль во многих мифологических системах Евразии. У разных народов о нем сложилось немало легенд и преданий, пословиц и поговорок. Более того образ коня приобретает и эмотивно – символическое значение. На государственном гербе Независимого и Нейтрального Туркменистана в самом центре изображен ахалтекинский конь, любимый конь нашего Сердара Сапармурата Туркменбаши Великого, - Янардаг. На гербе столицы Российской Федерации города Москвы верхом на коне изображен основатель города Юрий Долгорукий, поражающий змея, и одним из основных мотивов герба города Москвы является образ коня. Это свидетельствует о том, что жизнь и туркменского и русского народов исторически сложилась так, что в ней особое место занимает конь—предмет гордости, друг, помощник.

Язык кроме коммуникативной и интеллектуально-логической функций, выполняет еще и кумулятивную функцию, вбирая в себя культурно-исторический опыт народа и передавая его грядущим поколениям. Язык—хранитель духовно-исторического наследия народа.

В лексическом составе туркменского и русского языков особое место принадлежит словам, обладающим этой важнейшей функцией . Эти слова образуют разветвленные и многоуровневые смысловые(семантические) поля с доминантой “at”—“конь”.

Лингвокультурологический анализ этих полей в сопоставительном аспекте не только позволяет выявить чисто языковые особенности этих слов и лексико-фразеологического материала, но, что особенно важно, национальные особенности, отражающие культуру народа.

Методика лингвокультурологического анализа включает в себя следующие аспекты:

а) лексико- семантические и этимологические особенности, с выделением микрополей—общие обозначения и дифференциацию названий по полу, возрасту, масти, функциям и др.;

б) структурные особенности—способы выражения основных и производных понятий;

в) коннотативные особенности—дополнительные переносные значения оценочного характера.

г) фразеологические потенции—употребление слов этого поля в составе фразеологизмов, а так же в пословицах, поговорках, прибаутках.

Исследование по функционально-комплексной программе позволило прийти к следующим результатам.

Доминантами центрального микрополя будут различные слова, называющие коня. Это в туркменском языке “at” “bedew”, “alaşa”, “baýtal” и др; в русском языке “конь”, “лошадь”. Эти слова являются самыми частотными по употреблению наиболее древними. Употребление слова “at” встречается в исторических письменных памятниках по истории туркмен. Слово “конь” (“комонь”) в русском языке отмечается во многих древнерусских памятниках (в “Слове о полку Игореве”, в “Повести временных лет”) Наряду с этим, начиная с XV века, употребляется и слово “лошадь”. Об этимологии этого слова среди ученых нет единого мнения. Мы склонны поддерживать мнение тех ученых, которые объясняют происхождение этого названия слиянием двух слов тюркского происхождения: “alaşa” и “at”.

Второе микрополе составляют лексемы – названия коней по полу. Это микрополе представлено более богато в туркменском языке. В русском языке для различения по полу употребляются в основном два слова: “конь” и “кобыла”. В туркменском же языке оно представлено словами: “at”, “bedew”, “ýaby”- для обозначения животных мужского пола, “baýtal”, “gysrak” для обозначения животных женского пола.

Следующее микрополе включает лексемы, обозначающие коней по возрасту. В отличие от русского, в туркменском языке эти номинации в основном сложные и состоят из числительного, обозначающего возраст и слова “ýaşar” (например “ikiýaşar”). В русском же языке это микрополе представлено словами “лошак” (годовалый жеребец), “стригун” (трехлетка) и др., которые, впрочем, не имеют широкого употребления.

Что касается обозначения масти лошадей, то необходимо отметить, что многие слова этого заимствованы из тюркских языков (или через их посредство). Например, “каурий”, вероятно от “gara” и др.

Особое микрополе составляют слова, обозначающие способ бега коня. Эти слова в русском языке в основном были заимствованы позднее из французского (“галоп”, “аллор”) или из других западноевропейских языков, хотя нельзя отрицать, что есть и собственно русские слова, например, “рысь” (отсюда “рысак”), “иноходь”. В туркменском же языке это, в основном, собственно туркменские слова (“öñürdik”, “gorgun”, “gezer” и др.) Микрополе, называющее коней по функции представлено в основном безэквивалентной лексикой. В русском языке это слова “верховой” (конь), “тяжеловоз”, “рысак” и др., в туркменском же языке — “çaruw at” и незначительное количество других слов, не часто употребляемых. Это объясняется тем, что хозяйственную работу туркмены выполняли в основном на верблюдах и волах.

Слова, которые включены в микрополе, называющее части тела коня, являются в основном эквивалентной лексикой. (“aýak” — “нога”, “boýun” — “шея”, “ýal” — “грива” и т. п.)

Особое микрополе составляют названия обслуживающего персонала (“atbakar”, “seýis”, “çaryksuwar” в туркменском языке; “конюх”, “наездник”, древнерусский “конюший” в русском языке); звуки, издаваемые конями (“kişnetek”, “haýkyrtmak”; “ржать”)

Интересен коннотативный аспект значения лексем, входящих в семантическое поле с. Необходимо подчеркнуть, что некоторые компоненты в большинстве своем обозначают положительную оценку, хотя нельзя отрицать неодобрительное употребление слов в русском языке “кобыла”, “сивый мерин”, “ржать” и “baýtal”, “agta”, “ýaby” в туркменском языке.

Лингвокультурологический анализ позволяет решать культурно исторические, но и другие задачи.

Это прежде всего вопросы теории и практики перевода. Мы убедились, что семантическое поле “at” – “конь” в русском и туркменском языке включает целый пласт эквивалентной лексики,

Однако есть и безэквивалентная лексика, наличие которых обусловлено внеязыковыми факторами. Необходимо отметить и наличие заимствований.

Не менее важен и лингвострановедческий аспект данной проблемы как методический аспект обучения языкам.

Исследование лексико-смыслового поля и его микрополей (лексико – семантических групп) с доминантой “at” – “конь” становится в наши дни особенно актуальным, так как только в наши дни многовековая любовь туркменского народа стала государственной политикой Независимого Нейтрального Туркменистана.

Нашим многоуважаемым Президентом Сапармуратом Туркменбаши Великим установлен Национальный праздник “День туркменского скакуна”. Этот день близок к сердцу каждого туркменистанца.

Ye. N. YERSHOVA, A. MUKHAMMEDOV (TURKMENISTAN)

A LINGUA-CULTURAL ANALYSIS OF SEMANTIC AREAS WITH “AT” – “HORSE” DOMINATION IN THE TURKMEN AND RUSSIAN LANGUAGES

Language absorbs cultural-historical experience of people and transfers it to future generations. It is a preserver of spiritual and historical heritage of people. A special place belongs to those words, which has such important function in lexical structure of the Turkmen and Russian languages. These words form the branched and multileveled semantic areas with “at” domination.

A lingua-cultural analysis of these areas at comparing aspect allows to determine not only purely language peculiarities of given words and lexical-phraseological material, but especially the national peculiarities reflecting the people’s culture.

YERŞOWA Y.N., A. MUHAMMEDOW (TÜRKMENISTAN, TDU)

TÜRKMEN WE RUS DILLERINDE ESASY SÖZI “KOŇ” — “AT” BOLAN SÖZLER TOPLUMYNYŇ DIL WE MEDENIÝETI ÖWRENİŞ TYAÝDAN DERŇEWI.

Sarpaly Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy täze milli baýramçylyk “Türkmen bedewiniň gününü” döretdi. Bu baýramçylyk her bir türkmeniň ýüregine ýakyn baýramçylykdyr.

Türkmen we rus dillerinde atlar we atşynaslyk bilen baglanyşykly onlarça söz bardyr. Sözleri, sol düzümlerini, frazeologizmleri, nakyllary we atalar sözlerini many ýakynlygynyň esasynda toplan, şol söz toplumlaryny dil we medeniýeti öwreniş taýdan derňemeklik at we atşynaslyk bilen bagly atlandyrmalaryň rus hem türkmen dillerinde örän gadymy taryhynyň bardygy baradaky netijä gelmäge mümkinçilik berýär.

Şu usul boýunça rus we türkmen sözleri birmäçe manylar boýunça toplanyp, özara deňeşdirmek bilen derňeldi.

Sözleriň şu usul bilen derňelmeginiň esasynda gelinen netijeler terjimäniň nazaryýetinde we tejribesinde, şeýle hem diller ikinji dil hökmünde öwredilende ulanylyp biliner.

Ý.GARAÝEW (TÜRKMENISTAN)

АХАЛ-ТЕКЕ АТЫНЫҢ АТЛАРЫ

Dünýäde iň gadymy, iň owadan, iň häsiýetli hem iň ýyldam bedewler Garaşsyz, hemişelik Bitarap Türkmenistanda bar. Türkmenistan argamaklaryň – ahal-teke bedewleriniň mekanydyr. Bu argamaklardan dünýäniň atçylyk medeniýeti özüniň gözbaşyny alýar.

Atçylyk medeniýeti: tohum atlary, ýüwürük atlary, gözeli atlary ýetişdirmekde türkmen seýisleriniň tejribesiniň üsti bilen häzirkä derejesine ýetendir. Türkmen seýisçiliginiň özbaşdak, özboluşly taryhy we medeniýeti bar. Ol medeniýetiň biri-de ahal-teke atlaryna-argamaklara at goýmakdyr. Adatça seýisler (bedewiň eyesi) taýçanak dünýä gelende ony ynsana mynasyp görüp at dakypdyrlar.

Türkmenler özüniň adaty boýunça eldeki mallardan ata hem ite at goýýarlar. Onuň manysy bolsa, biziň pikirimizçe, ozaly bilen, ol jandarlaryň türkmen durmuşyndaky ýerine ýetirýän hyzmaty bilen baglanyşyklydyr. Bu babatda dürli nakyllaryň, atalar sözleriň häzire çenli dowam etmegi bilen düşündirip bolar. Şeýlelikde, türkmenler ýetişdiren argamaklaryna oý-hyýallaryny beýan edýän simwoliki atlary goýýarlar. Bu ýagdaýda atlar jynsyna-tohumyna görä bölünýärler:

a) gunanlara dakylýan atlar;

b) gysyraklara dakylýan atlar.

Şunlukda, ahal-teke atyna dakylýan atlaryň düzümini şu tertipde görkezmek mümkin:

c) sada sözlerden;

d) goşma sözlerden;

e) ýasama sözlerden.

Ahal-teke atlarynyň adynda simwollylyk güýçli bolýar. Onuň many aýratynlygy hem şonuň bilen düşündirilýär.

Я.ГАРАЕВ(ТУРКМЕНИСТАН)

ИМЕНА АХАЛТЕКИНСКИХ КОНЕЙ

Независимый Нейтральный Туркменистан - родина самых красивых, самых быстрых коней - ахалтекинцев.

Культура разведения ахалтекинских коней имеет свою историю. Одной из интересных традиций является традиция давать имя жеребенку. Уподобляя их людям, давали именно имена (ат), а не клички (лакам).

По традиции, из домашних животных туркмены дают имена только коням и собакам. Это объясняется местом, которое занимают эти животные в жизни туркмен.

Когда даются имена ахалтекинцам, соблюдаются некоторые традиции. Имя должно быть символическим. Кроме того, различаются имена, которыми называются кони и кобылы. Имена могут быть простыми, сложными и составными.

NAMES OF AKHAL-TEKE HORSES

The Independent neutral Turkmenistan is the birth-place of the most beautiful and Fastest horses – Akhal-Teke horses.

The culture of breeding of the Akhal-Teke horses has its own history. One of the most interesting traditions is the tradition of giving a name to a foal. Instead of being nicknamed, these horses were given names, like human beings.

Traditionally, the Turkmen people give names only to horses and dogs out of all animals. It is explained by the place these animals occupied in the life of the Turkmen people.

The Akhal-Teke horses are given names on the basis of existing traditions. The name must be symbolic. Moreover, the names of horses and mares are different. The names can be simple, complex and compound.

Б. А. МУРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНСКИХ ПЕСЕН)

По инициативе нашего лидера - Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши Великого начато глубокое изучение культурного наследия туркмен, неотъемлемой частью которого является устное народное творчество.

Поэтическое творчество туркмен богато и разнообразно. Туркменский фольклор представлен многими жанрами: героическим эпосом, сказками, легендами, преданиями, пословицами, поговорками. Особое место в каждом фольклорном жанре занимает образ коня. В туркменских народных песнях конь выступает как преданный друг, Помощник человека:

Эй, табунщик. Для меня
Ты не пожалей коня
Скакуна гривастого
Для меня несчастного...

Встречается образ коня и в других видах песенного жанра: в плачах, причитаниях, девичьих песнях, в колыбельных:

Спи, малыш мой, что не спишь?
Скоро подрастешь,
Оседлаешь ты коня,
Не забудешь про меня?

В. А. MURADOV (TURKMENISTAN)

THE IMAGE OF HORSE IN TURKMEN FOLKLORE (on the example of Turkmen songs)

Turkmen folklore embraces all known folklore styles, fascinating its readers by remarkable forms and profound message.

Turkmen poems include such literary styles, as heroic epos (“Gorogly”), destans (“Shasenem and Garib”), folk-lore tales and humorist stories and anecdotes (Apendi, Aldar Kose, etc.), riddles, proverbs, sayings and songs. Poems of Turkmen folklore are very rich. A special attention is given to the image of a Turkmen rider. There is a lot of information on Turkmen horses in the heroic epos “Gorogly”, proverbs and sayings, for example: “When you are wide awake in the morning, first see your horse and then your father”.

There are a lot of Turkmen songs. They are inspired with great patriotism, high humanism, lyricism and warm-heartedness. They are penetrated with love and loyalty for a friend, compassion for miserable people, hatred and contempt for enemies, aspiration for a happy life. There is the image of Turkmen horse in a number of Turkmen songs. (children songs - “It is snowing”, “Ahmet-aga”, lullaby songs “night is coming”, weepings and lamentations - “I don’t know”, lale (girl songs), a folk-lore song “I’ll give an advice”, “Turkmen Horse”, etc.)

MURADOW B.A. (TÜRKMENISTAN, TDU)

TÜRKMEN HALK DÖREDIJILIGINDE AHAL-TEKE ATYNYŇ OBRAZY

Sarpaly Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň önde durmagy bilen Türkmen halky öz Garaşsyzlygyny gazanandan soňra, ruhy we medeni baýlyklarymyzy öwrenmekde täze döwür başlandy. Türkmen halkynyň elýetmez medeni baýlygy, bolan halk döredijiliginiň eserleri täze döwürüň täze talaplarynyň nukdaýnazaryndan öwrenmäge başlady.

Bilşimiz ýaly, aýdymlar türkmen halk döredijiliginiň saldamly bölegini düzýändir. Türkmen halk aýdymlarynda, lälelerde, monjukatdylarda, hüwdülerde atyň we at üstündäki ýigidiň wasp edilişine yüzlerçe mysal getirmek mümkin.

Olarda at ýigidiň ýoldaşy, uçar ganaty hökmünde suratlandyrylýar.

Atyň waspy edilýän aýdymlar türkmen halkynyň altyn asyrynyň başy bolan häzirki zamanamyzda bagsylaryň dilinde has hem belent ýaňlanýarlar.

O. С. ОРАЗОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

ТЮРКИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОРОДЫ И МАСТИ ЛОШАДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТЕННОЙ ПРОЗЫ)

Вопросы изучения культурных связей России с Востоком, и, прежде всего с тюркскими народами, являются интересными и актуальными. Влияние тюркских языков на русский было настолько интенсивным, что обусловило проникновение в русский язык большого количества тюркизмов. Особое место в ряду многочисленных заимствований занимает лексико-семантическая группа тюркизмов, обозначающих породы и масти лошади.

Аргамак – “В припадке штормового бешенства Каспий бросал на сушу табуны гривастых аргамаков” (П. Карпов, черная пасть).

“Аргамак – так преимущественно называют у нас в России лошадей туркменской породы, производя это слово от двух монгольских слов: скакать (ргаман) и неутомимый (маг) (В. П. Бурнашев, Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, промысла и быта народа). Однако в русский язык попало из тюркских языков. Возможно слово аргамак связано с древнетюркским *ajvir* – жеребец (Древнетюркский словарь). Суффиксальное образование от этого слова – айгырмак – в результате метатезы дало аргымак, аргамак. В туркменском языке аргамак – порода верховых лошадей.

Карабаир – “почем сараджинская овца, в какой цене ахалтекинцы, карабаиры”. Термин состоит из двух корней: тюркского кара – черный и узбекского байыр – привычный (к местным условиям – о лошади). У туркмен байыр – холм, возвышенность. Таким образом, название лошади отражает выносливость этой породы к местным условиям.

Карий – “Первый вырвался скакун мышастого цвета. А за ним карий жеребец. А третий отстал сажей на сорок” (А. Аборский, Рассказы).

Карий – темно – гнедая масть лошадей. Термин карий в русском языке означает то же. Что и караковый – почти вороной. В основе их лежит один и тот же тюркский корень кара – черный.

Каурый – “Всадник с галопа вздыбил кауреге жеребца, спрыгнул в трех метрах от костра” (П. Карпов, Юность Ашира).

Светлокаштановую рыжеватую масть лошади в русском языке называют каурой. Видимо, что это один из фонетических вариантов древнетюркского гонур – рыжеватый, каштановый, коричневый (Древнетюркский словарь).

В таком плане проанализированы термины: игрневый, буланный, чалый, чубарый.

O.ORAZOVA (TURKMENISATAN, TSU)

TURKIZMS, SIGNIFYING HORSE BREEDINGS AND CASTS (ON MATERIAL OF FICTION ABOUT TURKMENISTAN)

The influence of Turkic language on Russian was so intensive that it caused the appearance in Russian a great number of Turkic words. Among them the lexico-semantic group of Turkizms signifying horse-breedings and casts such as “argamak, karabair, hazel, kauriy, igreneviy, bulaniy cream-coloured, roan mottled take a particular place.

In my presentation the ethimological analysis of the above mentioned lexems will be represented. All of them are functioned in fiction about Turkmenistan.

O.S. ORAZOVA (TÜRKMENISTAN)

ATLARYŇ TOHUMYNY WE REŇKINI AŇLADÝAN TÜRKI SÖZLER (TÜRKMENISTAN BARADAKY ÇEPER PROZALARYŇ MATERIALYNYDA)

Rus dilinde türki dilleriň täsiri ýokary derejede bolup onda türki sözleriň uly mukdarynyň ýüze çykmagyna sebäp boldy. Olaryň arasynda atlaryň tohumyny we reňkini aňladýan: “gyr, garabair, mele, guýrugy çypar” ýaly türki sözleriň leksika-semantik topary aýratyn orun eýeleýär. Nutukda ýokarda görkezilen leksemalaryň etimologik derňewi belleniýär. Olaryň hemmesi Türkmenistan baradaky çeper prozalarda iňlenilýär.

AHAL-TEKE ATLARY ŞEKILLENDIRIŞ SUNGATYNYDA

At gazanan goç ýigidiň
Owwal bedew aty gerek;

Magtymguly

Türkmen halkynyň buýsanjy, göz guwanjy wepaly ýoladaşy bolan ahal-teke atynyň sungatyň dürli-dürli ugurlarynda uly orun tutuşy ýaly, türkmeniň şekillendiriş sungatynda hem özüniň taýsyz derejede ornuny tapandygy giňden bellidir.

Türkmen taryhynyň gadymlygy bilen birlikde, ahal-teke atlarynyň taryhy hem gadymdyr. Elbetde, bu zatlaryň şeýladigine, haçanda biz taryhy gadymýete ser salanymyzda göz ýetirýäris.

Taryhy gazyp-agtaryş işleri netijesinde biziň alymlarymyz käbir tapyndylara be Taryhy gazyp-agtaryş işleri netijesinde biziň alymlarymyz käbir tapyndylara beýleki haýwanlaryň şekilleri bilen birlikde atlaryň şekilleriniň gabat galýändiglerini nygtaýarlar. Esasan hem gap-gaçlarda, göwrümlü işleriň, palçykdan ýda ýonup ýasalan daş şekilleriň gabat gelýändiglerini ýazýarlar. Şular ýaly şekilleriň türkmen topragynda tapymagy, türkmen atlaryň gadymy bolup, türkmen ahal-teke atlarynyň ykbaly türkmenleriň durmuşy bilen ýakyndan baglanşyklydygyny subut edýär.

Türkmeniň ahal-teke atlary türkmen durmuşynda hem ulagy, hem baýlygy, hem toýlaryň bezegi, ýaryşlaryň önbaşçysy bolup, türkmeniň buýsançly abyraýyny dünýä arenasynda iň ýokary derejä göterip gelýär.

Mähriban Serdarymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşymyzyň ýolbaşçylygynda Türkmenistan özüniň garaşsyzlygyny alany bäri ýurdumyzda atçylyga, atşynaslyga uly üns berlip başlandy. Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň permany bilen ýörite her ýyl türkmen bedewiniň baýramyny geçirmeli edildi.

Türkmen atlaryny - ahal-teke bedewlerini türkmen suratçylary - nakgaşlar, heýkeltaraşlar, kitap bezegçileri, amaly-haşamçylar, haly-suratçylar, zergärler ünsden düşürmän taryp edip, şekillendirip gelýärler. Türkmen suratçylarynyň türkmen atlary bilen baglaýykly ýerine ýetiren işleri muzeýleri, seýilgähleri, şäherleri bezäp, görk berýärler. Sözümiň gury bolmaz ýaly käbir mysallary getireliň:

Türkmenistanyň belli suratçylary Yzzat Gylyjowyň türkmen halk ertekilerine çeken işlerinde, Mämmet Mämmedowyň “Atlylar garagumda”, Durdy Baýramowyň “Parahatçylykly ýerde”, Kakajan Oraznepesowyň “Köne bazaryň önünde”, Saragyt Babayewiň atlara bagyşlap göwrümlü daşdan ýasalan işleri, “Gorkut Ata”, “Görogly” eposlaryna çekilen suratlar we beýlekiler mysal bolup biler. Türkmenistanyň ilkinji Prezidenti Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň teklibi bilen, Türkmenistanyň Garaşsyzlygynyň 10 ýyllyk şanly toýuna bagyşlap, 10 ahal-teke atynyň çarpaýa galyp, kişneşip duran ýadigärligini gözəl Aşgabadymyzyň merkezinde ebedileşdirilmegi türkmen halkynyň öz bedewlerine goýýan sarpasyna janly şaýatdyr.

ТУРКМЕНСКИЕ КОНИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСУССТВЕ

Образ коня присутствует в рисунках и картинах с древнейших времен. Сейчас ахалтекинские кони стали предметом изображения многих мастеров туркменского изобразительного искусства. Образ коня в изобразительном искусстве рассматривается в докладе на конкретных примерах.

B.A.ATAYEV (TURKMENISTAN)

TURKMEN HORSES IN THE FINE ARTS

Independence of our Motherland, Turkmenistan allowed the Akhal-Teke horse-breeding and whole complex of knowledge connected with it to get a new life.

In concerns the fine arts, especially that part of it, which makes the Akhal-Teke horses more popular. The horse image can be found in water-colours and pictures, starting with the ancient water-colours on the rocks. In our days Akhal-Teke horses became the subject of pictures not only for animals painters, but also for other masters of fine arts. The present report tells about the above facts and supports them by concrete examples.

R.GURBANNAZAROW (TÜRKMENISTAN, TDU)

TÜRKMEN HALK DÖREDIJILIGINDE BEDEWIŇ WASPY

Türkmen halky özüniň başdan geçiren uzak taryhy döwründe bedew atyň taryhyny ýokary çeperçilik derejesine ýetiripdir. Bedew atyň tarypyny dürli-dürli döwürlerde dürlüçe belli edipdir. Türkmen Gyr aty toý-tomaşanyň görki, göreşiň ulagy, goç ýigidiň hemrasy hökmünde çeper esere girizipdir. Bedew taryp edilýärkä geçmişde türkmeniň ar-namysyny, il-halk, garaşsyzlyk ugrundaky göreşleri göz önüne gelyär. Ýigidiň arlylygy, gaýraty bedew atynyň hem-de kesgir gylyjynyň barlygy bilen kesgitlenipdir. Bu ýagdaý türkmen halk döredijiliginiň dürli žanrlarynda öz beýanyny tapypdyr. Munuň hakykatdan hem şeýledigini subut etmek üçin, meşhur „Görogly” şa dessanymyzda baş gahryman Göroglynyň goly hem ganaty, köp kynçylyklardan, agyr-agyr söweşlerden üstün çykmagynda baş daýanjy, gepläp bilmese-de, adam diline düşünyän, derejede suratlandyrylýan Gyratyň keşbini ýatlamak ýeterlikdir.

Türkmen halky halka hyzmat etmek, ulyny hormatlamak, degmedige degmezlik, agzybir, parahat ýaşamak ýaly ajaýyp zatlary wasp etmek bilen bir hatarda bedew at barada hem köp sanly nakyllary döredipdir. Oňa halk döredijiliginiň beýleki görmüşleri bilen bir hatarda, XVIII – XIX asyr türkmen edebiň görmükli wekilleri, Magtymgulynyň, Seýdiniň, Zeliliniň, Mätäjininiň eserlerinde hem uly orun berlipdir. Bu mesele türkmen halkynyň ýaşan döwrüniň şertleri bilen baglydyr. Sebäbi ozallar at diňe bir ulag maly, iş maly, bolmakdan başga gazaply uruşlarda, Watany duşmandan goramakda, goç ýigidiň hemrasy bolupdyr. „Är ganatly at”, „At dosty – ata dosty”, „Bedew jul içinde, göwher kül içinde” diýmek bilen, halk oňa ýokary baha beripdir. Gapysynda bir aty bolan türkmen özüniň dokuzy düzüw hasap edipdir. Mysal üçin: „Atym bar, ne gamym bar”, „Atym-ganatym” ýaly nakyllary görkezmek bolar.

Elbetde, türkmen halk döredijiliginiň beýleki žanrlarynda-da bedew atyň tarypynyň ýetirilişi bedewe „Saňa at diýmerin, gardaş diýerin” diýmegi türkmen halkynyň öz bedewine bolan söýgüsiniň çäksizdigine ýene bir gezek şaýatlyk edýär.

Emma ahalteke bedewi özüne mynasyp derejelere diňe sarpaly Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşynyň zamanasynda göterildi. Häzir Türkmenistanyň döwletliginiň nyşany bolan döwlet gerbimizde ajaýyp ahalteke atynyň keşbi şekillendirilen. Ol sarpaly Serdarymyzyň söýgüli bedewi Ýanardagyň şekilidir.

P. ГУРБАНАЗАРОВ (ТУРКМЕНИСТАН)

КОНЬ В ТУРКМЕНСКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Воспевание достоинств туркменского коня в туркменском фольклоре доведено до высшей степени художественности.

Вершиной воспевания коня является эпос «Герогль», где Гырат не только конь, но и ближайший друг, с которым герой может поделиться своими мыслями, боевой товарищ, который выручает героя в трудные моменты. Фольклорные традиции воспевания коня продолжили такие известные туркменские поэты, как Махтумкули, Сеиди, Зелили и многие другие.

R. GURBANAZAROV (TURKMENISTAN)

HORSE IN TURKMEN FOLKLORE

An Akhal-Teke horse and its merits are being glorified in Turkmen folklore in a highly artistic way. Historically, the Turkmen people estimates honour and a true worth of a Djigit by his horse, the way he rides, the way he uses a sword. These factors were of great significance for Turkmen tribes, surrounded by enemies.

The epos “Gorogly” is the summit of a horse glorification. In this epos the horse, Gyrat by name, is not only a horse, but also a bosom friend to share a man’s thoughts, a friend in fight, who helps a man out of trouble. There are lots of examples from sayings and proverbs, where a Horse is described in all its dignity.

Besides, the image of a Horse is in the centre of many poems by Magtymguly, Seidi, Zelily and other poets.

As one of the Turkmen poets puts it “I call you not a horse, but my brother”. This is another evidence of the Turkmen people’s love for a Horse.

However, a Turkmen Horse was estimated by its true worth only in the epoch of Saparmurat Turkmenbashy the Great. At present the image of a Turkmen Horse is one of the main elements on the National Emblem of Turkmenistan, where it stands in all its beauty. This is the image of a favourite Akhal-Teke Horse of our Serdar Saparmurat Turkmenbashy the Great.

J.JUMALYÝEWA (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMENIŇ ATY – TÜRKMENIŇ MIRASY

Türkmeniň gadymdan hiç wagyt hem gymmatyny ýitirmän gelyän mukaddes görýän zatlary bar. Olaryň biride türkmeniň aty bolmaly. Türkmen „irden turup ataňy gör, ataňdan soň

atyňy” diýip ýöne ýere aýtmadyr ahry. Diýmek, türkmen halky öz göz-guwanjyna deňýän bedewini öz ene-atasyndan soňky mukaddeslige deňäpdir. Munuň sebäbi-de atyň hemmetaraplaýyn öz eýesine adamlara ýakyn bolup bilýänliginde bolsa gerek. Adatça mertlik, ýoldaşa, dost-ýaryna, watan iliňe wepalylyk, asylylyk, kyn güne düşen ýoldaşyňa kömek etmek türkmen mahsus häsiýetler hasaplanýar. Görüp otursaň şu häsiýetler onuň atynda-da bardyr. Başyna iş düşende eýesini mertlerçe goramak, oňa wepaly bolmak, kyn gününde goldamak hut türkmen atlarynyň häsiýetine-de mahsusdyr. Atyň asyly häsiýetlerini bolsa türkmeniň uly gyzynyň häsiýetlerine deňäpdirlir. Türkmen halky öziniň mert, gaýratly ýigitlerini diňe onuň iň ýakyn ýoldaşy-aty bilen göz önüne getiripdir. Şonuň üçinem türkmen edebiýatynda we halk döredijiliginde türkmen atyna bagyşlanan eserler örän kördir.

Görogly eposyny alyp görelin. Göroglyny Gyratsyz göz önüne getirjek bolup bir görün. Başartmaz. Edil Göroglyny elsiz-ayaksyz göz önüne getiren ýalydyr. Görogly öz Gyratyny könlüniň güýjüne, gudratyna, gabagynyň üstündäki gaşyna deňeýär. Gyrat örän duýgur at. Göroglynyň başyna iş düşende gözünden ýaş döküp oňa gyanç bildirýär.

Hut şonuň üçinem klassyk şahyrymyz Mollanepes bedewiň aklyny adam aklyna deňäpdir. Ol:

„Ata babaňny aýtsam, düldüliň öz ogly sen,
Ene mamaňny aýtsam, jenneti reýhan güli sen,
Häsiýetiňni aýtsam söyetiň söýgüli sen,
Akly adam, jynsy haýwan, keseri dana bedew” – diýýär.

Beýik Prezidentimiz Saparmyrat Türkmenbaşynyň tagallasy bilen Garaşsyzlyk alanymyzdan soňra türkmen halky öz aty bilen dünýä arenasyna çykdy. Indi ahal teke atlary we olaryň gőzelligi barada bilmeýän ýok diýsek öte geçmesek gerek. Hormatly Prezidentimiziň goldawy bilen bu gün türkmen halky ata-babalarymyzyň göz-guwanjyna deňäp gelen türkmen atyny diňe söýmek, guwanmak bilen çäklenmeýär. Her ýylyň aprel aýynyň soňky ýekşenbesi türkmen bedewiniň baýramçylygy hökmünde giňden bellenilýär.

Дж.ДЖУМАЛИЕВА (ТУРКМЕНИСТАН)

ТУРКМЕНСКИЕ КОНИ И ТУРКМЕНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

После обретения независимости в нашей стране появилась возможность придать спортивный статус исконно туркменскому искусству национальных игр на коне. Игры на коне и скакуны-туркмены и раньше были. Этому свидетельствуют наша история, произведения, народное творчество и т.д. Но благодаря Великому Сапармурату Туркменбаши за годы независимости туркменское коневодство динамично возрождалось. В настоящее время ежегодно в последнее воскресенье апреля отмечается праздник «День скакуна».

J. JUMALYYEVA (TURKMENISTAN)

TURKMEN HORSES AND TURKMEN HERITAGE

Turkmen horses have always been very important for Turkmen way of life and culture. They have been a part of economy and even of history of the people. A lot of verses and literary works were devoted to a Turkmen horse. Turkmen horses are unique with their beauty. Our horses are well-known all over the world as “horses of heaven”.

Under the decree of Saparmurat Turkmenbashi, the President of Turkmenistan, every year the last Sunday in April our country celebrates "Horse Day".

Г. КУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О КОНЕ

Высказывания о коне способствуют усилению художественной выразительности. Это богатый пласт в языковой культуре. Многие выражения народного, разговорного языка проникли в литературный и стали нормой. В докладе рассматриваются выражения и высказывания с языковой доминантой «конь».

G.GURBANOVA (TURKMENISTAN)

WORDS ABOUT A HORSE

Words about a horse help to identify the art's expressiveness, to promote persuasion of the work. Such stories about the subject reveal the rich culture of the Turkmen language.

There are some words, which are considered as a lexical Standard in the works of literary language.

Such words, which are used in slangs of Turkmen language for promotion, penetrate to the literary language.

For example: "That horse is bad who has crooked legs".

Persians said "Keman pay" about that horse (or legs look like a bow). Such a horse are often fell down to the ground.

M. M. GURBANOWA (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMEN BEDEWINIŇ BEZEG ESBAPLARY

Göroglyda Gyrat barada „Köynekçesin etsem zerden” diýen sözler bar. Hawa türkmenler öz atyny zer bilen bezäp has gadymy döwürlerden bäri ony göz guwanjyny deňäpdirler. Öz atyny gelin-gyzy bilen deň hatarda bezäpdir. XIX asyrdaky türkmen ülkesinde birnäçe wagtlaň işläň rus wekili Mihaýlow A. „Her bir gurply türkmen öz atyna iň gowy görýän gaşy bolan hakyk bilen bezelen kümüş şaýlary dakýar” diýip haýrangalyjylyk bilen ýazýar.

Türkmen atynyň bezeg esbaplary halydan, keçeden we altyn-kümüşden ybaratdyr. Halydan taýýarlanan bezeg esbaplaryna at haly bu atyň arkasyna ýapylýar, eýerlik – töweregi seçekli eýeriň üstüne atylýan halyça, içirgi – eýeriň aşagyndan ýazylyan çitimli ýa-da çitimsiz halyça.

Keçeden içirgi basylypdyr. Bu esbaplar ata gözellik bilen bir wagtda sowukdan, yssydan goranmak üçin edipdir. Keçe içirgiler esasan gysyna geýdirilipdir.

Kümüşden ýasalan at esbaplaryna guşak, göwüslük; üzeňni ýaly zatlar degişlidir.

Türkmen bedewleriniň bezeg-esbaplary olara gözellik, amatly rahatlyk beripdir we göz-dilden gorapdyr. Türkmenler hemişe öz atynyň syratyna ýaman göz ýetmesin diýip dagdan, kümüş doga, haly doga dakypdyr. Bu bezegler gyz gylkly bedewlere gözellik we ruhy ganat beripdir. Iň esasy zat bolsa türkmenlerde aty bezemek oguz zamanasyndan bäri dowam edip

gelyär. Bu halkyň atçylyk sungatynyň gadymylygy bilen birlikde onuň zergärçilik, halyçylyk, keçe önümçiligi ýaly senetleriniň gadymy köklerine akyl ýetirmäge mümkinçilik berýär. .

M. КУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

УКРАШЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО КОНЯ

В докладе освещаются и анализируются вопросы прикладного искусства, ковроделия и производства кошм у туркмен в связи с влиянием на предметы украшения коней. Показано также влияние этих промыслов на трудовое воспитание у туркмен.

M. KURBANOVA (TURKMENISTAN)

THE TURKMEN HORSE ADORNMENTS

The work gives a wide coverage to the questions of the development of applied art, carpet-making, production of Turkmen "koshma" and its influence on the improvement of turkmen adornments for horse. More over the work gives full attention to the influence of national craft on labour upbringing of turkmen nation.

P. HOFFMEISTER (GERMANY)

HORSESON TURKMEN TEXTILES

Turkmen Textiles: knotted tent items, flat weavings and clothing are normally abstractly patterned. Occasionally, however, we find representations of more concrete objects, such as a wedding procession, camels, a bird and horses with riders. That is the case here. Will quickly recognize that this theme, considered in its historic context, is extremely interesting and allows some insights into the cultural history of Central Asia.

We know that the migrations of whole tribes and groups from west to east and east to west were the basis for established cultural transferences and reciprocal influences over thousands of years. Clearly defined cultures occurred rarely, while overlapping and mutual influences were the rule. So it happens that different motifs and characteristics of style occur in several cultures in similar forms. Swift and reliable horses naturally played a central role for the mobility of the people for the purposes of migration, hunting and war well into the 19th century - which is primarily the case here. The representation, that I would like to present to you, is actually the horse in relation to men - strictly speaking to man. Man on horseback - whereby the horse raises up or exalts man. «Hero on Horseback» We find this representation already in the petroglyphs from the Bronze Age and throughout every century and cultural sphere of west and middle Asia up to the 19th century.

By 1400 a distinctive nomadic style had emerged, found in grave sites as far apart as the Caucasus and the Ordos. From their intimate connection with the natural world, the Central Asians developed a visual vocabulary that included animal combat, zoomorphic metamorphosis and what we are interested here: From their tradition of raids and intertribal conflicts came the images of the «Hero on Horseback» and the enduring iconography of the royal hunt. Important, powerful men on horse, mostly with a weapon in hand - signifying power - are represented here. Emperors and kings hunting on horseback, the Greek hero Bellerophonte rode on the winded horse Pegasus to slay the Chimara, St. George of early Christendom (a

prince from Kappadokia in the 3rd Century) killed the dragon mounted on his horse, and Sidarta is depicted leaving his home on horseback, quietly riding without touching the ground. While I was developing this theme, I found so many examples that would have fit into the framework of this speech that I could have taken them all into account. Therefore, I would like to limit myself to a few important as well as several perhaps less well-known representations. Naturally the representations of the equestrian peoples play a supporting role. You'll be eager to see what meaning these representations have in the art history of Central Asia. I'll begin with an embroidery of the Tekke Turkomen from the 18th or 19th Century. Then I will talk about several Petroglyphs that were found in southern Siberia - Mongolia. Afterwards, I'll discuss representations that have migrated from the west, meaning Mesopotamia and Iran to the East, as well as from the Turk-mongol cultural region to the West. There are significant differences between them. Naturally, one must include the representations of riders from the barrow 5 in Pazyryk, i.e. the rider figures from the great felt carpet and the knotted carpet, both of which are preserved in the Hermitage in St. Petersburg. Dr. Elena Tzareva wrote the description of these figures in my lecture. I will quote her. As a rule, pictorial representations on Turkmen textiles appear only on tent bands and Asmalyks - in other words, on cultural items, that played an important role in weddings. These objects were very skillfully made by important, wealthy families. The Turkmen bride rode in procession from her parents' tent to the bridegroom's in a covered litter mounted on the back of a camel. The camel was decorated with the things she had made for the occasion. Prominently displayed on the camel's flanks were colorful hangings, made in pairs, often pentagonally worked in a variety of media: the Asmalyk. The second object that had great significance in the wedding and upon which the representation of riders are found was the tent band. The tent band literally prevents the tent from collapsing. Functional bands are 12 to 15 meters long and flat-woven. Turkmen also made a decorative ceremonial type of band with a design in pile weave on a white cotton or wool ground. Such bands were used to decorate the guest tents and wedding tents. They run high up around the outside of the framework beneath the felts, with the pile facing inwards so that the pattern is visible to the occupants of the tent. The representation of a man on horseback with symbols of power: horse weaponry and bird, expresses their symbolic merit in almost obvious form. * The objects to be considered are in the National Museum, Ashgabat, the Russian Ethnographical Museum, St. Petersburg and in private collections including my own.

« EN-CA' Naturally, one must include the representations of riders from the barrow 5 in Pazyryk, i.e. the rider figures from the great felt carpet and the knotted carpet, both of which are preserved in the Hermitage in St. Petersburg. Dr. Elena Tzareva wrote the description of these figures in my lecture. I will quote her. As a rule, pictorial representations on Turkmen textiles appear only on tent bands and Asmalyks - in other words, on cultural items, that played an important role in weddings. These objects were very skillfully made by important, wealthy families. The Turkmen bride rode in procession from her parents' tent to the bridegroom's in a covered litter mounted on the back of a camel. The camel was decorated with the things she had made for the occasion. Prominently displayed on the camel's flanks were colorful hangings, made in pairs, often pentagonally worked in a variety of media: the Asmalyk. The second object that had great significance in the wedding and upon which the representation of riders are found was the tent band. The tent band literally prevents the tent from collapsing. Functional bands are 12 to 15 meters long and flat-woven. Turkmen also made a decorative ceremonial type of band with a design in pile weave on a white cotton or wool ground. Such bands were used to decorate the guest tents and wedding tents. They run high up around the outside of the framework beneath the felts, with the pile facing inwards so

that the pattern is visible to the occupants of the tent. The representation of a man on horseback with symbols of power: horse, weaponry and bird, expresses their symbolic merit in almost obvious form.

* The objects to be considered are in the National Museum, Ashgabat, the Russian Ethnographical Museum, St. Petersburg and in private collections including my own.

П. ХОФФМАЙСТЕР (ГЕРМАНИЯ)

КОНИ НА ТУРКМЕНСКИХ ИЗДЕЛИЯХ

Туркменские текстильные изделия обычно абстрактно смоделированы. Иногда, однако, мы находим изображения более конкретных объектов, таких как свадебная процессия, верблюды, птицы и кони с наездниками.

Иллюстрированное изображение на туркменских текстильных изделиях имеется на палаточных лентах и Асмалках - другими словами, на культурных изделиях, которые играли существенную роль на свадьбах. Эти предметы были искусно сделаны влиятельными и состоятельными семьями.

P.HOFFMAÏSTER (GERMANIÝA)

ATLAR TÜRKMENISTANYŇ ÖNÜMLERINDE

Türkmeniň dokma önümleri adatça dürli şekilleri bolan görnüşde taýýarlanandyr. Käwagt biz olarda toý dabarasy, düýe, guşlar we atçaparlar, atlaryň şekilleri ýaly has anyk obýektleri görüp bilýäris. Şu tema taryhy kontekstde seredeniňde onuň adaty bolmadyk görnüşli täsindigine göz ýetirmek mümkin we ol Merkezi Aziýanyň taryhyna azda-kände täsir edip durýar.

Türkmenleriň dokma önümlerindäki illýustrirlenen şekiller diňe çadyr lentalarynda we asmalyklarda, başga söz bilen aýdanyňda toýlarda wajyp rol oýnan medeni önümlerde hem bardyr. Şu önümler başarjaň we gurply maşgalalar tarapyndan ussatlyk bilen edilipdir. Türkmen gelni özüniň ene-atasy öýünden gelin öýüne çenli düýäniň üstünde oturdylan ýapyk kejebede geçmeli bolupdyr. Düýe şeýle dabaralarda dürli zatlar bilen bezelýär. Düýäniň gapdalynda köp guramyşly başburç görmüşinde taýly perdeler (asmalk) edilýär.

Toýda uly ähmiýete eýe bolan atçaparlaryň şekilleri bolan çadyr lentalary barlaglar wagtynda tapyldy. Çadyr lentasy çadyry saklaýar. Türkmenler şeýle hem ak pagtadan ýa-da yün erişlerinden yün örümleri bilen bezelgi lentalary dabaralar üçin öndürripdir. Şeýle lentalary myhman çadyrlaryny we toý çadyrlaryny bezemek üçin hem ulanypdyrlar.

Güýç-kuwwat simwolly atdyr adamyň şekillendirmesi aty, ýaragy, guşy, olaryň aýdyň şekilleriniň simwolik häsiýetini aňladýar.

Gürrüňi edilen zatlar Aşgabadyň Milli muzeýinde, Sankt-Peterburgdaky Russiýa etnografik muzeýinde we öz hususy kolleksiyalarynda bardyr.

ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКЕ

Образ коня в туркменской культуре... Излишне напоминать, сколь значимым для Туркменистана является Символ Коня, сколько красивых, проникнутых гордостью строк посвятили ахалтекинцу лучшие туркменские поэты, с какой любовью описываются боевые кони эпических огузских богатырей и легендарный Гыр-ат из “Героглы”.

В богатом спектре историко-культурных типов образ коня выделяется совершенно особой, поистине исключительной отмеченностью. Особое место он занял и в традиционной музыкальной культуре. Его красоту и доблесть воспевают бахши, ему посвящены лучшие произведения сазанда.

Туркменская мифология сохранила немало сюжетов, повествующих о том, что рождение дутара, ставшего музыкальным символом туркменской культуры, связано с именем Дюль-Дюля, легендарного коня Хезрета-Али, за которым ухаживал Баба-Гамбар – покровитель всех певцов и музыкантов.

Чудодейственный конь Гыр-ат – один из главных действующих персонажей эпического памятника “Героглы”. Как известно, в туркменских дестанах прозаические рассказы прерываются песенными вставками. В “Героглы” – несколько песен, посвященных Гыр-ату. В них Героглы, обращаясь к своему боевому другу, воспевает его смелость, верность. Для Героглы Гыр-ат не имеет цены: “Если бы нашелся человек, который хотел бы купить тебя ценой своей души, то и эта цена была бы для тебя низкой””. Это его верный боевой товарищ, которого он сравнивает с Меджнуном:

Менин бар Межнун атым бар,
Аталып гирсе мейдана,
Ганымына ган энредер,
Сойы мензер кэх йылана.

Есть у меня неистовый конь
Когда на поле брани врывается он,
Кровавыми слезами плачут враги,
Змею напоминает подчас мой конь.

Многие песни, посвященные Гыр-ату, исполняются отдельно, как самостоятельные песни в репертуаре бахши различных исполнительских школ, но особенно они распространены среди ташаузских бахши.

Популярностью в репертуаре бахши пользуется песня “Бедев”. Слова “Бедев ат” понимаются как “Чудесный конь” в смысле “Небесный конь”. Аналогичное выражение было и у древних парфян, кони которых неизменно определяются как “небесные”.

Образ коня как символ мужества, силы встречается и в обрядовых песнях туркмен: в агылар (плачах-причитаниях), яремезан (поздравительных, исполняемых в Ораза-ай) суйтгазан (вызывание дождя), в хувди (колыбельных).

Во время музыкально-этнографических экспедиций в различные районы Туркменистана (1972–1992 гг.) нами было записано немало песен и инструментальных пьес, связанных с образом коня. Большое эмоциональное впечатление оставило

исполнение на гопузе (Ат-чапыши”), дилли-туйдуке (“Ат-чапан”) и многие другие, в которых народные музыканты с огромным художественным вкусом и исполнительским мастерством создали образ гарцующего красавца-коня.

Особое значение образ коня приобрел в дутарной музыке. Общим для дутарных произведений является то, что они, дифференцируясь по жанровой принадлежности и типу программности при прочных иллюстративно-ассоциативных связях с программой, несут в себе обобщенные идеи. Образ коня в них предстает как конкретно, средствами звукоизобразительности (“Ат чапыши”, “Героглынын ат айнадыши”), так и опосредовано, служа выражением некоей объективизированной мысли, раскрытой нередко с поистине философской глубиной (“Гек-Депе мукамы”). Смысл, идея произведения всегда лежат в подтексте внешней программы, поэтому, несмотря на сюжетно-тематическое разнообразие легенд, сопровождающих туркменскую инструментальную музыку, в дутарных пьесах приобретает яркое выражение та логика созерцательного, внеличного, находящего отражение в предельно обобщенных интонациях и типах движения музыки, своего рода музыкальных символов. Одним из таких символов является образ коня, который предстает многопланово: на уровне семантически-содержательном, формообразующем, интонационном, штриховом. Музыкальный символ – ритм скачки, объединяющий в себе представление не только о быстроходном коне, верном друге туркмена, но и образе, отражающем бескрайние туркменские просторы, вызывает определенные ассоциации. В каждом отдельном произведении, взаимодействуя и сочетаясь с другими сторонами музыкальной организации, возникает инвариант, каждый раз новый в структуре конкретного произведения. При этом чрезвычайно важным является уровень исполнительского мастерства музыканта, его умение оживить общую модель чисто исполнительскими приемами. Например, при сравнении “Ат чапар” в исполнении ансамбля дутаристов и Мыллы Тачмурадова, возникает типичная картина соотношения различного воплощения инвариантных признаков через исполнительскую технику и мастерство сазанда, позволяющие ему значительно обогатить выразительные возможности произведения.

Множественность воплощения инвариантных признаков (в данном случае типизация образа – эталона коня) позволяет осуществлять жизнь жанра и в новом культурном контексте – в частности, в творчестве туркменских композиторов.

N.N.ABUDAKIROVA (RUSSIA)

THE HORSE IMAGE IN TURKMEN TRADITIONAL MUSIC

The horse image occupied a special place in traditional musical culture. In mythology it is the image of Dyul-Dyul, the extraordinary horse directly connected with the origin of dutar, militant horses of epic Oguz warriors, legendary Gyr-at from the epos “Gyor ogly”. The bahshys (folk singers) praised the beauty and valour of the Turkmen horse in their songs. Sazandas (musicians) devote their musical works to the Turkmen horse. The horse image as the symbol of courage and power can be found even in Turkmen ritual songs. With great artistic taste and technical mastery the performers show beautiful prancing horse playing the gopuz and dilli-tyuydik. The horse image has acquired a special place in dutar music in which it appears as well as a real character by means of sounds as it serves to express an objectivized idea.

The horse image appears to be many-sided: meaningful and serious, form shaping, intonational rhythmical, the rhythm of races was shaped as musical symbol associating the notion about the Turkmen land.

N.N.ABUBEKIROVA (ORSYÝET)

TÜRKMENIŇ SAZ SUNGATYNYDA ATYŇ KEŞBI

Türkmeniň milli saz sungatynda esasy orny miflerde gönüden-göni dutaryň döremegi bilen baglanyşykly bolan täsin at Döldüliň, oguz pälwanlarynyň söweş atlarynyň, “Görogly” şadessanyndaky Gyratyň keşpleri eýeleýär. Bağşylar türkmen atynyň gözelligini, olaryň söweşjeňlik hem gowy gylyk-häsiýetlerini wasp etseler, sazandalar olara ajaýyp heňler bagyşlapdyrlar. Atyň keşbi türkmeniň döp-dessur aýdymlarynda-da edermenligiň hem güýçkuwwatlylygyň alamaty hökmünde duş gelýär. Gopuzda, dilli tüýdükde-de uçganaklap duran täsin aty örän uly ussatlyk bilen teswirläpdirler. At ylaýta-da dutar mukamlarynda özleriniň täsin hereketleri, asylyly häsiýetleri bilen has täsirli teswirlenipdir.

Saz sungatynda atyň keşbi örän köptaraply: many-mazmun, sazlaşyk hem gaýry röwüşleri bilen häsiýetlendirilipdir. Çapyp baryan atyň aýaklarynyň sazlaşykly sesi dutar mukamlarynyň täsin owazlarynda türkmen topragynyň ajaýyp keşbi ýaňlandyrylypdyr.

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ (РОССИЯ)

УМЫКАНИЕ НЕВЕСТЫ И ПОХИЩЕНИЕ КОНЯ - СЮЖЕТЫ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ТУВЫ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

В гунно-сарматское и тюркское время в наскальном искусстве Центральной Азии появляется совершенно новый пласт рисунков, в которых нашли отражение эпические мотивы. Именно к этому времени можно отнести многофигурные сюжетные композиции: сцены охоты, батальные композиции и т.д. В них можно найти многие сюжеты в эпических сказаниях и мифах различных тюркоязычных народов. На скалах Южной Сибири и Тувы нами зафиксированы сцены, в которых представлен всадник скачущий на лошади, за которым на поводу следует конь. “Похищенный” конь больших размеров, сделан более тщательно, иногда показаны детали экстерьера. Например, композиция с горы Каратаг на юге Красноярского края (Семенов и др., 2000, с.52-53, рис.25). Аналогичная сцена есть в прикладном искусстве таштыкской культуры, а именно на планках из могильника Тепсей (Грязнов и др., 1980, рис.61). Здесь гравировкой на дереве нанесено несколько мчащихся всадников, за которыми на поводу скачут взнузданные кони без людей. На лбу у лошадей показан султан и высокая зачесанная челка. У людей волосы собраны в длинные хвосты. Такие же детали отражены и в сцене умыкания невесты из Тувы. Эта сцена выбита на самой вершине горы Сыын-Чюрек в Центральной Туве (Липец, 1983, рис.1). Она уникальна, так как не встречается в изобразительном искусстве Центральной Азии. Здесь изображено два всадника. Один ведет на поводу лошадь другого, перед которым на лошади сидит женская фигура в длинном платье и накидке. У лошадей и всадников показаны на голове высокие хохолки.

Все эти рисунки выполнены в одном стиле, который М.П. Грязнов определил как таштыкский. Для антропоморфных изображений, выполненных в этом стиле, характерно воспроизведение деталей одежды в виде короткой колоколовидной юбки,

косы или хвоста на круглой голове. Для всадников – специфическая посадка на коне (ближе к шее, ноги свисают свободно ниже живота лошади). Особенно характерна манера воспроизведения животных. Это прежде всего передача быстрого движения с помощью схематической оторванности ног от корпуса, показ второго дальнего от зрителя плана (Грязнов, 1971, с.94-106). В классическом таштыкском стиле ноги животных изображаются согнутыми, причем ближние к зрителю сильнее, под самый живот, иногда перекрещиваются между собой. Но в рассматриваемых нами примерах изображения выполнены более схематично. Корпус животного имеет подпрямоугольные очертания. Голова посажена на тонкой высокой шее. Ноги же прямые или слегка присогнутые передаются в развороте или в плане сверху – ближняя пара ног сопряжена с абрисом живота, а дальняя соединена с основанием хвоста и шеи. Перед нами один из вариантов таштыкского стиля, возможно наиболее ранний. По мнению многих исследователей таштыкская культура может рассматриваться как один из компонентов в сложении дренетюркских этносов Саяно-Алтая (Савинов, 1984). В тюркском наскальном искусстве прослеживаются многие элементы таштыкского стиля.

Сюжеты похищения коня и умыкания невесты широко распространены в тюркском героическом эпосе. Богатырь - эпический герой похищает или забирает у соперника или врага лучшего коня. Этот конь отличается быстротой и резвостью. Свои необыкновенные качества он передает герою. Без такого коня он не может получить настоящей богатырской силы. Также этот герой должен добыть себе “настоящую”, “далекую” невесту (Липец, 1983, с.42-74). “Добывание” невесты – это приобретение основной ценности для всего рода жениха. Обряд умыкания или увода невесты имеет очень древние общеевразийские корни и характерен почти для всех кочевников. Он сохранился во многих культурах, но особенно ярко выражен у тюркоязычных народов (Потапов, 1969, Геннеп, 1999 и др.). В основном он может рассматриваться в контексте обрядов переходного цикла и исполняет функции символической борьбы в структуре свадьбы, для подчеркивания экзогамии брачующихся сторон, как выполнение главного условия – “чистого”, не инцестуального брака (Новик, 1984:182-190). Эти представления возникли в Центральной Азии и Южной Сибири в гунно-сарматское время и нашли свое воплощение в тюркоязычных культурах, что фиксируется в произведениях наскального искусства.

M.KILUNOVSKAYA (RUSSIA)

THE BRIDE'S KIDNAPPING AND HORSE'S STEALING - PLOTS OF AN ROCKS'ART IN TUVA AND SOUTH SYBERIA

In Gunn-Sarmat's and Turkic time we can find a new style of rocks'art, where the epic motives, remained in some fables about Turkic national heroes, was appeared in Central Asia. For example, on some rocks of Tuva or South Siberia we can see a sketch of a rider and a horse walking together; and it means the horse's stealing. The same composition is known in hard sup art, especially on wood planks, which were found in the grave of Tepsey (Gunn-Sarmat's time). Animals imprints on planks and also on rocks are made of special style - tashtyk's (reflection of a very fast movement with the help of legs' movements and body's movements), people have special hair ups. Such stylistic features differs figures in the scene “Bride's kidnapping” on the mountain Synym-Chorek in Tuva. Plots of bride's kidnapping and horse's stealing are wide spreaded in Turkic heroic eposes. In other to get a big power, man had

to steal his enemy's horse and in order to be a real hero he had to kidnap his enemy's bride. All these cultural features occurred in Central Asia during the Hun-Sarmat's time and found their own reflection in Turkic culture what was proved in some works of the rocks' art.

M.E.KILUNOWSKA ǪA (ORSYǪET)

GELIN ALYP GAÇMAK HEM AT OGURLAMAK - UWANYŇ HEM GÜNORTA SIBIRIŇ GAǪA SUNGATYNYŇ SǪU•ETIDIR

Merkezi AziǪanyŇ ga sungatynda hun-sarmat hem türkler döwründe aǪry-aǪry türki halklaryŇ rowǪyatlarynda, miflerinde saklanyp galan gahrymanlary suratlandyǪan epiki motiwleri teswirleǪǪan düǪbünden tǪzeçe şekiller peǪda bolupdyr. Mysal üçin TuwanyŇ hem günorta SibiriŇ gaǪalarynda at ogurlanyşyny Ǫa-da tutulyşyny teswirleǪǪan ikinji atyŇ uǪanyndan çekip gelǪǪan atlynyŇ keşbi şekillendirilipdir. Hut şunuŇ Ǫaly şekiller amaly haşam sungatynda-da öz beǪanyny tapypdyr. Hun-sarmat döwrüne deǪiřli Pepsey mazarystanlygyndan tapylan ýylmanan agaçlara çekilen şekiller şolara mysal bolup biler. Ýylmanan agaçlarda-da, gaǪalaryŇ ýüzünde-de jandarlaryŇ şekilleri aǪratyn özboluşly-taştık usulynda berlipdir (olaryŇ okgunly hereketleri aǪaklarynyŇ hem göwreleriniŇ özboluşly ýerleşmesi bilen aŇladylypdyr), adamlaryŇky olaryŇ saçlarynyŇ durşy (ýokarlygyna ýygnanan) bilen görkezilipdir. ŞeǪle usul Tuwadaky SyǪun-Çörek dagyndaky gelin alyp gaçmak sahnasyny teswirleǪǪan şekillere-de mahsus. At ogurlamak hem gelin alyp gaçmak sǪužetleri gahrymançylykly türk şadessanlarynda giŇden şöhledenipdir. Hakyky pǪlwanydyǪyŇ subut etmek üçin at ogurlamaly Ǫa-da ony bāsdeřinden zor bilen almaly, hakyky gahrymandyǪyŇ subut etmek üçin bolsa alys ýerden gelin getirmeli. ŞeǪle dessur Merkezi AziǪada hun-sarmat döwründe ýüze çykyр, ol türki dilli medeniǪetlerde-de öz beǪanyny tapmak bilen gaǪa sungatyna-da geçip gidipdir.

К. АЛИЕВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ОБРАЗА КОНЯ И ВСАДНИКА В ИСКУССТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Конь и всадник был одним из примечательных художественных образов в древнем искусстве Азербайджана. Занимая видное место в хозяйственной жизни и в культовых воззрениях древности, конь был не только тотемом. Образ коня и всадника находил отождествление с божествами переднеазиатских, кавказских преданий.

Образ коня в древней иконографии Азербайджана сопутствовал солярному культу, а также культу огня. В дальнейшем конь стал важным символом в зороастрийских представлениях.

Распространение тюрко-огузского влияния в Азербайджане привело к последовательному развитию общих культурных тенденций на протяжении обширного ареала. Образ коня в эпосах Китаби Деде Горгуд или Кероглу одинаково важен и близок к азербайджанцам, туркменам и туркам.

TO THE ORIGIN OF HORSES AND RIDERS IN THE ART OF AZERBAIJAN

A horse and a rider are the most artistic images in antique art of Azerbaijan. Taking a prominent place in economy and cult outlook of ancient times the horse served not only as totem, but it was identified with divinity of before asian, caucasian and eurasian traditions. The horse image in ancient iconography of Azerbaijan coincided with sun and five cults. Further the horse was the most important symbol in zoroastrism.

Türk-oguz influence on Azerbaijan leded to the development of general cultural tendencies on a huge territory. The horse image in Kitabi Dede Gorgut and Gyorogly eposes is equally important to Azeries, Turkmens and Turks. Turkmen-azeri state formations of Kara-Koyunly and Ak-Koyunly, in which in preserving a special epithet to the image of ancient assistant companions in arms.

K.ALIYÉWA (AZERBEÝJAN)

AZERBEÝJAN SUNGATYNYDA ATYŇ WE ÇAPYKSUWARYŇ OBRAZYNYŇ GELIP ÇYKYŞYNA

At we çapyksuwar obrazy Azerbaýjanyň gadymy sungatyndaky belli çeper obrazlaryň biridir. At gadymyýetde hojalyk durmuşynda we kult dünýägaraýyşlarynda görmükli orun eýelemek, diňe bir totem bolmak bilenem çäklenmändir. At we çapyksuwar obrazy Alyny Aziýa, Kawkaz, Ýewro-aziýa halk döredijiliginde hudaýlar bilen barabar derejä göterilipdir.

Atyň obrazy Azerbeýjan ikonografiýasynda solýar kulty we oduň kulty bilen deňleşipdir. Şondan beýläk bolsa, at otparazlyk ynançlarynda hem möhüm nyşan bolupdyr.

Türk-oguz täsiriniň ýaýramagy Azerbeýjanyň ägirt giňişliginde boýdan-başa umumy medeni tendensiýanyň şondan soňky ösüşlerine getiripdir. “Kitaby Dädem Gorkut” ýa-da “Görogly” eposlaryndaky at obrazy azerbeýjanlara-da, türkmenlere-de, türklere-de birmeňzeş ýakındyr we möhümdir. Esasy dereje atly esgerlere we mal bakanlara ýeten Türkmen-Azerbeýjan döwletleri Garagoýunly we Akgoýunly döwletlerinde hem ata-babalaryň gadymy kömekçilerini we hemralaryny şekillendirýän obrazlaryň önünde aýratyn epiteti saklap bilipdirler.

A. А. АМБАРЦУМЯН (РОССИЯ)

КОНЬ В АВЕСТЕ И ПЕХЛЕВИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Фраги (Махтумкули)

Конь в иранской культурной традиции занимал всегда особое положение. Его роли и значению посвящено большое число работ и исследований. Мы хотели бы

остановиться на некоторых лексических особенностях, связанных с обозначениями коня и производными терминами, сохранившимися в древнеиранской и зороастрийской литературных традициях (Авеста, сочинения на языке пехлеви).

Обращает на себя внимание отсутствие в самом древнем иранском источнике, в Авесте, специального термина для обозначения всадника и наездника. Такой термин появляется в ахеменидскую эпоху, и, возможно, уже существовал в мидийское время.

Единственным в Авесте словом, близким к всаднику, является “сражающийся на коне” (Яшт 5.112) — эпитет прославленного героя Заириваири, брата правителя Виштаспы.

Сражаются на коне и преодолевают пространства, оседлав коня, также и другие персонажи Авесты (см., например, Яшт 15.11-13, и др.). В войске правителя Виштаспы, помимо пеших воинов и всадников, принимали участие также и колесничие. Судя по “мемориальному списку” этого войска (Фравардин Яшт, Яшт 13.99-110), колесницами управляли трое начальников, наделенные довольно красноречивыми именами или прозвищами: Скараят-рата, Дараят-рата и Фрараят-рата? “Ведущий колесницу”; “Держащий колесницу”; “Приводящий колесницу в движение”) (Яшт 13.108).

Судя по данным Ард Яшта, коням, колесницам и всадникам, отводилось одно из первых мест в войске, тогда как верблюды занимали вторичную позицию (Яшт 17.12-13). Напротив боевой порядок противников Виштаспы, племен хйаона, был иным, возможно, по тактическим причинам: первую позицию занимали верблюды, а вторую — кони и колесницы (см. Яшт 9.30).

Покровителем лошадей в иранском мире служило божество Дрваспа, которому приносились жертвоприношения и слагались гимны.

О широком применении лошадей свидетельствуют также имена собственные многих авестийских персонажей, среди которых: покровитель Заратуштры и правитель одной из арийских стран — Виштаспа (Яшт 13.99, и др.); Джамаспа (в Гатах: Деджамаспа) советник Виштаспы, участвовавший в войне против хйаона (Яшт 5.68; 13.103; Ясна 46.17, и др.); сыновья Виштаспы или его ближайшие родственники из рода Наотара — Вajasпа и Хабаспа (Яшт 13.102); Дазграспи, отец героя Буджры, сражавшегося в войске Виштаспы (Яшт 13.106); герой Вираспа, сын Карсны, сражавшийся в войске Виштаспы (Яшт 13.108); Аурват-аспа, отец героев Заириваири и Виштаспы (Яшт 5.105) и др.

В среднеперсидских (пехлевийских) источниках также содержится много полезной информации о конях и коневодстве. Ратом среди лошадей сасанидская традиция признает белую лошадь с желтыми ушами, светлыми волосами, с кожей, покрытой бельми глазками.

Согласно видовой классификации Бундахишна, лошади относились к пятому виду и разделялись на восемь пород.

A. A. AMBARTSUMIAN (RUSSIA)

HORSE IN AVESTA AND PAHLAVI LITERATURE

The paper deals with the lexical materials related to horse and horseman's terms attested in the Avesta (Yashts, Gathas, Videvdat, Frahang-i Oim) and in the Pahlavi (Middle Persian Zoroastrian) Literature (Bundahishn, Vizidagiha-i Zadspram, Ayadgar-i Zareran). A great range of the Avestan compound words and personal names, having as its component a word “aspa” - “horse” (Aurvataspa, Vishtaspa, and so on) and “aurva(nt)” racehorse”, is widely

observed. Analysis of the meanings of such compound words allows to understand better the different spheres of horse and horseman's use in the Ancient Iranian world of the Avestan period. An attention is given also to the Pahlavi classification of horses and to the terms used for the horse determination in the Arsakid and Sassanid periods.

A.A.AMBARSUMÝAN (ORSÝÝET)

AT AWESTADA WE PEHLEWI EDEBIÝATYNDÄ

Nutukda Awestada (Ýaşty, Gaty, Widewdat, Frahatg-i Oým) we pehlewî (orta pars) edebîýatynda (Bundahlein, Zadsprom, Aýadgar-i Zareran) bellenen at hem atçapar bilen baglanyşykly leksiki materiallara seredilip geçilýär. "Asra" sözüne degişli "at, bedew" (Aurwataspa, Wiştaspa we başgalar) hem "aurva(nt)" sözüne degişli "çapar, bedew, aty basym çapýan" sözleri, awestadaky goşma has atlar we beýleki kompozitler jikme-jik derňeldi. Şeýle goşma sözleriň manylarynyň derňewi Awesta döwrüniň gadymy eýran dünýäsinde atyň ulanylyş we çaparyň dürli sferalaryny has doly açyp görkezýär. Şeýle hem, parfiýa we sasany döwründe aty aňlatmak üçin ulanylan terminlere we atlaryň pehlewî toparlaryna üns berildi.

A.OSMANOWA (TÜRKMENISTAN)

AT WE EDEBI MIRAS

Adamzadyň ruhy medeniýetiniň aýrylmaz bir bölegi bolan at türkmen halky üçin diňe bir ulag, kömekçi, ýow günü ýoldaş bolman, eýsem türkmeni türkmen edýän gudratlaryň biri. Emma bu gudratyň özi tarp ýerden döremändir. Ol asyrlar boýy „ýeke däneden" toplanyp, ösdürilip, kämilleşdirilip gelnen, adyl seçgi esasynda dörän, sungat derejesine ýeten beýiklik.

Atyň gadymdan bäri türkmeniň durmuşyna nähili ornandygy türkmen halk döredijiliginiň dürli ugurlaryny aýratyn göz gezdireniňde has hem mälim bolýar. Türkmen hüwdileri bolsa bedewe guwançdan doly. Türkmen urymlarynda hem atyň uly orny bar: „At – keramat" diýip nähoş çagany atlynyň eline tutdurmak däbi, „At – maksat" diýip türkmen öýlerinde atyň nalyny asyp goýmak däbi. „At – türmeniň uçar ganaty" diýip Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň behişdi atlarymyz barada aýdan pähiminiň özeni hem türkmen ertekileri, dessanlary bilen utgaşýar.

Göroglynyň Gyraty – türkmen atynyň simwoly. Gyratyň „ganat baglap" uçuşy – türkmen atlarynyň ýyndamlygynyň simwoliki suratlandyrylyşy. Şeýle sahnalar, eposyň tutuş süňňünden syzylp çykýar.

Ganatly atyň obrazy „Göwher gyzy we Şiraly beg" atly türkmen dessanynda Guşganat atly ganatly atyň üsti bilen berilýär. „Kelje" atly türkmen halk ertekisinde Keljäniň atynyň „Men köp eglenmerin" diýip asmana göterilişi adam hyýalynyň hakykat bilen utgaşmasydyr. Ertekidäki bu uçýan at suw atynyň perzendi.

Ahal-teke atlary suw atlaryndan gelip çykypdyr diýen rowaýat alymlaryň ünsüni hem özüne çekipdir. Türkmen atlarynyň öz neslini ýabany „deňiz atlaryndan" alyp gaýdýandygyny S.G.Agajanow „Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX – XIII вв.", Ö.Gündogdyýew „Конь и конница у туркмен" atly işlerinde ýatlap geçýärler. Bu rowaýatyň kökleriniň Türkmenistanyň çäklerinde ýaşan gadymy halklaryň durmuşynda ýatandygy bize mälim.

Türkmen halkynyň şadessany „Göroglydan" hem suw aty baradaky rowaýat öz

beýanyny tapypdyr: „Gyrat – suw atynyň nesli”. „Gürleýän at”, „Goçgarguly we onuň aty” ýaly türkmen ertekileri, özbek ertekisi bolan „Ganatly atyň deňzi”, çeçen ertekisi bolan „Suw aty” ýaly ertekiler gös-göni suw atlary baradadyr. Suw aty hakyndaky rowaýatlardyr, ertekileriň aňyrsynda halkyň ata bolan öz çäksiz söýgüsiniň şöhlenemesini görýäris.

Halk aýdymlarynda, hüwdilerinde, ynaç-уrumlarynda, rowaýat-ertekilerinde, umuman edebi mirasda atyň obrazynyň şeýle berk ornaşmagy bu akylyly haýwanyň türkmeniň durmuşy bilen aýratyn baglanyşyklydygynyň aýdyň şaýadydyr.

A.ОСМАНОВА
(ТУРКМЕНИСТАН)

КОНЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Туркмены прославились своими ахалтекинскими конями, признанными одним из чудес света. Искусство коневодства у туркменского народа берет свои начала с глубины веков. Для того, чтобы представить какое большое место занимали кони в жизни туркмен, достаточно обратиться к народному творчеству. Образ коня встречается в народных песнях, колыбельных песнях, поверованиях, сказаниях, сказках. Народное творчество раскрывают нам явную картину, в какой степени эти небесные кони вжились в повседневную жизнь, обычаи и обряды, характер туркмен.

A.OSMANOVA (TURKMENISTAN)

THE HORSE AND LITERARY HERITAGE

The Turkmens have become famous for their Akhal-Teke horses, recognized as one of the world wonders. Horse is a pride of Turkmen people. The horse-breeding's art of Turkmen people arose from high antiquity. It's enough to draw attention to the folk creation to imagine horses, taking the big place in a daily life of Turkmen. We can see the shape of horse in the folk songs, cradlesongs, beliefs, stories and tales. The folk creation discovers to us an obvious illustration to what extent these celestial horses have get into an everyday life, customs and rites, character of turkmens.

M.СОЕГОВ(ТУРКМЕНИСТАН)

ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СО СТЕРЖНЕВЫМ СЛОВОМ “АТ” (“КОНЬ”)

В туркменском языке слова *gylýal* (*gylýalçylyk* – “коневодство”), *ýulku* (*ýulku sürüsi* – “табун”), *ýaby* (“лошадь”), *at* (“конь”), *baýtal* (“кобылица”), *taý*, *taýçanak* (“жеребенок”), *bedew* (“скакун”), занимая общее семантическое поле, имеют также конкретное, в том числе терминологическое значение и соответствующее употребление, среди них наиболее нейтральным, широким употреблением обладает древнее слово “at” (“конь”), которое на разных этапах развития туркменского языка активно участвовало в образовании пословиц и поговорок., что позволяет говорить об особой роли туркменского коня в материальной и духовной жизни народа на протяжении многих веков и тысячелетий. Пословицы и поговорки данного разряда впитывали в себя сведения разных эпох и обстоятельств и по сущности являются своеобразным источником по истории туркменского народа.

Туркменские пословицы и поговорки *Irden tur, ataňy gör, ataňdan soň atyňy* (дослов. “Встав рано утром, навести своего отца, а затем – коня своего”), *At baryň gapaty bar* (дослов. “Тот, кто имеет коня, имеет и крылья”), *At ürken ýerinden, iň gorkan ýeinden* (“Конь старается находиться подальше от того места, где вздрогнул, а молодец – от того места, где был напуган”), *At münep atasyny tanamaz* (дослов. “Тот, кто сидит на коне, не признает даже своего отца”) содержат отголоски тех далеких времен, когда наряду с культом предков существовал культ коня и определенных географических местностей. В настоящее время на обширных территориях Азии, а также Европы выявлены многочисленные погребения с конем, относящихся к огузским племенам VI-X вв., т.е. прямым предкам современных туркмен (древнетюркская эпоха).

Издревле туркмены занимались разведением чистокровных пород лошадей, каковым является бесподобный ахалтекинский конь. Путем постоянной селекционной работы выращивали не только изящных, стройных, красивых коней, но и воспитывали в них особые качества: *It içen suwdan at içmez* (дослов. “Воду, которую пила собака, не будет пить конь”), *At depgisine at çydar* (дослов. “Удар коня выдержит конь”), *İki at depişer, arasynda eşek öler* (дослов. “Когда два коня лягаются, между ними осел подыхает”). Трудоемкость выведения знаменитых конских особей нашла свое отражение в пословицах типа: *At at bolýança, at eýesi it bolar* (дослов. “Пока конь станет настоящим конем, хозяин коня станет собакой”) и др.

Использование в кормовом рационе лекарственных трав позволяло поддерживать здоровье коней на должном уровне: *Andyzlynuň aty agsamaz* (дослов. “У кого имеется переступень двудомный, у того конь не хромает). Следует отметить, что не всегда многолетний труд коневода увенчивался успехом: *Ýagşy ata bir gamçy, ýatan ata müň gamçy* (дослов. “Хорошему коню достаточно одного удара кнутом, а плохому коню необходима тысяча ударов кнутом”). Тем не менее, конь у туркмен не считался сельскохозяйственным животным в прямом смысле слова: *Öküz eker, at iýer...* (дослов. “Посеет бык, а урожай съест конь...”).

Всадник-туркмен в силу ряда социальных причин в своих боевых доспехах неоднократно бывал в близких и дальних странах. Это продолжалось в течение жизни двух и более поколений: *At basman diýen ýerini müň basar, at basmasa, taý basar* (дослов. “Конь тысячу раз наступит ногой на то место, о котором говорил: “Больше не наступлю”, если не наступит конь, то обязательно наступит жеребенок”). Ученые считают, что туркменский конь, начиная с далеких исторических времен, например, с парфянской эпохи, служил родоначальником многих других пород коней, в том числе арабского.

Рассмотренные нами пословицы и поговорки давно потеряли свой первичный смысл и в настоящее время, став крылатыми словами, употребляются в повседневной туркменской речи обычно в переносном, иносказательном значении. Например, приведенная выше пословица “*İki at depişer, arasynda eşek öler*” соответствует в русском языке пословице “Паны дерутся, а у мужиков чубы трещат” и т.д.

По нашему мнению, необходимо подвергнуть в будущем более подробному анализу все без исключения туркменские пословицы и поговорки, а также загадки и устойчивые словосочетания со стержневым словом “at” (“конь”), ибо они содержат очень ценные сведения не только по истории народа, но и многим отраслям знаний.

Подводя краткие итоги изложенному, можно заключить, что изображение великолепного ахалтекинского коня *Ýanardag* (“Вулкан”) на Государственном Гербе Независимого и Нейтрального Туркменистана символизирует роль и место крылатого, стремящегося вперед коня в духовной жизни туркменского народа как в древней, так и новейшей его истории, о чем красноречиво свидетельствует народная мудрость – пословицы и поговорки.

TURKMEN PROVERBS AND SAYINGS CONTAINING WORD "AT" ("HORSE")

In the Turkmen language the proverbs and sayings containing word "at"(turkm.) "horse", the main unit, are of different time of origin and reflect ancient believes and interesting information on historical events concerning horses.

First some proverbs and sayings were originated as the result of daily practice of breeding these beautiful, fast and well-bred horses.

In modern Turkmen these proverbs and sayings are mostly used not in direct but in figurative meaning now.

M. SÖYEGOW (TÜRKMENISTAN)

DÜZÜMINDE "AT" SÖZI BOLAN TÜRKMEN NAKYLLARY WE ATALAR SÖZLERI

Türkmen dilinde düzüminde "at" sözi esasy birlik bolup ulanylýan nakyllar we sözleri gelip çykyşy boýunça diliň ösüşiniň dürli döwürlerine degişli bolup, olara türkmenleriň at bilen baglanyşykly iň gadymy ynançlary we taryhy wakalar barada özboluşly maglumatlar saklanyp galyndyr. Şeýle nakyllaryň we atalar sözleriniň başga bir toparty bolsa aty ekläp-saklamak, owadan, ýyndam, gowy häsiýetli, jyns atlary ýetişdirmek bilen baglanyşykly ýüze çykypdyr. Türkmen diliniň häzirkî ýagdaýynda olar özleriniň başky, ilkinji manylarynda däl-de, eýsem köplenç göçme manylarda ulanylýarlar.

Ş. GURBANOWA (TÜRKMENISTAN)

ATLAR – TÜRKMENIŇ RUHY BAÝLYGY

Geçmişimize göz aýlap, taryhyň bize galdyran mukaddes miras hazynasyna barha göz yetirýäris.

Adamzat ykbalynda ebedilik mukaddes gözellikler jahan Älemine meşhurlygy bilen hiç haçan gözelligini ýitirmän gelýär. Ol gözelligiň mukdar sanyny käte ölçemeklik asla mümkin däl. Sebäbi onuň agramy, gymmaty örän çäksiz bolýär.

Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň Mukaddes Ruhnamasynda şeýle diýilýär: - Egerde dünýä boýunça ýyndamlygyň, gözelligiň, arassalygyň nusga keşbi döredilmeli bolsa – ahalteke bedewiniň keşbini almaly bolar!

Türkmen durmuşynda at, bedew – Mukaddes Watanyň ary-namysy hasaplanyp gelinýär. Ençeme haý-haýly, jepaly, söweşli günlerde at adamzadyň söwer dostuna öwrülip, Watanyň mukaddes topragyna deňme-deň baş goýýar, ony howply duşmanlardan goramaga gatnaşýar.

Türkmen dünýäsiniň dagly, düzli, dereli jülgelerinde at kişňän pursaty, daglar öz-özünden lertzana gelýär. Atlaryň duýgur ýüreginde üýtgeşik hem özboluşly tolgunma döreyär. Ol jany-dili bilen syzýar.

Çardagly Çandybilli Göroglynyň Gytratynyň owazy Agaýunusyň aýgytly edep-ekramy bilen utgaşyp gidýär. Söweş günü howp-hatary önünden duýýan Gytrat kişňände, daglaryň dumany dyr-pytrak bolýar.

Garaşsyz hem baky Bitarap Türkmenistanda Mähriban Prezidentimiz Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň baştutanlygynda ahalteke bedewleriniň ykbalyna asuda Asmanyň Güneş suglasy çöýdy.

Atlar kişneýärler. Olar Garaşsyz Diýaryň ýaşyl tuguny al-asmana göterip barýan çapyksuwaryna guwanýar.

Atlar kişneýärler. Olar Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň pähim-parasatly, adalatly Serdar sahawatyna buýsanýar!

Goý, Dünýä dursun – eziz Türkmenistan dursun!

Goý, Dünýä dursun – Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy dursun!

Ш.ГУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

КОНИ - ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО ТУРКМЕН

Высокочитимый Президент Независимого и Нейтрального Туркменистана Великий Сапармурат Туркменбаши открыл новую веху в судьбе ахалтекинских коней.

У туркмен кони считаются честью и достоинством священной Родины.

Оглядываясь на древнее прошлое, убеждаемся, что в священном наследстве, которое оставили нам предки, большое место занимают кони.

Когда кони в ущелье стучат копытами, горы содрогаются, а в чувствительных сердцах коней возникает особенное и своеобразное волнение. Кони очень чувствительные и чуткие существа.

Sh..GURBANOVA (TURKMENISTAN)

THE HORSES ARE TURKMEN SPIRITUAL TREASURE

In Independent and permanent neutral Turkmenistan, under the leadership of our dear President Saparmurat Turkmenbashi the Great our Famous Akhal-Teke horses are getting more distinguished place in the world.

Turkmen people cannot expect their life without these heaven horses. When we look to our antic history we can find rather valuable information about Turkmen famous horses.

The natural beauty of turkmen desert, mountains, rivers, valleys of course has got great influence to turkmen horses beauty, feelings and behaviour.

A.BALTAEV, G. ESENOWA (TURKMENISTAN)

IMAGE OF HORSE IN TURKMEN MUSIC ART

Turkmen horse takes one of the important place in turkmen music art. In turkmen music art many opuses consecrates for turkmen horse. «Göroglynyň at oýnadyşy», «At çapan», «At çapan», «Bedew», «Bedewiň».

ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В туркменском музыкальном искусстве одно из важных мест занимает образ туркменского коня. По преданиям хранитель туркменской народной музыки Бабагаммар свое первое произведение сочинил по ритму танцующего туркменского коня и посветил его своему лучшему другу Дулдул.

Наставник народной музыки Шукур багши, имя которого превратилось в легенду, в своем знаменитом произведении «Атчапар» свою судьбу передал через музыку, сочиняя его под ритм туркменского коня.

В туркменском музыкальном искусстве многие произведения посвящаются образу туркменского коня: «Гороглынын ат ойнадышы», «Ат чапан», «Бедев», «Бедевин» и др.

В туркменских народных дестанах и эпосах особо подчеркивается образ туркменского коня.

BALTAÝEW A., ESENOWA G. (TURKMENISTAN)

TÜRKMEN AÝDYM-SAZ SUNGATYNYDA ATYŇ KEŞBI

Türkmen aýdym-saz sungatynda atyň keşbine aýratyn orun berilýär. Onuň waspy ýetirilýär, keşbi janlandyrylýar. Aslynda, türkmenlerde aýdym-sazyň piri Babagammar ilkinji sazyny atyň tans edýän aýak sesine düzüpdir hem-de ilkinji sazy iň ýakyn syrdaşy Döldüle bagyş edipdir.

Ady rowaýata siňen ussat sazanda Şükür bagsyň döreden gyzyldan gymmatly «At çapar» («Ýandym») eserinde halypa atyň keşbini, ýagny onuň aýak hereketlerini saza geçirip öz durmuşyny, ondaky wakalary gürrüň berýär. Seýdiniň sözlerine düzülen «Üsti bedewiň» diýen aýdymda diňe bir atyň waspy edilmän, eýsem buýsançly bökjekläp tans edýän bedewiň keşpi göz önünde janlanýar.

Mundan başga-da türkmen aýdym-saz sungatynda «Göroglynyň at oýnadyşy», «At çapan», «Bedew», «Bedewiň», «Gyr atym girse meýdana» şeýle-de gopuzda çalynýan «Atlylar» ýaly aýdymdyr-sazlar bar.

Türkmen dessanlarynda hem-de eposlarynda aýratyn hormat bilen atyň waspy ýetirilýär.

Görogly begiň öz bedewini wasp edişi has üýtgeşiräkdir:

«Ýigdiň myrady atdyr,
Atsyz ýigitler arbatdyr,
Ony saklamak döwletdir,
At ýigidiň ýoldaşydyr».

G. KYÝASOWA (TÜRKMENISTAN)

TÜRKMENBEDEWBEZEGLERI

Türkmen halky bedew atlaryny milli buýsanjy, ýigitleriniň ýarany, uçar ganaty hasaplaýar. Türkmeniň gapysynda aty kişnäp dursa, şol ojagyň dokuzynyň düzüwliginden nyşan. Ruhobelent türkmen halkynyň atalara bolan garaýşynda üýtgeşik many-mazmun, paýhas, söýgi

ýatyr. Men diýen gyzył ýüzli türkmen ýigitleri söweşde hemra bolan bedewler, Möwlamyň ynsana peşgeş beren parahat günlerinde-de sylanypdyr, goralypdyr, arzylanypdyr.

Her bir türkmen maşgalasy alawlaýan ojaklaryň örki, görki bolan näzikden salyhatly gelin-gyzlaryny bezeýişleri ýaly, milli buýsanjy bolan bedewlerini-de zer-zerbapdan, altyn-kümüşden, lagyl-merjenden, zeberjet-zümerret-den amal bolan şaý-sepler bilen bezäpdir. Halk arasynda „Bedew jul içinde, göwher kül içinde” diýen bir pähim bar.

Atlara niýetlenen şaý-sepleriň hersi bir syrly dünýä. Bu hili bezegler öz gözbaşlaryny asyrlaryň çuňluklaryndan alyp gaýdýar. Türkmen halky şular ýaly şaý-sepleri döretmek bilen, namysyň tugy bolan zenanlaryny, döwletli ojaklaryny goraýyşlary ýaly, atlaryny-da gözden-dilden, görüner-görünmez bela-beterlerden goraýandyklaryna ynanydyrlar. Atlara dakylýan şaý-sepleriň ýasalýşynyň öz aýratynlyklary bardyr:

- olaryň ýerligi halal, sap kümüşden ýasalýar;
- ýüzlerine tylla çaýylýar;
- şaý-sepleriň ýüzlerine köplenç hakyk gaşlary oturdylýar.

Şaý-sepleriň ýüzlerine oturdylýan hakyk gaşlaryň ýaman gözden, dilden, ýylдырым urmagyndan goraýandygyna, söweşlerde ýeňşiň gazanylmagyna ýardam edýändigine ynanylypdyr. Şeýle şaý-sepleriň birmäçesiniň atlaryny agzap geçmek ýerlikli bolar: göwüsbent, alagaýyş, bazbent, guşgun, guşgözi, aýyl toka, dig-dige we ş.m.

Türkmen halkynyň atlara bolan söýgüsi, gatnaşygy onuň şaý-seplerinde hem öz şöhlenmesini tapypdyr. Atlara dakylýan şaý-sepler Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň baştutanlygynda gurulýan türkmeniň Altyn asyrynyň gatlaryna altyn harplar bilen ýazyljak genji-hazynadyr.

Г.КИЯСОВА (ТУРКМЕНИСТАН)

УКРАШЕНИЯ ТУРКМЕНСКИХ КОНЕЙ

Неповторимая любовь туркмен к лошади побудила их создавать великолепные ювелирные конские украшения, которые занимают особое положение среди всех туркменских ювелирных изделий, являясь результатом высокого искусства и пределом совершенства. Эти уникальные изделия - символ любви, уважения и особого отношения к ахалтекинцу.

G.KIYASOVA (TURKMENISTAN)

HORSE IN A HORSE-CLOTH

The inimitable love of the Turkmens to horse motivates them to create splendid jewellery adornments.

They take special place among all of turkmen jewellery wares, being the result of high art and the bound of perfection. These unique wares are the symbol of love, respect and special relation to the Ahal-Teke horse.

MAZMUNY

I ATÇYLYGYŇ BAŞLANGYJY. AT BÜRÜNÇ EÝÝAMYŇDA.	9
ÝE.E. KUZMINA (ORSYÝET) ÝEWRAZIÝA SÄHRALYKLARYŇDA WE ORTA AZIÝADA ENEOLIT WE BÜRÜNÇ DÖWRÜNDE ATLARY ÖÝDEKILEŞDIRIŞ WE ULANYLYŞ BASGANÇAKLARY . 10	
W.ÝA.STÝOGANSEWA (ORSYÝET) GÜNORTARUS SÄHRALARYŇDAKY IRKI WE ORTA BÜRÜNÇ ZAMANLARYŇDA ATA TAGZYM EDISLERI HAKYŇDA	12
I.W.BRUÝAKO (UKRAINA) ÝEWRAZIÝA SÄHRALYKLARYŇDA “ATÇYLYK” FENOMENI (R.H. ÇENLI I-II MÜŇÝYLLYGYŇ ÇÄGI)	15
A.W.ÝEPIMAHOW (ORSYÝET) URALYN ÝENSESINDÄKI SÄHRALYKLARYŇDAKY BÜRÜNÇ ASYRYNA DEGISLI AT ESBAPLARYNY TÄZEDEN DIKELDIS MESELELERI	16
R. ARAZOWA (AZERBEJAN) AZERBEÝEJANYŇ BÜRÜNÇ ASYRYŇDA AT	18
G. F. KOROBKOWA (ORSYÝET) PALEOMETAL EÝÝAMYNYŇ GADYMY AT UÝANY (SNK ESBALARYNY ÝASAMAGYŇ TEHNOLOGIÝASY)	20
J.S.MASIMOW (TÜRKMENISTAN) AT WE ATLY BAKTRIÝANYŇ WE MARGIANANYŇ GLIPTIKASYŇDA	22
O.W.OBELÇENKO (ORSYÝET) SOGDIDE ATLY URSUJYNYN JAÝLANYLYSY	25
W.W. OTROŞENKO (UKRAINA) HARIZMATIK KLANLARYŇ DÖREÝŞINIŇ MESELESI	27
A.ÝA.ŞETENKO (ORSYÝET) GÜNORTA ORTA AZIÝADA ATLARYN EMELE GELMEGI HAKYŇDA ARHEOLOGIK MAGLUMATLAR (GÜNORTA TÜRKMENISTANYN OSTEOLOGIK MATERIALLARY BOÝUNÇA)	29
BARBARA HELWIN (GERMANIÝA) ÝENE BIR GEZEK EKWIDLERIN B.E.ÖN III MÜŇÝYLLYKDA MESOPOTAMIÝADA JAÝLANYLYSY HAKYŇDA	31
A.Ý.SIMONÝAN (ERMENISTAN) GADYMY ERMENISTANDA AT, ATÇYLYK, TIGIRLI PAÝTUN WE ATLY	33

II AZIÝANYŇ ATLARY WE ATLYLARY.	34
W.M.MASSON (ORSYÝET) BÜTINDÜNYÄ TARYH SÖZÜNDE AZIÝANYŇ GADYMY ATLARY	35
O.A. SOLOWÝOWA ..... (ORSYÝET) ATLARA SERETMEK ORTA AZIÝA SEBITINIŇ MILLI DÄP-DESSURYNYŇ AÝRYLMAZ BIR BÄSLEŞIGIDIR	37
K. ABDYLLAEÝEW (ÖZBEGISTAN) GADYMY ORTA AZIÝADA AT HEM ÇAPYKSUWAR	40
ÝU. M. WASILEÝEW (ORSYÝET) PRIAMURÝENYŇ POKROW MEDENI MEDENIÝETINDE ATŞYNASLYK (B.E. XI-XII)	41
H.ÝUSUPOW (TÜRKMENISTAN) TÜRKMENISTANYN GADYMY MALDARLARYNDA ATYN ORNY	43
ÝE.S.HUDÝAKOW (ORSYÝET) GÜNBATAR WE GÜNDOGAR TÜRKLERIN JYLAWY KÄMILLESDIRISI	45
W.TÝUNIBEKÝAN (TÜRKMENISTAN) AT WE ATLY. TÜRKMENISTANYŇ NUMIZMATIKA ÝADYGÄRLIKLERINIŇ MATERIALLARY BOÝUNÇA	47
M.W. PÝANKOW (ORSYÝET) GADYMY ORTA AZIÝANYŇ ATLYLARY	49
S.G.KLÝASTORNYÝ (ORSYÝET) GOÇGOR JÜLGESININ ATLYLARY	51
S.W.KRASNIÝENKO (ORSYÝET) KUZNES ALATAUNYN DEMIRGAZYK DAG ENNITLERINDÄKI TÜRK ATLYLARY	53
ÝE.I.KYÇANOW (ORSYÝET) “POLAT ALGYRLAR” SI-SANYN (982-1227) MANGUT DÖWLETININ ATLARY HEM ONUN ATLY GOSUNY	54
I.Ý.YLÝASOW (ÖZBEGISTAN) AT LYBASLARY WE ÇARWALARYŇ ÝAŞAÝYŞ ŞERTLERINIŇ ÜÝTGEMEGI	56
W.B.KOWALEWSKAÝA (ORSYÝET) AHALTEKELER – GADYMY ÝYNDA SÖWEŞ BEDEWLERIDIR	58

W.ÝU.KRÝUKOWA (ORSÝÝET) AWESTADAKY ATLAR WE ATÇAPARLAR	61
H.R.BAKBHIDI (EÝRAN) AT – GADYMY EÝRAN ATLARYNDA	62
W.SARIANIDI, N.DUBOWA, S.WASILEW (ORSÝÝET) GÜNORTA TÜRKMENISTANDA ATLARYŇ EKDILEŞDIRILMEGI: TÄZE PALEOZOLOGIK WE ANTROPOLOGIK MAGLUMATLAR	64
O.LOLLEKOWA (TÜRKMENISTAN) GADYMY JEMGYEÝETLERDE ATYŇ KULTY BARADA.	65
Ş.KURT (TÜRKIÝE) YSLAMDA ATYŇ WE ATÇYLYGYŇ ORNY	66
A.S.KLIMUK (ORSÝÝET) AHAL-TEKE TOHURLARY WE ONUN GÜNDOGAR TOHUM ATLARYNA TÄSIRI	68
M. AÝDOGDYÝEW, A. ÝAZYÝEW (TÜRKMENISTAN) OGUZ TÜRKMENLERINDE ATÇYLYGYŇ ÖSDÜRILIŞI: GADYMY WE ORTA ASYR ÝAZUW ÇEŞMELERINDEN	69
G.M.TAKSAMI (ORSÝÝET) AT SIBIRIŇ HALKLARYNYŇ MEDENI DÄPLERINDE	72
L. FEÝRUZ (EÝRAN) AZIÝADA ATLARYŇ GELIP ÇYKYŞY	74
A.D.ÇIADI (EÝRAN) TÜRKMEN ATY ÇARGALANDA	75
DUAN KUIŇGBO (HYTAÝ) HUNUŇ TARYHYNDA AT	76
A.GUBAÝEW, G. N. HANMYRADOW (TÜRKMENISTAN, TDU) OGUZ HAN EÝÄMYNDA TÜRKMENLERIŇ ATA-BABALARYNYŇ DURMUŞYNDA ATYŇ ORNY	76
A. TÄJOW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN MILLI AT ÜSTÜNDE OÝNALÝAN OÝUNLARY	79
W.P.GRIGORÝAN (ERMENISTAN) ORTA ASYR ERMENISTANYNDA ATÇYLYK, ŞYPAHANALAR WE ATÇYLYK BOÝUNÇA GOLLANMALAR	80

G. BERNAR (FRANSIYA), N. ALMAZOWA (ÖZBEKISTAN) AFRASIAB GADYMY ŞÄHER HARABAÇYLYGYNDAN TAPYLAN AGYZZYRYK	81
GELDI KÄRIZOW (TÜRKMENISTAN) EÝÝAMLARYŇ WE MÜŇÝYLLYKLARYŇ IÇINDEN GEÇIP	82
K.G.GURBANSAHEDOV (TÜRKMENISTAN) ATLARYN ELDEKILISDIRMEGI	85
III DÜNYÄNIŇ AZIÝADAN BAŞGA BÖLEKLERINDE ATLARYŇ WE ATLYLARYŇ TUTÝAN ORNY	86
W.A.GORANÇAROWSKIÝ (ORSYÝET) BOSPORDA B.E. ILKINJI ASYRLARDA ÇAPUW ATLARYNYŇ ESBAP TOPLUMYND EÝER	88
A.K.NEFÝODKIN (ORSYÝET) ANTIK ÇESMELERININ MAGLUMATLARY BOÝUNÇA SARMAT HEM ALAN ATY	90
W.I.KOZLOW (ORSYÝET) BIRINJI BOLGAR PATYASASYNYN (681-1018) DEMIRGAZYK-GÜNDOGAR ÇÄKLERINDE ATSYNASLYK BARADAKY MAGLUMATLAR	91
ÝE.A.ÝERŞOWA (ORSYÝET) MBAÝÝA-KADIUWEO-GÜNORTA AMERIKANYŇ ATLY INDEÝLERIDIR	93
ÝE.S.SOBOLEWA (ORSYÝET) TIMOR ADASYNDAKY ATLAR	95
G.ŞULS (GERMANIÝA) AT DEMIRGAZYK ÝEWROPANYN IRKI ORTA ASYR MEDENIÝETINDE	97
K.M.LINDUFF (ABŞ) TAN HYTAÝYNDAKY SÄHRALYKLARYN MIRASY WE ATLAR, AÝALLAR	98
N.BENEKE (GERMANIÝA) ATÇAPARLAR WE OLARYN ATLARY – MERKEZI ÝEWROPADA JAÝLANAN ÝERLERDEN BOLAN SUBUTNAMALAR (B.E.ÖN 600 ÝYL TÖWEREGI – B.E.ÖN 1000 ÝYL TÖWEREGI)	99
G. REJER (ABŞ) ELLINISTIK DÜNYÄNIŇ YKDYSADYÝETINDE WE URŞUNDA AT	102
GIZELA BÝURGER (GERMANIÝA) AT KELT DININDE, MIFOLOGIÝASYNDA URŞUNDA WE MEDENIÝETINDE	104

S.PENNER	
MIKENA MEDENIÝETINDÄKI JAÝLAMALARYNDAKY TAPYLAN	
JILOWLAR	107
IV PARFIÝA ATLY GOŞUNYNYŇ TARYHYNDA ATLARYŇ ORNY.	108
M.ÝA.OLBRYHT (POLSA)	
ARSAKID PARFIÝA ATLY GOSUNYNYN GELIP ÇYKYSY :	
KÄBIR BELLIKLER	111
J.D.LERNER (ABŞ)	
HINDI-SKIF ATLY URSUJYLARY : GÜNBATAR PENJAPDAN BOLAN IKI ZIKGEHANA	
(B.E.ÖN 55 Ý. TÖWEREGI – B.E. 20 Ý. TÖWEREGI)	113
M.LEWIN (BEÝIK BRITANIÝA)	
“JENNET ATLARYNYN” GÖZLEGİNDE	114
HAN WEÝ (HYTAÝ)	
SIN DINASTIÝASYNYŇ TARYHYNDA ATLAR	115
W. P. NIKONOROW (ORSYÝET)	
PARFÝAN EÝERI	116
N. F.POPOWA (ORSYÝET)	
ATLY HYTAÝ GOSUNY GAN IMPERIÝASYNYN BASYNDA (VIIA.)	118
S.G.KOŞURNIKOW (ORSYÝET)	
ARGONLARDAN ÖNKI ŞUMERIN SÄHER-DÖWLETLERININ GOSUNLARYNDA	
ÝENIL ARABALAR	120
A.W. SILNOW (ORSYÝET)	
RIM HARBY GONALGASYNDA ATHANANYŇ MEÝILNAMASY HAKYNDA ...	121
Ö. GÜNDOGDYÝEW (TÜRKMENISTAN)	
TÜRKMEN BEDEWLERINIŇ HARBY UKYBY	122
ÝE.N.USPENSKAÝA (ORSYÝET)	
RAJPUT HARBY MEDENIÝETİNDE AT	124
S.P. ŞAWELÝOW (ORSYÝET)	
B.E.ÖN I MÜŇÝYLLYKDA ATLY GORAGÇYNYŇ ÝITI UÇLY ZATLARY	126
V TÄZE ZAMANDA ATYŇ TUTÝAN ORNY.	127
R.W.ÖDEKOW (TÜRKMENISTAN, TDU)	
AHAL-TEKE ATY HEM TÜRKMEN MEDENIÝETI	127

A.KOLESNIKOW (ORSYÝET) SASANY GLIPTIKASYNDA WE NUMIZMATIKASYNDA “ATLY WE AT” SÝUZETI	130
N. ALEKSANÝANS (TÜRKMENISTAN) ZAKASPY OBLASTYNDA ATŞYNASLYGYŇ MESELELERI (“AŞGABAT” GAZETIŇ MATERIALLARY BOÝUNÇA)	132
A.HISMATULIN (SANKT-PETERBURG) SANKT-PETERBURGYŇ ATLARYŇ IMPERATORLYK MAZARYSTANLYGYNDAKY AHAL-TEKE ATLARY DOGRUSYNDA	133
O.POLADOWA, G.PIRLEKOWA (TÜRKMENISTAN) TÜRKMEN ATŞYNASLYGYNYŇ TARYHY ARHIW RESMINAMALARYNDA	134
A.A.SWIRIDOW (ORSYÝET) ŞAZADA NIKOLAÝ ALEKSANDROWIÇIN ATLARYNDAN BIR AT	137
S.MÄMMETNUROW (TÜRKMENISTAN) TÜRKMEN BEDEWININ TARYHYNDAN (ZAKASPIÝ OBLASTYNYN MAGLUMATLARY ESASYNDA)	139
D. DEWIS-KIMBALL (ABŞ) ATLARYN ÝEWRAZIÝADA BÜRÜNÇ WE IRKIDEMIR EÝÝAMLARYNDA SEMANTIK TAÝDAN PEÝDALANYLYSY	142
K.ENNS-BELDOK (BEÝIK BRITANIÝA) XVIII ASYRDA ANGLIÝADA TÜRKMEN ATLARY BARADAKY ÝAZUW WE AÝDYŇ MALUMATLAR DOGRUSYNDAKY MAKALA BOLAN GARAÝYŞLAR	144
S.DURDYÝEW (TÜRKMENISTAN, TDU) HAL-TEKE TOHUM ATLARY GEÇMIŞ TARYHDA WE HÄZIRKI DÖWÜRDE	144
VI ATA BOLAN IDEOLOGIK GARAÝYŞLAR.	146
ASKO PARPOLA (FINLÝANDIÝA) HINDI-EÝRAN WE GREK DINLERINDE AT HEM-DE AT ARABASY	148
R.G.KRASNODEMBSKAÝA (ORSYÝET) BEDEW HAZYNALAR ADASYNDA	151
W.S.DONGAK (ORSYÝET) TUWALYLARYN MILLI AN-DÜSÜNJESINDE ATYN TUTÝAN ORNY	153
W.N.MAZURINA (ORSYÝET) NEPALDAKY AT-TANRYLAR	155

G.ARJENT (ABŞ) T.LOBANOWA (ORSYÝET) MUKADDES MENEKLI ATLAR : MERKEZI AZIÝANYN GÜNDOGARYNDA BIZIN ERAMYZYN I MÜNÝYLLYGYNDAN BASLAP, BARS DERISININ RENKININ SIMWOLIKI ÄHMIÝETI.....	159
D.METSLER (GERMANIÝA) ÜSTI BOS EÝERLENGI AT PARFIÝA ZAMANYNYN DINI NYSANYDYR	161
G. N. HANMYRADOW, M. BEKNAZAROWA (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMENLERDE ATYŇ KULTY	162
VII ÇEPERÇILIK MEDENIÝETINDE ATYŇ ŞÖHLELENDIRIŞI	164
O. SEPOWA (ORSYÝET) GADYMY BAKTRIÝA TERRAKOTYNDY ATYN WE ATLYNYN KESBI	165
ÝE.F.KOROLKOWA (ORSYÝET) NAPOLEONYŇ SÖÝGÜLI ATY WE K.WERNÄNIŇ ERMITAŽYŇ ÝYGYNDYSYNDAN BOLAN KARTINASY	167
S.N.KIBIROWA (ORSYÝET) GÜNDOGAR TÜRKÜSTANYN TANS EDÝÄN ATLARY	169
K.S.RUBINSON (ABŞ) ATÇAPARLARYŇ KÖMEGI ARKALY ATLARY ÝABANY GÖRNÜŞDEN ELDEKI GÖRNÜŞE GEÇIRMEK TÄRI: ÇEPER TÄZELIKLERIŇ MEDENI ÄHMIÝETI	171
G. AGAÝEWA (TÜRKMENISTAN) AHALTEKE ATLARYŇ KINO SUNGATYNDAKY DURMUŞY	171
O.M.ÇUNAKOWA (ORSYÝET) SASANY EÝRANYNDA ATYŇ WE ATÇAPARYŇ ŞEKILLENDIRILIŞINIŇ EDEBI DÄBI.....	173
A.I.KOLESNIKOW (ORSYÝET) SASANY GLIPTIKASYNDA WE NUMIZMATIKASYNDA “ATLY WE AT” SÝUŽETI	174
W.A.MEŞKERIS (ORSYÝET) ERKALIN ATLY –SAZANDA HEM ARHEOLOGIKI MEŇZEŞLIKLER	177
W.A. SWOBODOW (ORSYÝET) KIŇIRLI (TARLY) SAZ GURALLARYNYŇ DÖREÝŞI.....	179
W.A.SEMÝONOW (ORSYÝET) MERKEZI AZIÝANYŇ IRKI ÇARWALARYNYŇ SUNGATYNDAKY WE MIFOLOGIÝASYNDAKY GANATLY ATLAR	181

G.YSMAILZADE (AZERBEÝJAN) AT WE ÇAPYKSUWAR AZERBAÝJANYŇ PETROGLIFLERINDE (DASYŇ ÝÜZÜNE ÇEKILEN ÝADYGÄRLIKLERINDE)	183
A.FEÝZULLA ÝEWA (AZERBEÝJAN) TÜRKI DÜNYÄDÄKI EPOSLARDA AT OBRAZY	185
N.YSMAILZADE (AZERBEÝJAN) NAZYM HIKMETIŇ ŞYGYRLARYNDA AT WE ÇAPYKSUWAR OBRAZY	186
T.DOSTIÝEW (AZERBEÝJAN) AZERBEÝJANDAKY ATYN DASDAN SEKILLERI (KAMENNYÝE IZWA ÝANIÝA)	187
E.GASANOWA (AZERBEÝJAN) TÜRKI DILLERDE AT ATLARY	189
GASYMLY (AZERBEÝJAN) AZERBEÝJAN EPOSLARYNDA AT OBRAZY	191
M.B. DURDYÝEW (TÜRKMENISTAN) TÜRKMENISTANYŇ KULT-MEMORIAL BINALARYNDA ATYŇ ŞEKILLERI WE OLARYŇ MANYSYNY DÜŞÜNDIRME TEJRIBESI	193
M.P. ATAÝEW, A. MUHAMMEDOW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN EDEBIÝATYND AHAL-TEKE ATYNYŇ OBRAZY	193
A.SARYÝEW (TÜRKMENISTAN, TDU) „GÖROGLY” ŞADESSANYNDA BEDEW WASPY	196
H.GOÇMYRADOW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN KLASSYK EDEBIÝATYND AHAL-TEKE OBRAZY	197
ÝERŞOWA Y.N., A. MUHAMMEDOW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN WE RUS DILLERINDE ESASY SÖZI “КОҢЬ” —“AT” BOLAN SÖZLER TOPLUMYNYŇ DIL WE MEDENIÝETI ÖWRENIŞ TAÝDAN DERŇEWI.....	200
Ý.GARAÝEW (TÜRKMENISTAN, TDU) AHAL-TEKE ATYNYŇ ATLARY	201
B.A. MYRADOW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN HALK DÖREDIJILIGINDE AHAL-TEKE ATYNYN OBRAZY	203
O.S. ORAZOWA (TÜRKMENISTAN) ATLARYŇ TOHUMYNY WE REŇKINI ATLADÝAN TÜRKI SÖZLER (TÜRKMENISTAN BARADAKY ÇEPER PROZALARYŇ MATERIALYND A).....	204
B.ATAÝEW (TÜRKMENISTAN, TDU) AHAL-TEKE ATLARY ŞEKILLENDIRIŞ SUNGATYND A.....	206

R.GURBANAZAROW (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN HALK DÖREDIJILIGINDE BEDEWIŇ WASPY	206
J.JUMALYÝEWA (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMENIŇ ATY – TÜRKMENIŇ MIRASY	207
G.GURBANOWA (TÜRKMENISTAN) AT HAKYND A SÖZLER	209
M. M. GURBANOWA (TÜRKMENISTAN, TDU) TÜRKMEN BEDEWINIŇ BEZEG ESBAPLARY	209
P.HOFFMAÝSTER (GERMANIÝA) ATLAR TÜRKMENISTANYŇ ÖNÜMLERINDE	212
N.N.ABUBEKIROWA (ORSYÝET) TÜRKMENIN SAZ SUNGATYND A ATYN KESBI	215
M.E.KILUNOWSKAÝA (ORSYÝET) GELIN ALYP GAÇMAK HEM AT OGURLAMAK - TUWANYN HEM GÜNORTA SIBIRIN GAÝA SUNGATYNYN SÝUZETIDIR	217
K.ALIÝEWA (AZERBEÝJAN) AZERBEÝJAN SUNGATYND A ATYN WE ÇAPYKSUWARYN OBRAZYNYN GELIP ÇYKYSYNA	218
A.A.AMBARSUMÝAN (ORSYÝET) AT AWESTADA WE PEHLEWI EDEBIÝATYND A	220
A.OSMANOWA (TÜRKMENISTAN) AT WE EDEBI MIRAS	220
M. SOÝEGOW (TÜRKMENISTAN) DÜZMINDE “AT” SÖZI BOLAN TÜRKMEN NAKYLLARY WE ATALAR SÖZLERI	223
Ş. GURBANOWA (TÜRKMENISTAN) ATLAR – TÜRKMENIŇ RUHY BAÝLYGY	223
BALTAÝEW A., ESENOWA G. (TÜRKMENISTAN) TÜRKMEN AÝDYM-SAZ SUNGATYND A ATYŇ KEŞBI	225
G. KYÝASOWA (TÜRKMENISTAN) TÜRKMEN BEDEW BEZEGLERI	225

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОКИ КОНЕВОДСТВА. КОНЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	9
Е. Е. КУЗЬМИНА (РОССИЯ) ДОМСТИКАЦИЯ И ЭТАПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ	9
В. Я. СТЕГАНЦЕВА (РОССИЯ) О КУЛЬТЕ КОНЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ	10
И. В. БРУЯКО (УКРАИНА) ФЕНОМЕН ВСАДНИЧЕСТВА ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (РУБЕЖ II-I ТЫС. ДО Р. Х.)	12
А. В. ЕПИМАХОВ (РОССИЯ) МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОЙ УПРЯЖИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ	15
Р. АРАЗОВА (АЗЕРБАЙДЖАН) КОНЬ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА	17
Г. Ф. КОРОБКОВА (РОССИЯ) ДРЕВНЕЙШАЯ КОНСКАЯ УЗДА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОНСКИХ ПСАЛИЕВ)	18
И. С. МАСИМОВ (ТУРКМЕНИСТАН) КОНЬ И ВСАДНИК В ГЛИПТИКЕ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ	21
О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО (РОССИЯ) О ПОГРЕБЕНИЯХ КОННЫХ ВОИНОВ В СОГДЕ	23
В. В. ОТРОЩЕНКО (УКРАИНА) СКЛЕПЫ КОЛЕСНИЧИХ СИНТАШТЫ И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ КЛАНОВ	25
А. Я. ЩЕТЕНКО (РОССИЯ) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПОЯВЛЕНИИ ЛОШАДИ НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА)	27
Б. ХЕЛВИН (ГЕРМАНИЯ) О ЗАХОРОНЕНИИ ЭКВИДОВ В МЕСОПОТАМИИ (III ТЫС. ДО Н. Э.)	31
А. Е. СИМОНЯН (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ) КОНЬ, КОНЕВОДСТВО, КОЛЕСНИЦА И ВСАДНИК В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ	32

П. КОНИ И ВСАДНИКИ АЗИИ	34
В. М. МАССОН (РОССИЯ) ДРЕВНИЕ ВСАДНИКИ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	34
О. А. СОЛОВЬЕВА (РОССИЯ) КОНЬ КАК АТРИБУТ ТРАДИЦИОННОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	36
К. АБДУЛЛАЕВ (УЗБЕКИСТАН) КОНЬ И ВСАДНИК В АНТИЧНОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ	37
Ю. М. ВАСИЛЬЕВ (РОССИЯ) КОНЕВОДСТВО В ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИАМУРЬЯ (IX-XIII вв. н. э.)	40
Х. ЮСУПОВ (ТУРКМЕНИСТАН) РОЛЬ КОНЯ У ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА	41
Ю. С. ХУДЯКОВ (РОССИЯ) РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЫ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЮРОК	43
В. ТЮНИБЕКЯН (ТУРКМЕНИСТАН) КОНИ И ВСАДНИКИ (ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ)	46
И. В. ПЬЯНКОВ (РОССИЯ) ВСАДНИКИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ	48
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ (РОССИЯ) ВСАДНИКИ КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЫ	50
С. В. КРАСНИЕНКО (РОССИЯ) ТЮРКСКИЕ ВСАДНИКИ У СЕВЕРНЫХ ОТРОГОВ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ	51
Е. И. КЫЧАНОВ (РОССИЯ) «ЖЕЛЕЗНЫЕ ЯСТРЕБЬ» - КОНИ И КОННИЦА В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (482-1227)	53
Д. Я. ИЛЬЯСОВ (УЗБЕКИСТАН) КОНСКОЕ УБРАНСТВО И МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ	54
В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ (РОССИЯ) БЫСТРОАЛЛЮРНЫЕ БОЕВЫЕ КОНИ ДРЕВНОСТИ - АХАЛТЕКИНЦЫ	57
В. Ю. КРЮКОВА (РОССИЯ) КОНИ И ВСАДНИКИ В АВЕСТЕ	59

Х. Р. БАКБХИДИ (ИРАН) ЛОШАДЬ КАК ВАЖНОЕ СОСТАВЛЯЮЩЕЕ В ДРЕВНИХ ИРАНСКИХ ИМЕНАХ	62
В. САРИАНИДИ, Н. ДУБОВА, С. ВАСИЛЬЕВ (РОССИЯ) ОДОМАШНИВАНИЕ ЛОШАДИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (НОВЫЕ ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)	62
О. ЛОЛЛЕКОВА (ТУРКМЕНИСТАН) О КУЛЬТЕ КОНЯ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	64
Ш. КУРТ (ТУРЦИЯ) РОЛЬ КОНЯ И КОНЕВОДСТВА В ИСЛАМЕ	67
А. С. КЛИМУК (РОССИЯ) АХАЛТЕКИНСКАЯ ПОРОДА ЛОШАДЕЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДРУГИЕ ВОСТОЧНЫЕ ПОРОДЫ	67
М. АЙДОГДЫЕВ, А. ЯЗЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН) КОНЕВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА У ОГУЗОВ-ТУРКМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)	68
Ч. М. ТАКСАМИ (РОССИЯ) КОНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРИ	70
Л. ФЕЙРУЗ (ИРАН) ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗИАТСКОЙ ЛОШАДИ	74
А. Д. ЧИАДИ (ИРАН) ТУРКМЕНСКАЯ ЛОШАДЬ В ДЖАРГАЛАНЕ	74
Д. КУИНГБО (КИТАЙ) ЛОШАДЬ В ИСТОРИИ КВИН	76
А. ГУБАЕВ, Г. Н. ХАНМЫРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) МЕСТО КОНЯ В ЖИЗНИ ПРЕДКОВ ТУРКМЕН В ЭПОХУ ОГУЗ ХАНА	77
А. ТАДЖОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ТРАДИЦИОННЫЕ КОННЫЕ ИГРЫ ТУРКМЕН	77
В. Р. ГРИГОРЯН (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ) КОНЕВОДСТВО, ЛЕЧЕБНИКИ И ПОСОБИЯ ПО КОНЕВОДСТВУ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ	79
П. БЕРНАР (ФРАНЦИЯ), Н. АЛМАЗОВА (УЗБЕКИСТАН) УДИЛА С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ	81

Г. КЯРИЗОВ (ТУРКМЕНИСТАН) СКВОЗЬ ЭПОХИ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	82
К. К. КУРБАНСАХАТОВ (ТУРКМЕНИСТАН) НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОМЕСТИКАЦИИ ЛОШАДИ, РАЗВИТИЕ УПРЯЖИ И ВСАДНИЧЕСТВА	83
III. КОНИ И ВСАДНИКИ ВНЕ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА	86
В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ (РОССИЯ) СЕДЛО В КОМПЛЕКСЕ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ НА БОСПОРЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ	86
А. К. НЕФЕДКИН (РОССИЯ) КОНЬ САРМАТОВ И АЛАНОВ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ	88
В. И. КОЗЛОВ (РОССИЯ) О КОНЕВОДСТВЕ И ВСАДНИЧЕСТВЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (680 - 1018 ГГ.)	90
Е. А. ЕРШОВА (РОССИЯ) МБАЙЯ - КАДИУВЕО - КОННЫЕ ИНДЕЙЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ	92
Е. С. СОБОЛЕВА (РОССИЯ) ЛОШАДИ НА ТИМОРЕ	93
Г. ШУЛЬЦ (ГЕРМАНИЯ) КОНЬ В РАННЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ	96
К. М. ЛИНДУФФ (США) ЖЕНЩИНЫ, КОНИ И НАСЛЕДИЕ СТЕПЕЙ В ТАНСКОМ КИТАЕ	98
Н. БЕНЕКЕ (ГЕРМАНИЯ) ВСАДНИКИ И ИХ КОНИ - СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (ОКОЛО 600 Г. ДО Н. Э. - ОКОЛО 1000 Г. Н. Э.)	99
Г. РЕДЖЕР (США) КОНЬ В ВОЙНЕ И ЭКОНОМИКЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА	102
Г. БЮРГЕР (ГЕРМАНИЯ) ЛОШАДЬ В КЕЛЬТСКОЙ РЕЛИГИИ, МИФОЛОГИИ, ВОЙНЕ И ИСКУССТВЕ .	104
С. ПЕННЕР (ГЕРМАНИЯ) ПСАЛИИ В ПОГРЕБЕНИЯХ МИКЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	106

IV. КОНИ И ВСАДНИКИ В ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА	108
М. Я. ОЛЬБРЫХТ (ПОЛЬША) ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРШАКИДСКОЙ ПАРФЯНСКОЙ КОННИЦЫ	111
Д. Д. ЛЕРНЕР (США) ИНДОСКИФСКИЕ КОННЫЕ ВОИНЫ: ДВА МОНЕТНЫХ ДВОРА ИЗ ЗАПАДНОГО ПЕНДЖАБА (ОКОЛО 55 Г. ДО Н. Э. - ОКОЛО 20 Г. Н. Э.)	112
М. ЛЕВИН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) В ПОИСКАХ «НЕБЕСНЫХ КОНЕЙ»	114
Х. ВЭЙ (КИТАЙ) ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦИНЬ	114
В. П. НИКОНОВ (РОССИЯ) ПАРФЯНСКИЕ СЕДЛА	115
Н. Ф. ПОПОВА (РОССИЯ) КОННИЦА В КИТАЙСКОЙ АРМИИ НАЧАЛА ТАН (VII В.)	115
С. Г. КОШУРНИКОВ (РОССИЯ) КОЛЕСНИЦА В АРМИЯХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ ДО САРГОНОВСКОГО ШУМЕРА	118
А. В. СИЛЬНОВ (РОССИЯ) О ПЛАНИРОВКЕ КОНЮШЕН В РИМСКОМ ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ	120
О. А. ГУНДОГДЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН) О БОЕВЫХ КАЧЕСТВАХ ТУРКМЕНСКИХ КОНЕЙ	121
Е. Н. УСПЕНСКАЯ (РОССИЯ) КОНЬ В РАДЖПУТСКОЙ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	123
С. П. ЩАВЕЛЁВ (РОССИЯ) ЗООМОРФНЫЕ ОСТРОКОНЕЧНИКИ ИЗ АМУНИЦИИ КОННОГО ДРУЖИННИКА ЕВРАЗИИ I ТЫС. Н. Э.	125
V. КОНЬ В НОВОЕ ВРЕМЯ	127
Р. В. ОДЕКОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) АХАЛТЕКИНЕЦ И ТУРКМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА	128
А. А. КОЛЕСНИКОВ (РОССИЯ) ТУРКМЕНСКИЙ АРГАМАК ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	129

Н. В. АЛЕКСАНИЯНЦ (ТУРКМЕНИСТАН) ВОПРОСЫ КОНЕВОДСТВА В ТУРКМЕНИСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ “АСХАБАД”)	131
А. ХИСМАТУЛИН (РОССИЯ) ОБАХАЛТЕКИНЦАХ НА ИМПЕРАТОРСКОМ КЛАДБИЩЕ ЛОШАДЕЙ В САНКТ- -ПЕТЕРБУРГЕ	132
О. ПОЛАДОВА, Г. ПИРЛЕКОВА (ТУРКМЕНИСТАН) ИСТОРИЯ ТУРКМЕНСКОГО КОНЕВОДСТВА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ	135
А. А. СВИРИДОВ (РОССИЯ) КОНЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА	136
С. К. МАМЕДУРОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНЕВОДСТВА В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ	138
Д. ДЭВИС-КИМБАЛЛ (США) СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ КОНЕЙ В ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	142
К. ЭННС-БЕЛДОК (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТУРКМЕНСКИХ КОНЯХ В XVIII ВЕКЕ В АНглиИ	144
С. К. ДУРДЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) АХАЛТЕКИНСКАЯ ПОРОДА ЛОШАДЕЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	145
VI. КОНЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ	146
А. ПАРПОЛА (ФИНЛЯНДИЯ) КОНЬ И КОЛЕСНИЦА В ИНДО ИРАНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИЯХ	148
Н. Г. КРАСНОДЕМБСКАЯ (РОССИЯ) ЛОШАДЬ НА ОСТРОВЕ СОКРОВИЩ	149
В. ДОНГАК (РОССИЯ) РОЛЬ КОНЯ В ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ	151
В. П. МАЗУРИНА (РОССИЯ) КОНИ - БОГИ В НЕПАЛЕ	153
Г. АРДЖЕНТ (США), Т. ЛОБАНОВА (РОССИЯ) СВЯЩЕННЫЕ ПЯТНИСТЫЕ КОНИ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА ЛЕОПАРДОВОЙ ШКУРЫ НА ВОСТОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, НАЧИНАЯ С I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.	159

Д. МЕЦЛЕР (ГЕРМАНИЯ) КОНЬ БЕЗ ВСАДНИКА - РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ ПАРФЯНСКОГО ВРЕМЕНИ	161
Г. Н. ХАНМУРАДОВ, М. БЕКНАЗАРОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) КУЛЬТ КОНЯ У ТУРКМЕН	162
VII. КОНЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	164
О. ЦЕПОВА (РОССИЯ) ОБРАЗ КОНЯ И ВСАДНИКА В ТЕРРАКОТЕ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ	164
Е. Ф. КОРОЛЬКОВА (РОССИЯ) ЛЮБИМЫЙ КОНЬ НАПОЛЕОНА И КАРТИНА К. ВЕРНЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА	166
С. Н. КИБИРОВА (РОССИЯ) ТАНЦУЮЩИЕ ЛОШАДИ ВОСТОКА	167
К. С. РУБИНСОН (США) ОТ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» К КОНЯМ СО ВСАДНИКАМИ: КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НОВШЕСТВА	170
Г. Г. АГАЕВА (ТУРКМЕНИСТАН) ЭКРАННАЯ ЖИЗНЬ АХАЛТЕКИНСКИХ СКАКУНОВ	171
О. М. ЧУНАКОВА (РОССИЯ) ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ И ВСАДНИКА В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ	172
А. И. КОЛЕСНИКОВ (РОССИЯ) СЮЖЕТЫ «ВСАДНИКИ И КОНЬ» В САСАНИДСКОЙ ГЛИПТИКЕ И НУМИЗМАТИКЕ	173
В. А. МЕШКЕРИС (РОССИЯ) ЭРКАЛИНСКИЙ ВСАДНИК - МУЗЫКАНТ И АРХЕОЛОГО - ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	175
В. А. СВОБОДОВ (РОССИЯ) КОНЬ И ВСАДНИК, К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРУННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ	177
В. А. СЕМЕНОВ (РОССИЯ) КРЫЛАТЫЕ КОНИ В ИСКУССТВЕ И МИФОЛОГИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	179
Г. ИСМАИЛЗАДЕ (АЗЕРБАЙДЖАН) КОНЬ И ВСАДНИК В ПЕТРОГЛИФАХ АЗЕРБАЙДЖАНА	181

А. ФЕЙЗУЛЛАЕВА (АЗЕРБАЙДЖАН) ОБРАЗ КОНЯ В ЭПОСЕ ТЮРКСКОГО МИРА	183
Н. ИСМАИЛЗАДЕ (АЗЕРБАЙДЖАН) КОНЬ И ВСАДНИК В ПОЭЗИИ НАЗЫМА ХИКМЕТА	185
Т. ДОСТИЕВ (АЗЕРБАЙДЖАН) КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ КОНЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	186
Э. ГАСАНОВА (АЗЕРБАЙДЖАН) НАЗВАНИЯ КОНЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	188
М. ГАСЫМЛЫ (АЗЕРБАЙДЖАН) ОБРАЗ КОНЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЭПОСЕ	189
М. Б. ДУРДЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЯ В МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ТУРКМЕНИСТАНА И ОПЫТ ИХ ИНТЕРПРИТАЦИИ	191
М. П. АТАЕВ, А. МУХАММЕДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ОБРАЗ АХАЛТЕКИНЦА В ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	195
А. С. САРЫЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ОБРАЗ КОНЯ В ЭПОСЕ «ГЕРОГЛЫ»	196
Х. ГОЧМУРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	197
Е. Н. ЕРШОВА, А. МУХАММЕДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ С ДОМИНАНТОЙ «АТ»-«КОНЬ» В ТУРКМЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	198
Я. ГАРАЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ИМЕНА АХАЛТЕКИНСКИХ КОНЕЙ	201
Б. А. МУРАДОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНСКИХ ПЕСЕН)	202
О. С. ОРАЗОВА (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ТЮРКИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОРОДЫ И МАСТИ ЛОШАДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)	203
Б. АТАЕВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ТУРКМЕНСКИЕ КОНИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	206
Р. ГУРБАННАЗАРОВ (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) КОНЬ В ТУРКМЕНСКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ	207

Д. ДЖУМАЛИЕВА (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ТУРКМЕНСКИЕ КОНИ И ТУРКМЕНСКОЕ НАСЛЕДСТВО	208
Г. КУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) ВЫСКАЗЫВАНИЯ О КОНЕ	209
М. КУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН, ТГУ) УКРАШЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО КОНЯ	210
П. ХОФФМАЙСТЕР (ГЕРМАНИЯ) КОНИ НА ТУРКМЕНСКИХ ИЗДЕЛИЯХ	212
Н. Н. АБУБАКИРОВА (РОССИЯ) ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКЕ	213
М. Е. КИЛУНОВСКАЯ (РОССИЯ) УМЫКАНИЕ НЕВЕСТЫ И ПОХИЩЕНИЕ КОНЯ - СЮЖЕТЫ НА СКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ТУВЫ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	215
К. АЛИЕВА (АЗЕРБАЙДЖАН) К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ОБРАЗА КОНЯ И ВСАДНИКА В ИСКУССТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА	217
А. А. АМБАРЦУМЯН (РОССИЯ) КОНЬ В АВЕСТЕ И ПЕХЛЕВИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	218
А. ОСМАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН) КОНЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	221
М. СОЕГОВ (ТУРКМЕНИСТАН) ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СО СТЕРЖНЕВЫМ СЛОВОМ «АТ» («КОНЬ»)	221
Ш. ГУРБАНОВА (ТУРКМЕНИСТАН) КОНИ - ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО ТУРКМЕН	224
А. БАЛТАЕВ, Г. ЕСЕНОВА (ТУРКМЕНИСТАН) ОБРАЗ КОНЯ В ТУРКМЕНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	225
Г. КИЯСОВА (ТУРКМЕНИСТАН) УКРАШЕНИЯ ТУРКМЕНСКИХ КОНЕЙ	226

CONTENTS

I. ORIGIN OF HORSE-BREEDING. HORSE IN BRONZE EPOCH	9
E. KUZMINA (RUSSIA)	
DOMESTICATION AND USE STAGES OF A HORSE IN EURO-ASIAN STEPPES AND CENTRAL ASIA IN THE BRONZE AND ENEOLITH AGE	9
V.YA. STYOGANTSEVA (RUSSIA)	
THE HORSE CULT IN THE EARLY AND MIDDLE BRONZE PERIOD IN SOUTHERN RUSSIAN STEPPE	12
V. BRUYAKO (UKRAINE)	
“HORSEMANSHIP” OF THE EURASIAN STEPPES PHENOMENON (THE END OF THE II - THE BEGINNING OF THE I MILLENNIUM B.C.)	14
A.V.YEPIMAKHOV (RUSSIA)	
MATERIALS TO HORSE HARNESS RECONSTRUCTION OF BRONZE AGE IN TRANS-URAL STEPPE	16
R. ARAZOVA (AZERBAIJAN)	
THE HORSE IN THE BRONZE AGE OF AZERBAIJAN.....	17
G. F. KOROBKOVA (RUSSIA)	
AN ANCIENT BRIDLE IN PALEOMETAL PERIOD (THE TECHNOLOGY OF BONE PSAL PREPARATION)	20
I.S.MASIMOV (TURKMENISTAN)	
THE HORSE AND A RIDER IN ILYPTICS IF BACTRIA AND MARGIANA	22
O.V. OBELCHENKO (RUSSIA)	
BURIALS OF HORSEMEN IN SOGD	24
V.V. OTROSHENKO (UKRAINE)	
HORSEMAN BURIALS OF SINTASHTY AND GENESIS PROBLEMS OF KHARIZMATIC CLANS	27
A.YA. SHETENKO (RUSSIA)	
THE ARCHAEOLOGICAL DATA ABOUT THE APPEARANCE OF A HORSE IN THE SOUTHERN PART OF MIDDLE ASIA	29
B.HELWING (GERMANY)	
EQUID BURIALS OF THE THIRD MILLENNIUM B.C. IN GREATER MESOPOTAMIA, AGAIN	30
A. YE. SIMONYAN (ARMENIA)	
HORSES, HORSE-BREEDING, CHARIOTS AND RIDERS IN ANCIENT ARMENIA	32

II. HORSES AND HORSEMEN IN ASIA	34
V.M.MASSON (RUSSIA) ASIAN ANCIENT RIDERS WITHIN THE CONTEXT OF WORLD-WIDE HISTORY	34
O.A.SOLOVYOVA (RUSSIA) HORSE AS ATTRIBUTE OF TRADITIONAL POWER IN MIDDLE ASIA	37
K.ABDULLAYEV (RUSSIA) A HORSE AND A RIDER IN ANCIENT CENTRAL ASIA	39
Y.M. VASILYEV (RUSSIA) THE HORSE-BREEDING IN POKROV'S CULTURE OF AMUR'S REGION	41
H. YUSUPOV (TURKMENISTAN) THE ROLE OF HORSE IN CATTLE-BREEDING IN TURKMENISTAN	42
Y.S.KHUDYAKOV (RUSSIA) THE BRIDLE RECONSTRUCTION OF WESTERN AND EASTERN TURKS	45
V. TYUNIBEKYAN (TURKMENISTAN) A HORSE AND A HORSEMAN (ACCORDING TO THE MATERIALS OF NUMIS- MATIC MONUMENTS OF TURKMENISTAN)	47
I.V. PYANKOV (RUSSIA) "HORSE RIDERS" OF ANCIENT CENTRAL ASIA	49
S.G.KLIASHTORNIY (RUSSIA) HORSEMEN OF KOCHKOR VALLEY	50
S.V. KRASNIENKO (RUSSIA) TURKIC RIDERS NEAR THE NORTH SPEERS OF KUZNETSK ALATAU	52
Y.I.KYCHANOV (RUSSIA) "IRON HAWKS" - HORSES AND THE HORSE IN TANGUT STATE SI SYA (982-1227)	54
D. ILYASOV (UZBEKISTAN) HORSE MUNITION AND NOMADIC MIGRATION	56
V.KOVALEVSKAYA (RUSSIA) THE FAMOUS AHALTEKE HORSES IN ANTIQUITY	58
V.U.KRYUKOVA (RUSSIA) HORSES AND RIDERS IN AVESTA	60

H.R. BAGHBIDI (IRAN) THE IMPORTANCE OF THE HORSE IN ANCIENT IRANIAN PROPER NAMES	61
V.SARIANIDI, N.DUBOVA, S.VASSILYEV (RUSSIA) DOMESTICATION OF HORSE IN THE SOUTH TURKMENISTAN: NEW PALAEOZOOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL FACTS	63
O. LOLLEKOVA (TURKMENISTAN) ON CULT OF A HORSE IN ANCIENT SOCIETIES	65
S.KURT (TURKEY) THE PLACE OF A HORSE AND HORSE-BREEDING IN ISLAM	65
A.S. KLIMUK (RUSSIA) AHALTEKE BREED HORSES AND ITS INFLUENCE ON OTHER EASTERN BREEDS	67
M.AYDOGDYYEV, A.YAZLYYEV (TURKMENISTAN) HORSE CULTURE OF OGUZ-TURKMEN	69
CH. M.TAKSAMI (RUSSIA) A HORSE IN TRADITIONAL CULTURE OF SYBERIA'S PEOPLES	71
L. FIROUZ (IRAN) ORIGINS OF THE ORIENTAL HORSE	72
A. S. CHIADI (IRAN) THE TURKMEN HORSE-BREEDING IN JARGALAN	74
D.QINGBO (CHINA) THE HORSE IN QIN HISTORY	75
A.GUBAYEV, G.N. HANMYRADOV (TURKMENISTAN, TSU) THE ROLE OF HORSE IN THE LIFE OF ANCIENT TURKMENS DURING OGUZHAN EPOCH	77
A.TAJOV (TURKMENISTAN, TSU) TURKMEN NATIONAL HORSE RITUAL PLAYS	79
V.R.GRIGORIAN (ARMENIA) HORSE-BREEDING, MEDICAL CENTRES AND HANBOOKS ON HORSE-BREEDING IN MEDIEVAL ARMENIA	80
G. BERNAR (FRANCE) N. ALMAZOVA (UZBEKISTAN) BITS FROM AFRASIAB CITY	81
G. KYARIZOV (TURKMENISTAN) THE TURKMEN HORSE THROUGH AGES	83

K. KURBANSAKHATOV (TURKMENISTAN) SOME QUESTIONS ABOUT THE HORSE DOMESTICATION AND DEVELOPMENT OF HARNESS AND HORSE RIDDING	85
III. HORSES AND HORSEMEN OUT OF ASIA CONTINENT	86
V.A.GORONCHAROVSKIY (RUSSIA) SADDLE IN A RIDER EQUIPMENT ON BOSFORA IN THE FIRST CENTURIES A.D.	87
A.K. NEFYODKIN (RUSSIA) THE HORSE OF SARMATS AND ALANS AS ANTIQUE SOURCES PROVIDED	89
V.I.KOZLOV (RUSSIA) INFORMATION ABOUT HORSE-BREEDING IN THE NORTH-EASTERN PERIPH- ERY OF THE FIRST BULGARIAN KINGDOM	91
Ye.A.YERSHOVA (RUSSIA) MBAYYA-KADIUVEO ARE HORSE INDIANS OF SOUTHERN AMERICA	93
YE. SOBOLEVA (RUSSIA) HORSES IN TIMOR	95
G.SCHULZ (GERMANY) THE HORSES IN EARLY MEDIAEVAL NORTH EUROPEAN CULTURE	95
K.M. LINDUFF (USA) WOMEN, HORSES, AND THE HERITAGE OF THE STEPPE IN TANG PERIOD CHINA THE HORSE AND THE RIDER: HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS	97
N. BENECKE (GERMANY) RIDERS AND THEIR HORSES – THE EVIDENCE FROM BURIALS IN CENTRAL EUROPE (C.600 BC TO C. 1000 AD)	98
G. REGER (USA) THE HORSE IN WAR AND THE ECONOMY OF THE HELLENISTIC WORLD	100
G. BURGER (GERMANY) THE HORSE IN THE CELTIC RELIGION, MYTHOLOGY, WARFARE AND ART ..	103
S. PENNER (GERMANY) THE CHEEK-PIECES OF THE GRAVE CIRCLE OF A MYCENAE AND THEIR NORTH-EASTERN RELATIONS	104

IV. HORSES AND HORSEMEN IN WARFARE HISTORY	108
M. J. OLBRYCHT (POLAND)	
THE ORIGINS OF THE ARSACID PARTHIAN CAVALRY: SOME REMARKS	108
J.D. LERNER (USA)	
INDO-SCYTHIAN WARRIORS ON HORSEBACK: TWO MINTS FROM THE WEST- ERN PUNJAB (C. 55 B.C.E. TO C. 20 C.E.)	111
M.LEVIN (GREAT BRITAIN)	
IN SEARCH FOR THE HEAVENLY HORSES	113
H.VAY (CHINA)	
THE HORSE IN THE HISTORY OF TZYN'S DYNASTY	115
V. P. NIKONOROV (RUSSIA)	
PARTHIAN SADDLES	116
I.F. POPOVA (RUSSIA)	
CAVALRY IN THE CHINESE ARMY OF THE EARLY T'ANG PERIOD (VII CENTURY)	117
S. KOSHURNIKOV (RUSSIA)	
CHARIOT IN THE ARMIES OF CITY STATES OF PRE-SARGONIC SUMER	119
A.SILNOV (RUSSIA)	
ON PLANNING OF STABLE AT ROMAN MILITARY CAMP	121
O.GUNDOGDYYEV (TURKMENISTAN)	
FIGHTING QUALITY OF TURKMEN HORSES	122
Ye. USPENSKAYA (RUSSIA)	
A HORSE IN RAJPUTS MILITARY CULTURE	124
S.P. SCHAVELEV (RUSSIA)	
TIPS OF HORSE WARRIOR OF EURASIA IN I MILLENNIUM A.D.	125
V. HORSE NOWADAYS	
127	
R.V.ODEKOV (TURKMENISTAN)	
AHALTEKE HORSE AND TURKMEN CULTURE	128
A. KOLESNIKOV (RUSSIA)	
THE TURKMEN AGRAMAK ON MATERIALS OF RUSSIAN TRAVELLERS AND THE RUSSIAN PERIODIC (19 TH – BEGINNING OF 20 TH)	129

N.ALEXANIANS (TURKMENISTAN) THE QUESTIONS OF A HORSE-BREEDING IN THE TRASCASPIAN REGION (BASING ON MATERIALS OF "ASHGABAT" NEWSPAPER)	131
A. HISMATULIN (RUSSIA) ON AHALTEKE HORSES BURRIED IN THE EMPEROR CEMENTRY OF HORSES IN SAINT-PETERSBURG	133
O.POLADOVA G.PIRLEKOVA (TURKMENISTAN) THE HISTORY OF TURKMEN HORSE-BREEDING IN ARCHIVAL DEPOSITORIES	135
A.A.SVIRIDOV (RUSSIA) THE HORSE FROM THE COLLECTION OF CESAREVICH (CROWN PRINCE IN TSARIST RUSSIA) NIKOLAI ALEXANDROVICH	137
S.MAMEDNUROV (TURKMENISTAN) ON THE HISTORY OF THE NATIONAL HORSE-BREEDING IN PRECASPIAN REGION	138
JEANNINE DAVIS-KIMBALL (USA) THE HORSE AND THE RIDER HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS	139
C. ANNS-BALDOCK (GREAT BRITAIN) A PROPOSAL FOR PAPER ON THE VISUAL AND WRITTEN EVIDENCE OF THE TURKIC HORSE IN 18 TH CENTURY ENGLAND	142
S.K.DURDIYEV (TURKMENISTAN) THE AHALTEKE BREED OF HORSES: THE PAST AND THE PRESENT	145
VI. HORSE IN IDEOLOGY	146
A. PARPOLA (FINLAND) HORSE AND CHARIOT IN INDO-IRANIAN AND GREEK RELIGION: COMMON HERITAGE FROM THE PONTIC-CASPIAN STEPPES	146
N.G.KRASNODEMBSKAYA (RUSSIA) A HORSE ON THE TREASURY ISLAND	151
V.S.DONGAK (RUSSIA) THE ROLE OF THE HORSE IMAGE IN TUVA PEOPLE'S ETHNIC SELF-AWARE- NESS	152

V.N. MAZURINA (RUSSIA) HEAVEN HORSES IN NEPAL	155
G. ARGENT (USA), T. LOBANOYA (RUSSIA) SACRED SPOTTED HORSES: THE SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF THE LEOPARD COAT COLOUR IN EASTERN CENTRAL ASIA FROM THE 1ST MILLENNIUM B.C. 155	
D. METZLER (GERMANY) SADDLED HORSE WITHOUT HORSEMAN - A RELIGIOUS SYMBOL OF PARTHIAN TIME (ABBREVIATED VERSION)	159
G.N. HANMURADOV, M. BEKNAZAROVA (TURKMENISTAN) TURKMENS CULT OF HORSE	163
VII. HORSE IN CULTURE	164
O. TSEPOVA (RUSSIA) THE IMAGE OF HORSE AND OF AN EQUESTRIAN IN THE TERRACOTTA OF ANCIENT BACTRIA	165
E. F. KOROLKOVA (RUSSIA) THE FAVOURITE HORSE OF NAPOLEON AND THE PICTURE OF K. VERNE FROM THE COLLECTION OF HERMITAGE	167
S.N. KIBIROVA (RUSSIA) DANCING HORSES FROM EASTERN TURKESTAN	169
K. S. RUBINSON (USA) THE HORSE AND THE RIDER: HORSE-BREEDING AND CAVALRY IN POLITOGENESIS	170
G.G. AGAYEVA (TURKMENISTAN) CINEMA LIFE OF AHALTEKE HORSES	171
O.M. CHUNAKOVA (RUSSIA) THE HORSE IMAGE IN THE MIDDLE PERSIAN (PAHLAVI) LITERATURE	172
A. KOLESNIKOV (RUSSIA) IMAGES OF RIDER AND HORSE IN SASANIAN GLYPTICS AND NUMISMATICS	174
V.A. MESHKERIS (RUSSIA) ERKALA RIDER-MUSICIAN AND ARCHAEOLOGICAL PARALLELS	176
V.A. SVOBODOV (RUSSIA) THE ORIGIN OF STRINGED MUSICAL INSTRUMENTS	178

V. A. SEMYONOV (RUSSIA) WINGED HORSE IN ART AND MYTHOLOGY OF THE EARLY NOMADS OF CENTRAL ASIA	181
G. ISMAILZADE (AZERBAIJAN) THE ROLE OF A HORSE AND RIDER IN AZERBAIJAN	183
A. FEIZULLAYEVA (AZERBAIJAN) IMAGE OF HORSE IN TURKIC WORLD EPOS	183
N. ISMAILZADE (AZERBAIJAN) HORSE AND HORSEMAN IN THE POETRY OF NIZAM HIKMET	186
T. DOSTIYEV (AZERBAIJAN) THE STONE HORSE SCULPTURES IN AZERBAIJAN	187
V. GASANOVA (AZERBAIJAN) THE HORSE NAME IN TURK LANGUAGES	189
M. GASYMLY (AZERBAIJAN) THE IMAGE OF A HORSE IN AZERI LITERATURE	190
M. B. DURDIYEV (TURKMENISTAN) HORSE PORTRAYALS IN MEMORIAL-CULT BUILDING OF TURKMENISTAN AND THE EXPERIENCE OF THEIR INTERPRETATION	192
M. P. ATAYEV (TURKMENISTAN) A. MUKHAMMEDOV (TURKMENISTAN) THE IMAGE OF AHALTEKE HORSE IN TURKMEN LITERATURE	195
A. SARYYEV (TURKMENISTAN) THE IMAGE OF THE HORSE IN "GOROGLY" EPOS	196
H. GOCHMURADOV (TURKMENISTAN) THE HORSE IMAGE IN THE TURKMEN CLASSICAL LITERATURE	198
Ye. N. YERSHOVA, A. MUKHAMMEDOV (TURKMENISTAN) LINGUA-CULTURAL ANALYSIS OF SEMANTIC AREAS WITH "AT" – "HORSE" DOMINATION IN THE TURKMEN AND RUSSIAN LANGUAGES	200
YA. GARAYEV (TURKMENISTAN) NAMES OF AHALTEKE HORSES	202
B. A. MURADOV (TURKMENISTAN) THE IMAGE OF HORSE IN TURKMEN FOLK-LORE (ON THE EXAMPLE OF TURKMEN SONGS)	202

O.ORAZOVA (TURKMENISATAN, TSU) TURKIZMS, SIGNIFYING HORSE BREEDINGS AND CASTS (ON MATERIAL OF FICTION ABOUT TURKMENISTAN)	204
B.A.ATAYEV (TURKMENISTAN) TURKMEN HORSES IN THE FINE ARTS	206
R. GURBANNAZAROV (TURKMENISTAN) HORSE IN TURKMEN FOLK-LORE	207
J. JUMALYYEVA (TURKMENISTAN) TURKMEN HORSES AND TURKMEN HERITAGE	208
G.GURBANOVA (TURKMENISTAN) WORDS ABOUT A HORSE	209
M.KURBANOVA (TURKMENISTAN) THE TURKMEN HORSE ADORNMENTS	210
P. HOFFMEISTER (GERMANY) HORSES ON TURKMEN TEXTILES	210
N.N.ABUBAKIROVA (RUSSIA) THE HORSE IMAGE IN TURKMEN TRADITIONAL MUSIC	214
M.KILUNOVSKAYA (RUSSIA) THE BRIDE'S KIDNAPPING AND HORSE'S STEALING - PLOTS OF AN ROCKS' ART IN TUVA AND SOUTH SYBERIA	216
K.ALIYEVA (AZERBAIJAN) TO THE ORIGIN OF HORSES AND RIDERS IN THE ART OF AZERBAIJAN	218
A. A. AMBARTSUMIAN (RUSSIA) HORSE IN AVESTA AND PAHLAVI LITERATURE	219
A.OSMANOVA (TURKMENISTAN) THE HORSE AND LITERARY HERITAGE	221
M.SOYEGOV (TURKMENISTAN) TURKMEN PROVERBS AND SAYINGS CONTAINING WORD "AT" ("HORSE")	223
Sh.GURBANOVA (TURKMENISTAN) THE HORSES ARE TURKMEN SPIRITUAL TREASURE	224
A.BALTAEV, G. ESENOWA (TURKMENISTAN) IMAGE OF HORSE IN TURKMEN MUSIC ART	224
G.KIYASOVA (TURKMENISTAN) HORSE IN A HORSE-CLOTH	226